

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ
ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

ШАГИ

/STEPS

Т.9. №2 2023

Журнал Школы актуальных гуманитарных исследований

Основан в мае 2015 г.

Издается четыре раза в год

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ

Москва
2023

ШАГИ
ШКОЛА АКТУАЛЬНЫХ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY
OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION
INSTITUTE FOR SOCIAL SCIENCES

SHAGI

/STEPS

Vol. 9. No. 2 2023

The Journal of the School of Advanced Studies in the Humanities

Established in May 2015

Issued quarterly

PRESIDENTIAL
ACADEMY

Moscow
2023

ШАГИ
ШКОЛА АКТУАЛЬНЫХ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

Главный редактор

С. Ю. Неклюдов — д-р филол. наук, Российский государственный гуманитарный университет, Россия; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия

Редакция (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия)

М. В. Ахметова — канд. филол. наук, зам. главного редактора

М. В. Гаврилова — канд. филол. наук, ответственный секретарь

Н. П. Гринцер — д-р филол. наук, куратор направления «Античная культура»

И. В. Ершова — д-р филол. наук, куратор направления «Историко-литературные исследования»

И. А. Женин — канд. ист. наук, куратор направления «История»

М. С. Неклюдова — PhD, куратор направления «Культурология»

Н. В. Петров — канд. филол. наук, куратор направления «Теоретическая фольклористика»

Д. А. Худяков — канд. филол. наук, куратор направления «Востоковедение. Сравнительно-историческое языкознание»

Редакционная коллегия

Х. Баран — PhD, Университет Олбани, США

Н. Б. Вахтин — д-р филол. наук, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия

Л. М. Ермакова — д-р филол. наук, Университет иностранных языков города Кобе, Япония

А. Л. Зорин — д-р филол. наук, Оксфордский университет, Великобритания; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия

С. Э. Зуев — канд. искусствоведения, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия

С. А. Иванов — д-р ист. наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия

К. Келли — PhD, Оксфордский университет, Великобритания

А. А. Кибрик — д-р филол. наук, Институт языкознания РАН, Россия

А. С. Корндорф — д-р искусствоведения, Государственный институт искусствознания, Россия

М. А. Кронгауз — д-р филол. наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия

С. Ловелл — PhD, Лондонский университет, Кингс Колледж, Великобритания

А. В. Майоров — д-р ист. наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

- В. А. Мау* — д-р эконом. наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия
- А. Б. Мороз* — д-р филол. наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия
- С. Ю. Павлова* — д-р филол. наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия
- Ю. Л. Слёзкин* — PhD, Калифорнийский университет в Беркли, США
- В. Ф. Спиридонов* — д-р психол. наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия
- К. А. Учитель* — д-р искусствоведения, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия
- А. А. Фаустов* — д-р филол. наук, Воронежский государственный университет, Россия
- О. Б. Христофорова* — д-р филол. наук, Российский государственный гуманитарный университет, Россия
- Т. В. Черниговская* — д-р филол. наук, д-р биол. наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
- А. Шёнле* — PhD, Лондонский университет королевы Марии, Великобритания

Приглашенный редактор: *О. В. Ауров*

Научный редактор: *М. В. Ахметова*

Редактор английского текста: *Х. Баран*

Корректор: *Н. В. Сайкина*

Верстка, дизайн: *В. Ф. Лурье*

Веб-сайт: <http://shagi.ranepa.ru/steps>

E-mail: shagisteps-ion@ranepa.ru

Адрес редакции: Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, корп. 9, ауд. 2409

Тел.: +7 (499) 956-96-47

Журнал включен в следующие базы данных и электронные библиотечные системы: Scopus, Научная электронная библиотека (Elibrary.ru), ИИНЦ, Ulrich's Periodicals Directory, Cyberleninka, ЭБС «Лань».

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора.

© Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

© Авторы

ISSN 2412–9410 (print)
ISSN 2782–1765 (online)
Shagi / Steps. Vol. 9. No. 2. 2023

Editor-in-Chief

Sergei Yu. Nekliudov — Dr. Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Russia; The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia

Editorial Team (The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia)

Maria V. Akhmetova — Cand. Sci. (Philology), Deputy Editor-in-Chief

Irina V. Ershova — Dr. Sci. (Philology), Responsible for Historical-Literary Section

Maria V. Gavrilova — Cand. Sci. (Philology), Secretary

Nikolai P. Grintser — Dr. Sci. (Philology), Responsible for Classical Studies Section

Dmitry A. Khudiakov — Cand. Sci. (Philology), Responsible for Oriental Studies and Comparative Linguistic Section

Maria S. Neklyudova — PhD, Responsible for Cultural Studies Section

Nikita V. Petrov — Cand. Sci. (Philology), Responsible for Theoretical Folklore Studies Section

Ilya A. Zhenin — Cand. Sci. (History), Responsible for Historical Section

Editorial Board

Henryk Baran — PhD, University at Albany, State University of New York, USA
Tatiana V. Chernigovskaya — Dr. Sci. (Philology, Biology), Saint Petersburg State University, Russia

Liudmila M. Ermakova — Dr. Sci. (Philology), Kobe City University of Foreign Studies, Japan

Andrei A. Faustov — Dr. Sci. (Philology), Voronezh State University, Russia

Sergei A. Ivanov — Dr. Sci. (History), National Research University Higher School of Economy, Russia

Catriona Kelly — PhD, University of Oxford, Great Britain

Andrei A. Kibrik — Dr. Sci. (Philology), The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Russia

Olga B. Khristoforova — Dr. Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Russia

Anna S. Korndorf — Dr. Sci. (Art Studies), State Institute for Art Studies, Russia

Maxim A. Krongauz — Dr. Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economy, Russia

Stephen Lovell — PhD, University of London, King's College, Great Britain

Alexander V. Maiorov — Dr. Sci. (History), Saint Petersburg State University, Russia

Vladimir A. Mau — Dr. Sci. (Economy), The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia

Andrey B. Moroz — Dr. Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economy, Russia
Svetlana Yu. Pavlova — Dr. Sci. (Philology), Saratov State University, Russia
Andreas Schönle — PhD, Queen Mary University of London, Great Britain
Yuri Slezkine — PhD, The University of California, Berkeley, USA
Vladimir F. Spiridonov — Dr. Sci. (Psychology), The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia
Konstantin A. Uchitel — Dr. Sci. (Art Studies), European University at St. Petersburg, Russia
Nikolai B. Vakhtin — Dr. Sci. (Philology), European University at St. Petersburg, Russia
Andrei L. Zorin — Dr. Sci. (Philology), University of Oxford, Great Britain; The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia
Sergei E. Zuev — Cand. Sci. (Art Studies), The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia

Guest Editor: *Oleg V. Aurov*
Academic Editor: *Maria V. Akhmetova*
English Language Editor: *Henryk Baran*
Copy Editor: *Natalia V. Saikina*
Layout Editor, Designer: *Vadim F. Lurie*

Website: <http://shagi.ranepa.ru/steps>
E-mail: shagisteps-ion@ranepa.ru
Postal address: Russia, 119571, Moscow, Prospekt Vernadskogo, 82, Corpus 9, Room 2409
Tel.: +7 (499) 956 96-47

The journal is indexed in Scopus, Russian Science Citation Index, Elibrary.ru, Ulrich's Periodicals Directory, Cyberleninka, E.lanbook.com.

All articles published in the journal have been peer-reviewed.

© The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

© Authors

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ.....	9
------------------	---

СТАТЬИ

Города античной и средневековой Европы: модели возникновения и развития

L. A. GARCÍA MORENO. Continuity, transformation and extinction of the <i>curiae</i> in Spain from the 4 th to the 9 th centuries.....	12
J. GÓMEZ DE CASO ZURIAGA. The medieval Muslim interpretation of a Roman municipium: The Vision of Mārida (Mérida) in the work of al-Idrīsī and al-Himyārī	25
А. С. ЩАВЕЛЕВ. Древнерусские города Восточно-Европейской равнины X в. по данным письменных источников (к обновлению перспективы исследований).....	33

Интеллектуалы и власть в политической истории Европы

И. М. Никольский. Драконций как пропагандист и историк: дидактический смысл римской истории в «Хвале Господу»	57
Н. А. Федонников. Представления Хинкмара Реймского о королевском окружении	68
А. В. Гусакова. На страже прошлого: жития местночтимых святых в контексте англо-валлийского противостояния конца XI — XII в.	88
С. Г. МЕРЕМИНСКИЙ. Гальфрид Монмутский и бретонская аристократия в Англии XII в.: социально-политические контексты «Деяний бриттов».....	104
К. Д. Дзюбинская. Приветственные речи шотландцев во время великого путешествия Якова I Стюарта в Эдинбург в 1617 г.	123
Е. Д. БРАУН. История или политика? Представления о Войнах Роз в Великобритании XVII–XVIII вв.	148
Н. П. Танышина. Франсуа Гизо vs Наполеон Бонапарт: два «героя» национальной истории	171
О. В. Ауров. Александр Рафаилович Корсунский: фронтовой опыт историка-медиевиста	187

ПЕРЕВОДЫ

О. В. Ауров. Альфонсо X Мудрый. Трактат о рыцарстве: «О рыцарях и о том, что им надлежит делать» (Partid. II.21)	213
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

А. Е. Барышников. Воля Империи, сила обстоятельств? Новая книга о Каллеве атребатов и проблемы римско-британского урбанизма	243
С. А. Воронцов. Тени обретенной традиции: постсоборный взгляд на отношения епископов Рима и Испании в I тысячелетии	257
И. М. Никольский. Испанской юности честное зеркало: об одном недооцененном трактате Исидора Севильского и его переводе на русский язык	263
Н. К. Киселева. Альфонсо X и его «История Испании»: перевод и издание памятника средневековой историографии	269

CONTENTS

EDITORIAL NOTE	9
----------------------	---

ARTICLES

Cities of ancient and medieval Europe: models of their appearance and development

L. A. GARCÍA MORENO. Continuity, transformation and extinction of the <i>curiae</i> in Spain from the 4 th to the 9 th centuries.....	12
J. GÓMEZ DE CASO ZURIAGA. The medieval Muslim interpretation of a Roman municipium: The Vision of Mārida (Mérida) in the work of al-Idrīsī and al-Ḥimyarī	25
A. S. SHCHAVELEV. Old Russian cities of the East European Plain in the 10 th century according to written sources (updating the perspective for research)	33

Intellectuals and power in European political history

I. M. NIKOLSKY. Dracontius as propagandist and historian: Didactic meaning of Roman history in <i>De Laudibus Dei</i>	57
N. A. FEDONNIKOV. Royal counselors and nobles in Hincmar of Reims's political concept	68
A. V. GUSAKOVA. On guard of the past: The <i>Lives</i> of locally venerated saints in the context of the Anglo-Welsh confrontation at the end of the 11 th — 12 th century.....	88
S. G. MEREMINSKIY. Geoffrey of Monmouth and Breton aristocracy in 12 th century England: Social and political contexts of “On the deeds of the Britons”.....	104
K. D. DZYUBINSKAYA. Welcoming speeches of Scottish subjects during the great progress of King James I Stuart to Edinburgh in 1617.....	123
E. D. BRAUN. History or politics? Ideas about the Wars of the Roses in 17 th –18 th -century Britain	148
N. P. TANSHINA. François Guizot vs Napoleon Bonaparte: Two “heroes” of national history	171
O. V. AUROV. Alexander R. Korsunsky: The combat experience of a medievalist	187

TRANSLATIONS

O. V. AUROV. Alfonso X the Wise. Treatise on chivalry: <i>De los caualleros e de las cosas que les conuiene de fazer</i> (Partid. II.21).....	213
---	-----

BOOK REVIEWS

A. E. BARYSHNIKOV. Imperial will or force of circumstances? A new book about Calleva Atrebatum and issues of Romano-British urbanism	243
S. A. VORONTSOV. Shadows of rediscovered tradition: Postconciliar perspective on relations between the bishops of Rome and Spain in the First millennium.....	257
I. M. NIKOLSKY. An honorable mirror for the youth of Spain: About an underappreciated treatise by Isidore of Seville and its translation into Russian.....	263
N. K. KISELYOVA. Alfonso X and his “History of Spain”: Translation and publication of a monument of medieval historiography	269

ОТ РЕДАКЦИИ

Этот выпуск журнала «Шаги / Steps» посвящен двум очень разным сюжетам, которые, тем не менее, в самом широком смысле объединяет связь с глобальной историей как историей людей и их культуры. По известному выражению М. Блока, настоящий историк «подобен сказочному людоеду: где пахнет человечиною, там, он знает, его ждет добыча» [Блок 1973: 18]. Первая рубрика посвящена истории города не только как типа поселений, социума и связанных с ним форм организации власти, но и как особого взгляда на мир с высоты городских стен. Вторая — вечной проблематике, связанной с взаимоотношениями интеллектуалов и власти, инспирированной известной работой М. Фуко, но изученной с акцентом на конкретные судьбы конкретных людей, в которых общие тенденции отражаются так же, как море отражается в капле морской воды. Что же касается рецензий, помещенных в отдельном разделе, то тематика рассмотренных в них публикаций так или иначе соотносится с проблематикой обеих рубрик.

Основу первой рубрики составили материалы одноименного международного коллоквиума «Города античной и средневековой Европы: модели возникновения и развития», подготовленного и проведенного Школой актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук РАНХиГС 29 ноября — 1 декабря 2018 г. Основная концептуальная идея, положенная в основу его программы, соблюдена и в этой журнальной публикации: показать городскую историю Европы как единый процесс, вместе с тем отличающийся выраженным многообразием моделей и форм. Первые два исследования, представленные в этой рубрике и принадлежащие известным испанским историкам **Л. А. Гарсия Морено** и **Х. Гомесу де Каса Суриага**, посвящены вечной теме континуитета/дисконтинуитета применительно к роли римского наследия в становлении и развитии европейской урбанистики и администрации. При всем различии тематик оба автора наглядно показывают, в какой мере римское прошлое определяет урбанистические процессы не только христианской, но и мусульманской средневековой Европы. Предмет статьи **А. С. Щавелева** — городская топонимия Древней Руси, а именно ойконимы, связанные с народом русь X в., в арабской, византийской, древнерусской и древнескандинавской письменных традициях. Шаг за шагом автор показывает, как сложилась та картина городской истории Руси, которую отразила «Повесть временных лет» и которая берется за основу исследователями, как правило, без учета ее сложной предыстории.

Все материалы, помещенные в этой рубрике, посвящены сюжетам, относительно мало изученным в отечественной науке. Тем более значима их публикация в журнале.

Статьи второй рубрики написаны главным образом на основе докладов, сделанных на одноименной научной конференции «Интеллектуалы и власть в политической истории Европы», состоявшейся 14 декабря 2020 г. Как и эта конференция, статьи выполнены в рамках государственного задания на средства гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования

Российской Федерации на развитие научного центра мирового уровня (номер соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-326).

В целом, все публикации рубрики посвящены проблеме взаимоотношений интеллектуалов и власти, изученной в самых разных возможных контекстах — от исторического опыта «хождения» во власть и активной общественной деятельности профессиональных историков и литераторов (статья **Н. П. Таньшиной**) до оценки их роли в формировании образа властных структур и лиц, их олицетворяющих, применительно к разным историческим эпохам и культурным средам (работы **И. М. Никольского**, **Н. А. Федонникова**, **С. Г. Мереминского**, **А. В. Гусаковой**, **К. Д. Дзюбинской**, **Е. Д. Браун**). В первом случае особенно важна и интересна степень влияния экспертного знания и связанных с ним политических представлений на результаты политической деятельности «системных интеллектуалов», во втором — формы и методы влияния профессиональных историков (и исторических образов, приносимых ими в официальную пропаганду) на общественное мнение, а также роль последнего в определении властных стратегий. И уж точно знакомство с материалами этого раздела не оставляет камня на камне от представлений о том, что политическая пропаганда — это явление, возникшее не ранее завершающего периода истории Нового времени.

В ряду перечисленных исследований выделю прежде всего статью **Н. П. Таньшиной**, посвященную Франсуа Гизо, французскому историку и политику, вершина карьеры которого пришлась на годы Июльской монархии. Мы видим процесс формирования и эволюции взглядов знаменитого ученого, а главное — их соотнесение с его политическими идеалами во всем многообразии их соответствий/несоответствий. Что же касается работ второй тематической группы, то здесь следует обратить внимание на статьи **И. М. Никольского** о позднеримском поэте Драконции и **Н. А. Федонникова** о видном церковном и политическом деятеле своего времени Хинкмаре Реймском, влияние которого на реальные политические процессы было особенно велико в правление сына Карла Великого, Людовика Благочестивого (814–840). Статья молодой исследовательницы **А. В. Гусаковой** посвящена роли культов местночтимых святых в контексте англо-валлийского противостояния после нормандского завоевания Англии (1066 г.). Наконец, молодая исследовательница **К. Д. Дзюбинская** и признанный специалист **Е. Д. Браун** посвятили свои исследования Англии Тюдоров и Стюартов, времени глубоких перемен в истории острова, самым непосредственным образом отразившихся в историко-политическом дискурсе — важном факторе внутреннего политического противостояния.

Несколько в стороне от тематики рассмотренных исследований находится содержание статьи **О. В. Аутова**, посвященной анализу фронтового опыта историка-медиевиста. Однако в широком смысле эта работа затрагивает ту же вечную проблему отношений историка и его времени (в том числе применительно к военно-политическим аспектам истории его эпохи). Влияние жизненного, культурного и политического опыта историка на его концептуальные представления заставляет рассматривать процесс формирования и эволюции взглядов ученого в самом широком контексте, выводит его за пределы узко

профессиональной сферы, что кажется весьма плодотворным не только в историческом, но и в социологическом аспекте.

При всех различиях исследовательских подходов статьи, представленные во второй рубрике, объединяет внимание к биографиям конкретных людей — сюжету, вероятно, наиболее интересному из всех, существующих в исторической науке с момента ее возникновения. Хочется надеяться, что это ощущение разделят и те, кто ознакомится с материалами рубрики.

В разделе «Переводы» представлен выполненный **О. В. Ауровым** комментированный перевод рыцарского трактата, написанного королем Кастилии и Леона Альфонсо X Мудрым (1252–1284). Этот текст не только определяет черты идеального облика средневекового рыцаря, но и регламентирует отношения представителей этого сословия с королевской властью.

Литература

Блок 1973 — Блок М. Апология истории, или Мастерство историка / Пер. Е. М. Лысенко. М.: Наука, 1973.

References

Bloch, M. (1949). *Apologie pour l'histoire of Métier d'historien*. Armand Colin. (In French).

L. A. García Moreno

OCRID: 0000-0002-4314-4624

✉ luis.garcia@uah.es

Королевская Академия истории (Испания, Мадрид)

CONTINUITY, TRANSFORMATION AND EXTINCTION OF THE *CURIAE* IN SPAIN FROM THE 4TH TO THE 9TH CENTURIES

Аннотация. Статья посвящена проблеме исторических судеб института курий и связанных с ними учреждений, существовавших в свободных общинах-муниципиях в эпоху Римской империи. Принято считать, что в бывших испанских провинциях муниципальные институты (в том числе институт куриалов) исчезли не позднее середины VII в. и что их судьба соответствовала общим тенденциям гибели и падения римских учреждений. В противовес этой точке зрения предлагается иной взгляд на одну из классических проблем антиковедения, основанный на испанских источниках IV–IX вв. (в том числе арабо-испанского происхождения). Их данные указывают на сохранение в Кордове и Севилье в VIII–IX вв., в период после мусульманского завоевания, как влиятельных местных олигархий (включавших испано-римские семьи, стоявшие во главе городов в эпоху Толедского королевства), так и связанных с ними городских советов. Информация о сохранении и трансформации курий, состав которых сузился до преемников позднеримских *principales*, происходит из испано-арабских источников и ряда других городов Андалусии. Применительно к центральным и северным областям полуострова того же периода особое внимание обращено на роль епископов как преемников традиции римских магистратов, а также на институт *comes civitates*, генетическая связь которых с городским управлением прослеживается с V–VI вв. и сохраняется до конца раннего Средневековья.

Ключевые слова: римский муниципий, курия, куриалы, *principales*, *comes civitatis*, власть епископа, поздняя Римская империя, Толедское королевство вестготов, аль-Андалус, континуитет/дисконтинуитет римской традиции

Для цитирования: *García Moreno L. A. Continuity, transformation and extinction of the curiae in Spain from the 4th to the 9th centuries // Шаги/Steps. Т. 9. № 2. 2023. С. 12–24. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-2-12-24>.*

Статья поступила в редакцию 4 декабря 2022 г.

Принято к печати 11 января 2023 г.

L. A. García Moreno

ORCID: 0000-0002-4314-4624

✉ luis.garcia@uah.es

Royal Academy of History (Spain, Madrid)

CONTINUITY, TRANSFORMATION AND EXTINCTION OF THE *CURIAE* IN SPAIN FROM THE 4TH TO THE 9TH CENTURIES

Abstract. The article deals with the historical destiny of the *curiae* and other institutions connected with them in the system of Roman free cities-*municipia*. The common opinion of experts (C. Sánchez Albornoz, M. I. Rostovtzeff, A. H. M. Jones and some others) is that Roman municipal institutions (including the *curiales*) disappeared in the former Roman Hispanic provinces no later than the middle of the 7th century. In contrast to this opinion, the article suggests another view of one of the classical problems of Roman studies, based on Hispanic primary sources from the 4th–9th centuries (including those of Arab-Hispanic origin). Information found in these sources points to the preservation of influential local oligarchies (including the Hispanic families of Roman origin which governed their cities in the epoch of the Visigothic Kingdom of Toledo) in Córdoba and Seville in the period following the Moslem invasion; at the same time, we see the influence of urban councils (*senatus* or *curiae* of the Latin texts), consisting of representatives of these families in the same cities. The fact of continuity and transformation of the *curiae* (consisting of successors of the Late Roman *principales*) is confirmed in the case of other cities and urban centers of Andalucia. The central and northern regions of Iberian Peninsula demonstrate the same tendency. Particular attention is paid to the role of bishops as successors of the Late Roman magistrates tradition and to the *comites civitatum* as a position which was genetically connected with the Roman urban government since the period of the 5th–6th centuries and which existed until the end of the Early Middle Ages at least.

Keywords: Roman municipium, *curia*, *curiales*, *principales*, *comes civitatis*, power of the bishop, the Later Roman Empire, Visigothic kingdom of Toledo, al-Andalus, continuity / discontinuity of the Roman Tradition

To cite this article: García Moreno, L. A. (2023). Continuity, transformation and extinction of the *curiae* in Spain from the 4th to the 9th centuries. *Shagi / Steps*, 9(2), 12–24. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-2-12-24>.

Received December 4, 2022

Accepted January 11, 2023

I am going to make statements contradicting the *communis opinio* about the practical extinction of the municipal *curiae* at this time in Spain, which Claudio Sánchez Albornoz advocated [Sánchez-Albornoz 1971: 51 ff.].

Evidently, the old *ordo* of the *curiales*, a juridically defined class, had started undergoing a profound transformation as early as the fourth century; as the leading urban group it was reduced to a minority called the *principales*. Many of these would obtain a senatorial diploma freeing them from dangerous fiscal obligations and the so-called *munera sordida*. During the next two centuries this crisis was consolidated until their total extinction as a social group differentiated legally and economically. As early as 364 A. D., the imperial government delegated the collection of the so-called *capitatio-iugatio* to the *curiales*, entrusting it to officers dependent on provincial governors or vicars. And the Gothic *Liber Iudicum* no longer distinguishes between the *curiales* and the rest of the free owners (*privati*), who also have a limited ability to sell a farm only if the buyer could pay its tax¹. In those times the Spanish *curiae* would have only the bureaucratic role of recording public documents, and their members were reduced only to the *principales*. By the end of the sixth century, the officers in charge of taxation in the territory of every city were appointed by the bishop, to whom important fiscal responsibilities were entrusted. Yet it would be a mistake to ignore the strength of those municipal oligarchies and the importance of the former instances.

From Edward Gibbon to Arnold Hughes Martin Jones, through Ferdinand Lot and Mikhail Ivanovich Rostovtzeff, the decline of urban life in the West since the third century A. D., if not before, has been robustly argued. The urban crisis and ruin would have been socially materialized in the political and economic collapse of the so-called municipal oligarchies, the *ordo decurionum*. But times have changed, and more than three decades ago an opposite discourse began, perhaps with an excess of excesses.

For Vandal and Byzantine Africa J. Durlat pointed out the restriction of the traditional municipal oligarchies to the minority group of the *principales* within the *curia*, and the growing importance of ecclesiastical finances [Durlat 1985: 377–386]². Also, the latter would have been considered municipal ones to some extent, because the properties of the Church functioned as public. That explains the superior imperial vigilance and deliveries of benefits over ecclesiastical property to other people. In such a way, the usual evolution would be first the consideration of the bishop as a *principalis*, without doubt the most important one, and his establishment as the supreme civil power in the city in Justinian's times³.

This problematic should have been an important issue of the historiography on late Roman Spain long ago, although it has only been examined to a very limited degree and only by a few historians. In 1990 Leonard A. Curchin criticized the documentary evidence on urban decadence and on the municipal oligarchies, and he resumed the old⁴ and new discourse of distinguishing the *principales* from the rest of the *curiales* [Curchin 1990: 115–122].

¹ LV. V.4.19. About this law and its meaning see: [García Moreno 1970: 240].

² About the African *principales* *vid.* [Kotula 1982].

³ CJ. I.4.26. *Cf.* [Durlat 1982: 73–84]. But this process did not happen only in Byzantine Africa, it is also witnessed in Eastern France beginning in the 5th century [Anton 1986: 10 ff.].

⁴ Really this evolution had been marked by M. I. Rostovtzeff [1962: 262 (and note 19)].

As it was stated at the beginning of this paper, for the centuries of the invasions and of the Gothic Kingdom the traditional discourse of decadence was assumed from an institutionalist point of view by Sánchez Albornoz, who studied the ruin of the institutions of the Roman municipality as a reflection of the crisis and final ruin of the decurional class, and its replacement by the new nobility and the protofeudal powers of the bishop and the count. A change of position would have to come as a result of partial analyzes by the very imaginative R. Collins [1980]⁵, and by the author of this paper⁶. In some studies delivered in November 1990 and in April and September 1991 [García Moreno 1992: 440 ff.; 1994: 559 ff.], I ventured to resurrect Pérez Pujol's intuition [Pérez Pujol 1896: 283] interpreting the senators and *senatus* in Spanish texts of the sixth and seventh centuries as referring to *curiales* and *curiae*; or it would be better to say *principales* instead of *curiales*.

For this reason, it is convenient to recall some of my reflections on the maintenance of the *curia*, dominated by its powerful *principales*-senators, in the city of Córdoba from the fifth to the seventh centuries. On this subject we have data of enormous significance.

The term *senatus* draws the attention of everyone studying the Gothic Kingdom upon reading that the anonymous author of the so-called "Mozarabic Chronicle of 754" stated that the last Gothic king, Roderick, was illegitimately elected *exortante senatu*. Everything suggests that until that moment Roderick occupied the position of Duke of Bética based in Córdoba, where he had a famous palace that still was standing in Caliphate times⁷. The only other Gothic text using the term *senatus*, as a not antiquarian word, is a well-known notarial *formula*, written during the times of King Sisebut, which makes a reference to a young and noble bride belonging by lineage to the *senatus* in Córdoba⁸. Could not this senate be a council of Córdoba notables, as Pérez Pujol thought more than a hundred years ago?⁹ In this regard, the special status of Córdoba and its Roman conservatism must not be forgotten. Córdoba repeatedly rose in rebellion against the central power of Toledo, with the Roman local nobility playing as much an active role as the noble Goths settled

⁵ About Merida in the 6th century thanks to the documentation offered by the *Vitas Patrum Emeritensium*; the case of Merida is valid for other cities in those years.

⁶ In 1972, when hypothesizing a possible commercial reason in the Byzantine occupation of a part of Spain by Justinian [García Moreno 1972: 153 ff.], an idea also suggested some years before by A. R. Korsunskii [1957: 36 ff.]. My suggestion was taken up with excessive enthusiasm by other scholars [Salvador Ventura 1986], and that could now be framed within the renewal of Pirenne's former thesis like those ideas of the Anglo-Saxon and Italian school of Carthage on the existence of a Mediterranean World economic system in Justinian's times; a new argument in favor of these ideas is J. Delaine [1987: 181 ff.].

⁷ *Continuatio Hispana* 43; [García Moreno 2013: 151 ff.].

⁸ *Form. Visig.* 20; [García Moreno 2011].

⁹ [Pérez Pujol 1896: 283]; *contra*: [Sánchez Albornoz 1972: 236; Stroheker 1965: 78]. Today the various senators mentioned by Gregory of Tours in Gaul at the end of the 6th century are considered nothing more than a mixture of ancient curial families, of *clarissimi* (people of senatorial rank but without a seat in the Senate of Rome) and of *novi homines* who emerged because of their service to the new Germanic kings (some would even be of Frank origin), see: [Barnish 1988: 135 ff., 138; Gillard 1978]. However, in 5th century Italy the equalization of the municipal *decemprimi* with second rank *clarissimi* is documented [Barnish 1988: 121 note 9], while in the 6th century family alliances are recorded among the *clarissimi*, Lombards and Byzantine officials [Brown 1984: 107 ff., 194 ff.].

there in the early sixth century¹⁰. In the second half of the seventh century the town proudly proclaimed its past as an illustrious Roman colony, having the epithet of patrician engraved on gold coins from its mint [Miles 1952: 104 ff.; Pliego 2009 (1): 120, (2): 353 ff.]. This term also could allude to the importance and power of its local aristocracy, still organized according to the Roman municipal tradition.

Thus, it would not seem strange that this old and new governing body, the *senatus*, supporting its leader, Roderick, was based on the old Roman municipal traditions and collegiate institutions of the city, the *curia*. But a *curia* socially and politically renewed, for its members represented the authentic, living forces of Córdoba; denying any outsider power over the city and claiming for it full political sovereignty. A *curia*, therefore, which had more to do with an ideal imitation of the senate of Rome than with the municipal chamber of a provincial town, raised from an urban oligarchy that had fallen into disrepair and that saw how the living forces of the place were trying to escape from it in a thousand and one ways. A Córdoba *curia* that frequently would choose to be called a *senatus*.

I repeat: it was a very different *curia* from that of the Early Empire, and reduced to the *principales*. Its members late in the Late Empire had been liberated from the burdensome *onera* and, in the case of important cities, received the distinction of honorary senators. I think I have shown that, prior to proclaiming Duke Roderick as King, the *principales* of Córdoba had already established the independence of their city in the second half of the 6th century, from the Gothic Kingdom and from Byzantium as well [García Moreno 2003a: 59–99; García Moreno, Martín 2006: 63 ff.]. Moreover, the institution and the families linked to it still persisted in Emiral Córdoba in mid-9th century. The lineage of the famous cleric Saint Eulogius was one of these: his brother, a layman, took his seat on the *curia*¹¹. In the middle of the ninth century the participation of some members or relatives of the Córdoba *curia*-senate in the terrible acts of the voluntary Christian martyrs was very likely the cause of its final dissolution by the Islamic authorities.

If this happened in Córdoba, it is very difficult to imagine a different story in the case of Seville. The persistence of the *principales* in Seville and their permanence as a factual and institutional power until very late in the ninth century are documented in the internal struggles and rebellions of Seville against the Emir ‘Abd Allāh in 889¹². These developments are known thanks to the Muqtabis III of Ibn Hayyān, which transmits the narrative of the local chronicler Muhammad ibn ‘Abd Allāh al-Qurayṣī¹³. According to this story, the main protagonists in the conflict were two powerful Arab lineages. A significant role also was played by some powerful Muladian (Spaniards converted to Islam after 711 A. D.) and Mozarabic families, from which eventually the Emir tried to win support but with little success. The

¹⁰ Isid. *Hist. Goth.* 45; *Chron. Caes.* a. a. 568; Bicl. *Chron.* a. a. 572; cf. [García Moreno 2011: 279 ff.].

¹¹ [García Moreno 1999: 345 ff.] and the studies recorded in the earlier note.

¹² About these conflicts in general see [Dozy 1984: 187–204; Simonet 1897–1903: 531–537; Bosch Vilá 1984: 51–60; Marín Guzmán 2006: 379–404]. Possibly a consequence of the failure of the rebellion and the vengeance of the victors over the Mozarabs may have been the destruction and looting of the main symbol of Christian Seville, the basilica of the saints Justa and Rufina: the treasure of Torredonjimeno would be testimony of this looting (*vid. infra*).

¹³ Ibn Hayyān, *al-Muqtabis* III. Sobre Muḥammad ibn ‘Abd Allāh al-Qurayṣī see: [Sánchez Albornoz 1974: 184, note 131].

latter ones formed a council of twelve members, called “notables and patricians (*baturaqa*) of the city”¹⁴, with undoubted functions of government and representation of their community. Both the content and the name given to its members make it very likely that this also concerns the institution of the *principales*¹⁵.

According to this historical narrative, two of the main Muladian lineages of this council were the Banu Angelina and the Banu Sabaric¹⁶. The Gothic onomastics of the latter can be sufficient proof of being rooted in the political realities of the Gothic period. Yet the first one is even more revealing. The name Angelina is a *hapax* in the non-Arabic anthroponymy of that time. Curiously, it is the same as that of a noble character of the mid-seventh century, with a likely residence in the Sevillian territory. Specifically, I am speaking of Count Angelas, whose help was requested by a noble young *gardingus* in order to prevent a noble girl, Benedicta, from joining the spiritual army following Saint Fructuosus¹⁷. Of course, the name Angelas is another *unicum* in the prosopography of the Gothic Kingdom.

Very likely John, a Sevillian friend of the famous Alvar of Córdoba, was part of this surviving nobility¹⁸. In addition to his Christian name, John, he had two others, Aurelius and Flavius. Of course, if the noble Alvar, a descendant of King Witiza [Neubauer 1985; Dunlop 1954: 137–151; 1955, 211–213; García Moreno 2008: 154 ff.; 2003b: 779–788; García Moreno, Martín 2006: 108 ff.], names him with the unusual system of the Latin *tria nomina*, that indicates his deep family roots in the Sevillian aristocracy of Roman tradition and stock. It may not be convenient to identify this Aurelius John with a John bishop of Seville and president of a church council in 839¹⁹; and there is no doubt that this Sevillian man had an important literary and ecclesiastical culture, being also very interested in the growing diatribe against Islam²⁰. Probably this Aurelius Flavius John was the dedicator of one of the destroyed crosses of the Torredonjimeno treasure. In my opinion, this treasure is vivid testimony concerning the looting and destruction of the Sevillian martyrial basilica of Saint Justa and Saint Rufina, an event that occurred in those times and because of those political troubles. The ruin of the terrestrial home of the most important Sevillian *cives caelesti* meant an authentic *damnatio memoriae* for these lineages, especially for those who still remained Christians [García Moreno 2009:

¹⁴ The main testimony is in Ibn Hayyān, *al-Muqtabis* III: “Mas la matanza de Sevilla fue mayor, pues sus muladies eran más numerosos, más ricos y fuertes y mejor organizados. Tenían doce jefes, y cada uno tenía su consejo áulico y su máquina de guerra...”

¹⁵ Especially significant is its number. Unfortunately, we do not know anything about the composition of the estament of the *principales* in the Later Roman Hispanic municipalities, to the point that its very existence has been disproved [Kulikowski 2004: 43]. But its existence is attested by a notarial *formula* written in Córdoba, and used in Gothic and Islamic times [García Moreno 2003a: 70 ff.]. Probably, it seems far-fetched to think that the number of ten was also normal, as it happened in Africa and Sicily, where it is known that the *principales* were equivalent to the *decemprimi* [Jones 1964: 731]. If to these are added the *duumviri* this would total twelve members.

¹⁶ Ibn Hayyān, *al-Muqtabis* III.

¹⁷ *Vit. Fruct.* 15. See: [García Moreno 1974a].

¹⁸ *Alv. Epist.* 1–6.

¹⁹ Identification accepted with some hesitations by F. J. Simonet [1897–1903: 459, note 2], against the opinions of H. Flórez; but against such an identification, and with strong arguments [Colbert 1962: 154], and a years before by C. M. Sage [1943: 18, note 87].

²⁰ *Vid.* [García Moreno 2005: 31 ff.], where I made a mistake in identifying him with the Hispalensis bishop of 839 A. D.

305–310]. This probably would have been accompanied by the suppression of its main institution, the old *curia* of the former Romulean colony.

These two important cities — Seville, seat of the metropolitan bishop of Betica, and Córdoba, seat of the provincial duke — are not a unicum. The *curia*, reduced to its *principales* at the beginning of the eighth century, lasted as an institution of government and, mainly, of civic representation, in other towns of secondary importance, which were not even episcopal sees. Such would have been the case of the town called Qastiliya in the Arab texts, in the vicinity of current Atarfe, in the plain of Granada, as witnessed by the *amman* granted in 759 by Abd al-Rahman I to the Christian population of that locality²¹. This Islamic juridical document distinguishes “patricians, monks and princes and other Spanish Christians” in the city. This social tripartition should be understood as the local aristocracy (patricians), forming the *curia*, the clerical class (monks and princes [of the Church]), and the *plebs*.

Focusing more on the objective of the present congress, I must now recall some data demonstrating both the conservation and transformation of the ancient *curia*, and the *curia* as an instrument of administration in the 6th and 7th centuries, especially in the fundamental fiscal aspects, through its oligarchic restriction and the integration of the bishop as its head.

In the first place, it should be remembered that the *curia* kept full registry functions, although restricted only to the *principales*. Thus, it is necessary to ask whether the mentions of the *curia* in some notarial *formulae*²² of Córdoba origin are not simple mechanical reproduction of models of more remote times, as C. Sánchez Albornoz [1971: 106] has stated. In this regard, I consider the content of the *Form. Visig.*, 25, exactly vinculated to Córdoba and to full Visigothic times: *gesta. Era ill., anno illo, regno gloriosissimi domini nostri ill. regis <...> acta habita Patricia Corduba apud illum et illum principales, illum curatorem, illos magistratos <...> ex officio curiae est accepta et lecta*. Of course, there are very few common *curiales* mentioned in Gothic Spain. The only one I recall is Maximus in the current Rioja in the middle of the 6th century. But there is a similar situation in North Africa, where the institutional permanence of the *curia* has been witnessed much better, although their attributions are reduced in essence to the *principales* or *decemprimi*. This would also explain the difficulties in finding *curiales* mentioned in the *Fragmenta Gaudenziana*, one of the bases for Sánchez Albornoz’s thesis on the progressive disappearance of the Hispanic *curiae*.

Secondly, it is important to note the continuity of the *curia*, in the fifth century and the beginning of the sixth, as taking part in the fiscal process of the *annona*. The existence of *principales* as *procuratores* in charge of certain municipal works related to the management of the military *annona* is already confirmed in Spain at the end of the fourth century. The famous instructions in judicial and fiscal matters given by Theuderic the Great to Ampelius, newly created Prefect of the Spains, show the functions of the municipal *exactores* for the immediate collection of direct taxes.

²¹ The text, translated into Spanish by Simonet, in [Sánchez-Albornoz 1973: 131; 1971: 227 ff.]. Qastiliya is located in the vicinity of current Atarfe (Granade). A test of its relative importance in Roman times are the important Roman architectural and ornamental remains in Islamic times; it was also an important Visigothic military enclave in front of the Byzantine province of *Spania* [García Moreno 1985: 143 ff.].

²² *Form. Visig.* 21, 25.

Finally, we must not miss here the metaphor used in the famous *Cunctorum* homily in honor of St. Vincent — not before the seventh century! — linking the fruit delivered by the town of the martyrdom of the saint to the celestial *statio* with the fruits delivered to these state warehouses by the municipal administration: *...hec quoque huius ope muneris gratis non careret, et domesticum sanctorum municipatum in illa celi statione non perderet: habens in prorogandis accipiendisque reliquiis et ipse quod redderet*²³. This text could only be understood if these municipal fiscal functions were still being maintained.

A third aspect to highlight would be the growing importance of the bishop at the head of the traditional municipal functions, and of equal status with the new figure of the *comes civitatis*²⁴. The capacity of the bishops for the appointment of lower positions of the *curia* was made official in a law by King Reccared²⁵. Already from an earlier date we see the Hispanic bishops under Gothic domination taking on functions of municipal government, as the main economic power in the city: this is reflected in a well-known inscription in Merida from 483 A. D.²⁶ The reason for this episcopal advancement of power and government in the peninsular cities would have been the barbarian invasions and the ruin of Roman government²⁷. Undoubtedly, as in the sphere of justice, the conversion of King Reccared to Catholicism in 589 A. D. reinforced episcopal involvement in fiscal matters. The 18th canon of the Third Council of Toledo establishes that provincial synods were to be held annually in November. These gatherings would hear the complaints of the provincials against the abuses of the Treasury, represented specifically by the provincial governors, the counts of the city and the superintendent of the provincial assets of the Crown, on which the collection of the main direct tax depended²⁸. A curious document regarding fiscal matters, *Epistola de fisco Barcinonesi*, is dated 592 A. D. In it, the bishops of Tarragona, Egara, Ampurias and Gerona accept the rates of adjustment — change in the *annona*, which must be collected in kind, in a monetary estimate — proposed by the officials (*numerarii*) dependent on the Count of the Patrimony, in this respect the heir of the attributions of the former Imperial Prefecture; a proposal that affected the so-called *fiscus* of the city of Barcelona²⁹. The document states that episcopal consent to these fees was already an ancient custom, and was done by virtue of the functions of the co-government that the bishops exercised in the territories of

²³ *Form. Visig.* 21.

²⁴ About this important position in the Gothic Kingdom *vid.* [García Moreno 1974a: 9 ff.].

²⁵ LV. XII.1.2.

²⁶ Vives *Inscrip.* n. 363.

²⁷ *Cf.* [García Moreno 1991: 230 ff.], showing the early assault, at least since the Theodosian era, on the Hispanic episcopate by powerful local oligarchies, even those belonging to the Roman senatorial nobility: at least as intensely as in Gaul and northern Italy and certainly much earlier than in the rest of Italy (*vid.* [Pietri 1981: 236 ff.]).

²⁸ On the administrative context in which this canon must be understood *vid.* [García Moreno 1974a: 26 ff.]. A test of the actuality of such a fiscal ordinance is found in the acts of the church council of Baetica in 619 A.D. (*vid.* [García Moreno 1974b, notes 135, 140]).

²⁹ The text in: *Epistola de fisco Barcinonensi*. On the exact nature of the document, its content, and the late Roman origin of the officials mentioned therein, *vid.* [García Moreno 1970: 244 ff.; 1974a: 35 ff.]. The existence of this *fiscum*, which territorially encompassed the entire coastal area of present-day Catalonia, explains the political importance of Barcelona in the 5th and 6th centuries, and why Ataulfo sought refuge in it when he found himself lacking in victuals.

their sees³⁰. A well-known law of Reccared establishes that the bishops appoint the officials in charge of the administration of the direct taxes at the municipal level (*numerarii*); in fact, the bishops often confined themselves to giving their consent to a previous royal designation³¹.

At the beginning of this paper I stated that the most distinctive feature of the transformation of the late antique city is the increasing participation of the bishop in government as well as the figure of the “count of the city”³². The evolution of the first was based primarily on two pillars, one economic and the other ideological.

The first, the economic pillar, is none other than the replacement of the old evergetism of municipal notables with the practice of charity linked to ecclesiastical institutions, in particular that of the bishop. In this regard we are very well-informed with regard to the city of Mérida in the second half of the sixth century, thanks to data of the “Lives of the Holy Fathers Emeritenses”. They especially emphasize: 1) the *xenodochium*, or hospital founded and endowed by bishop Masona³³; 2) the daily distributions of food in the episcopal court; and 3) the so-called “bank of Redemptus”, founded by the aforementioned prelate, which was nothing more than the creation of a diaconia similar to those of the Roman church, to carry out charitable works benefit for needy people. These included loans at low interest, for which the diaconia was endowed with a fund in money of two thousand solids, that is, about nine kilograms of fine gold³⁴. This information should be assessed in light of the same writer’s claim that the church of Mérida was the richest in land property in the entire kingdom. And yet a great part of the liturgical objects that the intruder bishop Neposis tried to take away from that cathedral in 586 A. D. was made of silver, not of gold³⁵.

The other pillar of the bishops’ power was ideological or, rather, supernatural: their role as privileged interlocutors with the so-called *cives caelesti*, or celestial mates of each city, especially if these were famous local martyrs whose supposed burial site was kept in a basilica in the city. On this subject I will not dwell further because I have done so abundantly on other occasions³⁶.

The count of the city is a typically late-Roman institution, born of the military emergency situation of the fifth century and the military functionality of the elites of the Germanic peoples who constituted the Roman-Germanic monarchies of Western Europe. The so-called Gothic Kingdom of Toulouse in the second half of the fifth century generalized an institution disseminated by the later Carolingian Empire: it became a landmark of territorial administration in Christian Western Europe. Formerly Claudio Sánchez Albornoz saw its origin in the *iudices*, delegates of the provincial governor in the main cities, who had the title of *comes* by virtue of

³⁰ ...et a nobis, sicut consuetudo est, consensum ex territoris, quae nobis administrare consueverunt, postulastis (it is to say: *numerariis*; the marks are ours, to facilitate the understanding of the text). In Byzantine Italy the Pope managed the ancient *horrea* on which the fundamental civic *annona* depended (vid. [Durliat 1985: 146]).

³¹ LV. XII.1.2. On these municipal officials vid. [García Moreno 1974a: 43 ff.].

³² In 7th century Barcelona that duality of power had a bearing on urbanism, with the residences of the bishop and the count situated side by side: [Beltrán de Heredia 2008: 279 ff.].

³³ The active and wise archaeologists responsible for the restitution of ancient Mérida believe they have found the remains of this building [Mateos 2000: 232].

³⁴ Vit. Pat. Emert. 5.3 (9). On the diakonias of the Roman See vid. [Pietri 1976: 134 ff.].

³⁵ Vit. Pat. Emert. 5.8 (9).

³⁶ Specially, [García Moreno 2001: 90–120].

belonging to the entourage of the Gothic king, in imitation of that of the Emperor. Whatever the truth of this claim, the institution is already widespread in Leovigild's *Codex Revisu*. In the laws of that collection, preserved as *antiquae* in the later *Liber Iudicum*, the count has full and superior jurisdictional functions in the city and its territory³⁷. He also has fiscal powers³⁸. His immediate subordinates are the *vicarius*, the *iudices loci* and the *defensor civitatis*.

The importance of the bishop and the count was reflected in an almost undeniable way in the new territorial arrangement that in some cases survived over many centuries until the modern Spanish provincial division drawn up by Javier de Burgos in mid-nineteenth century. However, the former Gothic counties of the early eighth century were the basis of the “corae” in al-Andalus and of the first Carolingian counties in Narbonensis and Old Catalonia. Endowed with full military attributes, the count of the city is the hierarchical superior of army officers as the *thiufadus* and the *centenarius*. The full consolidation of the Gothic Kingdom of Toledo as a proto-feudal state in the second half of the seventh century will convert the count of the city into a key element in the political structure and public administration [García Moreno 1974a: 8–12, 42–54; 1992: 39 ff.]. But, of course, all that is another story.

Abbreviations

- Alv. *Epist.* — Paulus Alvarus Liber epistolarum (1973). In J. Gil Fernández (Ed.). *Corpus scriptorum muzarabicorum* (Vol. 1, pp. 144–270). CSIC. (In Latin).
- Bicl. *Chron.* — Iohannis Biclarnensis Chronicon (2001). In C. Cardelle de Hartmann, R. Collins (Eds.). *Victor Tunnunensis Chronicon. Cum reliquiis ex Consularibus Caesaraugustanis, et Iohannis Biclarnensis Chronicon* (pp. 124–143). Brepols. (In Latin).
- CJ — Krueger, P. (Ed.) (1877). *Corpus Iuris Civilis. Vol. 2: Codex Iustinianus*. Apud Weidmannos. (In Latin).
- Continuatio Hispana* — Crónica Mozárabe a. 754 (2018). In J. Gil (Ed.). *Chronica Hispana saeculi VIII et IX* (pp. 357–406). Brepols. (In Latin).
- Chron. Caes.* — Cardelle, C. (Ed.) (2001). *Chronicae Caesaraugustanae reliquiae*. In C. Cardelle de Hartmann (Ed.). *Victor Tunnunensis Chronicon. Cum reliquiis ex Consularibus Caesaraugustanis, et Iohannis Biclarnensis Chronicon* (pp. 115–124). Brepols. (In Latin).
- Epistola de fisco Barcinonesi* — Epistola de fisco Barcinonensi (1963). In J. Vives (Ed.). *Concilios visigóticos e hispano-romanos* (p. 54). CSIC, Instituto Enrique Flórez. (In Latin).
- Form. Visig.* — Formulae Visigothicae (1972). In J. Gil Fernández (Ed.). *Miscellanea Wisigothica* (pp. 70–113). Univ. de Sevilla. (In Latin).
- Ibn Ḥayyān, *al-Muqtabis* III — Guráieb, J. E. (1953–1954). *Al-Muqtabis de ibn Hayyan. Cuadernos de Historia de España*, 19, 155–164, 21/22, 329–344. (In Spanish).
- Isid. *Hist. Goth.* — Isidoro de Sevilla. *Historia Gothorum* = Rodríguez, C. (Ed.) (1975). *Las Historias de los Godos, Vándalos y Suevos de Isidoro de Sevilla*. Centro de Estudios e Investigación San Isidoro; Archivo Historico Diocesano; Caja de Ahorros y Monte de Piedad de León. (In Spanish, Latin).
- LV — Zeumer, K. (Ed.) (1902). *Liber Iudicum*. In *Monumenta Germaniae Historica. Legum Sectio, I. Impensis Bibliopolii Hahniani*. (In Latin).

³⁷ LV. III.4.17 and VIII.4.26 of King Leovigild.

³⁸ Like the cast of the *annona* among the soldiers stationed there (LV. IX.2.6).

- Vit. Fruct.* — Díaz y Díaz, M. C. (Ed.) (1974). *La Vida de San Fructuoso de Braga. Estudio y edición crítica*. Imp. na Empresa do Diario do Minho. (In Spanish, Latin).
- Vit. Pat. Emert.* — Maya Sánchez, A. (Ed.) (1992). *Vitas sanctorum patrum Emeretensium*. Brepols. (In Spanish, Latin).
- Vives *Inscrip.* — Vives, J. (1969). *Inscripciones cristianas de la España romana y visigoda*. CSIC. (In Spanish, Latin).

References

- Anton, H. H. (1986). Verfassungsgeschichtliche Kontinuität und Wandlungen von der Spätantike zum hohen Mittelalter: das Beispiel Trier. *Francia*, 14, 1–25. (In German).
- Barnish, S. J. B. (1988). Transformation and survival in the Western senatorial aristocracy, c. A. D. 400–700. *Papers of the British School at Rome*. 56, 120–155.
- Beltrán de Heredia, J. (2008). Barcino durante la Antigüedad Tardía. In L. O. Encisco et al. (Eds.). *Recópolis y la ciudad en época visigoda* (pp. 274–291). Museo Arqueológico Regional. (In Spanish).
- Bosch Vilá, J. (1984). *Historia de Sevilla: La Sevilla islámica 712–1248*. Universidad de Sevilla. (In Spanish).
- Brown, T. S. (1984). *Gentlemen and officers: Imperial administration and aristocratic power in Byzantine Italy, A. D. 554–800*. British School in Rome.
- Colbert, E. P. (1962). *The martyrs of Córdoba (850–859): A study of the sources* (Dissertation, Catholic Univ. of America Press, Washington).
- Collins, R. (1980). Mérida and Toledo: 550–585. In E. James (Ed.). *Visigothic Spain: New approaches* (pp. 189–219). Clarendon Press.
- Curchin, L. A. (1990). *The local magistrates of Roman Spain*. Univ. of Toronto Press.
- Delaine, J. (1987). Pigs, plebeians and potentes: Rome's economic hinterland, c. 350–600 A. D. *Papers of the British School at Rome*, 55, 157–185.
- Dozy, R. (1984). *Historia de los musulmanes de España* (Vol. 2). Turner Libros. (In Spanish).
- Dunlop, D. M. (1954). Ḥaḥṣ b. Albar — the last of the Goths? *Journal of the Royal Asiatic Society*, 86(3/4), 137–151.
- Dunlop, D. M. (1955). Sobre Ḥaḥṣ ibn Albar al-Qūṭi al-Qūṭubī. *Al-Andalus*, 20, 211–213. (In Spanish)
- Durliat, J. (1982). Les attributions civiles des évêques byzantines: L'exemple du diocèse d'Afrique (533–709). *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*, 32(2), 73–84. (In French).
- Durliat, J. (1985). Les finances municipales africaines de Constantin aux Aghlabides. In *Histoire et archéologie de l'Afrique du Nord. Actes du IIe Colloque international* (pp. 377–386). Éd. du Comité des travaux historiques et scientifiques. (In French).
- García Moreno, L. A. (1970). Algunos aspectos fiscales de la Península Ibérica en el siglo VI. *Hispania antiqua*, 1, 233–256. (In Spanish).
- García Moreno L. A. (1972). Colonias de comerciantes orientales en la Península ibérica, s. V–VII. *Habis*, 3, 127–154. (In Spanish).
- García Moreno, L. A. (1974a). Estudios sobre la organización administrativa del reino visigodo de Toledo. *Anuario de Historia del Derecho Español*, 44, 5–156. (In Spanish).
- García Moreno, L. A. (1974b). *Prosopografía del reino visigodo de Toledo*. Universidad de Salamanca. (In Spanish).
- García Moreno, L. A. (1985). Vándalos, visigodos y bizantinos en Granada, 409–711. In N. Marín Díaz (Ed.). *In memoriam: Agustín Díaz Toledo* (pp. 121–148). Universidad. (In Spanish).
- García Moreno, L. A. (1991). Elites e Iglesia hispanas en la transición del Imperio romano al reino visigodo. In J. Mª Candau et al. (Eds.). *La conversión de Roma. Cristianismo y Paganismo* (pp. 223–258). Ediciones Clásicas. (In Spanish).

- García Moreno, L. A. (1992). Los últimos tiempos del Reino visigodo. *Boletín de la Real Academia de la Historia*, 189, 425–460. (In Spanish).
- García Moreno, L. A. (1994). La Andalucía de San Isidoro. In *Actas del II Congreso de Historia de Andalucía. Córdoba, 1991. Vol. 1: Historia Antigua* (pp. 555–580). Junta de Andalucía [etc.]. (In Spanish).
- García Moreno, L. A. (1999). En las raíces de Andalucía (ss. V–X): los destinos de una aristocracia urbana. In J. González (Ed.). *El mundo mediterráneo (siglos III–VII)* (pp. 317–350). Ediciones Clásicas. (In Spanish).
- García Moreno, L. A. (2001). La Iglesia en la España visigoda y postvisigoda: obispos y santos. In J. Andrés-Gallego (Ed.). *La historia de la Iglesia en España y el mundo hispano* (pp. 90–120). Fundación Universitaria San Antonio. (In Spanish).
- García Moreno, L. A. (2003a). Una memoria indomable: aristocracia municipal romana y nobleza goda. *Quaderni Catanesi di Studi Antichi e Medievali*, 2, 59–99. (In Spanish).
- García Moreno, L. A. (2003b). El linaje witizano de Artaba(s)do. In L. Adao da Fonseca, L. C. Amaral, & Mª F. Ferreira (Eds.). *Os reinos ibéricos na Idade Média: Livro de Homenagem ao Professor Doutor Humberto Carlos Baquero Moreno* (Vol. 2, pp. 779–788). Livraria Civilização Editora. (In Spanish).
- García Moreno, L. A. (2005). Literatura antimusulmana de tradición Bizantina entre los Mozárabes. *Hispania Sacra*, 57, 7–46. (In Spanish).
- García Moreno, L. A. (2008). Prosopography, nomenclature, and royal succession in the Visigothic Kingdom of Toledo. *Journal of Late Antiquity*, 1, 142–156.
- García Moreno, L. A. (2009). El tesoro de Torredonjimeno: viejos y nuevos problemas históricos. In A. Perea Caveda (Ed.). *El tesoro visigodo de Torredonjimeno* (pp. 297–310). Ediciones Polifemo. (In Spanish).
- García Moreno, L. A. (2011). Building an ethnic identity for a new Gothic and Roman nobility: Córdoba, 615 AD. In R. W. Mathisen, & D. Shanzer (Eds.). *Romans, Barbarians, and the transformation of the Roman world: cultural interaction and the creation of identity in late antiquity* (pp. 271–281). Ashgate.
- García Moreno, L. A. (2013). *España, 702–719: La conquista musulmana*. Universidad de Sevilla. (In Spanish).
- García Moreno, L. A., & Martin, A. P. (Eds.) (2006). *Historia de Andalucía, Vol. 2: Andalucía en la Antigüedad Tardía: de Diocleciano a don Rodrigo*. Fundación José Manuel Lara. (In Spanish).
- Gillard, F. (1978). The senators of sixth century Gaul. *Speculum*, 54(4), 685–697.
- Jones, A. H. M. (1964). *The later Roman Empire 284–602. A social, economic and administrative survey* (Vol. 2). Blackwell.
- Korsunskii, A. R. (1957). K voprosu o vizantiiskikh zavoevaniakh v Ispanii VI–VII vv. [On the question of Byzantine invasions in Spain, 6th–7th centuries]. *Vizantiiskii vremennik*, 12, 31–45. (In Russian).
- Kotula, T. (1982). *Les principales d’Afrique: etude sur l’elite municipale nord-africaine au Bas-Empire romain*. Zakład Narodowy im. Ossolińskich. (In French).
- Kulikowski, M. (2004). *Late Roman Spain and its cities*. Johns Hopkins Univ. Press.
- Marín Guzmán, R. (2006). *Sociedad, política y protesta popular en la España musulmana*. Editorial Universidad de Costa Rica. (In Spanish).
- Mateos, P. (2000). El urbanismo cristiano de Mérida. In A. Ribera Lacomba, & L. Abad Casal (Ed.). *Los orígenes del Cristianismo en Valencia y su entorno* (pp. 227–234). Ajuntament de València. (In Spanish).
- Miles, G. C. (1952). *The coinage of the Visigoths of Spain: From Leovigild to Achila II*. American Numismatic Society.

- Neubauer, A. (1985). Hafs al-Qouti. *Revue des Études Juives*, 30, 65–69. (In French).
- Pérez Pujol, E. (1896). *Historia de las instituciones sociales de la España goda* (Vol. 2). Establecimiento tipográfico de F. Vives Mora. (In Spanish).
- Pietri, C. (1976). *Roma christiana: recherches sur l'Eglise de Rome, son organisation, sa politique, son idéologie, de Miltiade à Sixte III*, 311–440. Ecole française de Rome. (In French).
- Pietri, C. (1981). Aristocratie et société cléricale dans l'Italie chrétienne au temps d'Odoacre et de Théodoric. In *Mélanges de l'école française de Rome. Antiquité*, 93(1), 417–467. (In French).
- Pliego, R. (2009). *La moneda visigoda* (2 Vols.). Secretariado de Publicaciones, Universidad de Sevilla. (In Spanish).
- Rostovtzeff, M. I. (1962). *Historia social y económica del Imperio Romano* (Vol. 2). Espasa-Calpe. (In Spanish).
- Sage, C. M. (1943). *Paul Albar of Cordoba: Studies on his life and writings*. (Dissertation, Catholic Univ. of America Press, Washington).
- Salvador Ventura, F. (1986). Reflexiones sobre las causas de la intervención bizantina en la Península. In A. González Blanco (Ed.). *Los Visigodos. Historia y civilización: actas de la Semana Internacional de Estudios Visigóticos* (pp. 69–73). Universidad de Murcia. (In Spanish).
- Sánchez-Albornoz, C. (1971). Ruina y extinción del municipio romano en España e instituciones que le reemplazam. In C. Sánchez-Albornoz. *Estudios Visigodos* (pp. 9–147). Medio Evo. (In Spanish).
- Sánchez-Albornoz, C. (1973). *La España musulmana, según los autores islamitas y cristianos medievales* (Vol. 1). Espasa-Calpe. (In Spanish).
- Simonet, F. J. (1897–1903). *Historia de los mozárabes de España*. Establecimiento tipográfico de la viuda é hijos de M. Tello. (In Spanish).
- Stroheker, K. F. (1965). *Germanentum und Spätantike*. Antemis Verlag. (In German).

* * *

Информация об авторе

Луис Агустин Гарсия Морено
 доктор классической филологии
 (Университет Саламанки)
 действительный член (академик) (медаль
 36), Королевская Академия истории
 Spain, c/ del León, 21, 28014 Madrid
 Tel.: + 34 (91) 429-06-11
 ✉ luis.garcia@uah.es

Information about the author

Luis Agustín García Moreno
 Dr. in Classical Philology (University
 of Salamanca)
 Numerary (med. 36), Royal Academy
 of History
 Spain, c/ del León, 21, 28014 Madrid
 Tel.: + 34 (91) 429-06-11
 ✉ luis.garcia@uah.es

J. Gómez de Caso Zuriaga

ORCID: 0000-0001-5225-7199

✉ jaime.gomezdecaso@uah.es

Университет Алькалы (Испания, Мадрид)

THE MEDIEVAL MUSLIM INTERPRETATION OF A ROMAN MUNICIPIUM: THE VISION OF MĀRIDA (MÉRIDA) IN THE WORK OF AL-IDRĪSĪ AND AL-ḤIMYARĪ

Аннотация. Статья посвящена образу римского прошлого городов Испании, отразившегося в арабских сочинениях, созданных после мусульманского завоевания в VIII в. Познакомившись с римским историко-архитектурным наследием, эти писатели в отсутствие достоверных сведений стремились компенсировать недостаток информации легендами и фантазиями. В данном случае наиболее показательны сочинения объяснительного характера (*al-masālik wa-l-mamālik*). К ним относятся сочинения испано-арабского писателя аль-Идриси (XII в.) и персидского ученого аль-Химьяри (XV в.). Последний, никогда не бывавший в Испании (аль-Андалусе), живо интересовался этой землей и оставил весьма тщательное описание ее городов. Оба писателя отразили образ Мериды, которая являлась важным городом как в римское, так и в вестготское время. Странные интерпретации назначения отдельных зданий Мериды, унаследованных от римского времени (театр, амфитеатр, акведук, форум, триумфальные арки и др.), встречающиеся в сочинении аль-Химьяри, нередко заимствованы из книги аль-Идриси. Предлагаемая аль-Химьяри версия происхождения названия города («резиденция почтенного или благородного человека»: *mashkīn ash-sharīf*) имеет тот же источник. При этом игнорируются гораздо более обоснованные сведения, содержащиеся в сочинении аль-Рази (X в.). Главная причина некорректных интерпретаций — отсутствие у арабоязычных авторов представлений о муниципальной жизни римского времени.

Ключевые слова: римский город, муниципий, арабская географическая литература, Мериды, аль-Идриси, аль-Химьяри, аль-Рази, римское архитектурное наследие, аль-Андалус

Для цитирования: Gómez de Caso Zuriaga J. The medieval Muslim interpretation of a Roman municipium: The vision of Mārida (Mérida) in the work of al-Idrīsī and al-Ḥimyārī // Шаги/Steps. Т. 9. № 2. 2023. С. 25–32. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-2-25-32>.

Статья поступила в редакцию 4 декабря 2022 г.
Принято к печати 13 февраля 2023 г.

J. Gómez de Caso Zuriaga

ORCID: 0000-0001-5225-7199

✉ jaime.gomezdecaso@uah.es

University of Alcalá (Spain, Madrid)

THE MEDIEVAL MUSLIM INTERPRETATION OF A ROMAN MUNICIPIUM: THE VISION OF MĀRIDA (MÉRIDA) IN THE WORK OF AL-IDRĪSĪ AND AL-ĤIMYARĪ

Abstract. The article analyzes the image of the Roman past of Hispanic cities, as reflected in works created after the Moslem conquest of the 8th century. Writers who wrote in Arabic had no reliable information about Roman architectural inheritance and tried to compensate for this fact by using other sources, such as prejudices, myths, legends and fantasies. Works of the descriptive genre (*al-masālik wa-l-mamālik*) demonstrate this tendency most clearly. The books written by the Arab Hispanic author al-Idrīsī (12th century) and the Persian writer al-Ĥimyarī (15th century) belong to this genre. Al-Ĥimyarī had never been to Spain (al-Andalus) but was very interested in this country and left a very detailed description of it. Both writers reflected the image of Merida in their works. This city had great importance in Roman and Visigothic times. Strange interpretations of the functions of some Roman buildings in Merida (theater, amphitheater, aqueduct, forum, triumphal arches and others) found in the work of al-Ĥimyarī were frequently taken from al-Idrīsī. The fantastic interpretation of the origin of the name of Merida (“*residence of an honorable or noble man*”: *mashkīn ash-sharīf*) suggested by al-Ĥimyarī had the same source. At the same time, much better grounded information included in the work of al-Rāzī (written in the 10th century) was disregarded. The main cause of these incorrect interpretations was a lack of knowledge of Roman municipal life in the case of Arabic writers.

Keywords: Roman city, *municipium*, Arabic geographical literature, Merida, al-Idrīsī, al-Ĥimyarī, al-Rāzī, Roman architectural heritage, al-Andalus

To cite this article: Gómez de Caso Zuriaga, J. (2023). The medieval Muslim interpretation of a Roman municipium: The vision of Mārida (Mérida) in the work of al-Idrīsī and al-Ĥimyarī. *Shagi / Steps*, 9(2), 25–32. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-2-25-32>.

Received December 4, 2022

Accepted February 13, 2023

When the Muslims arrived in the Iberian Peninsula, they found numerous remains of ancient cities, most of them with a Roman past. We see in their texts, that a large part of these remains had already been lost two or three centuries after their arrival in the former *Hispania*. They had been destroyed, reused or simply abandoned. Nevertheless, those remains attracted the attention of the newly arrived Muslims and aroused two types of literary genres — a descriptive and an explicative one, which had clear similitudes to the *periegetic* in Classical times. In that genre, geographers and intellectuals used to depict places based on local history. But frequently, the memory of the character and significance of these towns and places had been lost, so that those monuments were frequently interpreted, either from moral or scientific prejudices, or also from myth, legend, and fantasy¹. This new descriptive literary genre is known under the generic name of *al-masālik wa-l-mamālik*. The name of the genre comes from the title of the book of its first author, ‘Abū ‘Ubayd al Bakrī (11th century), who named his work *Kitāb al-masālik wa-l-mamālik* (*The Book of Roads and Kingdoms*) [Al-Bakrī 1968]. Al-Bakrī was a man of culture and was curious about many things, but he did not pretend to compete with the great scientists and intellectuals of his time, nor with those of antiquity. He was some kind of *Pausanias Periegeta*. But there is a big difference between both authors. Pausanias mostly wrote about places he visited himself and from direct testimonies, whilst al-Bakrī and other authors of this new genre in the Arabic world described many things based on word of mouth and far references.

However, the genre was so successful that even curious intellectuals practiced it. Moreover, it was not only intellectuals and cultivated people who used it, but also men with scientific training and those who tried to be accurate, such as al-Idrīsī writing about Palermo in his famous and transcendental *Kitāb nuzhāt al-mushtāq fī-khatirāq al-‘āfaq* (*The Excursion of the One Who Yearns to Penetrate the Horizons*) [Al-Idrīsī 1968], in which he includes passages of a fantastic, legendary and unscientific character. There are many authors who wrote in this genre, making their own interpretation of the Classical town and the world of Hispania. We already mentioned al-Bakrī (11th century) and al-Idrīsī (12th century), but we should also cite al-Rushāfī, al-Qalqashandī, al-Zuhūrī, and the very important, but anonymous, work known as *Dhikr bilād al-Andalus* [Anonymous 1983].

Probably the most complete and systematic of all of all these works would be that of the Persian author al-Ḥimyarī (15th century), who never went to the Iberian Peninsula, but who was very interested in it and compiled notes about the ancient cities of *Hispania*-al-Andalus in his book *Kitāb al-rawd-al-mi‘tar fī khabar al-aqtār* (*The Book of the Fragrant Garden*) [Al-Ḥimyarī 1938]. His interpretation of Roman and ancient cities in Spain, as well as their municipal buildings, is particularly curious. In his work it becomes clear that he is was totally ignorant about the ancient Roman cities, about their administration and the function of the buildings in their social life were like: instead, he adapts to the common uses and functions of the medieval Muslim world in which he lives, and because of that offers very surprising explanations, some of them full of a fantasy from *A Thousand and one Nights*.

We have several descriptions and interpretations of Spanish cities and places in his work, all of them to the south of an imaginary line, which would unify Cadiz-Me-

¹ On this genre, briefly [Roldán Castro 1990: 25–32; Gómez de Caso Zuriaga 2017: 768–769].

rida with Saragossa-Tarragona, passing through Toledo. Over this imaginary line, the Muslim power in the previous *Hispania* was never effective, and the Muslim claim of total control of the Iberian Peninsula an exaggeration and clear propaganda.

Al-Ḥimyarī approaches his work on ancient cities up to and south of that line. Places as important as Leon or Burgos, that had great courts in medieval Spain, were dealt with in a couple of lines because they lay above that line (for example: Pamplona, the capital of an important Spanish kingdom in medieval times, is dispatched in 80 words)². He does pay special attention to Toledo³, for various reasons. Toledo was the last capital of the previous Gothic kingdom in Spain. Sacred relics from Jerusalem were assembled there, such as the Table of Solomon. And also because the Muslims, and among them al-Idrīsī and al-Ḥimyarī, following Orosius, translated into Arabic in the 10th century, thought that al-Andalus-Spain (the Iberian Peninsula) had a triangular form: that fact gave Toledo a symbolic value, for it was the point in which the bisectrix of the triangle came together, signalling the center and heart of the Iberian Peninsula [Molina 1984: 63–92; García Moreno 2013: 240–252].

But al-Ḥimyarī pays systematic attention to other ancient cities of *Hispania*, such as Cádiz (*Qādis*), Sevilla (*Ishbilīya-Tāliqa*), Valencia (*Balansīya*), Algeciras (*al-Hadra*), Córdoba (*Qūrtuba*), Mérida (*Mārida*), Málaga (*Mālaka*), Murcia (*Mursīya*) and Zaragoza (*Dār al-Baidā*)⁴.

Among those cities we will choose Mérida, as described in al-Ḥimyarī's⁵ work, in order to study the Muslim vision, interpretation and understanding of a Roman colony or *municipium*, as well as its public buildings and structures. Mérida was a Roman colony founded in year 25 B. C. by M. Vipsanius Agrippa, in the name of Augustus. It was to serve as a place to retire the veterans of the campaign against the *Cantabri* and the *Asturices* in the North of Spain. The colony was enriched by the Flavians and Ulpian, and it finally became the capital of the whole *Dioecesis Hispaniarum* in the 4th century, after Diocletian's reform of the administration in the provinces. Its development as a *municipium* was significant, and it was filled with important public buildings and monuments as well as a double *forum*, a rich theatre, and *amphitheatrum*.

Merida was also important under the Gothic Kingdom of Toledo up to the 7th century, but with the Muslim invasion in the 8th century, slowly but surely, it lost its previous relevance, due especially to its prolonged resistance to the Muslim domination [Nogales Basarrate, Alvarez Martínez 2014; Cordero Ruiz 2013]. At the time of the arrival of the Muslims, Merida had conserved the constructions left by the Roman administration, its walls, public buildings, monuments, and aqueducts, although many of them had lost their previous function. We know this because archaeologists have found spaces of the city already used for other functions in Late Antiquity. The city was also enriched by the Goths. Al-Idrīsī, in the 12th century, wrote about this Roman city, but ignored the function and meaning of its buildings and monuments, as did also al-Ḥimyarī in the 15th century, who synthesized the information about the Roman city⁶. Some of his information is taken from al-Idrīsī

² [Al-Ḥimyarī 1938: four lines in Arabic, 54: “Banbalūna”, 55–56].

³ [Al-Ḥimyarī 1938: 122: “Ṭulaiṭula”, 130–135].

⁴ [Al-Ḥimyarī 1938: Toponymes, 301].

⁵ [Al-Ḥimyarī 1938: 166: “Mārida”, 175–177 (210–213)].

⁶ [Al-Ḥimyarī 1938, 175–177 (210–213)].

himself, but also from al-Bakrī⁷ and other descriptions of Spain-al-Andalus, but not from the *Dhikr bilād al-Andalus*⁸.

For al-Ḥimyarī the etymology of the name “Mārida” came from the Latin and means “residence of an honorable or noble man”: *mashkīn ash-sharīf*⁹. Al-Ḥimyarī also takes into consideration a legend¹⁰. According to it, Merida was the capital of a queen called Mārida, daughter of king *Harsūs* (E. Lévi-Provençal suggests identifying him with Horus¹¹). The mention of Horus, following Lévi-Provençal, might be a *survival* of the importance of the city in the late-Roman world in relationship to mystery cults [Alvar 1981: 309–320]. The relationship of Merida to the mythical queen in al-Ḥimyarī is interesting, since it enables him to explain the most relevant constructions and monuments of the colony: theatre, *amphitheatrum*, *forum*, triumphal arches, etc. as parts of a medieval court, which reveals to us that the general sense and functions of the Roman municipality had been completely lost in Muslim and Arabic culture, even among cultivated people.

The notion of Merida as the capital of a fabulous kingdom might come from the notes on the city given by al-Rāzī. His original work is lost, but we know about it thanks to the anonymous *Dhikr bilād al-Andalus*, where we read that the city was founded by Octavian and progressed to becoming the capital of the whole of Spain¹². An idea without doubt that shows the importance of Merida in the provincial system of Diocletian-Constantine in the 4th century as the capital of the *Dioecesis Hispaniarum*.

In line with the medieval Muslim idea that the capital of a kingdom needs a palace of residence for the kings (*qsār*), Al-Ḥimyarī interprets the remains of the theatre and the rich and wide *peristilum* behind it as a palace. The complex channels of the *peristilum*, originally made to serve a garden, were not easy to understand if you did not know what you are dealing with. Al-Ḥimyarī interprets them as the remains of a huge kitchen (*Dār at-ṭabīkhī*)¹³. He thought that those channels served the kitchen washing, and that thanks to them the rich crockery of the palace, made of gold and silver, could be cleaned. In such a “kitchen” food would also be prepared. This fantastic explanation of an important and well known type of municipal building in the ancient Roman world is not original to al-Ḥimyarī. He takes it from al-Idrīsī¹⁴ (Dozi-De Goeje: 82ff.), who also saw it as the kitchen of the palace. It is clear that al-Ḥimyarī takes its monumental *skene* as the façade of the palace itself.

The *cavea* of the *amphitheatrum* was taken by them to have been a huge meeting hall¹⁵. Al-Ḥimyarī also informs us that water would come to the palace and to the city through a huge aqueduct, which he describes carefully. He also tells us that some of the pillars are standing and some not¹⁶. It seems that he takes this informa-

⁷ [Al-Bakrī 1982: 34 ff.].

⁸ [Anonymous 1983 (1): 52–54, (2): 67–69].

⁹ [Al-Ḥimyarī 1938: 176 (211)].

¹⁰ [Al-Ḥimyarī 1938: 166: “Mārita”, 176 (211)].

¹¹ [Al-Ḥimyarī 1938: 211].

¹² [Anonymous 1983 (1): 47, (2): 62].

¹³ [Al-Ḥimyarī 1938: 211 (commentary)].

¹⁴ [Al-Idrīsī 1968: 182 ff.].

¹⁵ [Al-Idrīsī 1968: 182, lines 8–11].

¹⁶ [Al-Ḥimyarī 1938: 166 (212)].

tion from al-Idrīsī, who also says that the number of arches is 360 (?)¹⁷. It probably was not true that so many arches were in as good a condition as al-Ḥimyarī describes them in the 15th century, since he takes this information from al-Idrīsī (12th century). Al-Ḥimyarī extensively describes how the arches worked, how the water comes to a water-tower, which delivers that water into the channels. We know for certain that the whole assemblage was ruined many years before, since the *Dhikr bilād al-Andalus* (12th century) informs us that many of the aqueduct's arcades (arches) had already fallen to the ground¹⁸ by the time of the anonymous author of the *Dhikr*, so that we may be sure that the aqueduct had been abandoned by the Muslims at the very beginning of the Middle Ages, if not in Gothic times.

Towards the South of the city, relates al-Ḥimyarī, there was a ruined tower (*manāra*). It is likely that it belonged to the constructions of the ancient port by the river, since al-Ḥimyarī says that this tower had a huge mirror and imitates the light tower of *al-Iskandariyya* built by *al-Qarnayn* (Alexander)¹⁹. Thus, we know that the port at the river was also ruined at that time, and probably was abandoned in Muslim times. Since al-Ḥimyarī does not know about the former existence of a port in the Roman Emerita, he writes that this construction was also a palace of queen *Mārīda*, who used this tower to style her hair in front of the mirror²⁰.

But al-Ḥimyarī does not describe an arch (*Qūs*)²¹ which is described by al-Idrīsī²². It appears that al-Ḥimyarī thought this a part of the aqueduct, since in al-Idrīsī's work it comes immediately after the description of the last one²³. The arch is built out of mortar and bricks, and it stands in the middle of the town. Al-Idrīsī describes the so-called Arch of Trajan. This arch was part of the *forum* of the ancient Roman city and separated the *municipal forum* from the *provincial forum*. Neither al-Idrīsī, nor any other Muslim commentator seems to recognize the function of the arch and the Roman *fora* in Mérida.

In order to complete the fantastic interpretation of the buildings of the city, either Roman or Christian, al-Ḥimyarī, following al-Idrīsī, brings to Mérida from *Ilīya* (Troy) marvelous objects which came from the pillage of *Ilīya* by king *Bukht-Nassar*; *Ishbān*, a former king of al-Andalus, also took part in pillaging the ancient city. The tradition among the Muslim authors seems to mix up the taking of Troy (*Iliou*) and the two conquests of Jerusalem²⁴. Rodríguez de Escabias (17th century) in the so-called *Manuscript from Copenhagen* writes that those relics came at first to Toledo, and later some of them were moved from Toledo to Mérida²⁵. The most wondrous object or relic taken to Mérida was the Phosphorescent Stone²⁶, but the most famous of them, which remained in Toledo, was the Table of King Solomon²⁷.

¹⁷ [Al-Idrīsī 1968: 182].

¹⁸ [Anonymous 1983 (1): 48].

¹⁹ [Al-Ḥimyarī 1938: 176 (212)]. Notice also taken from al-Idrīsī, as Lévy-Provençal also noticed: [Al-Ḥimyarī 1938: 212, note 2].

²⁰ [Al-Ḥimyarī 1938: 176–177 (212)].

²¹ [Al-Ḥimyarī 1938: 175–177 (210–213)].

²² [Al-Idrīsī 1968: 183].

²³ [Al-Idrīsī 1968: 183, lines 2–4].

²⁴ [Al-Ḥimyarī 1938: 177 (212–213)].

²⁵ [Crónica del Moro Rasis 1975: 303].

²⁶ On the Phosphorescent Stone, [Gómez de Caso Zuriaga 2018: 154–157].

²⁷ On it, also, [Gómez de Caso Zuriaga 2018: 146–151].

Some conclusions

It is very clear that the function and meaning of the public spaces of the Roman city, its way of life and its institutions are completely ignored by the historians and geographers of Muslim culture. It is not in their method to study the previous institutions and society of the cities that they want to describe.

Life in Muslim towns of the Middle Ages has no continuity with municipal life in late antiquity. Muslim writers are not even able to recognize the most common structures of a Roman *municipium*, such as triumphal and commemorative arches, theatres, *peristila*, *amphitheatra*, or *fora*. In the case of Merida, although al-Rāzī (10th century) clearly knew its origin as a Roman colony founded by Augustus, subsequent commentators, even those as important and cultivated as al-Idrīsī and al-Ḥimyarī, forgot this and mixed up the history and meaning of the city with a queen associated with a religious tradition (represented by the mention of *Horus*). This could be the result of a mix-up between the capital of Merida in Diocletian's and Constantine's time and the high Christian patronage over the city by Saint Eulalia. While there had been a continuity between the Classical, the Christian and the Gothic worlds, there was none at all between those cultural worlds and the Muslim one.

We should also state one more conclusion. In Muslim-Arabic culture in the Middle Ages, the Historical Method, developed by the Ionian Greeks in Classical times, had been quite forgotten. Even such as an important intellectual and geographer as al-Idrīsī, or even al-Ḥimyarī, tried to reconstruct the past without contrasting different sources and without studying the institutions, history and society that they were trying to describe. It had not always been like that in Muslim culture. The notes given by al-Rāzī sometimes seem to come from very different sources, study and method. But the original work of al-Rāzī has been lost and we have only some secondary and unsure versions of it in Castilian and Portuguese languages [Catalán, Soledad de Andrés Castellanos 1975].

Sources

- Al-Bakrī (Abū 'Ubayd al-Bakrī) (1968). *Kitāb al-masālik wa-l-mamālik* [The book of roads and kingdoms]. In 'Abd al-Raḥmān 'Alī al-Ḥayyī (Ed.). *Yūgrafiyyat al-Andalus wa Ūrūba min Kitāb al-masālik wa-l-mamālik*. Dār al-Isād. (In Arabic).
- Al-Bakrī (Abū 'Ubayd al-Bakrī) (1982). *Geografía de España (Kitāb al-masālik wa-l-mamālik)* (E. Vidal Beltrán, Ed.). Anubar. (In Arabic and Spanish).
- Al-Ḥimyarī (Ibn 'Abd al-Mun'im al-Ḥimyarī) (1938). *Kitāb al-rawḍ al-mi'tar fī jabar al-aqtār* [The book of the fragrant garden]. In E. Lévi-Provençal (Ed.). *La Péninsule ibérique au moyen-Age d'après le Kitāb ar-rawḍ al-mi'tar* (pp. 173-210-213). E. J. Brill. (In Arabic).
- Al-Idrīsī (Abū 'Abd Allāh Muḥammad ibn Idrīs al-Šārīf al-Idrīsī) (1968). *Kitāb nuzhat al-muštāq fī-jatirāq al-afāq* [The excursion of the one who yearns to penetrate the horizons]. In R. Dozy, & M. J. de Goeje (Eds.). *Description de l'Afrique et de l'Espagne par Edrīsī* (pp. 182-184). E. J. Brill. (In Arabic).
- Al-Zuhri (Muḥammad ibn Abū Bakr al-Zuhri) (1968). *Kitāb al-yūgrafiyya* [Book on geography]. Damascus. (In Arabic).
- Anonymous (1983). *Dikr bilād al-Andalus = Una descripción anónima de al-Andalus* (L. Molina, Ed., 2 Vols.). CSIC. (In Arabic).

Crónica del moro Rasis (1975) (D. Catalán, & M. S. de Andrés Castellanos, Eds.). Gredos. (In Romance).

References

- Alvar, J. (1981). El culto a Isis en Hispania. In J. Caro Baroja et. al. (Eds.). *La Religión romana en Hispania. Simposio organizado por el Instituto de Arqueología Rodrigo Caro del C. S. I. C., (17–19 de diciembre de 1979)* (pp. 309–320). Ministerio de Cultura, Subdirección General de Arqueología y Etnología. (In Spanish).
- Catalán, D., & Soledad de Andrés Castellanos, M. (1975). Estudio preliminar. In *Crónica del moro Rasis* (D. Catalán, & M. S. de Andrés Castellanos, Eds.) (pp. i–cx). Gredos. (In Spanish).
- Cordero Ruiz, T. (2013). *El territorio emeritense durante la Antigüedad Tardía (siglos IV–VIII): génesis y evolución del mundo rural lusitano*. CSIC. (In Spanish).
- García Moreno, L. A. (2013). *España 709–719. La conquista musulmana*. Universidad de Sevilla. (In Spanish).
- Gómez de Caso Zuriaga, J. (2017). Interpretaciones de lugares y topónimos latinos en itinerarios islámicos, particularmente en al-Idrīsī, al-Bakrī y al-Himyārī. In A. García Leal, & C. E. Prieto Entrialgo (Eds.). *Latin vulgaire = latin tardif XI* (pp. 768–780). Olms Weidmann. (In Spanish).
- Gómez de Caso Zuriaga, J. (2018). Treasures and wondrous objects in Gothic Toledo and Muslim medieval culture. *Nowele*, 71(2), 142–160.
- Molina, L. (1984). Orosio y los geógrafos hispano-musulmanes. *Al-Qantara*, 5(1-2), 63–92. (In Spanish).
- Nogales Basarrate, T., & Álvarez Martínez, J. M. (2014). Colonia Augusta Emerita. Creación de una ciudad en tiempos de Augusto. *Studia Historica: Historia Antigua*, 32, 209–247. (In Spanish).
- Roldán Castro, F. (1990). *El occidente de al-Andalus en el Ātār al-bilād de al-Qazwīnī*. Alfár. (In Spanish).

* * *

Информация об авторе

Хайме Гомес де Касо Зуриага
 доктор истории античности
 доцент, департамент истории и
 философии, Университет Алькалы
 28801 España, C/ Colegios, 2, Alcalá de
 Henares (Madrid)
 Tel.: +34 (91) 885-44-03
 ✉ jaime.gomezdecaso@uah.es

Information about the author

Jaime Gómez de Caso Zuriaga
 Dr. in Ancient History
 Titular Professor, Department of History and
 Philosophy, University of Alcalá
 28801 Spain, C/ Colegios, 2, Alcalá de
 Henares (Madrid)
 Tel.: +34 (91) 885-44-03
 ✉ jaime.gomezdecaso@uah.es

А. С. Щавелев

ORCID: 0000-0003-0997-8235

✉ alexissorel@gmail.com

Институт всеобщей истории РАН
(Россия, Москва)

ДРЕВНЕРУССКИЕ ГОРОДА ВОСТОЧНО- ЕВРОПЕЙСКОЙ РАВНИНЫ X в. ПО ДАННЫМ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ (к обновлению перспективы исследований)

Аннотация. В статье дан аналитический обзор известных, содержащих ойконимы, связанные с народом русь X в., в арабской, византийской, древнерусской и древнескандинавской письменных традициях. Критическая оценка отождествления ойконимов из разновременных известий разноязыковых традиций требует отказа от историографической инерции восприятия истории городов X в. сквозь призму нарратива «Повести временных лет» начала XII в. Если не прибегать к искусственной этимологической подгонке ойконимов разных традиций, то из 25 древнерусских летописных названий городов два или три отразились в двух договорах 911 и 930-х — первой половины 940-х годов, одно — в арабском тексте 920–950-х годов, четыре или пять — в греческом тексте 950-х годов, четыре — в более ранних скандинавских текстах и пять — в более поздних. Как минимум 10 ойконимов из арабской, греческой и скандинавской письменных традиций древнерусскому раннему летописанию неизвестны. Сопоставление списков ойконимов разных традиций позволяет предполагать, что они отразили три фазы процесса урбанизации Восточной Европы: 1) появление скандинавских эмпориев IX — первой половины X в.; 2) кристаллизация ядра политики Рюриковичей вокруг Киева первой половины X в.; 3) финал экспансии Рюриковичей конца X — середины XI в. Именно на последнем этапе сложилась та «карта» городов Руси, которую рисует «Повесть временных лет» начала XII в., поэтому проецировать ее на более ранние периоды было бы методологически неоправданно.

Ключевые слова: центры урбанизации, города, Средневековая Восточно-Европейская равнина, X век, Русь, политика Рюриковичей

Благодарности. Исследование выполнено по государственному заданию Института всеобщей истории РАН.

Для цитирования: Щавелев А. С. Древнерусские города Восточно-Европейской равнины X в. по данным письменных источников (к обновлению перспективы исследований) // Шаги/Steps. Т. 9. № 2. 2023. С. 33–56. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-2-33-56>.

*Статья поступила в редакцию 4 декабря 2022 г.
Принято к печати 15 января 2023 г.*

Shagi / Steps. Vol. 9. No. 2. 2023
Articles

A. S. Shchavelev

ORCID: 0000-0003-0997-8235

✉ alexissorel@gmail.com

*Institute of World History, Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)*

OLD RUSSIAN CITIES OF THE EAST EUROPEAN PLAIN IN THE 10TH CENTURY ACCORDING TO WRITTEN SOURCES (UPDATING THE PERSPECTIVE FOR RESEARCH)

Abstract. The article provides an analytical review of references that contain oeconyms related to the people named Rus' in the 10th century in Arabic, Byzantine, Old Russian and Old Scandinavian written traditions. Critical assessment of the identification of oeconyms from these texts in different languages and from different times requires us to reject the historiographical inertia of perceiving urban history of the 10th century through the prism of the narrative of "The Primary Chronicle" from the beginning of the 12th century. If we don't resort to the artificial etymological fitting of oikonyms from different traditions, then out of 25 Old Russian annalistic names of cities 2 or 3 names are reflected in two treaties from 911 and the 930s — first half of 940s, 1 name is reflected in an Arabic text from the 920–950s, 4 or 5 — in a Greek text from the 950s, 4 — in earlier Scandinavian texts, and 5 — in later texts. At least 10 oikonyms from the Arabic, Greek and Scandinavian writing traditions are not known to the earliest Russian Chronicles. A comparison of lists of oikonyms from different traditions allows us to suggest that they reflected three phases of the process of urbanization of Eastern Europe: the first — the appearance of Scandinavian emporia in the 9th — first half of the 10th century; the second — crystallization of the core of the Rurikid polity around Kyiv in the first half of the 10th century; the third — the final expansion of the Rurikids at the end of the 10th — middle of the 11th century. It was

during the last stage when a “map” of Rus’ cities was formed that is reflected in “The Primary Chronicle” from the beginning of the 12th century, therefore it would be unjustified methodologically to project this late “map” onto earlier periods.

Keywords: urban-centers, cities, medieval East European Plain, the 10th century, Rus’, Rurikid polity

Acknowledgements. The research was carried out on behalf of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences.

To cite this article: Shchhavelev, A. S. (2023). Old Russian cities of the East European Plain in the 10th century according to written sources (updating the perspective for research). *Shagi / Steps*, 9(2), 33–56. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-2-33-56>.

Received December 4, 2022

Accepted January 15, 2023

Для территорий Северной, Центральной и Восточной Европы (от Эльбы до Волги и от Балканского полуострова до Скандинавского) период с III по X в. был временем перманентных трансформаций, обусловленных включением этого макрорегиона в глобальные общевразийские коммуникации [Randsborg 1991; McCormic 2001]. В X–XI вв. территория этого макрорегиона окончательно вошла в византийский («греко-ромейский»), (пост)каролингский («латино-романский») и арабо-мусульманский («Дар аль-ислам») цивилизационные фрагменты евразийской мир-системы. В результате этих процессов на Восточно-Европейской равнине сложилась инфраструктура целой сети торгово-коммуникационных магистралей [Леонтьев, Носов 2012; Коновалова, Мельникова 2018], и параллельно здесь возникло сразу несколько разномасштабных политий, синоптического обзора которых пока в историографии не сделано. Процессы формирования инфраструктуры дальней торговли и политогенеза были, несомненно, связаны: это синхронные автокаталитические процессы, когда торгово-коммуникационная магистраль давала дополнительные ресурсы какой-нибудь локальной элите, а элита создавала условия для функционирования «своего» фрагмента этой магистрали. В результате формировался сегмент трассы глобального экономического оборота и создавалась зона локального политического доминирования. Любая полития неизбежно была вовлечена в глобальную трансконтинентальную мир-экономику, продуцируя при этом более или менее устойчивое локальное «поле власти». В результате конкуренции этих политий одни из них исчезали, другие расширялись за счет проигравших. В итоге «полития Рюриковичей» с центром в Киеве смогла в течение X — первой половины XI в. вырасти из локального вожества (среднемасштабной общности) в империю, контролирующую почти все местные базовые узлы экономической сети [Shchhavelev 2020].

Ключевым элементом инфраструктуры глобальной транзитной экономики и одновременно необходимой опорной точкой поля локальной власти были стационарные поселения — центры урбанизации (*urban centers*) разного масштаба и с разными социально-экономическими и культурно-политическими функциями, которые сугубо условно обозначаются нами далее как города. Мы будем обозначать обиходным словом *город* любые стационарные хоть сколько-нибудь долговременные поселения, которые либо были включены в инфраструктуру трансконтинентальной коммуникации (т. е. торгово-экономические центры — эмпории), либо были опорными генераторами полей власти местных лидеров (т. е. политические центры). Никакого терминологического смысла за данным определением не стоит. Дискуссии о критериях «настоящего города» мы считаем схоластическими, а дихотомию «город — сельская местность» — модернизирующим прошлое культурно-лингвистическим стереотипом.

По данным археологии на Восточно-Европейской равнине выявлено 96 относительно крупных поселений IX в. и 134 крупных поселений X в. [Макаров 2012: 450–453]. В IX в. в пределах территории будущей политики Рюриковичей XI в. выделяются несколько регионов урбанизации, которые еще не являются частями связанной торгово-экономической сети или консолидированной политической системы. В X в. будущий контур структуры урбанизации политики Рюриковичей XI в. проявляется в общих чертах: наступает этап мир-экономической интеграции макрорегиона, не оформленный еще какими-либо устойчивыми политическими связями. В XI–XII вв. на Руси появляется уже более тысячи укрепленных поселений [Колчин 1985: 30–31, 34–35, 412–416]: очевидны «взрывная» динамика роста плотности урбанизации и фрактальное усложнение иерархии разномасштабных и разнофункциональных поселений. Этот процесс становления новой многоуровневой поселенческой структуры совпадает со сложением в конце X — середине XI в. единой политики под контролем династии Рюриковичей и альянса элиты вокруг нее. Ризомный фрагмент мир-экономики X в. к концу этого столетия получает первую политическую оболочку, которая укрепляется к середине следующего столетия. Видимо, не случайно то, что именно вторая половина XI и начало XII в. могут рассматриваться как время формирования и распространения новой универсальной древнерусской археологической культуры, маркирующей данную зону этноязыковой и социокультурной интеграции [Макаров 2012; Платонова 2018].

Если археологические исследования поселенческой карты Восточно-Европейской равнины X в. все время продолжаются, как в плане полевых исследований, так и в плане обобщения данных, то последняя сводная историческая монография о «древнерусских городах» вышла в 1956 г. [Тихомиров 1956]. Историки и исторические географы, освещая ранний период формирования центров урбанизации в X в., по большей части ограничивались рефератами доступных им археологических исследований и попытками ретроспективного проецирования данных XI–XIII вв. или даже более позднего времени, XIV–XV вв., на X столетие. Исключение составляют лишь исследования древнескандинавских известий о ойконимах и хоронимах Восточной Европы [Глазырина, Джаксон 1987; Джаксон 2001; 2012; Jackson 2019]. Меж-

ду тем анализ имеющейся в письменных текстах историко-филологической информации о городах Восточной Европы имеет самостоятельное значение, поскольку позволяет проанализировать собственно историю ранних этапов урбанизации макрорегиона. Строго говоря, необходимы сведения и анализ исторических данных о всех городах Северной, Центральной и Восточной Европы, но это уже задача монографического уровня. В данном случае мы ограничимся только выборкой самых показательных известий и только территориями, которые были нуклеарными для политики Рюриковичей X в. — будущей Руси XI–XIII вв.

Первым значимым фактом истории городов Восточно-Европейской равнины является полное отсутствие достоверных данных синхронных письменных текстов о каких-либо крупных поселениях на ее территории в IX в. Этот «минус-факт» сам по себе аннулирует любые неоднократно тиражированные в историографии спекуляции о древних (и тем более сверхдревних) истоках древнерусских городов. Точно так же из этого «минус-факта» вполне очевидно, что Восточная Европа была в IX в. периферией евразийской мир-экономики, причем далекой и малоинтересной для ключевых ее акторов (Ромейской и Франкской империй, а также Халифата). Искать в IX в. «источки» политики Рюриковичей X–XI вв. как политической системы совершенно бесполезно, и еще менее обосновано ретроспективное проецирование исторических данных о городах X в. на предшествующее столетие. Урбанизация Восточной Европы IX в. — предмет «чистой» археологии. Лишь появление некоторых самых архаичных топонимов из скандинавской историко-географической традиции можно ретроспективно и, следовательно, очень гипотетически относить к IX в. (см. ниже).

Сведения, идентификация и локализация всех названий поселений в Восточной Европе X в. в средневековых арабо-персидских и еврейских текстах остается пока только перспективной задачей для востоковедов. В них есть практически единственный бесспорно идентифицируемый и локализуемый ойконим *Kūyāba* (*Kūyāba*), т. е. славянское название *Киев* [Strumiński 1996: 121–132], который впервые упоминается в тексте «Книги путей и государств» Абу Исхака Ибрахима ал-Фариси ал-Истахри середины X в. и в редакции этого же текста, дополненного и расширенного Абу-л-Касимом Мухаммадом ибн Хаукалем ан-Насиби, завершенной около 988 г. [Ibn Hauqal 1964 (1): ix–xvii, (2): 382, 387–388]. Сочинение ал-Истахри было написано в продолжение не сохранившейся до наших дней работы географа Абу Зайда Ахмада ибн Салха ал-Балхи, который работал в 920-е годы и умер около 934 г., поэтому можно удревнить информацию о первом упоминании Киева в арабских текстах до 920-х годов или немного ранее [Montgomery 2008: 555].

Основной источник о городах народа русь середины X в. — трактат «Об управлении империей» византийского императора Константина VII Багрянородного, написанный между 952 и 959 г. [Shchavalev 2019]. В 9-й главе трактата в рассказе о поселениях «внешней России» (ἡ ἔξω Ῥωσία) названы восемь названий семи поселений: Νεμογαρδάς, Μιλνίσκα, Τελιούτζα, Τζερνιῶγα, Βουσεγυαδέ, Κιοάβα/Κίοβα/Κίαβος со вторым названием Σαμβατάς и последний ойконим — «пактиотическая крепость» — Βιτετζέβη [DAI (1): 56, 58, 62, (2): 16–61]. Согласно принятой в историографии гипотезе, в трактате пере-

числены города вдоль пути из бассейна Балтийского моря в Черное, т. е. «пути из варяг в греки и из грек», хорошо известного по древнерусскому летописанию середины XI — начала XII в.: Новгород, Смоленск, Любеч, Чернигов, Вышгород, Киев и Витичев [DAI (2): 16–61; Sorlin 2000]. Однако, несмотря на всю психологическую убедительность данной интерпретации, следует учитывать, что в данном случае наши представления о важности торгового пути из Новгорода в Константинополь «программируют» сразу несколько совершенно произвольных отождествлений греческих и древнерусских ойконимов. Из всего списка трактата «Об управлении империей» только четыре ойконима — Τζερνιῦδα, Βουσεῦραδέ, Κιοῦβα и Βιτετζέβη — вполне надежно лингвистически отождествляются с древнерусскими городами Черниговом, Вышгородом, Киевом и Витичевом [Shchavelev 2020]. Все эти точно идентифицированные города находятся в Среднем Поднепровье. Все остальные ойконимы не имеют бесспорных аналогий в летописных названиях древнерусских городов и требуют отдельного рассмотрения.

Отождествление ойконима Νεμοῦαρδάς со славянским названием *Новъгородъ* вполне очевидно, вот только неясно, какой именно Новгород X в., «на Волхове» или «на Десне», имеется в виду. Конъектура, меняющая Νεμο- на *Νεβο и конструирующая на этой основе ойконим *Νεβοῦαρδάς = *Neva-garðr [Тохтасьев 2018: 110–121], основана на очень шатких, если не сказать фантастических допущениях. Созданная для ее обоснования теория С. Р. Тохтасьева о «смещении минускульных букв» не находит никакой опоры в греческой палеографии и методологически некорректна. Такой подход подбора «похожих» между собой по написанию букв в минускуле X в. позволяет почти произвольно подставлять вместо буквы ν самые разные буквы сходных начертаний, добываясь почти любого желаемого для «нужной» этимологии результата. История текста трактата очень простая: сначала был сделан оригинал середины 950-х годов императора Константина VII Багрянородного для его сына-наследника Романа II; затем, видимо между 1059 и 1073 г., писцом Михаилом Роизаитом для его господина кесаря Иоанна Дуки была сделана единственная копия. При такой простой истории текста и таком уровне заказчиков кодексов искажения при переписке текста крайне маловероятны [Shchavelev 2019]. Искажения ойконимов могли произойти с большей вероятностью на более ранней стадии их фиксации в источниках трактата и поэтому носили непредсказуемо-хаотический с точки зрения лингвистики и палеографии характер. Кроме того, вопреки представлению С. Р. Тохтасьева, название *Hólmgarðr*, как убедительно показала Т. Н. Джаксон (см. ниже), было изначально названием крупного города IX–X вв., который сейчас является археологическим памятником, известным как «Рюриково городище», а потом это название было закономерно перенесено в исторической памяти древних скандинавов на Новгород (см. ниже). Существование двух скандинавских названий «Рюрикова городища» *Hólmgarðr* и *Nevagarðr в одно и то же время видится невероятным.

Фиксация славянского ойконима *Новъгородъ* как *Nemogarðr предполагает скандинава-информанта, передающего по-своему славянское слово грекоязычному писцу или переводчику. Информационная цепочка выглядит так: славянский ойконим — информант-скандинав — переводчик на греческий — писец документа — автор-составитель трактата. При таком количестве звеньев иска-

жение вполне допустимо, но оно не может носить «регулярно-лингвистического характера» и не может быть «просчитано» исходя из фонетических закономерностей.

Выбор для отождествления Νεμογαρδάς-*Nemogarðr* между Новгородом на Волхове и Новгородом-Северским на Десне решается в пользу последнего, если задуматься о пределах географического кругозора византийских стратегов и о возможностях проникновения на территории Восточно-Европейской равнины их агентов. Все территории северней верховьев Днепра находятся вне кругозора автора трактата императора Константина VII, который пребывает в Константинополе. Также нужно учитывать и ограниченные возможности для распространения своей власти князей Рюриковичей, базирующихся в Киеве [Shchavelev 2020].

Новгород-Северский находится, как и все остальные надежно отождествленные города, в непосредственной близости от Киева. Сугубо географически по Десне моносилы могли попадать в Киев напрямую, а с Волхова в Днепр нужно было пройти сложную систему переходов и волоков. Кроме того, присутствие руси у народа Σεβέριοι (= летописный этникон: *сѣверь/сѣверяне*) на Левобережье Днепра 9-я глава трактата «Об управлении империей» как раз фиксирует [DAI (1): 56]. А вот контроль Рюриковичами Приильменя и Поволховья, исходя из данных синхронных источников, доказать нельзя. Согласно трактату, в городе Νεμογαρδάς «сидел» архонт Святослав Игоревич [Ibid.]. Если князь Святослав правил в Новгороде-Северском, который находился достаточно близко к степям, где обитали кочевники, то это может хорошо объяснять его явно «степной» облик (бритая голова и клок волос, возможно косичка, как признак знатности рода) в описании «Истории» Льва Диакона [Καραλῖς 2000: 364, 366]. В пользу отождествления Νεμογαρδάς с Новгородом на Волхове говорит только то, что согласно древнерусской летописной традиции середины XI — начала XII в. в нем всегда находился какой-то старший родственник киевского князя: Олег, Ольга, Владимир Святославич, Добрыня Малкович, Вышеслав и Ярослав Владимировичи (см. ниже). Стоит ли вписывать в этот ряд Святослава Игоревича, не совсем ясно, тем более что именно про его княжение в Новгороде на Волхове летописная традиция вообще ничего не сообщает.

В историографии ойконим Μιλίνισκα отождествляется с древнерусским названием города *Смоленскъ*. В данном случае крайне сложно объяснить отсутствие начального *С-* в греческой передаче: нужно предполагать фонетическое упрощение Σμ > Μ [Melin 2003a: 188; Тохтасьев 2018: 208]. Однако таких примеров крайне немного, и они откровенно маргинальны для среднегреческой словесности. Отождествление со Смоленском в целом отвечает локализации городов «внешней России» на Днепре и его притоках.

Если проанализировать сам ойконим без предвзятого обязательного отождествления со Смоленском [Shevelov 1969: 518], то вполне очевидно, что его славянский прототип может быть реконструирован. Ойконим Μιλίνισκα содержит типичный для славянских названий городов формант *-ск* resp. *-ьскъ* [Роспонд 1972: 20–24]. Славянский ойконим может быть реконструирован как **Мѣлинскъ* от продуктивной праславянской основы **mělъ*, ср. древнерусскую форму *мѣль* [Derksen 2008: 310–311]. Причем апеллатив, давший это название, может обозначать и белые мергелевые «меловые» берега, и отмель

на реке (ср. общеславянскую лексему **mělina* и древнерусское слово *мѣлина* ‘мелководье’, структурно изоморфную современным русским словам *стремнина* и *глубина*), и малость (мелкость) чего-либо — глубины воды, высоты берега и др. Ойконим **Мѣлинъскъ* может быть произведен от апеллятива *мѣлина* ‘отмель, мелководье’ с помощью форманта *-ъск* (ср. названия *Бѣльскъ*, *Смольнъскъ*, *Изборъскъ* и др.). Второй вариант условно «двухформантный»: ойконим образован с помощью присоединения к основе суффиксальной цепочки *-инъ-скъ*, точно такую же структуру имеет реальный древнерусский ойконим *Неринъскъ* [Нерознак 1983: 119–120].

Из зафиксированных топонимов с учетом искажений вокализма иноязычной ономастики в трактате «Об управлении империей» ближе всего к ойкониму *Μιλινίσκα* будет ойконим *Малинь*, который известен с XVI в. (поселение на правом берегу Днепра) [Sulimierski et al. 1885: 13–14; ИМСУР 1973: 410–411]. Название Малина вполне могло изначально звучать как **Малиньскъ*, который оптимально совпадает с греческим названием *Μιλινίσκα*. Река Ирша впадает в Тетерев, который является правым притоком Днепра, поэтому город **Малиньскъ* вполне мог поставлять моносилы в Киев.

Укрепленное поселение *Малинь* существовало в VIII–X вв. на реке Ирша и может считаться одним из центров общности древлян [Звіздецький 2010]. Заметим, что археологические данные о древнейшем Смоленске VIII–X вв. не более выразительны, чем данные о древнейших слоях городища Малин [Ершов и др. 2015; 2017]. Подчеркнем, что удачное для нас наличие исследованного поселения «нужного времени» не является решающим аргументом для локализации, поскольку значительная часть указанных в трактате «Об управлении империей» городов росов середины X в. могли быть временными эфемерными базами, которые быстро исчезли и сменились другими центрами власти и сбора дани, ставшими потом древнерусскими городами.

Пример альтернативной этимологии ойконима *Μιλινίσκα* показывает, что города росов нужно искать не сразу среди крупных эмпориев с яркой военно-торговой субкультурой (например, произвольно отождествлять с археологическим комплексом у д. Гнёздово), а пытаться сначала понять геополитическую логику списка городов «внешней России» и реконструировать все потенциально возможные праформы греческих ойконимов. Подчеркнем, что отождествления ойконима *Μιλινίσκα* с древнерусскими ойконимами **Малиньскъ* или *Смольнъскъ* — сугубо гипотетические, вариант с неидентифицированным городом с названием **Мѣлинъскъ* остается как минимум равновероятным и нам представляется самым предпочтительным.

До сих пор не предложено ни одного лингвистически-приемлемого славянского или скандинавского эквивалента для ойконима *Τελιούτζα* [Дурново 1969: 224]. Предложение же отождествлять *Τελιούτζα* с Полоцком [Козлов 2018] не находит никаких филологических оснований и само по себе странно с географической точки зрения, поскольку Полоцк стоит на Западной Двине в отдалении от Киева. По этим же соображениям вряд ли стоит отождествлять ойконим *Τελιούτζα* с древнерусским городом *Тоуровъ*, который происходит от личного имени *Тоуры/Тоуръ*, которое не могло не ассоциироваться славофонами с названием дикого быка-тура. Попытка отождествить этот ойконим с названием древнерусского города *Любечъ* на Днепре географически вполне

оправданна. Однако с точки зрения филологии она построена на серии допущений и многоступенчатых конъектур текста [Melin 2003a: 189–190; Тохтасьев 2018: 302–303].

Скорее всего, Τελιούτζα — неидентифицированное название поселения росов. Аусллаут -τζα может быть интерпретирован как славянский топонимический суффикс -ца (ср. названия древнерусских городов Гнойница, Моравица, Пересопница, Сосница, Ушица, Вороница, ср. также топонимы Хоривица, Щекавица, Хортица). Корень может быть связан с праславянскими корнями *tělō (древнерусская лексема тѣло) или *telę (древнерусская лексема тельць). Лексема в женском роде телица ‘телка, молодая корова’ практически совпадает с ойконимом и вписывается в ряд изоморфных названий древнерусских городов. По аналогии с Τζερνιῶνα, где сочетание τζ передает глухую аффрикату ч, можно предположить как праформу ойконима Τελιούτζα топоним *Телячье (ср. топонимы Берестье, Заволочье и др.) или его «патронимический» вариант *Теличи (ср. Ольжичи, Увѣтичи). Обратим внимание, что во 2-й главе трактата «Об управлении империей» подчеркивается, что росы, обитающие в Киеве, покупали у печенегов скот (Ἀγοράζουσι «...» βόας καὶ ἵππους καὶ πρόβατα... [DAI (1): 50]). Раффенштетельский таможенный устав Франкской империи 904/906 гг. фиксирует, что русь торговала лошадьми [Boretius, Krause 1897: 251]. В договоре 971 г. князя Святослава Игоревича с византийским императором Иоанном Цимисхием русь в своей клятве декларирует, верит «въ Волоса б(о)га скотья» [Carile, Sacharov 2011: 117]. Контекст позволяет считать, что здесь *скоть* либо обозначает домашнюю скотину, либо является обобщенной метафорой богатства и благосостояния, которого невозможно достичь без обладания стадами [Ibid.: lxxiii–lxxvi]. Таким образом, ойконим, связанный с апеллятивом тельць / телица, вполне ожидаем в России.

Наконец, не исключено, что название Τελιοῦτζα было произведено от древнескандинавского глагола *telja* ‘подсчитывать’ [Vries 1977: 586; Baetke 1983: 648–649], например, в основе могло быть какое-то сочетание типа «talið...», например, «talið silfr» — «посчитанное серебро» [Cleasby, Vigfusson 1874: 628]. С учетом того, что на этих территориях росы собирали дань со славян-«пактиотов», это вполне семантически подходящее название для их поселения. Идентифицированных городов росов нет на территории подчиненных им кривичей и дреговичей, следовательно, именно там и можно предположительно локализовать город Τελιοῦτζα.

В итоге из всех семи перечисленных в трактате «Об управлении империей» идентифицированных городов росов четыре — Киев, Чернигов, Вышгород и Витичев — безусловно локализуются в Среднем Поднепровье на притоках Днепра. Большинство вариантов при спорных или гипотетических идентификациях также указывают на Днепр или его притоки: Смоленск и Любеч на Днепре, Новгород-Северский на Десне и *Малин[ьскъ] на Ирше — притоке Тетерева — притоке Днепра. Таким образом, все семь городов «внешней Росии» могут быть с разной степенью уверенности размещены вокруг Киева. «Внешняя Росия» оказывается компактной территорией державы Рюриковичей с центром в Киеве, вокруг которого группируются другие поселения народа русь. Точно идентифицированные города росов достоверно располагаются на территориях общностей славян, которые названы в трактате как

«пактиоты»-данники народа русь [DAI (1): 62]. Киев находится на территории полян-лендзян, Вышгород — в непосредственной близости от него; Витичев соседит с улицами на Днестре; Чернигов граничит с территорией северян. Таким образом, продолжая этот ряд, можно полагать, что Новгород-Северский находится на окраине территории северян, а *Малиньскъ — на окраине земли древлян [Shchavlev 2020].

Как видим, схема расположения городов «внешней России» вдоль пути с Балтики в Причерноморье вполне может быть заменена не менее логичной моделью расположения центров власти росов вокруг Киева на притоках Днепра в землях славян-пактиотов. Повторим, это соответствует тому, что охват географического «взгляда» автора трактата «Об управлении империей» не заходил севернее «верховьев Днепра».

Отдельно следует рассмотреть второе название города Κιοῦβα (= *Киевъ*) — Σαμβάτας (...τὸ κάστρον τὸ Κιοῦβα τὸ ἐπονομαζόμενον Σαμβάτας... «...крепость Киева, называемая Самватас...» [DAI (1): 56, 58]). Киев-Самватас охарактеризован в трактате как «место, где собираются лодки». Именно в этом свете следует рассмотреть этимологию ойконима Σαμβάτας. В историографии высказывались самые разные этимологические версии, а наибольшую популярность получила хазарско-библейская [DAI (2): 32–33]. Однако только одна этимология полностью соответствует тому, что император Константин VII Багрянородный сообщает о Киеве-Самватасе: это место сбора скафидионов и моноксилов. Ойконим Σαμβάτας должен быть древнескандинавским словом, поскольку пару ему составляет славянское название города *Киевъ*. Далее в 9-й главе приведены двойные названия речных порогов, которые представлены названиями из языка росов и из языка склавинов (Ρωσιῶν καὶ Σκλαβηνῶν), язык росов, несомненно, является древнескандинавским, а язык склавинов, соответственно, — древнеславянским [Strumiński 1996: 133–149; Melin 2003b]. В 9-й главе трактата речь идет только о росах и славянах, искать этимологию вне этих двух языков необходимо только при полном отсутствии подходящих вариантов в древнескандинавском и древнеславянском. Первый вариант скандинавской этимологии был предложен Й. Добровским и П. Й. Шафариком: от древнешведского *sam* + *bât* — «встреча лодок», «лодки вместе» [Dobrovský 1814: 246–247; Šafařík 1837: 544], почти такую же этимологию независимо предложил К. Тиандер: *sam* ‘вместе’ + *bâter* ‘лодки’ [Тиандер 1915: 169]. Э. Мелин предложила вариант этимологии от *sambâda* ‘организованный сбор’ [Melin 2003a: 187]. Самый вероятный вариант древнескандинавской этимологии — *sam* + *bâtar* («лодки совместно») или *sam* + *bâtr* («совместная лодка») и греческое окончание -άς, как в Κίαβος или Νεμογαρδάς. Префикс *sam-* ‘вместе, совместно’ очень продуктивен [Cleasby, Vigfusson 1874: 510–513; Vries 1977: 461; Baetke 1983: 515–516]. Именно по такой модели образован шведский топоним *Samsala*, досл. «совместный зал» или «общий дом» [Wahlberg 2003: 267–268], который входит в древнейший пласт топонимов Скандинавии с корнем *sal* [Brink 1996]. Лексема *bâtr* (pl. *bâtar*) входит в стандартную номенклатуру названий разных типов и размеров кораблей и обозначает небольшое весельное или даже «самодельное» судно [Cleasby, Vigfusson 1874: 55; Baetke 1983: 41; Jesch 2001: 135]. В Киеве как раз скафидионы славян и моноксилов росов проходили первое переоснащение пе-

ред походом вниз по Днепру [DAI (1): 56, 58]. По такой схеме атематического словосложения образованы два «росских названия» порогов в тексте 9-й главы трактата: первый — Βαρουφόρος / **Bárufors* от *bára* ‘волна’ + *fors* ‘порог’, а второй — Οὐλβορσί / **Hólmfors* от *hólmr* ‘остров’ + *fors* ‘порог’ [DAI (2): 45–46, 48–49; Strumiński 1996: 138–139, 146, 149]. Таким образом, ойконим Σαμβάτας происходит от древнескандинавского ойконима **Sambátar* / **Sambátr* и в паре со славянским ойконимом Кюѡѡѡ (Киевъ) полностью вписывается в ряд дублированных по-древнескандинавски и по-древнеславянски названий 9-й главы трактата «Об управлении империей». Именно как «город лодок» — *Kænugarðr* / *Kænugarðr* от апеллятива *kæna* / *kæna* ‘лодка’ переосмысливается название Киевъ в скандинавской традиции [Strumiński 1996: 127–128; Джаксон 2001: 68; Kroonen 2013: 280]. По этим семасиологическим причинам мы считаем альтернативную этимологию ойконима *Kænugarðr* [Melin 2005; Успенский 2008; Uspenskij 2015a] гораздо менее убедительной. Тот факт, что лексема *kæna* / *kæna* — редкая и известна прежде всего из эддической традиции, — лишнее свидетельство в пользу архаичности этого скандинавского названия Киева. В топонимии Восточно-Европейской равнины есть еще два «эддических» названия: Λεάντι = **Hlóandi* от глагола *hlóa* [Успенский 2014; Uspenskij 2015b] и *Danparstaðr* [Джаксон 2001: 81–82]. Добавим, что «города» Руси и Византии со второй основой *-garðr* (*Kænugarðr*, *Hólmgarðr* и *Miklagarðr*) находят структурную аналогию в мифологических «эддических» топонимах *Ásgarðr*, *Miðgarðr* и *Útgarðr* [Успенский 2002: 295–296].

В ранней древнерусской историографической традиции, которая представлена нам фрагментами текста «Начального свода» конца XI в. (= текст «Новгородской первой летописи младшего извода») и «Повестью временных лет» начала XII в., в рассказах о IX — начале XI в. упоминаются 25 городов [Тихомиров 1956: 12–15]. Однако прямолинейное восприятие этих текстов как достоверного источника о существовании древнерусских городов в IX–XI вв., конечно, неприемлемо (ср. этот принцип применительно к политической истории «державы Рюриковичей» X в. [Shchavelev 2020]). Эти летописные тексты гетерогенны, в них есть как фрагменты, передающие аутентичную историческую память о событиях X в., так и откровенно публицистические пассажи, которые являются проекцией актуальной реальности середины XI — начала XII в. на прошлое. Разделение этой информации — отдельная большая проблема, однако предварительно можно вполне уверенно отделить некоторые тексты-памфлеты, которые не отражают реалии X в., а конструируют прошлое по образцу окружающей автора действительности и его представлениям, каким оно должно было быть. Прежде всего к категории такой ретроспективной фантастики следует назвать упоминание списка городов (Киев, Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов и Любеч), где якобы «сидят» князья, подчиненные Олегу, в летописной преамбуле к тексту псевдодоговора Олега 6415 г. Перед нами явная идеологическая публицистика автора «Повести временных лет», который создавал образ обширных владений князей Рюрика и Олега на основе комбинирования названий современных ему городов. Точно так же автор «Повести временных лет» использовал современные ему названия городов как географические ориентиры в своем так называемом космографическом введении, которое составляет преамбулу «Повести временных лет». Наконец, такое

же литературное конструирование с использованием современных названий городов наблюдается в разных версиях «Сказания о призвании варягов» (самая ранняя версия этого текста фиксируется «Начальным сводом», затем еще две версии в более ранней и более поздней редакциях «Повести временных лет»). Прототекст «Сказания» возник, видимо, как программно-идеологический памфлет в конце 1040-х — начале 1050-х годов: в нем мотивы «ряда» и «раздела городов между братьями» как раз укладываются в идеологию князя Ярослава Владимировича и его сыновей. Выбор упоминаемых городов отражает представление авторов и редакторов этого текста о том, какие города были самыми важными в период становления Руси и остаются в числе основных и в современности. Эти формально «ранние» известия о древнерусских городах не могут быть ориентирами ни для поиска времени их возникновения, ни для реконструкции географии процесса урбанизации X в.

К бесспорно аутентичным известиям о ситуации X в. относится летописный вариант древнеславянского перевода договоров русских князей Олега и Игоря Рюриковича с византийскими императорами, где есть упоминание о том, что русские послы и купцы получают месячное по очереди: «първое отъ города Києва и паки ис Чернигова и ис Переяславля и прочии города...» [Carile, Sacharov 2011: 18, 72]. Договор Олега датируется 2 сентября 911 г., а договор князя Игоря Рюриковича не имеет точной даты, его текст можно широко датировать в диапазоне 13 лет правления византийских императоров-соправителей с декабря 931 до декабря 944 г. В обоих случаях упоминания Киева и Чернигова почти бесспорно аутентичны. Появление третьего города, Переяславля, теоретически возможно, однако в «Повести временных лет» есть рассказ об основании Переяславля Владимиром Святославичем после 987/988 г. [PVL (2): 967–968]. У нас есть три интерпретационных возможности: во-первых, Переяславль мог бы существовать в середине X в., потом быть покинут и заново восстановлен Владимиром Святославичем (однако против этого вроде бы говорят данные археологии и наши представления о территории обитания народа русь в середине X в.); во-вторых, переводчик договора с греческого или летописец, копировавший перевод, могли не понять греческое написание и переосмыслить его как знакомое им название современного южнорусского города; в-третьих, вся фраза «...и ис Переяславля и прочии города...» может быть поздней глоссой в летописный текст договора. В любом случае раннее существование Переяславля до последней четверти X в. остается под вопросом [Shchavelev 2020].

«Ядро» древнерусской летописной традиции — «Древнейшее сказание» середины XI в. — было основано на исторической памяти местной элиты о деяниях первых князей Рюриковичей и их воевод в X в., оно дошло до нас в обработке «Начального свода». В нем названы города Киев, Новгород, Псков, Смоленск и Вышгород. Эта история перехода власти Рюриковичей из Новгорода в Киев и затем создание крупной политики — самая достоверная часть летописания, которая при всех оговорках может быть использована как источник по истории X в. [Shchavelev 2020]. В «Древнейшем сказании» Новгород указан как стартовая точка экспансии князя Игоря и его воеводы Олега, а Киев после захвата стал их новой «столицей». Псков обозначен как место рождения жены Игоря княгини Ольги (мотивацию этого брака см. в [Ibid.]), а Вышгород — как ее личный город («ользинъ градъ»), ей принадлежало и

эпонимное село Ольжичи. Город Ладога назван как одно из возможных мест смерти легендарного воеводы (князя) Игоря Рюриковича — Олега. Также упоминаются центры покоряемых князьями Рюриковичами территорий: Киев у полян, Коростень у древлян, Пересечен у уличей. Как объект захвата князем Владимиром Святославичем упоминается Полоцк. Одновременно это также город, откуда в Киеве появилась жена князя Владимира Святославича и мать князя Изяслава Владимировича — Рогнеда. Последний стал основателем автономной от основных линий Рюриковичей (на самом деле Ярославичей) полоцкой династии. Не сразу назван город, в котором княжил Олег Святославич, когда получил незадолго до 971 г. от отца Святослава Игоревича «землю древлян» на правом берегу Днепра, но поскольку князь Олег гибнет в городе Вручии (современный Овруч), не исключено, что именно этот город был местом его правления. Его брат, киевский князь Ярополк Святославич, гибнет во время войны с единокровным братом Владимиром в городе Родня. Смоленск упомянут на пути Олега и Игоря из Новгорода в Киев, но о его захвате в более ранней версии «Начального свода» ничего не сказано, такое сообщение появляется только в переосмыслении текста автором «Повести временных лет». Фактически в глоссе или короткой внутритекстовой ремарке упомянут город Туров. Два города, Смоленск и Туров, названы по случаю, «к слову»; считать, что информация о них восходит к очень ранним сюжетам, весьма проблематично. Косвенно в тексте «Древнейшего сказания» возникает и Любеч — этот ойконим виден только в прозвище деда князя Владимира Святославича и отца основателя рода новгородских посадников Добрыни, которого звали *Малкъ Любчанинъ*.

Судя по наиболее достоверным фрагментам древнерусской традиции, в число самых древних городов политики Рюриковичей X в. с центром в Киеве от Игоря Рюриковича до Ярополка Святославича можно уверенно включить только четыре: сам Киев, Вышгород, Вручий и Родню. В древнерусской исторической памяти отразилось существование в X в. Ладоги, Новгорода на Волхове, Пскова, Чернигова, Полоцка, Любеча, с сомнениями можно допустить историчность для X в. упоминаний Смоленска и Турова. Однако в каких отношениях (подчиненном, союзническом, конфронтационном) эти последние восемь городов находились с киевскими князьями, точно неясно. Показательно, что упоминания городов явно коррелируют с генеалогической информацией — их принадлежностью ключевым членам клана Рюриковичей и победившего субклана Владимировичей или иной связью с ними (чаще всего как место происхождения или смерти). Время возникновения и география остальных городов, которые упоминаются в связи с правлением в Киеве князя Владимира Святославича с 978 г. по 1015 г., требуют отдельного рассмотрения.

Древнерусская историческая память о деяниях первых князей, если исключить из летописного нарратива позднейшие публицистические наслоения и домыслы, фиксирует только города вокруг Киева, что хорошо перекликается с нашей моделью локализации городов «внешней России» трактата «Об управлении империей» только в Поднепровье. Главное летописное дополнение к синхронным данным византийского трактата — сообщение факта контроля первых Рюриковичей над Новгородом на Волхове и Псковом, т. е. наличия «северной ядерной территории» их политики. Конечно, теоретически эти

два северных центра вполне закономерно могли не попасть в фокус внимания византийцев. Однако возможно, что они не изначально принадлежали князю Игорю Рюриковичу, а были присоединены к киевской политике позднее. При анализе раннего летописания не следует забывать, что концепция «двух властей» в Киеве и Новгороде была одним из краеугольных камней идеологии второй половины XI в. «Обе власти» князя Изяслава Владимировича в Киеве и Новгороде прокламируются в колофоне Остромирова Евангелия 21 октября 1056 — 12 мая 1057 г. (л. 294 об.) и в «Предисловии» к «Начальному своду» конца XI в. [ПСРЛ (3): 103]. Не исключено, что традиция владения Новгородом на Волхове одним из старших родственников киевского князя сложилась во второй половине X в. и продолжалась до времен начала ведения древнерусского летописания в середине XI в. Однако любое из начальных звеньев этой цепочки периодических приходов из Киева на север, сначала Олега, потом Ольги, а потом Владимира Святославича, Добрыни Малковича, Вышеслава и, наконец, Ярослава Владимировича теоретически может быть домыслено постфактум летописцами. На этих основаниях представляется, что вопрос о точных датах присоединения Новгорода на Волхове, Пскова и Ладоги к политике Рюриковичей с центром в Киеве пока открыт и требует отдельного изучения. Ясно, что это произошло в X в., но когда именно, строго говоря, пока непонятно. Также северные города в течение X в. могли отсоединяться от политики Рюриковичей в Среднем Поднепровье, выпадая из зоны их политического контроля, а потом добровольно или принудительно присоединяться обратно. Не случайно новгородская делегация («людие новгородьстии») грозила князю Святославу Игоревичу, что Новгород на Волхове готов найти себе князя на стороне («Аще не поидете къ намъ то налѣземъ князя собѣ»). Более того, в этом летописном известии Ярополк и Олег отказываются идти княжить к новгородцам и им «достается» только сын Святослава от рабыни Малуши Малковны Владимир [PVL (1): 469–470].

Среди древнескандинавских самыми ранними и достоверными источниками о городах Восточной Европы являются рунические надписи на поминальных камнях. В них трижды упоминается топоним *Hólmgarðr* [Джаксон 2001: 34–37, 63, 83–104; 2015; 2018: 652–654] и по одному разу — **Vitahólmr* (= руническое **uitaholmr*) и **Ustahólmr* (= руническое **ustaulms*) [Spurkland 2005: 101–103; Мельникова 2001: 279–284].

Поселение, летописное название которого *Витичевъ* / *Витичевъ холмъ*, впервые упоминается в трактате «Об управлении империей» как «пактиотическая крепость» Βιτιτζέβη [DAI (1): 58, (2): 37–38]. В рунической надписи на камне второй половины XI в. в Норвегии (хутор Альстад) сказано, что некий Торальд умер в месте **Vitahólmr*, между местами **Ustahólmr* и *Gardar* (Гарды). Географически очевидно, что речь идет о городе Витичев, который находится как раз между Русью-Гардами и устьем Днепра. Очевидно, что название **Ustahólmr* является гибридным славяно-скандинавским аналогом славянского **Оусть-островъ*, т. е. «остров устья», от славянского апеллятива *оустие*. В «Повести временных лет» в описании пути «изъ варягъ въ греки и изъ грекъ» есть упоминание о приходе апостола Андрея в «устье Днѣпровское» [PVL (1): 35]. Архаические топонимы типа *усть-* + *название* исключительно широко распространены [Роспонд 1972: 19; Васильев 2012: 603–607, 775,

794]. Два острова (ή νῆσος / τὸ νησίον) св. Григория (ή νῆσος <...> ὁ Ἅγιος Γρηγόριος; современный о. Хортица?) и св. Эферия (ή νῆσος ὁ Ἅγιος Αἰθέριος; современный о. Березань?) на Днепре и в его устье [DAI (1): 60, 62, (2): 54–56] названы в византийском трактате «Об управлении империей» как постоянные сезонные стоянки росов, плывущих в Константинополь. Причем про остров Эрефий специально дважды сказано, что он находится в устье (τὸ στόμιον) Днепра [DAI (1): 60, 62]. Затем флотилия росов делала остановки на реках, впадающих в Черное море, — Днестре, Аспросе (букв. «Белая»), Селине (современная Сулина), Дунае и др. Про остановку на Дунае прямо указано, что остановка росов происходит снова «в устье» [Ibid.: 62], следовательно, с учетом того, что речь идет о каботажном плавании по Черному морю, про другие реки можно предполагать то же самое.

Остановка росов на острове Эрефий в устье Днепра оптимально подходит для локализации топонима **Ustahólmr* = **Оусть-островъ*. При такой локализации этого топонима *Bumichev*–**Vitahólmr* оказывается как раз между местом под названием **Ustahólmr* (устье Днепра?) и *Gardar* (Гарды-Русь).

Название *Bumichev* / *Bumichev* холмъ происходит от древнеславянского патронимического имени собственного **Bumichь* (< **Vit-ič*). Скандинавская версия топонима переосмысляет это славянское название как **Vitahólmr*, т. е. «остров костра», от др.-сканд. *viti/vete* ‘штабель дров для костра’ [Kleiber 1965]. Таким образом, мы подтверждаем этимологию и находим локализацию для еще одного восточноевропейского хоронима.

В скальдической поэме «*Bandadrápa*», сочиненной около 1010 г. Эйольвом Дадааскальдом, раньше всего упоминается поселение Ладога как *Aldeigia* (или в других текстах — *Aldeigjuborg*) [Whaley 2012: 454–468]. Ладога хорошо известна в скандинавской исторической, поэтической и географической традиции, это единственный идентифицированный и локализованный ойконим, оформленный по стандартной модели формирования собственно скандинавских ойконимов *X + borg*: *Aldeigjuborg* [Джаксон 2001: 105; 2012: 635–637]. В этом смысле Ладога была городом Восточной Европы, входящим в зону регулярной скандинавской номинации поселений, поскольку она находилась в зоне колонизации выходцев со Скандинавского полуострова и циркумбалтийского ареала.

Стандартное название древнерусского Новгорода в древнескандинавской письменной традиции, представленной разными жанрами, — *Hólmgarðr* — всесторонне исследовано Т. Н. Джаксон [2001: 36, 83–104; 2012: 652–654; 2015; 2018: 70]. По ее мнению, оно происходит от славянского ойконима **Хълмъгородъ* [Джаксон 2001: 85–92]. Самый вероятный сценарий истории этого ойконима из всех предложенных в историографии и подробно рассмотренных Джаксон заключается в том, что славянское название **Хълмъгородъ* и его скандинавский эквивалент *Hólmgarðr* изначально относились к крупному политическому центру IX–X вв., который сейчас является археологическим памятником «Рюриково городище», затем оно было перенесено на район *Холмъ* в Славенском конце Новгорода, при этом старое название города-предшественника закрепилось в исторической памяти скандинавов за всем Новгородом. Джаксон нашла полную аналогию такой ситуации консервации и переноса старого топонима на новое поселение, возникшее по соседству: перенос

названия уничтоженного эмпория Хедебю на вновь возникший соседний политический и экономический центр Шлезвиг [Джаксон 2018].

Топоним **Sýrnesgarðr* также был реконструирован Т. Н. Джаксон. По ее, на наш взгляд, вполне убедительной гипотезе это было названием крупного эмпория в верховьях Днепра, который сейчас является Гнёздовским археологическим комплексом X в. Славянский вариант этого названия вполне реконструируется по названию притока Днепра — ручья Свинец — как **Свинеч(е/ь)скъ* [Джаксон 1986; 2001: 35, 69–75; Jackson 2019: 93–105]. Тот факт, что древнескандинавская основа *-garðr* исходно обозначает ‘двор’ или ‘хутор’, не может быть препятствием для данной гипотезы, поскольку Гнёздовский археологический комплекс был крупнейшим мегаполисом в X в., а изначально, в IX в., представлял собой лишь эфемерное, почти не читаемое археологически поселение [Мурашева и др. 2020], возможно, даже как раз один или несколько дворов.

Скандинавские двухосновные ойконимы со второй основой *-garðr* четко выстраиваются вдоль пути из бассейна Балтийского моря в Черное: *Hólmgarðr*, **Sýrnesgarðr*, *Kænugarðr*, *Miklagarðr* [Джаксон 2001: 68]. Именно скандинавская историко-географическая традиция закономерно фиксирует таким образом путь «из варяг в греки и из грек» X столетия. Тот факт, что именно скандинавская традиция сохранила указания на ключевые точки данного маршрута, оптимально укладывается в наши представления об исключительной роли выходцев из циркумбалтийского региона в его создании и функционировании.

В скандинавской историко-географической традиции есть два ойконима, идентификация и локализация которых невозможна, это *Álaborg/Áluborg* и *Danparstaðr* [Джаксон 2001: 77–82]. Они не соотносятся ни с одним летописным городом или топонимом Восточно-Европейской равнины. Очевидно, что *Álaborg/Áluborg*, как и *Aldeigjuborg*, должен был находиться на севере Восточной Европы [Там же: 78–79] в зоне скандинавской колонизации. *Danparstaðr* вполне может быть очень ранним ойконимом-рудиментом, не связанным с историей IX–X вв. [Там же: 81–82]. Эти примеры еще раз показывают, что сложению городской сети политики Рюриковичей предшествовал некий более ранний процесс урбанизации, и связанная с ним ономастика не дошла до древнерусских летописцев.

Можно сугубо гипотетически предположить, что топонимы, которые содержат основы *-garðr*, *-borg*, *-hólmr/-hólm-* и, с сомнениями, *-staðr*, отражают самый древний пласт скандинавской топонимической номенклатуры IX–X вв., которая сложилась еще до установления тотального доминирования рода (династии) Рюриковичей во второй половине X в. Причем, за исключением Ладоги, эти названия переосмысливают или перекликаются со славянскими реальными или гипотетическими ономастическими эквивалентами.

Также скандинавская историко-географическая традиция сохранила названия городов *Pal(l)teskja* (= Полотьскъ), *Smalenzkia* (= Смоленскъ), *Rostofa* (= Ростовъ), *Súrdalar/Súrsdalr* (= Суздаль/Сужьдаль), *Móramar* (= Муромъ, видимо, в древнескандинавский ойконим был превращен древнерусский этникон *моуroma*), которые хорошо известны скандинавской исторической традиции [Глазырина, Джаксон 1987: 12–13; Джаксон 1991; 2001: 34–37, 61, 68–77, 123–155; 2012: 650–651]. Во всех случаях это заимствования древнерусских названий с минимальными «псевдоэтимологическими» искажениями.

Т. Н. Джаксон отмечает, что *Pal(l)teskja* прочно вошла в историческую память скандинавов, что перекликается с данными раннего древнерусского летописания о том, что там правил *Рогъволодъ* (< др.-сканд. *Rögnvaldr*), пришедший «изъ заморья», его дочь *Рогънедъ* (< др.-сканд. *Ragnheiðr*) и еще два анонимных сына. Рогволод погиб в 978 г., его дочь Рогнеда умерла в 6508 г., т. е. в зависимости от стиля летоисчисления и месяца — между 999 и 1001 г. Вывод Джаксон о том, что скандинавы достигли этого региона позднее, чем области Ладоги, Новгорода и Киева [Джаксон 2001: 31, 140], вполне согласуется с тем, что, судя по раннему древнерусскому летописанию в Полоцке первый скандинав Рогволод должен был появиться после середины X в., как раз «во вторую волну» прихода скандинавов в Восточную Европу [Там же: 140], после того как в Ладоге, Новгороде на Волхове и Киеве скандинавские правители и их люди уже прочно закрепились. Публицистическо-фантастический пассаж из «Сказания о призвании варягов» о раздаче Рюриком своим «мужам» городов, включая Полоцк, якобы еще в IX в. мы, разумеется, не учитываем.

Отметим, что славянские эквиваленты этих известных по скандинавским источникам ойконимов впервые появляются в связи с раздачами городов Владимиром Святославичем своим сыновьям и с войной сыновей Владимира после его смерти, т. е. их достоверные упоминания относятся ко времени после принятия Русью христианства в 987/989 г. Все более ранние их упоминания являются ремарками авторов «Начального свода» и «Повести временных лет», либо дающих географические ориентиры, либо проецирующими реалии XI — начала XII в. на прошлое (см. выше). Можно полагать, что информация о городах *Pal(l)teskja*, *Smalenzkia*, *Rostofa*, *Súrdalar*/*Súrsdalr* (существуют и иные варианты, более далекие от древнерусского названия), *Móramar* отложилась в памяти скандинавов во второй половине X — первой половине XI в. на завершающем этапе формирования политики Рюриковичей. Эти славянские ойконимы «позднего слоя», в отличие от более ранних названий IX — первой половины X в., не имеют скандинавских дублетов.

Подводя сугубо предварительные итоги нашего обзора, следует констатировать, что если не прибегать к искусственной этимологической подгонке ойконимов разных традиций, то из 25 древнерусских летописных названий городов два или три отразились в двух договорах 911 и 930-х — первой половины 940-х годов, одно — в арабском тексте 920–950-х, четыре или пять — в греческом тексте 950-х годов, четыре — в более ранних скандинавских текстах и пять — в более поздних. Как минимум десять ойконимов из арабской, греческой и скандинавской письменных традиций древнерусскому раннему летописанию неизвестны. Часть этих неидентифицированных или нелокализованных ойконимов и хоронимов (*Hólmgarðr*/**Хьльмъгородъ*, *Álaborg*, **Sýrnesgarðr*/**Свинечьскъ* и, возможно, **Sambátr*) можно отнести к древнейшему слою ономастики Восточно-Европейской равнины — к центрам урбанизации, которые появились в IX в., т. е. до начала создания политики Рюриковичей.

Требует особого внимания гибридный характер ряда древнескандинавских ойконимов (*Hólmgarðr*?, **Ustahólmr*, **Vitahólmr*), в них один элемент — переосмысленный древнеславянский (*Hólm*-, *Usta*-, *Vita*-), а другой — древнескандинавский. Перед нами очевидные следы двуязычия народа русь, ярко

отразившегося в названиях порогов Днепра из трактата «Об управлении империей» (см. выше), которое все еще требует специального лингвистического изучения (см. постановку этой проблемы ассимилятивных процессов в языке ранней руси: [Назаренко 2014]).

Сопоставление списков ойконимов из разных традиций позволяет предполагать, что они отразили три фазы процесса урбанизации Восточной Европы: 1) появление скандинавских эмпориев IX — первой половины X в.; 2) кристаллизация ядра политики Рюриковичей вокруг Киева первой половины X в.; 3) финал экспансии Рюриковичей конца X — середины XI в. Именно на последнем этапе сложилась «карта» городов Руси, как ее рисует «Повесть временных лет» начала XII в., поэтому проецировать ее на более ранние периоды было бы методологически неоправданно.

Источники

ПСРЛ (3) — Полное собрание русских летописей. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки рус. культуры, 2000.

Boretius, Krause 1897 — *Monumenta Germaniae Historica. Legum section II. Capitularia regum francorum*. Т. 2 / Ed. A. Boretius et V. Krause. Hannoverae: Impensis bibliopolii Hahniani, 1897.

Carile, Sacharov 2011 — *I trattati dell'antica Russia con l'Impero romano d'Oriente* / A cura di A. Carile e A. N. Sacharov. Roma: L'Erma di Bretschneider, 2001.

DAI — *Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio*. Vol. 1: Greek text ed. by Gy. Moravcsik; English trans. by R. J. H. Jenkins. Washington, D. C.: Dumbarton Oaks Publ., 1967. Vol. 2: Commentary / Ed. by R. J. H. Jenkins. Washington, D. C.: Dumbarton Oaks Publ., 1962.

Ibn Hauqal 1964 — *Ibn Hauqal. Configuration de la Terre (Kitab surat al-ard)* / Intr. et trad. par J. H. Kramers et G. Wiet. Т. 1–2. Paris: Éditions G.-P. Maisonneuve & Larose, 1964.

Καραλῆς 2000 — Λέων Διάκονος. Ιστορία / Μετάφραση — Εισαγωγή — Σχόλια του Β. Καραλή. Αθήνα: Εκδ. Κανάκης, 2000.

PVL — *The Povest vremennykh let: An interlinear collation and paradosis* / Compl. & ed. by D. Ostrowski: 3 Vols. Harvard: Harvard Univ. Press, 2003.

Whaley 2012 — *Skaldic poetry of the Scandinavian Middle Ages*. Vol. 1: Poetry from the Kings' Sagas 1. Part 1 / Ed. by D. Whaley. Turnhout: Brepols, 2012.

Словари

ІМСУР 1973 — *Історія міст і сіл Української РСР*: В 26 т. Т. 6: Житомирська область / Ред. кол. тому: О. С. Чорнобривцева (гол. ред.) та ін. Харків: Гол. ред. Укр. Рад. енциклопедії Акад. наук УРСР, 1973.

Baetke 1983 — *Baetke W. Wörterbuch zur altnordischen Prosaliteratur*. Berlin: Akademie Verlag, 1983.

Cleasby, Vigfusson 1874 — *Cleasby R., Vigfusson G. An Icelandic-English dictionary*. Oxford: Clarendon Press, 1957.

Derksen 2008 — *Derksen R. Etymological dictionary of the Slavic inherited lexicon* / Ed. by A. Lubotsky. Vol. 3. Leiden; Boston: Brill, 2008. (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series).

Kroonen 2013 — *Kroonen G. Etymological dictionary of Proto-Germanic* / Ed. by A. Lubotsky. Vol. 2. Leiden; Boston: Brill, 2013. (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series).

- Sulimierski et al. 1885 — Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich / Pod. red. F. Sulimierskiego, B. Chlebowskiego, W. Walewskiego. Warszawa: Wiek, 1885.
- Vries 1977 — *Vries J. de. Altnordisches etymologisches Wörterbuch.* Leiden: Brill, 1977.
- Wahlberg 2003 — Svenskt ortnamnslexikon / Red. M. Wahlberg. Uppsala: Språköch folkminnesinstitutet, 2003.

Литература

- Васильев 2012 — *Васильев В. Л.* Славянские топонимические древности Новгородской земли. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012.
- Глазырина, Джаксон 1987 — Древнерусские города в древнескандинавской письменности: Тексты. Перевод. Комментарий / Сост. Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон. М.: Наука, 1987.
- Джаксон 1986 — *Джаксон Т. Н. Sýrnes и Gaðar:* Загадки древнескандинавской топонимии Древней Руси // Scando-Slavica. Vol. 32. 1986. С. 73–83. URL: <https://doi.org/10.1080/00806768608600897>.
- Джаксон 1991 — *Джаксон Т. Н.* «Palteskia ok þat ríki allt, er þar liggr til» // Scando-Slavica. Vol. 37. 1991. P. 58–68. URL: <https://doi.org/10.1080/00806769108600991>.
- Джаксон 2001 — *Джаксон Т. Н.* Austr í Gördum: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М.: Языки славян. культуры, 2001.
- Джаксон 2012 — *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе: Тексты, перевод, комментарий. М.: Рус. Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012.
- Джаксон 2015 — *Джаксон Т. Н.* «Страна городов» и ее столица: Новгород в картине мира средневековых скандинавов // Slověne = Словѣне. Vol. 4. № 1. 2015. С. 170–179.
- Джаксон 2018 — *Джаксон Т. Н.* Хедебю/Шлезвиг в «Саге о Кнютлингах» // Stratum plus. 2018. № 5. С. 65–72.
- Дурново 1969 — *Дурново Н. Н.* Введение в историю русского языка. М.: Наука, 1969.
- Ершов и др. 2015 — *Ершов И. Н., Кренке Н. А., Кулькова М. А., Олейников О. М., Сыроватко Н. А.* К вопросу о локализации древнейшего Смоленска: археологические и топонимические данные // Города и веси средневековой Руси: Археология, история, культура: К 60-летию Николая Андреевича Макарова / [Отв. ред. П. Г. Гайдуков]. М.; Вологда: Древности Севера, 2005. С. 78–85.
- Ершов и др. 2017 — *Ершов И. Н., Кренке Н. А., Муренцова Т. Ю., Олейников О. М., Раева В. А.* Источниковая база по археологии Смоленска VIII–XIII вв. // Российская археология. 2017. № 1. С. 70–86.
- Звіздецький 2010 — *Звіздецький Б. А.* Малинське городище древлян // Археологія і давня історія України. Вип. 1: Проблеми давньоруської та середньовічної археології / Ред. кол. вип.: Г. Ю. Івакін та ін. Київ: Ін-т археології НАН України, 2010. С. 534–540.
- Козлов 2018 — *Козлов С. А.* К вопросу о географической идентификации хоронима «Те-лиуца»: Любеч или Полоцк? // Византийский мир: реалии и интерпретации: Тезисы XIV науч. Сюзюмовских чтений, Екатеринбург, 10–12 октября 2018 года / [Под ред. Т. В. Куш]. Екатеринбург: Изд. Урал. ун-та, 2018. С. 28–29.
- Колчин 1985 — Древняя Русь. Город. замок. село / Отв. ред. Б. А. Колчин. М.: Наука, 1985.
- Коновалова, Мельникова 2018 — *Коновалова И. Г., Мельникова Е. А.* Древняя Русь в системе евразийских коммуникаций IX–X веков. М.: Весь Мир, 2018.
- Леонтьев, Носов 2012 — *Леонтьев А. Е., Носов Е. Н.* Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII–X вв. // Русь в IX–XI веках: Археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 383–401. (Загл. на обл.: Русь в IX–X веках. Археологическая панорама).

- Макаров 2012 — Макаров Н. А. Археологические древности как источник знаний о ранней Руси // Русь в IX–XI веках: Археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 64–89. (Загл. на обл.: Русь в IX–X веках. Археологическая панорама).
- Мельникова 2001 — Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи: новые находки и интерпретации: Тексты, перевод, комментарий. М.: Вост. лит., 2001.
- Мурашева и др. 2020 — Мурашева В. В., Панин А. В., Шевцов А. О., Малышева Н. Н., Зазовская Э. П., Зарецкая Н. Е. Время возникновения поселения Гнёздовского археологического комплекса по данным радиоуглеродного датирования // Российская археология. 2020. № 4. С. 70–86. URL: <https://doi.org/10.31857/S086960630012627-8>.
- Назаренко 2014 — Назаренко А. В. Ῥῥῥωρ, βάργγουи др.: О вероятных следах ассимилятивных процессов в языке восточноевропейских скандинавов в X в. // Полύτροπος: Сб. науч. ст. памяти А. А. Молчанова (1947–2010) / Под ред. Т. Н. Джаксон, А. В. Акопяна. М.: Индрик, 2014. С. 223–236.
- Нерознак 1983 — Нерознак В. П. Названия древнерусских городов. М.: Наука, 1983.
- Платонова 2018 — Платонова Н. И. Древнерусская культура и древнерусская элита: проблемы и перспективы исследований // Élite ou Égalité... Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв. / Отв. ред. Н. И. Платонова. СПб.: Изд. дом «Бранко», 2017. С. 9–29.
- Роспонд 1972 — Роспонд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточно-славянская ономастика / [Отв. ред. А. В. Суперанская]. М.: Наука, 1972. С. 9–89.
- Тиандер 1915 — Тиандер К. Ф. Датско-русские исследования. Вып. 3: Скандинавские переселенческие сказания. Пг.: Тип. А. Э. Винеке, 1915.
- Тихомиров 1956 — Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М.: Гос. изд-во пол. лит., 1956.
- Тохтасьев 2018 — Тохтасьев С. Р. Язык трактата Константина Багрянородного *De administrando imperio* и его иноязычная лексика, СПб.: Наука, 2018.
- Успенский 2002 — Успенский Ф. Б. Скандинавы, варяги, русь: Историко-филологические очерки. М.: Языки славян. культуры, 2002.
- Успенский 2008 — Успенский Ф. Б. Новый взгляд на этимологию древнескандинавского названия Киева *Königardr* (по поводу статьи Э. Мелин) // Вопросы языкознания. 2008. № 2. С. 73–81.
- Успенский 2014 — Успенский Ф. Б. К этимологии названий днепровских порогов у Константина Багрянородного: βράσца νεροῦ // Славяне и их соседи. XXVII конференция памяти В.Д. Королюка: Рассказы о путешествиях, паломничествах, миграциях в источниках Средних веков и раннего Нового времени: Материалы конференции / [Отв. ред. О. А. Акимова]. М.: Индрик, 2014. С. 87–91.
- Brink 1996 — Brink S. Political and social structures in early Scandinavia: A settlement-historical pre-study of the central place // Tor. Vol. 28. 1996. P. 235–282.
- Dobrovský 1814 — Dobrovský P. J. Slovanka: zur Kenntniss der alten und neuen slawischen Literatur, der Sprachkunde nach allen Mundarten, der Geschichte und Alterthümer. T. 1. Prag: Herrlschen Buchhandlung, 1814.
- Jackson 2019 — Jackson T. N. Eastern Europe in Icelandic sagas. Leeds: Arc Humanities Press, 2019.
- Jesch 2001 — Jesch J. Ships and men in the late Viking age: A Vocabulary of runic inscriptions and skaldic verse. Woodbridge: Boydell Press, 2001.
- Kleiber 1965 — Kleiber B. Alstadsteinen i lyset av nye utgravninger ved Kiev // Viking. Bd. 29. 1965. S. 61–76.
- McCormick 2001 — McCormick M. Origins of the European economy: Communications and commerce, A. D. 300–900. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001.

- Melin 2003a — Melin E. “Sambatás” and city names in Ch. IX of Constantine Porphyrogenitus’ “De Administrando Imperio” // Die Welt der Slaven. Bd. 48. 2003. P. 187–192.
- Melin 2003b — Melin E. The names of the Dnieper rapids in Chapter 9 of Constantine Porphyrogenitus’ *De Administrando Imperio* // Scando-Slavica. Vol. 49. Issue 1. 2003. P. 35–62. <https://doi.org/10.1080/00806760308601191>.
- Melin 2005 — Melin E. *Kønugarðr*, the name given to Kiev in the Icelandic sagas, with an excursus on *Kind* in place-names // Arkiv för nordisk filologi. Vol. 120. 2005. P. 55–68.
- Montgomery 2008 — Montgomery J. E. Arabic sources on the Vikings // The Viking world / Ed. By S. Brink, N. Price. London; New York: Routledge, 2008. P. 550–561.
- Randsborg 1991 — Randsborg K. The first millennium A.D. in Europe and the Mediterranean: An archaeological essay. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991.
- Šafařík 1837 — Šafařík P. J. Slowanské starožitnosti. T. 1. Praha: Tiskem J. Spurného, 1837.
- Shchhavelev 2019 — Shchhavelev A. Treatise *De Administrando Imperio* by Emperor Constantine VII Porphyrogenitus: Date of the *Paris. gr. 2009* copy, years of compiling of the original codex, and a hypothesis about the number of authors // Studia Ceranea. Journal of the Waldemar Ceran Research Centre for the History and Culture of the Mediterranean Area and South-East Europe. Vol. 9. 2019. P. 681–704.
- Shchhavelev 2020 — Shchhavelev A. S. Basic features of political organization and social structure of Rurikid polity in the tenth century // The evolution of social institutions: Interdisciplinary perspectives / Ed. By D. M. Bondarenko, S. A. Kowalewski, D. B. Small. Cham: Springer International Publishing, 2020. P. 283–292.
- Shevelov 1969 — Shevelov Y. Š. On the Slavic names for the falls of the Dnepr in the “De administrando imperio” of Constantine Porphyrogenitus // Slavic Word. Vol. 11. No 4. 1955. P. 503–530.
- Sorlin 2000 — Sorlin I. Voies commerciales, villes et peuplement de la *Rôsia* au Xe siècle d’après le *De Administrando imperio* de Constantine Porphyrogénète // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient / Éd. Par M. Kazanski, A. Nersessian, C. Zuckerman. Paris : Éditions P. Lethielleux. 2000. P. 337–355. (Réalités Byzantines).
- Spurkland 2005 — Spurkland T. Norwegian runes and runic inscriptions. Rochester: Boydell Press, 2005.
- Strumiński 1996 — Strumiński B. Linguistic interrelations in early Rus’: Northmen, Finns, and East Slavs (ninth to eleventh centuries). Roma: La Fenice Edizioni, 1996. (Collana di filologia e letteratura slave; Vol. 2).
- Uspenskij 2015a — Uspenskij F. A new approach to the etymology of the old Norse name of Kiev — *Kønugarðr* (the thesis of Elsa Melin on the name given to Kiev in the Icelandic sagas, with an excursus on *Kind* in place-names) // Scrinium. Journal of Patrology, Critical Hagiography and Ecclesiastical History. Vol. 7–8. No. 2. 2015. P. 326–338.
- Uspenskij 2015b — Uspenskij F. Towards the etymology of the names of the Dnieper rapids in Constantine Porphyrogenitus: Βράσια νεποῦ // Viking and Medieval Scandinavia. Vol. 11. 2015. P. 231–239.

References

- Brink, S. (1996). Political and social structures in early Scandinavia: A settlement-historical pre-study of the central place, *Tor*, 28, 235–282.
- Dobrovský, P. J. (1814). *Slovanka: zur Kenntniss der alten und neuen slawischen Literatur, der Sprachkunde nach allen Mundarten, der Geschichte und Alterthümer* (Vol. 1). Herrlschen Buchhandlung. (In German).
- Durnovo, N. N. (1969). *Vvedenie v istoriiu russkogo iazyka* [Introduction to the history of Russian language]. Nauka. (In Russian).

- Dzhakson, T. N. (1986). *Sýrnes i Gaðar: Zagadki drevneskandinavskoi toponimii Drevnei Rusi* [*Sýrnes & Gaðar: Riddles of Old Russian toponymy of Old Rus'*]. *Scando-Slavica*, 32, 73–83. <https://doi.org/10.1080/00806768608600897>. (In Russian).
- Dzhakson, T. N. (1991). «Palteskia ok þat ríki allt, er þar liggir til». *Scando-Slavica*, 37, 58–68. <https://doi.org/10.1080/00806769108600991>. (In Russian).
- Dzhakson, T. N. (2001). *Austr í Gørðum: Drevnerusskie toponimy v drevneskandinavskikh istochnikakh*. [*Austr í Gørðum: Old Russian toponyms in the Old Scandinavian sources*]. Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian).
- Dzhakson, T. N. (2012). *Islandskie korolevskie sagi o Vostochnoi Evrope: Teksty, perevod, kommentarii* [Icelandic royal sagas about Eastern Europe: Texts, translations, commentary]. Russkii Fond Sodeistviia Obrazovaniu I Nauke. (In Russian).
- Dzhakson, T. N. (2015). “Strana gorodov” i ee stolitsa: Novgorod v kartine mira srednevekovykh skandinavov [*Garðaríki and its capital: Novgorod on the mental map of medieval Scandinavians*]. *Slověne = Slovžne*, 4(1), 170–179. (In Russian).
- Dzhakson, T. N. (2018). Hedeby/Shlezvig v “Sage o Kniutlingakh” [Hedeby/Schleswig in ‘Knytlinga Saga’]. *Stratum plus*, 2018(5), 65–72. (In Russian).
- Ershov, I. N., Krenke, N. A., Kul'kova, M. A., Oleinikov, O. M., & Syrovatko, N. A. (2005). K voprosu o lokalizatsii drevneishogo Smolenska: arkheologicheskie i toponimicheskie dannye [On the question of the localization of the oldest Smolensk: Archeological and toponymic data]. In P. G. Gaidukov (Ed.). *Goroda i vesi srednevekovoi Rusi: Arkheologiya, istoriya, kul'tura: K 60-letiiu Nikolaia Andreevicha Makarova* (pp. 78–85). Drevnosti Severa. (In Russian).
- Ershov, I. N., Krenke, N. A., Murentsova, T. Iu., Oleinikov, O. M., & Raeva, V. A. (2017). Istochnikovaia baza po arkheologii Smolenska VIII–XIII vv. [Database of sources on the archaeology of 8th – 13th-century Smolensk]. *Rossiiskaia arkheologiya*, 2017(1), 70–86. (In Russian).
- Glazyrina, G. V., & Dzhakson, T. N. (Eds.) (1987). *Drevnerusskie goroda v drevneskandinavskoi pis'mennosti: Teksty. Perevod. Kommentarii* [Old Russian cities in Old Scandinavian writings: Texts. Translations. Commentary]. Nauka. (In Russian).
- Jackson, T. N. (2019). *Eastern Europe in Icelandic sagas*. Arc Humanities Press.
- Jesch, J. (2001). *Ships and men in the late Viking age: A vocabulary of runic inscriptions and skaldic verse*. Boydell Press.
- Kleiber, B. (1965). Alstadsteinen i lyset an nye utgravninger ved Kiev. *Viking*, 9, 61–76. (In Swedish).
- Kolchin, B. A. (Ed.) (1985). *Drevniaia Rus'. Gorod. zamok, selo* [Old Rus'. City, castle and village]. Nauka. (In Russian).
- Konovalova, I. G., & Mel'nikova, E. A. (2018). *Drevniaia Rus' v sisteme evraziiskikh kommunikatsii IX–X vekov* [Old Rus' in the system of Eurasian communications of the 9th–10th centuries]. Ves' Mir. (In Russian).
- Kozlov, S. A. (2018). K voprosu o geograficheskoi identifikatsii khronima “Teliutsa”: Liubech ili Polotsk? [On the question about the geographical identification of choronym “Teliuca”: Lubetch or Polotsk?]. In T. V. Kushch (Ed.). *Vizantiiskii mir: realii i interpretatsii: Tezisy XIV nauchnykh Siuziumovskikh chtenii, Ekaterinburg, 10–12 oktiabria 2018 goda* (pp. 28–29). Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. (In Russian).
- Leont'ev, A. E., & Nosov, E. N. (2012). Vostochnoevropeiskie puti soobshcheniia i torgovye sviazi v kontse VIII–X vv. [East European routes and trade communications at the end of the 8th — 10th centuries]. In N. A. Makarov (Ed.). *Rus' v IX–XI vekakh: Arkheologicheskaia panorama* (pp. 383–401). Drevnosti Severa. (In Russian).
- Makarov, N. A. (2012). Arheologicheskie drevnosti kak istochnik znaniu o rannei Rusi. [Archeological antiquities as a source of knowledge about Early Rus']. In N. A. Makarov (Ed.). *Rus' v IX–XI vekakh: Arheologicheskaia panorama* (pp. 64–89). Drevnosti Severa. (In Russian).

- McCormick, M. (2001). *Origins of the European economy: Communications and commerce, A.D. 300–900*. Cambridge University Press.
- Mel'nikova, E. A. (2001). *Skandinavskie runicheskie nadpisi: novye nakhodki i interpretatsii: Teksty, perevod, kommentarii* [Scandinavian runic inscriptions: New finds and interpretations: Texts, translation, commentary]. Vostochnaia literatura. (In Russian).
- Melin, E. (2003a). “Sambatás” and city names in Ch. IX of Constantine Porphyrogenitus’ “De Administrando Imperio”, *Die Welt der Slaven*, 48, 187–192.
- Melin, E. (2003b). The names of the Dnieper rapids in chapter 9 of Constantine Porphyrogenitus’ *De Administrando Imperio*. *Scando-Slavica*, 49(1), 35–62. <https://doi.org/10.1080/00806760308601191>.
- Melin, E. (2005). *Könugarðr*, the name given to Kiev in the Icelandic Sagas, with an excursus on *Kind* in place-names. *Arkiv för nordisk filologi*, 120, 55–68.
- Montgomery, J. E. (2008). Arabic sources on the Vikings. In S. Brink, & N. Price (Eds.). *The Viking world* (pp. 550–561). Routledge.
- Murasheva, V. V., Panin, A. V., Shevtsov, A. O., Malysheva, N. N., Zazovskaia, E. P., Zaretskaia, N. E. (2020). Vremia vznikeniiia poseleniia Gnezdovskogo arkheologicheskogo kompleksa po dannym radiouglerodnogo datirovaniia [The time of emergence of the Gnezdovo settlement based on radiocarbon dating]. *Rossiiskaia arkheologiya*, 2020(4), 70–86. <https://doi.org/10.31857/S086960630012627-8>. (In Russian).
- Nazarenko, A. V. (2014). Íngör, várangoi i dr.: O veroiatnykh sledakh assimiliativnykh protsessov v iazyke vostochnoevropeyskikh skandinavov [*Íngör, várangoi* & others: About possible traces of assimilative processes in the language of East-European Scandinavians]. In T. N. Dzhakson, & A. V. Akopian (Eds.). *Polýtropos: Sbornik nauchnykh statei pamiati A. A. Molchanova (1947–2010)* (pp. 223–236). Indrik. (In Russian).
- Neroznak, V. P. (1983). *Nazvaniia drevnerusskikh gorodov* [The names of Old Russian cities]. Nauka. (In Russian).
- Platonova, N. I. (2018). Drevnerusskaia kul'tura i drevnerusskaia elita: problemy i perspektivy issledovaniia [Old Russian culture & Old Russian elite: Problems & perspectives of research]. In N. I. Platonova (Ed.). *Élite ou Égalité... Severnaia Rus' i kul'turnye transformatsii v Evrope VII–XII vv.* (pp. 9–29). Izdatel'skii dom “Branko”. (In Russian).
- Randsborg, K. (1991). *The first millennium A. D. in Europe and the Mediterranean: An archaeological essay*. Cambridge Univ. Press.
- Rospond, S. (1972). Struktura i stratigrafiia drevnerusskikh toponimov [The structure and stratigraphy of Old Russian toponyms]. In A. V. Superanskaia (Ed.). *Vostochno-slavianskaia onomastika* (pp. 9–89). Nauka. (In Russian).
- Šafařík, P. J. (1837). *Slowanské starožitnosti* (Vol. 1). Tiskem J. Spurného. (In Czech).
- Shchhavelev, A. S. (2019). Treatise *De Administrando Imperio* by emperor Constantine VII Porphyrogenitus: Date of the *Paris. gr. 2009* copy, years of compiling of the original codex, and a hypothesis about the number of authors. *Studia Ceranea. Journal of the Waldemar Cera Research Centre for the History and Culture of the Mediterranean Area and South-East Europe*, 9, 681–704.
- Shchhavelev, A. S. (2020). Basic features of political organization and social structure of Rurikid polity in the tenth century. In D. M. Bondarenko, S. A. Kowalewski, & D. B. Small (Eds.). *The evolution of social institutions: Interdisciplinary perspectives* (pp. 283–292). Springer International Publishing.
- Shevelov, Y. Š. (1955). On the Slavic names for the falls of the Dnepr in the “De administrando imperio” of Constantine Porphyrogenitus, *Slavic Word*, 11(4), 503–530.
- Sorlin, I. (2000). Voies commerciales, villes et peuplement de la *Rósia* au Xe siècle d’après le *De Administrando imperio* de Constantine Porphyrogénète. In M. Kazanski, A. Nersessian, & C. Zuckerman (Eds.). *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient* (pp. 337–355). Éditions P. Lethielleux. (In French).

- Spurkland, T. (2005). *Norwegian runes and runic inscriptions*. Boydell Press.
- Strumiński, B. (1996). *Linguistic interrelations in Early Rus': Northmen, Finns, and East Slavs (ninth to eleventh centuries)*. La Fenice Edizioni.
- Tiander, K. F. (1915). *Datsko-russkie issledovaniia* [Danish-Russian studies], Vol. 3, *Skandinavskie pereselencheskie skazaniia* [Scandinavian migration myths]. Tipografiia A. E. Vineke. (In Russian).
- Tikhomirov, M. N. (1956). *Drevnerusskie goroda* [Old Russian cities]. Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russian).
- Tokhtas'ev, S. R. (2018). *Iazyky traktata Konstantina Bagrianorodnogo* De administrando imperio i ego inoiazychnaia leksika [The language of the treatise of Constantine Porphyrogenitus De administrando imperio and its foreign lexis]. Nauka. (In Russian).
- Uspenskij, F. B. (2002). *Skandiny, variagi, rus': Istoriko-filologicheskie ocherki* [Scandinavians, Varangians, Rus': Historical & philological essays]. Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian).
- Uspenskij, F. B. (2008). Novyi vzgliad na etimologiiu drevneskandinavskogo nazvaniia Kieva *Könugarðr* (po povodu stat'i E. Melin) [A new view on the etymology of the Old Norse name of Kiev *Könugarðr* (On the article by E. Melin)]. *Voprosy iazykoznanii*, 2008(2), 73–81. (In Russian).
- Uspenskij, F. B. (2014). K etimologii nazvanii dneprovskikh porogov u Konstantina Bagrianorodnogo: βράσμα νερού [On the etymology of the names of Dnieper's falls by Constantine Porphyrogenitus: Βράσμα νερού]. In O. A. Akimova (Ed.). *Slaviane i ikh sosedi, XXVII konferentsiia pamiati V.D. Koroliuka: Rasskazy o puteshestviakh, palomnichestvakh, migratsiakh v istochnikakh Srednikh vekov i rannego Novogo vremeni: Materialy konferentsii* (pp. 87–91). Indrik. (In Russian).
- Uspenskij F. (2015a). A new approach to the etymology of the Old Norse name of Kiev — *Könugarðr* (The thesis of Elsa Melin on the name given to Kiev in the Icelandic sagas, with an excursus on kind in place-names). *Scrinium. Journal of Patrology, Critical Hagiography and Ecclesiastical History*, 7–8 (2), 326–338.
- Uspenskij F. (2015b). Towards the etymology of the names of the Dnieper rapids in Constantine Porphyrogenitus: Βράσμα νερού. *Viking and Medieval Scandinavia*, 11, 231–239.
- Vasil'ev, V. L. (2012). *Slavianskie toponimicheskie drevnosti Novgorodskoi zemli* [Slavic toponymical antiquities of the Novgorod land]. Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi. (In Russian).
- Zvzdets'kyi, B. A. (2010). Malyn's'ke horodyshche drevlian [The Malin's hillfort of Drevliane]. In H. Iu. Ivakin et al. (Eds.). *Arkheologii i davnia istoriia Ukraïny, Vol. 1, Problemy davn'orus'koï ta seredn'ovichnoï arkheolohii* (pp. 534–540). Institut arkheolohii NAN Ukraïny. (In Ukrainian).

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Алексей Сергеевич Щавелев

доктор исторических наук
ведущий научный сотрудник, Отдел
истории Византии и Восточной Европы,
Институт всеобщей истории РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т,
д. 32а
Тел.: +7 (495) 938-19-11
✉ alexissorel@gmail.com

Aleksei S. Shchavelev

Dr. Sci. (History)
Leading Researcher, Department of History
of Byzantium and Eastern Europe, Institute
of World History, Russian Academy
of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky
Prospekt, 32a
Tel.: +7 (495) 938-19-11
✉ alexissorel@gmail.com

И. М. Никольский^{abc}

ORCID: 0000-0001-6428-5357

✉ ivan.nikolsky@mail.ru

^a *Российский государственный гуманитарный университет
(Россия, Москва)*

^b *Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)*

^c *Институт всеобщей истории РАН (Россия, Москва)*

ДРАКОНЦИЙ КАК ПРОПАГАНДИСТ И ИСТОРИК: ДИДАКТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ РИМСКОЙ ИСТОРИИ В «ХВАЛЕ ГОСПОДУ»

Аннотация. В статье предлагается новая интерпретация третьей книги богословской поэмы «Хвала Господу» (De Laudibus Dei) позднеантичного поэта из Карфагена Блоссия Эмилия Драконция. Обычно исследователи понимают ее как антиязыческий манифест. Однако сравнительный анализ с другими произведениями этого автора, среди которых мифологические поэмы «Похищение Елены», «Трагедия Ореста», «Медея», а также написанное в тюрьме в качестве стихотворной просьбы о помиловании «Искупление», показывает, что основной конфликт в этой части поэмы был далек от проблемы христианско-языческого противостояния, ее текст имел совершенно иную дидактическую окраску, вполне конкретные политические цели и конкретных адресатов. Выводы статьи позволяют пролить свет на взаимоотношения «интеллектуальной» римской и «силовой» вандалской группами элит в северной Африке рубежа V и VI вв.

Ключевые слова: вандалы, поздняя античность, Драконций, Карфаген, христианство, язычество

Для цитирования: Никольский И. М. Драконций как пропагандист и историк: дидактический смысл римской истории в «Хвале Господу» // Шаги/Steps. Т. 9. № 2. 2023. С. 57–67. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-2-57-67>.

Статья поступила в редакцию 1 декабря 2022 г.

Принято к печати 11 января 2023 г.

I. M. Nikolsky^{abc}

ORCID: 0000-0001-6428-5357

✉ ivan.nikolsky@mail.ru

^a Russian State University for Humanities (Russia, Moscow)

^b The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Russia, Moscow)

^c Institute of World History, Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)

DRACONTIUS AS PROPAGANDIST AND HISTORIAN: DIDACTIC MEANING OF ROMAN HISTORY IN *DE LAUDIBUS DEI*

Abstract. This article deals with the problem of interpreting the third book of the poem ‘Praises of God’ (*De Laudibus Dei*) by the late antique Carthaginian poet Blossius Aemilius Dracontius. Since the poem is formally of theological character, researchers usually regard it as a Christian anti-pagan manifesto. However, comparison with other works by Dracontius, including the epyllia ‘The Abduction of Helen’ (*De Raptu Helenae*), ‘The Tragedy of Orestes’ (*Orestis Tragoedia*), and ‘Medea’, as well as ‘The Atone-ment’ (*Satisfactio*), written in prison as a verse plea for mercy, allows us to see in it political allegories that highlight other challenges relevant to the author’s contemporary period. In particular, Dracontius has in mind the collapse of the Roman Empire and the emergence of barbarian kingdoms, the associated redistribution of spheres of influence, and the struggle for power between the old and new elites. Manipulating textbook historical and mythological plots, the Roman poet constructs a didactic model focused on both of these groups in the Vandal kingdom, one that allows him to consider himself a significant political influencer. The conclusions of the article shed light on the relationship between the “intellectual” Roman and the “military” Vandal noble groups in North Africa at the turn of the 5th and 6th centuries.

Keywords: Vandals, Late Antiquity, Dracontius, Carthage, Christianity, paganism

To cite this article: Nikolsky, I. M. (2023). Dracontius as propagandist and historian: Didactic meaning of Roman history in *De Laudibus Dei*. *Shagi / Steps*, 9(2), 57–67. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-2-57-67>.

Received December 1, 2022

Accepted January 11, 2023

«Хвала Господу» (*De Laudibus Dei*) — крупнейший труд позднеримского поэта Драконция, одного из представителей так называемого вандалского Ренессанса¹. В римской Африке, в V в. захваченной вандалами, несмотря на завоевание, возникла целая плеяда авторов, работавших как в прозаических жанрах (Фульгенций, Виктор Витенский), так и в поэтических (Катон, Луксорий, Флорентин, Флор). Творчество поэтов при этом видится довольно разрозненным; почти никто из них не оставил поддающегося систематизации наследия, а большинство произведений сохранились в виде отдельных фрагментов, опубликованных в сборнике «*Anthologia Latina*»². Драконций оказался в этом ряду счастливым исключением: его сочинения хорошо известны и неоднократно в полном объеме издавались, а поскольку они отчасти автобиографичны, оказалось возможным реконструировать и основные события из жизни поэта.

Она пришлась на вторую половину V в. и, возможно, начало VI в., т. е. на период, когда королевство вандалов окончательно оформилось как независимое от Рима политическое объединение, существовавшее в собственных североафриканских границах. Новые хозяева римских провинций находились в сложных отношениях с местной знатью. С одной стороны, ни ресурсов на то, чтобы выстроить новый административный аппарат, ни необходимых знаний у вандалов не было — что вынуждало их скорее адаптироваться к уже сложившейся в Африке системе управления, ключевые посты в которой принадлежали римской элите, чем адаптировать ее под себя. Официальным языком королевства был латинский; ключевые формулы, использовавшиеся для обозначения первых лиц государства, как и сам способ их передачи (например, легенды на монетах), были заимствованы у римлян³, образование варвары получали у них же. С другой стороны, фактор религиозных разногласий — арианство вандалов против кафоличества римлян, — как и просто политическая конкуренция, провоцировали гонения на местную знать со стороны вандалских *homines novi*⁴.

Жизнь Драконция можно считать прекрасной иллюстрацией к этим сложным отношениям. Потомок сенатора, обладатель звания «светлейшего мужа» (*vir clarissimus*), карфагенский поэт получил образование, научился риторике и поначалу успешно вел юридическую практику, разрешая споры в судах, а на досуге занимался литературным творчеством. Однако эксперименты с последним стоили Драконцию свободы. За некий неудачный текст, не сохранившийся, но предположительно панегирический по содержанию, его посадили в тюрьму. Как полагают, это произошло при короле Гунтамунде (484–496), третьем правителе вандалского королевства, заключение поэта длилось около десяти лет, а добиться освобождения ему удалось только при следующем короле, Тразамунде.

¹ Об этом понятии см., например: [Hays 2004; Hen 2007].

² Издан во второй половине XIX в. А. Ризе (A. Riese). Подробнее о нем см., например: [Гаспаров 2003].

³ Например, формула *dominus noster rex*, которой по образцу императоров обозначали себя вандалские короли. См. подробнее: [Friedlaender 1849: 8; Wroth 1911: 8–16].

⁴ Проблеме взаимоотношений элит в вандалском Карфагене посвящена внушительная литература. Обзор основных тенденций в ней можно найти в работе [Whelan 2018: 1–27].

Хронологически творчество поэта разделяют на три периода, соответствующих его основным жизненным этапам: дотюремный, тюремный и посттюремный⁵. К первому относят юношеские стихи, наподобие посвящения учителю грамматики Фелициану, или риторические упражнения, такие как, например, «Контroversия о храбром муже». Ко второму — обращенную к Гунтамунду стихотворную просьбу о помиловании (впрочем, безрезультатную), известную под названием «Искупление» (*Satisfactio*)⁶. К третьему — мифологические поэмы, посвященные хрестоматийным античным сюжетам: «Медея», «Похищение Елены», «Трагедия Ореста». «Хвала Господу», о которой пойдет речь в этой статье, предположительно так же, как и «Искупление», была написана в тюрьме, но нельзя исключать, что поэма создавалась в разные периоды жизни Драконция, хотя бы в силу ее значительного объема (более 2300 гекзаметрических строк).

Произведение, посвященное восхвалению Божьей милости, разделено на три книги; в первых двух пересказываются сюжеты из Ветхого и Нового Завета, а в третьей на примерах из библейской и античной мифологии и истории обсуждается вопрос об оправданности жертв. Задачи разграничить «миф» и «реальность» Драконций не ставит; его рассуждения — это чистая дидактика, в которой история — учительница жизни.

Общая идея вроде бы лежит на поверхности: любые жертвы ради истинной веры допустимы, а по другим мотивам — нет. Большинство исследователей так и трактуют смысл «Хвалы» и ее третьей книги⁷. Примеры, которыми римский поэт иллюстрирует свое умозаключение, также поначалу убеждают в простоте его логики: «положительным» библейским героям противопоставлены «дурные» античные. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что идейное содержание поэмы устроено более сложно: античные персонажи образуют внутреннюю иерархию, в которой римляне стоят выше греков и карфагенян и далеко не всегда вызывают у автора полное отторжение⁸. Несмотря на то что главным двигателем всех «неправильных» поступков, совершенных язычниками, согласно Драконцию являются вредное честолюбие, погоня за престижем (они совершают убийства и самоубийства *pro laude sua* — ради собственной славы), римляне идут на жертвы, исходя исключительно из соображений целомудрия (*pudicitia*), интересов государства (точнее города — *Urbs*) и свободы (*libertas*). В их характеристике негативные эпитеты перемежаются с одобрительными: *pius civis* — *impius pater* (благочестивый гражданин — нечестивый отец); *novus horror* — *novus amor* (новый кошмар — новая любовь) и т. п. В изображении Драконция фигуры римлян скорее трагичны, чем отталкивающи; практически все их поступки можно назвать вынужденными, а мотивы — благородными.

⁵ По поводу основных этапов жизненного пути Драконция и периодизации его творчества в литературе в целом сложился консенсус. Из наиболее крупных работ, в которых производилась такая реконструкция, можно отметить, к примеру [Romano 1959; Bright 1987].

⁶ В русскоязычной традиции чаще фигурирует как «Оправдание».

⁷ См., например: [Гаспаров 1970: 118–119; Romano 1959: 53–73; Simons 2005: 115–155; Tommasei Morencini 2010: 308; Labarre 2015].

⁸ См. об этом подробнее: [Никольский 2021].

Как видно, для его риторики характерна «воодушевляющая» линия, которую вполне можно отнести на счет проримской пропаганды. Драконций мог вести ее, чтобы поддержать оказавшихся под вандалской оккупацией соотечественников — дескать, даже в темные языческие времена потомки Энея оказывались нравственнее всех остальных. Другую, «критическую» линию она заслонить не в состоянии, но позволяет вычленить для отдельного изучения римский блок, в котором собраны лучшие из худших примеров.

Он занимает сравнительно небольшой объем в рамках третьей книги «Хвалы», примерно 150 строк (LD 3.322–467). Его образы заимствованы из Тита Ливия и не раз эксплуатировались античной традицией, например Цицероном или Валерием Максимом, причем как идеал самоотверженного поведения. Все они вполне хрестоматийны и их истории настолько хорошо должны были быть известны образованному читателю, что Драконций даже не всегда называет имена персонажей, порой предлагая аудитории самостоятельно определить, о ком идет речь.

Открывают этот ряд те, кто убил своих близких ради соблюдения закона или сохранения свободы и чести своего рода. Среди них Брут, казнивший детей за участие в антиреспубликанском заговоре; Виргиний, убивший дочь, чтобы не отдавать ее в наложницы Аппию Клавдию; Торкват, убивший сына за нарушение воинской дисциплины. Другая группа персонажей — покончившие с собой во имя спасения государства или торжества над врагом, по крайней мере морального. Это Курций Руф, отправившийся в Тартар, чтобы спасти Рим от последствий землетрясения; Регул, отказавшийся от обмена военнопленными с Карфагеном, который предпочел умереть, лишь бы римляне не отпускали врагов живыми; жители Сагунта и Нумансии, совершившие коллективное самоубийство, чтобы не попасть в плен к врагам (в случае с нумансийцами — самим римлянам). Немного особняком в этом ряду стоит Сцевола, чья жертва была не такой фатальной и состояла лишь в сожжении руки.

Попытки найти в этом отрывке религиозный подтекст, если рассматривать произведение Драконция не как упражнение в схоластике, а актуальное для его времени послание читателям, не выглядят убедительными. Религиозная составляющая современного ему конфликта между кафоликами-римлянами и арианами-вандалами носила совершенно иной характер и не выходила за пределы спора о сущности Христа. С другой стороны, и самого Драконция трудно причислить к религиозным фундаменталистам, борцам с язычниками, если иметь в виду хотя бы существование эпиграмм под его авторством⁹, в которых поэт в соответствии со всеми канонами жанра восхваляет Венеру и обращается к ней как к покровительнице новобрачных¹⁰.

⁹ Эпиграммы двум братьям (*Romulea* 6) и Иоанну и Витуле (*Romulea* 7), по всей видимости, также связаны с тюремным периодом жизни Драконция; во всяком случае поэт упоминает в них о своих невзгодах. См. подробнее: [Гаспаров 1970: 119, 124–127; Cichon 2015].

¹⁰ *Romulea* 6.22–23: «Ergo, Venus, te, docta, voco, facunda perita / per sensus te funde meos; tua gaudia fervent» (Тебя зову я, Венера, ученая, красноречивая, искусенная, / Разлейся моими чувствами; твоя радость бурлит); *Romulea* 7.10: «Cantarem quia Cypris adest, bona mater Amorum» (Я бы воспел, как приходит Киприда, Амурова благая мать). Такие воззвания не были чем-то из ряда вон выходящим для позднеантичных, в том числе христианских авторов (см.: [Pavlovskis 1965; Roberts 1989]), но идею о радикальном

Не менее уязвимой выглядит и интерпретация этого фрагмента с точки зрения фатализма в исторической концепции Драконция. Подобное объяснение приводит немецкая исследовательница Зильке Дидерих, которая обнаружила параллель между Ромулом и Ремом, с одной стороны, а с другой, Каином и Авелем во второй книге «Хвалы» и предположила, что вся римская история из-за этого братоубийства должна была будто бы изображаться не иначе как проклятой¹¹. Но трагической римскую историю — как она показана в третьей книге «Хвалы» — делала не какая-то предопределенность и не религиозная принадлежность действующих лиц, а их воля и личный выбор в том, как реагировать на происходящее вокруг.

Если отвлечься от формы религиозного диспута, в которой предстает третья книга «Хвалы», ее основная тема сведется к избыточному насилию. Особенно показательны истории героев из группы «мстителей» — Брута, Виргиния и Торквата. Сколь правильными ни казались бы им самим совершенные убийства, счастья или удовлетворения ни они, ни окружающие от этого не получают; сами убийцы скорбят, Рим погружается в траур¹². Другое последствие их действий — гибель невинных, среди которых очевидным образом оказываются «выдающаяся дева» (*eximia virgo*) Виргиния и карфагенские пленники, убитые «неумолимым» (*inexorabilis*) решением Регула¹³.

Никакие пороки персонажей-provokаторов — например, похоть Аппия Клавдия, обозначенная как *libido* и *voluptas*, — не могли служить оправданием этой жестокости. Характерный терминологический штрих: в уже упомянутых эпиграммах, помимо обращения к Венере, Драконций восхваляет (!) те самые *libido* и *voluptas* и желает их молодоженам¹⁴. Несмотря на то что сам жанр свадебной песни предполагает совершенно иной контекст, нежели в «Хвале», очевидно, что сами по себе проявления сексуальности для карфагенского поэта чем-то табуированным не были и роль абсолютного зла играть не могли. И, видимо, хоть в преступных формах осуждались, но не так сильно, как убийство из мести.

Похожие идеи транслируются и в мифологических поэмах — «Медее», «Похищении Елены» и «Трагедии Ореста». В свое время я уже неоднократно останавливался на этих произведениях и проблеме их интерпретации¹⁵, так что лишь коротко повторю основное. В основе сюжета каждого из них стоит супружеское вероломство (Ясона, Елены, Клитемнестры) и наказание или месть за него. Возмездие при этом точно так же не приносит радости мстящим и является проявлением «безумия» (*furor*), а также приводит к лишним жертвам и гибели ни в чем не повинных людей. В Троянской войне суждено погибнуть греческим героям, не имеющим никакого отношения к любовному

антиязыческом настрое Драконция их присутствие все же ставит под сомнение — тем более, что и о других языческих божествах, например Минерве и Юноне, говорится здесь во вполне нейтральном, даже благожелательном тоне (*Romulea* 7.61–62).

¹¹ См. подробнее: [Diederich 2019: 268].

¹² LD 3.355–361, 370–395.

¹³ LD 3.352, 422–425.

¹⁴ Набор определений *libido* и *voluptas* следующий: *casta* ‘чистая’, *moderata* ‘умеренная’, *iusta* ‘праведная’ (*Romulea* 6.60–61, 7.59).

¹⁵ См., например: [Никольский 2019a; 2019b].

треугольнику Парис — Елена — Менелай, а Медея в ярости убивает не только соперницу, но и собственных детей.

Косвенно уже это могло бы объяснить основной посыл «Хвалы» пацифистским настроем автора и его приверженностью принципу непротivления злу насилием. Однако гораздо больше ответов на вопросы о дидактике Драконция и ее потенциальных объектах дает хронологически и риторически близкое к «Хвале» «Искупление»: оба произведения изобилуют жалобами на тяготы тюремного заключения и обращениями к Богу как единственному надежному избавителю от мук¹⁶.

Во-первых, по самому факту существования «Искупления» можно констатировать, что аудитория карфагенского поэта не ограничивалась римлянами; среди его читателей была и вандалская знать, обучавшаяся с римскими интеллектуалами по одной программе¹⁷. Это означает, что определенный расчет у Драконция был и на то, что его дидактический пафос будет воспринят в числе прочего варварами.

Во-вторых, представляют интерес акценты в прошении карфагенского поэта. Обращаясь к вандалскому королю с просьбой о помиловании, он заявляет: «Так долго гневаться — не красит милостивого [правителя]»¹⁸ — и продолжает мягко укорять адресата своего послания, сравнивая его с животными и силами природы, которые никогда себя так не ведут. Среди примеров для сравнения лев, готовый простить сдавшегося охотника¹⁹ и не замечающий мелкую добычу; тигрица, не трогающая пастухов; орел, обходящийся без воробьев и ласточек; дракон, не интересующийся грызунами, и молнии, сходящие низко растущую траву²⁰. В устах Драконция это не просто великодушные сильного; таким образом он осуждает неоправданно жестокую гиперреакцию на проступок, от которой мучаются невинные — в частности, близкие поэта, страдающие от голода и лишений²¹. Король даже оказывается недостойн своего более милостивого предка²².

Собственные проступки, за которые Драконций критикует себя самого²³, отходят в контексте такой риторики на второй план по сравнению с непропорциональным наказанием — как и проступки и пороки героев «Хвалы».

С другой стороны, в «Искуплении» показаны и ролевые модели хорошего поведения, а именно демонстрация милосердия, прощения и пощады, — при-

¹⁶ Cf. LD 3.625 sqq.; *Sat.* 1–106, 312–316.

¹⁷ Упоминания о совместном обучении вандалов и римлян можно встретить у того же Драконция, в посвящении Фелициану Грамматику (*Romulea* 1.1–16).

¹⁸ *Sat.* 120: «Tempore tam longo non decet ira pium».

¹⁹ *Sat.* 137–150.

²⁰ *Sat.* 265–270, 275–277.

²¹ *Sat.* 282–285: «Ecce etiam insontes noxia poena petit. / Si ipse ego peccavi, quatenam est, rogo, culpa meorum, / quos simul exagitat frigus inopsque fames?» ([Ho] вот! Вредоносная кара преследует даже безвинных. / Если я сам согрешил, то хочу спросить: / В чем же вина моих [близких], которых тоже мучает холод, голод и нужда?).

²² *Sat.* 299–300: «Inclitus armipotens, pietatis vestrae origo, / et doctus, genio pronior ad veniam» (Предок вашей милости, [человек] славный, могучий оружием и ученый по духу был больше склонен прощать). По всей видимости, речь идет об основателе королевства Гейзерихе.

²³ Имеется в виду высказанное им сожаление о том самом пропавшем тексте, ставшем причиной ареста (*Sat.* 93–94).

чем Драконций заимствует эти модели не только из библейской традиции, в лице Давида и Соломона (*Sat.* 157–170), но и из римской, дохристианской. Цезарь, Август, Тит и Коммод (*Sat.* 175–190) предстают не менее значимыми образцами, чем ветхозаветные цари, и своим появлением только подтверждают, что особенной ненависти к языческому Риму у Драконция не было, а любые примеры из римской истории могли служить средством дидактики, адресованной вандалам.

Все это перекликается и с рассуждениями о милосердии и миролюбии римлян, волей-неволей проскальзывающими в «Хвале», несмотря на ее показной скептицизм по отношению к языческой античности. Нумансийцы, отказываясь сдаваться римлянам, совершают ошибку потому, что «победитель любит щадить» (*parcere victor amat*) и действует исключительно во благо своим покоренным оппонентам²⁴. Регул, из-за которого погибли карфагенские пленники, нарушивший этот принцип милосердного отношения к побежденным, оказывается в римском ряду Драконция абсолютным изгоем, который, в отличие от остальных, погряз не только семейные и общечеловеческие, но и государственные ценности (*contempsit Urbem*, букв. «презрел Город») ²⁵. Это восхваление римского милосердия и осуждение его отсутствия тоже могли иметь своей целью не только превознесение римлян, но и «обучение» вандалов — коль скоро у текста могли быть и такие читатели, ориентирующиеся на римские образцы.

Тема противопоставления христиан и язычников, номинально основная для третьей книги «Хвалы», оказывается в этом случае не более чем удобной ширмой, предлогом для важного рассуждения о милосердии. Очевидно, именно оно стало центральной темой в политической дидактике Драконция. При этом ключевой аудиторией становилась вандалская знать, включая короля, в руках которой находились хоть и не все рычаги управления, но точно весь репрессивный инструментарий. Весьма вероятно, что главную системную ошибку римской истории в виде гиперреакции, непропорционально мощного насилия и наказаний, несоизмеренных преступлением, Драконций стремился донести именно до таких читателей. Примеры «неправильного» поведения в «Хвале» в этом смысле хорошо дополняли «правильные» образцы милосердных правителей из «Искупления». Помимо личной задачи собственного освобождения карфагенский поэт таким образом пытался решить и задачу общественно-политическую — прекращения преследований римлян со стороны вандалской знати как явления, что с его точки зрения обеспечило бы мир в Северной Африке.

Источники

LD — *Blossius Aemilius Dracontius. De Laudibus Dei. Libri I–III // Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi. Bd. 14. Berlin: Weidmann, 1905. S. 23–113; Dracontius. Œuvres. T. 1: Louanges de Dieu, Livres I et II / Texte établi et traduit par C. Moussy et C. Camus. Paris: Les Belles Lettres, 1985; T. 2: Louanges de Dieu, Livre III. Réparation / Texte établi et traduit par C. Moussy. Paris: Les Belles Lettres, 1988. P. 7–140.*

²⁴ LD 3.454–461.

²⁵ LD 3.426.

- Romulea 1* — Praefatio Dracontii discipuli ad grammaticum Felicianum // Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi. Bd. 14. Berlin: Weidmann, 1905. S. 132; *Dracontius*. Œuvres. T. 3: La Tragédie d'Oreste. Poèmes profanes I–V / Texte établi et traduit par J. Bouquet; Introduction par J. Bouquet, É. Wolff. Paris: Les Belles Lettres, 1995. P. 134–135.
- Romulea 6* — Blossius Aemilius Dracontius. Epithalamium in fratribus dictum / Ed. F. Vollmer // Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi. Bd. 14. Berlin: Weidmann, 1905. S. 148–151; *Dracontius*. Œuvres. T. 4: Poèmes profanes VI–X. Fragments / Texte établi et traduit par É. Wolff. Paris: Les Belles Lettres, 1996. P. 1–5.
- Romulea 7* — Blossius Aemilius Dracontius. Epithalamium Ioannis et Vitulae / Ed. F. Vollmer // Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi. Bd. 14. Berlin: Weidmann, 1905. S. 152–156; *Dracontius*. Œuvres. T. 4: Poèmes profanes VI–X. Fragments / Texte établi et traduit par É. Wolff. Paris: Les Belles Lettres, 1996. P. 6–12.
- Sat.* — Blossius Aemilius Dracontius. Satisfactio ad Gunthamundum regem Wandalorum / Ed. F. Vollmer // Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi. Bd. 14. Berlin: Weidmann, 1905. S. 114–131; *Dracontius*. Œuvres. T. 2: Louanges de Dieu, Livre III. Réparation / Texte établi et traduit par C. Moussy. Paris: Les Belles Lettres, 1988. P. 141–224.
- ## Литература
- Гаспаров 1970 — Гаспаров М. Л. Драконтий // Памятники средневековой латинской литературы IV–IX веков / Отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 1970. С. 118–127.
- Гаспаров 2003 — Гаспаров М. Л. «Латинская Антология» в вандалском Карфагене // Поэты «Латинской Антологии» / Вступ. ст. М. Л. Гаспарова; Сост. и примеч. М. Л. Гаспарова, Ю. Ф. Шульца; Общ. ред. М. Л. Гаспарова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 3–11.
- Никольский 2019a — Никольский И. М. Политический дискурс в «Похищении Елены» Драконция. Исторические заметки // Диалог со временем. Вып. 67. 2019. С. 273–282.
- Никольский 2019b — Никольский И. М. Политический смысл «Меден» Драконция // Вестник древней истории. Т. 79. № 2. 2019. С. 327–334. URL: <https://doi.org/10.31857/S032103910005037-3>.
- Никольский 2021 — Никольский И. М. Христианский апологет или римский патриот? Драконций и exempla viroгum в его «Хвале Господу» (LD III. 250–467) // Вестник древней истории. Т. 81. № 3. 2021. С. 649–658. URL: <https://doi.org/10.31857/S032103910011314-8>.
- Bright 1987 — Bright D. F. The miniature epic in Vandal Africa. Norman: Univ. of Oklahoma Press, 1987.
- Cichon 2015 — Cichon N. Obraz niedoli w pieśni weselnej, czyli epitalamia Drakoncjusza jako przykład jego nowatorstwa // Collectanea Philologica. T. 18. 2015. S. 79–89.
- Diederich 2019 — Diederich S. Dracontius auf Konfrontationskurs: Widerständige Positionen in “De laudibus Dei” // Dichtung zwischen Römern und Vandalen. Tradition, Transformation und Innovation in den Werken des Dracontius / Hrsg. von K. Pohl. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2019. S. 261–272.
- Friedlaender 1849 — Friedlaender J. Die Münzen der Vandalen. Leipzig: Georg Wigand Verlag, 1849.
- Hays 2004 — Hays G. ‘Romuleis Libicisque Litteris’: Fulgentius and the ‘Vandal Renaissance’ // Vandals, Romans and Berbers: New perspectives on Late Antique North Africa / Ed. by A. Merrills. Aldershot: Ashgate, 2004. P. 101–132.
- Hen 2007 — Hen Y. Roman Barbarians: The royal court and culture in the Early Medieval West. Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan, 2007.

- Labarre 2015 — *Labarre S.* Dracontius et les ‘crimes’ des héros païens: historiographie, quête du salut et drames humains // *Littérature, politique et religion en Afrique vandale* / Ed. É. Wolff. Paris; Turnhout: Brepols, 2015. P. 229–242.
- Pavlovskis 1965 — *Pavlovskis Z.* Statius and the Late Latin epithalamia // *Classical Philology*. Vol. 60. No. 3. 1965. P. 164–177.
- Roberts 1989 — *Roberts M.* The use of myth in Latin epithalamia from Statius to Venantius Fortunatus // *Transactions of the American Philological Association* (1974–2014). Vol. 119. 1989. P. 321–348.
- Romano 1959 — *Romano D.* Studi Draconziani. Palermo: U. Manfredi editore, 1959.
- Simons 2005 — *Simons R.* Dracontius und der Mythos. Christliche Weltansicht und pagane Kultur in der ausgehenden Spätantike. München: K. G. Saur, 2005.
- Tommasi Moreschini 2010 — *Tommasi Moreschini Ch. O.* Roman and Christian history in Dracontius’ *De Laudibus Dei* // *Papers presented at the Fifteenth International Conference on Patristic Studies held in Oxford, 2007* / Ed. by J. Baun, A. Cameron, M. J. Edwards, M. Vinzent. Leuven; Paris; Walpole: Peeters, 2010. P. 303–308. (*Studia Patristica*; 44–49).
- Whelan 2018 — *Whelan R.* Being Christian in Vandal Africa: The politics of orthodoxy in the post-imperial West. Oakland: Univ of California Press, 2018.
- Wroth 1911 — *Wroth W.* Catalogue of the coins of the Vandals, Ostrogoths and Lombards, and of the Empires of Thessalonica, Nicaea and Trebizond in the British Museum. London: Printed by order of the Trustees, 1911.

References

- Bright, D. F. (1987). *The miniature epic in Vandal Africa*. Univ. of Oklahoma Press.
- Cichoń, N. (2015). Obraz niedoli w pieśni weselnej, czyli epitalamia Drakoncjusza jako przykład jego nowatorstwa. *Collectanea Philologica*, 18, 79–89. (In Polish).
- Diederich, S. (2019). Dracontius auf Konfrontationskurs: Widerständige Positionen in ‘De laudibus Dei’. In K. Pohl (Ed.). *Dichtung zwischen Römern und Vandalen. Tradition, Transformation und Innovation in den Werken des Dracontius* (pp. 261–272). Franz Steiner Verlag. (In German).
- Friedlaender, J. (1849). *Die Münzen der Vandalen*. Georg Wigand Verlag. (In German).
- Gasparov, M. L. (1970). Drakontii [Dracontius]. In M. E. Grabar’-Passek, & M. L. Gasparov (Eds.). *Pamiatniki srednevekovoi latinskoj literatury IV–IX vekov* (pp. 118–127). Nauka. (In Russian).
- Gasparov, M. L. (2003). “Latinskaia Antologija” v vandal’skom Karfagene [*Latin Anthology in Vandal Carthage*]. In M. L. Gasparov (Ed., Intro.), M. L. Gasparov, & Iu. F. Shul’ts (Compl., Notes). *Poety latinskoj antologii*. (pp. 3–11). Izd-vo Mosk. un-ta. (In Russian).
- Hays, G. (2004). ‘Romuleis Libicisque Litteris’: Fulgentius and the ‘Vandal Renaissance’. In A. Merrills (Ed.). *Vandals, Romans and Berbers: New perspectives on Late Antique North Africa* (pp. 101–132). Ashgate.
- Hen, Y. (2007). *Roman Barbarians: The royal court and culture in the Early Medieval West*. Palgrave Macmillan.
- Labarre, S. (2015). Dracontius et les ‘crimes’ des héros païens: historiographie, quête du salut et drames humains. In É. Wolff (Ed.). *Littérature, politique et religion en Afrique vandale* (pp. 229–242). Turnhout. (In French).
- Nikolsky, I. M. (2019a). Politicheskii diskurs v “Pokhishchenii Eleny” Drakontsiia: istoricheskie zametki [Political discourse in Dracontius’ *De Raptu Helenae*: historical notes]. *Dialog so vremenem*, 67, 273–282. (In Russian).
- Nikolsky, I. M. (2019b). Politicheskii smysl “Medei” Drakontsiia [Political meaning of Dracontius’ *Medea*]. *Vestnik drevnei istorii*, 79(2), 327–334. <https://doi.org/10.31857/S032103910005037-3>. (In Russian).

- Nikolsky, I. M. (2021). Khristianskii apologet ili rimskii patriot? Drakontsii i exempla virorum v ego "Khvale Gospodu" (LD III. 250–467) [Christian apologist or Roman patriot? Dracontius and the exempla virorum in his De Lavdibvs Dei (LD III. 250–467). *Vestnik drevnei istorii*, 81(3), 649–658. <https://doi.org/10.31857/S032103910011314-8>. (In Russian).
- Pavlovskis, Z. (1965). Statius and the Late Latin epithalamia. *Classical Philology*, 60(3), 164–177.
- Roberts, M. (1989). The use of myth in Latin epithalamia from Statius to Venantius Fortunatus. *Transactions of the American Philological Association* (1974–2014), 119, 321–348.
- Romano, D. (1959). *Studi Draconziani*. U. Manfredi editore. (In Italian).
- Simons, R. (2005). *Dracontius und der Mythos. Christliche Weltsicht und pagane Kultur in der ausgehenden Spätantike*. K. G. Saur. (In German).
- Tommasi Moreschini, Ch. O. (2010). Roman and Christian history in Dracontius' De Laudibus Dei. In J. Baun, A. Cameron, M. J. Edwards, & M. Vinzent (Eds.). *Papers Presented at the Fifteenth International Conference on Patristic Studies held in Oxford, 2007* (pp. 303–308). Peeters.
- Whelan, R. (2018). *Being Christian in Vandal Africa: The politics of orthodoxy in the post-imperial West*. Univ of California Press.
- Wroth, W. (1911). *Catalogue of the coins of the Vandals, Ostrogoths and Lombards, and of the empires of Thessalonica, Nicaea and Trebizond in the British Museum*. Printed by order of the Trustees.

* * *

Информация об авторе

Иван Михайлович Никольский

кандидат исторических наук,
доцент, кафедра классической
филологии, Российский государственный
гуманитарный университет
Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6
Тел.: +7 (495) 250-69-38
доцент, кафедра всеобщей истории,
Институт общественных наук,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, д. 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
научный сотрудник, Институт всеобщей
истории РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т,
д. 32а
Тел.: +7 (495) 954-44-82
✉ ivan.nikolsky@mail.ru

Information about the author

Ivan M. Nikolsky

Cand. Sci. (History)
Assistant Professor, Department of Classical
Philology, Russian State University for the
Humanities
Russia, 125993, Moscow, Miusskaya Sq., 6
Tel.: +7 (495) 250-69-38
Assistant Professor, Department of World
History, Institute of Social Sciences, The
Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Verenskogo, 82
Tel.: +7(499)956-96-47
Researcher, Institute of World History,
Russian Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky Prospekt,
32a
Tel.: +7(495)954-44-82
✉ ivan.nikolsky@mail.ru

Н. А. Федонников

ORCID: 0000-0002-6059-9620

✉ nafedonnikov@gmail.com

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)*

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ХИНКМАРА РЕЙМСКОГО О КОРОЛЕВСКОМ ОКРУЖЕНИИ

Аннотация. Статья посвящена представлениям Хинкмара, архиепископа Реймса (845–882), о королевском окружении в контексте его идей о королевской власти. Исследование основано на его политических наставлениях «De regis persona et regio ministerio» и «De ordine palatii», а также на письмах и составленной им третьей части Бертинских анналов. Архиепископ не мыслит верно организованное управление королевством без установления согласия между королем и знатью, как светской, так и церковной. Обращая внимание на современные ему события, реймский прелат подвергает критике и представителей знати в Западном королевстве франков, и королей, идущих им на уступки. По мнению Хинкмара, король не может править справедливо, если не имеет при себе советников. К советникам предъявляются те же требования, что и к самому королю: они должны быть добродетельны, мудры, справедливы, милосердны, верны и благочестивы. Идеальным королевским советником реймский прелат представляет себе епископа, который воплощает эти добродетели. Более того, поскольку священник ответственен перед Господом в том числе за короля, то он должен со всей строгостью следить за его правлением. В связи с этим Хинкмар конструирует должность апокрисиария-архикапеллана, посланника от франкского епископата, который бы руководил всеми церковными делами при дворе, оказывая влияние в том числе и на короля.

Ключевые слова: Хинкмар Реймский, Каролинги, Карл Лысый, королевские зеркала, королевства франков, королевская власть

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Федонников Н. А. Представления Хинкмара Реймского о королевском окружении // Шаги/Steps. Т. 9. № 2. 2023. С. 68–87. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-2-68-87>.

*Статья поступила в редакцию 4 декабря 2022 г.
Принято к печати 20 февраля 2023 г.*

N. A. Fedonnikov

ORCID: 0000-0002-6059-9620

✉ nafedonnikov@gmail.com

*The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Russia, Moscow)*

ROYAL COUNSELORS AND NOBLES IN HINCMAR OF REIMS'S POLITICAL CONCEPT

Abstract. This article is devoted to the role of royal counselors and nobles in Hincmar of Reims's political concept. The study is based on political instructions of the prelate of Reims, such as "De regis persona et regio ministerio" and "De ordine palatii", as well as the letters of the archbishop and his compilation of the Annals of St Bertin. Analysis of Hincmar's texts shows that royal power was based on harmony between the king, the nobility, and the clergy. Drawing attention to contemporary events, the prelate of Reims criticizes both representatives of the nobility in the Kingdom of the West Franks, and the kings who indulge them. In Hincmar's opinion, the only way for a king to rule virtuously and rightfully is to rely on the advice of just and wise counselors. The virtues of the royal inner circle are the same as the virtues of the king: justice, mercy, wisdom, piety, humility. The Reims prelate envisions a bishop as the ideal royal advisor. Moreover, since the priest is responsible to the Lord for the king's deeds, he must strictly observe the fulfilment of king's duties. In this regard, Hincmar constructs the office of an apocrisiarius-archcapellan, an envoy from the Frankish episcopate, who would supervise all church affairs at court and guide the king's ethics as well.

Keywords: Hincmar of Reims, Carolingians, Charles the Bald, mirrors for princes, Frankish kingdoms, kingship

Acknowledgements. The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

To cite this article: Fedonnikov, N. A. (2023). Royal counselors and nobles in Hincmar of Reims's political concept. *Shagi / Steps*, 9(2), 68–87. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-2-68-87>.

Received December 4, 2022

Accepted February 20, 2023

Вступительные замечания

Настоящее исследование посвящено представлениям Хинкмара, архиепископа Реймского (845–882), одного из важнейших советников и приближенных королей Западного королевства франков, о взаимоотношениях короля и его окружения, иными словами знати, как светской, так и церковной. Эпоха раннего Средневековья — время формирования специфических форм организации власти. На смену римской позднимперской политической структуре, обросшей сложным, многоуровневым бюрократическим аппаратом, приходят более простые и, казалось бы, примитивные, но устойчивые формы управления, в основе которых лежит система личных и межклановых иерархических связей различных политических субъектов: короля, знати, духовенства [Thierry 1840; Guizot 1846; Fustel de Coulanges 1905; Петрушевский 1913]. Окончательно подобная система сложилась с распадом Каролингской империи к IX–X вв., с образованием специфически средневековых политических элит. О том, насколько эффективной и устойчивой была эта политическая система, спорит уже несколько поколений историков. Различным политическим институтам и их функционированию, особенностям коммуникации политических субъектов, сравнению раннесредневековых моделей управления, их нормативной составляющей были посвящены десятки, если не сотни работ, например: [Waitz 1860; Brunner 1906; Ganshof 1971; McKitterick 1977; Сидоров 2000; 2003].

Появление новых методов исторического исследования формирует новые вопросы, в том числе как сами современники, в особенности участвовавшие в политике, воспринимали, обосновывали или критиковали сложившийся порядок, в каких категориях они его рассматривали, в чем видели опору власти, ее предназначение [Bloch 1924; Duby 1972]. Ключевым аспектом в понимании функционирования этой системы становится оценка современниками роли взаимоотношений между королем и его разнородным окружением: двором, местной аристократией, церковными социальными элитами [Le Jan 2006; 2011; Moesch 2020]. Именно поэтому Каролингская эпоха как переходный период европейской истории всегда заслуживала и продолжает заслуживать пристальное внимание: формирование новой имперской идеологии и методов легитимации власти, обособление социальных элит, усиление роли Церкви, стремительный взлет и падение власти правителей франков — лишь небольшая доля процессов и явлений, определяющих специфику франкских представлений о системе управления королевством [Ullman 1969; Nelson 1986; Latowsky 2013; Jong 2009; Старостин 2014; Airlie 2017].

Франкская литература времени правления Карла Великого, как историческая, так и поучительная, уделяла сравнительно мало внимания роли королевского окружения в управлении королевством, вероятно в связи с фурором, произведенным личностью и деяниями нового императора Запада. Напротив, труды последних лет правления Людовика Благочестивого, и тем более написанные после Верденского раздела 843 г., все чаще обращались к взаимоотношениям короля и знати, как светской, так и церковной,

а также к действиям этой знати, в особенности направленным, по мнению авторов трудов такого рода, против королевской власти¹.

Наиболее четко этот аспект потестарных идей прослеживается в трудах Хинкмара Реймского, непосредственно участвовавшего в придворной жизни начиная со времени правления Людовика Благочестивого². Благодаря тому что Хинкмар являлся автором как многочисленных политических наставлений королям франков, так и исторических трудов, представляется возможным проследить и его реакцию на происходящие в Западном королевстве франков изменения, и на идеи, которые, по его мнению, помогли бы преодолеть сложившуюся, неблагоприятную для королевской власти конъюнктуру.

Уникальность реймского прелата в контексте исследования представлений о королевской власти в период падения династии Каролингов связана с тем, что в его политических идеях ярко выражается личный политический опыт. Будучи лояльным королям Западного королевства франков, он оставался и наиболее строгим критиком проводимой ими политики, в особенности если действия королей были направлены на ограничение свобод Церкви. Противодействуя ослаблению королевской власти, он, в то же время, противостоял и имперским амбициям Каролингов. Являясь не только «теоретиком», но и «практиком», Хинкмар активно претворял свои взгляды в жизнь, отстаивая интересы западной ветви династии Каролингов и галло-франкского епископата. Ниже рассмотрены его главные труды на эту тему — наставления «О короле и королевском служении» (872) и «О дворцовом порядке» (882), адресованные Карлу Лысому и Карломану II соответственно, на которых стоит остановиться подробнее³.

¹ Пристальное внимание действиям знати, влиянию королевского окружения на королей франков, в особенности негативному, уделяется уже в трудах Тегана и Нитхарда, где они становятся центральной темой. В частности, оба автора обосновывают возникшие в империи раздоры между Людовиком Благочестивым и его старшими сыновьями дурным влиянием их окружения. Например: Theg. *Gesta* 22: «Ipso eodemque anno Bernhardus, filius Pippini ex concubina natus, per exhortationem malorum hominum extollens se adversus patruelem suum, voluit eum a regno expellere. Habebat enim impios consiliarios hinc inde»; Nith. *Hist.* I.4: «...dum Huc, Lambertus atque Mathfridus, quis illorum secundus post Lodharium in imperio haberetur, ambigerent, dissedere coeperunt et, quoniam quisque eorum propria quaerebat, rem publicam penitus neglegebant». Теган в особенности видит причину в незнатном происхождении некоторых наиболее близких к императору фигур, в частности Эббона, архиепископа Реймса. Theg. *Gesta* 44: «Elegerunt tunc unum impudicum et crudelissimum, qui dicebatur Ebo, Remensis episcopus, qui erat ex originalium servorum stirpe (...) Fecit te liberum, non nobilem, quod impossibile est. Post libertatem vestivit te purpura et pallio; tu eum induisti cilicio». Далее тенденция к осуждению действий знати и объяснению дурных поступков короля через дурных советников лишь усиливается.

² Хинкмару Реймскому посвящены десятки работ, как общего, биографического характера, так и рассматривающих его труды, например: [Prichard 1849; Schrörs 1884; Devisse 1976; Stone, West 2015].

³ К подобного рода политическим наставлениям, но гораздо более узконаправленным стоит отнести и его письма Людовику Заике (877) и Карлу Толстому (881), посвященные вопросам приведения восставшей знати к присяге и воспитания юных королей франков в окружении мудрых и благочестивых наставников. См.: Hinc. *Ad Lud. Balb.*; Hinc. *De inst.*

Источники

Наставление «О короле и королевском служении» (*De regis persona et regio ministerio*) содержит описание того, что представляет собой королевское служение, и является наиболее подробным трудом архиепископа Реймского, отражающим его взгляды на королевскую власть. Поскольку Карл Лысый правил Западным королевством франков к моменту написания труда уже более двадцати лет, можно предположить, что целью Хинкмара была попытка указать на существовавшие недостатки королевского управления, а также скорректировать проводимую королем политику. Последние годы его правления (к моменту написания, т. е. к 872 г.) ознаменованы многими событиями, которые могли быть негативно оценены Хинкмаром. К тому же в это время у Хинкмара обостряются отношения с Карлом Лысым, в первую очередь по ряду церковных вопросов, а именно из-за передачи церковных земель Реймской провинции светским вельможам, а также в отношении назначения новых и сохранения положения старых епископов. Потому Хинкмар уделяет внимание в зеркале вопросам взаимоотношения короля и своего окружения, в особенности духовенства [Anton 1968: 281–301].

Трактат «О дворцовом порядке» был написан Хинкмаром перед смертью, примерно между сентябрем и ноябрем 882 г. Наставление могло являться своего рода политическим завещанием архиепископа, обращенным к следующему поколению, которому предстояло продолжить дело сохранения и защиты христианского мира в распадающейся Франкской империи. Целью его написания была передача королю Карломану II знаний о том, как управлять Западным королевством франков, какие должности необходимы во дворце и какова их функция, а также каково место короля и Церкви в системе управления королевством. Главная проблема источника заключается в трудности интерпретации той части текста, в которой Хинкмар ссылается на ныне не сохранившийся труд Адалгарда Корвейского, двоюродного брата Карла Великого. В соответствии с общепринятым в настоящий момент мнением, наставление Адалгарда существовало и, скорее всего, было написано в 810–820 гг., и архиепископ Реймса вполне мог его использовать в своем трактате. Ссылка на труд корвейского аббата усиливала авторитет наставления Хинкмара, поскольку он ссылаясь на те времена, когда империя была едина и процветала под управлением верных советников [Brühl 1964].

Совместно с текстом «О дворцовом порядке» следует также рассматривать последнее наставление Хинкмара, «Увещание епископам королевства»⁴, написанное им уже в Эперне, после захвата Реймса норманнами [Anton 1968: 289]. Текст представляет собой своего рода расширенную версию первой части трактата «О дворцовом порядке»: многие идеи, лишь затронутые в первом наставлении, находят здесь более широкое отражение. Сочинение изобилует цитатами, в связи с чем позволяет комплексно рассмотреть представления Хинкмара о королевской власти. Если в трактате «О дворцовом порядке» Хинкмар лишь упоминает авторов, с трудами которых епископам и королю следовало бы ознакомиться для понимания предназначения и обязанностей

⁴ Hinc. *Adm. Spar.* Подробнее см.: [Anton 1968: 289–290].

королевской и церковной власти, то в тексте «Увещания епископам королевства», прелат приводит цитаты и зачастую также сопровождает их своими комментариями.

Наставления Хинкмара Реймского охватывают общий круг тем, а именно природу и предназначение королевской власти, добродетели и пороки короля, соотношение королевской власти и церковного авторитета, функции и обязанности королевской власти в вопросах поддержания внешней безопасности и внутреннего устройства королевства, а также взаимоотношения короля с его окружением и требования к королевским советникам. Безусловно, Хинкмар не был единственным автором политических наставлений в Каролингскую эпоху, он лишь продолжал традицию, начатую по меньшей мере Смарагдом Сен-Мишельским (ум. ок. 840). Многие комментарии Хинкмара перекликаются с идеями других авторов наставлений, например, Седулия Скотта (ум. ок. 880) или Ионы Орлеанского (760–844), иногда вплоть до используемых им цитат⁵. В то же время следует подчеркнуть, что при развитии некоторых тем архиепископ Реймса обращается к источникам, не использовавшимся в других зеркалах Каролингской эпохи, или же он берет уже известные труды, но перенимает оттуда другие идеи⁶. Выход Хинкмара за рамки «стандартных» для зеркал источников и цитат может быть обоснован его заинтересованностью в освещении ряда тем, прежде либо не упоминавшихся другими авторами, либо затрагивавшихся лишь поверхностно.

Не менее важным источником, позволяющим реконструировать взгляды архиепископа на королевское окружение в системе представлений о королевской власти, является написанная им третья часть так называемых Бертинских анналов⁷, охватывающих период с 861 по 882 г. Написанная Хинкмаром часть Бертинских анналов является наиболее подробной, вероятно по причине вовлеченности автора в управление королевством и активной церковной деятельности. Он описывает практически каждое произошедшее королевское собрание, многие королевские встречи Каролингов, церковные соборы, не го-

⁵ Например, цитирование второй главы ирландского трактата «О двенадцати мирских прегрешениях», «Моралии на книгу Иова» Григория Великого, письма папы Геласия императору Анастасию и «О граде Божьем» Августина Блаженного сближает наставления Хинкмара с трактатом «О королевском воспитании» Ионы Орлеанского (*Ionas Aur. De inst. reg.* 1, 3, 17; *Hinc. De reg.* 2, 3, 5; *Hinc. De ord. pal.* 4). Труды Хинкмара и Седулия роднит обращение к теме поведения короля на войне, не встречающейся в прочих наставлениях (*Hinc. De reg.* 7–12; *Sedul. De rect.* 14–16).

⁶ Например, подробно описывая в трактате «О короле и королевском служении» особенности королевского правосудия, Хинкмар обращается к ряду писем Августина, к «Беседам на Евангелие» Григория Великого и сочинению «Об обязанностях священнослужителей» Амвросия Медиоланского (*Hinc. De reg.* 4, 13, 16, 17).

⁷ Анналы никак не связаны своим происхождением с монастырем Сен-Бертен, а названы в честь монастыря лишь благодаря найденной там полной рукописи, датированной XI веком. Погодное описание событий начинается с 830 г, поэтому можно считать, что летописание является продолжением Анналов королевства франков. Исследователи делают Бертинские анналы по принципу авторства на три части. Первую часть, касающуюся событий 830–835 гг., приписывают Фульку, капеллану Людовика Благочестивого, одному из учеников Хильдуина. Вторая часть анналов, о событиях 835–860 гг., вероятно, создана Пруденцием, епископом Труа, капелланом Карла Лысого. Третья же часть, повествующая о 861–882 гг., написана Хинкмаром Реймским. Она была начата примерно в 865 г., когда Хинкмару удалось получить от Карла Лысого копию труда Пруденция [Nelson 1991: 1–10].

воря уже о вооруженных конфликтах. В третьей части анналов сочетаются подробность рассказа, обусловленная приближенностью Хинкмара ко двору и его положением в Западном королевстве франков, и определенная доля предвзятости, отражающая личный взгляд архиепископа на происходящие события, а не официальную позицию короля [Nelson 1991: 12–15].

Понятийная рамка королевского окружения

В понимании Реймского архиепископа (на примере представленных трудов) мы можем говорить о трех основных блоках понятий (обозначений или терминов, используемых для описания групп участников политической жизни королевства). Первое понятие — *regni primores, regni maiores* или *regni seniores*⁸ — используется Хинкмаром для обозначения знати, как церковной, так и светской, которая непосредственно влияет на происходящие в королевстве события, выступая практически как самостоятельный субъект. Иными словами, под *regni primores* понимается местная знать королевства франков, т. е. графы (*comites*) и герцоги (*duces*). Это понятие используется архиепископом в письме Людовику Заике и в наставлении «О дворцовом порядке».

Второй термин — *consilarii*⁹ — используется для обозначения советников, участвующих в политической жизни королевства опосредованно через короля. Источники не позволяют установить социальный состав этой части королевского окружения. С одной стороны, в тексте «О дворцовом порядке» Хинкмар пишет, что *consilarii* — неотъемлемые и важнейшие участники королевских собраний. Там же он упоминает, что Адальгард Корвейский (двоюродный брат Карла Великого) был мудрейшим советником императора¹⁰. Скорее всего, в число *consilarii* входила какая-то часть *regni primores*, облеченных высшим доверием со стороны короля, или тех лиц, чьим мнением он не имел возможности пренебречь.

Третье понятие — *bajuli*¹¹ — фигурирует в письме Карлу Толстому и обозначает своего рода наставников или опекунов, которые требовались юным королям для воспитания в них добродетелей.

⁸ Hinc. *Ad Lud. Balb.* 6: «Propterea videtur exiguitati meae, vestrum esse consilium, ut de antiquis historiis quantum potestis attendatis, ne in exordio regni vestri inter primores regni de vestro regimine oriatur discordia, quae non sine impedimento possit esse sedata»; Ibid. 1–4; Hinc. *De ord. pal.* 29: «In quo placito generalitas universorum maiorum tam clericorum quam laicorum conveniebat: seniores, propter concilium ordinandum; minores, propter idem consilium suscipiendum, et interdum pariter tractandum, et non ex potestate, sed ex proprio mentis intellectu vel sententia confirmandum».

⁹ Например: Hinc. *De reg.* 4; Hinc. *De ord. pal.* 31.

¹⁰ Hinc. *De ord. pal.* 12: «Adalhardum senem et sapientem domni Caroli magni imperatoris propinquum, et monasterii Corbeiae abbatem, inter primos consiliarios primum in adolescentia mea vidi».

¹¹ Hinc. *De inst.* 6: «Ipsi autem bajuli magnopere providere debent, ne super socios suos se extollant, sed iuxta Scripturam dicentem». Этот термин в похожем значении передал Иероним Стридонский в переводе 2-й Книги Царств (2 Цар. 23), обозначив им телохранителя Давида. Современник Хинкмара, Рабан Мавр (Hrab. Maur. *En. sup. Deut.*, 108), ссылаясь на Исидора Севильского (Isid. *Quaes. in Vet. Test.*, 83), равно как и Беда Достопочтенный (Beda. *In Ev. Lucae*. VI, 22), используют это слово в значении ‘носильщик’. В значении ‘наставник’ слово употребляется также в «Жизни императора Людовика» Астронома, применительно к

Поскольку идеи об опоре королевской власти на королевских магнатов и советников прослеживаются во всех наставлениях, мы считаем совокупное рассмотрение обозначенных трех групп вполне закономерным. Несмотря на различия во влиянии на власть и политику в королевстве, для Хинкмара все три группы оказываются одинаковы в своем предназначении — опоре и поддержке короля.

В этой связи важными категориями для Хинкмара выступают также совет (*consilium*), согласие (*consensus, concordia*) и единодушие (*unanimitas*), определяющие отношения короля и его окружения. Эти понятия часто фигурируют в трудах Хинкмара. В наставлениях архиепископ указывает на важность руководствоваться советами своего окружения. Например, в письме Людовику Заике он дает понять, что мир и процветание королевства зиждется на поддержке короля знатью (*consilio et auxilio regni primorum*)¹². В Бертинских же анналах понятия «совет», «согласие» и «единодушие» выступают в качестве маркеров дурных и добрых деяний короля, знати или церковных прелатов: как правило, если политический актер действует в понимании Хинкмара дурно, он отмечает, что действие было произведено без совета и согласия¹³, и наоборот, добрые поступки происходят в соответствии с советом и согласием¹⁴, за исключением тех случаев, когда советник дурной¹⁵. В коронационном же чине Карла Лысого, составленном Хинкмаром и подробно описанном в Бертинских анналах, единодушие (*unanimitas*) клира и народа выступает в качестве одного из главных факторов, подтверждающих легитимность Карла как короля Лотарингии¹⁶.

некому Арнульф, приставленному к Людовику в детстве Карлом Великим. В дальнейшем должность укореняется в средневековой Франции (*балы*), но ее функции изменяются: балы становятся королевскими уполномоченными в регионах.

¹² Например: Hinc. *Ad Lud. Balb.* 2: «Mortuo autem illo, et cum magna devotione sepulto, Carlomannus ad Sussiones, et Carolus ad Noviomum venerunt, et decimo quinto die post illius obitum consilio et auxilio regni primorum in reges elevati sunt, et unusquisque de regni primoribus sine ulla contentione ad regem suum convenit».

¹³ Например, *Ann. Bert.* a. 872: «ut praedictum est, apud Trientum cum Ingelbergā loquens, partem regni Lotharii, quam contra Carolum accepit, neglectis sacramentis inter eos pactis, sine consensu ac conscientia hominum quondam Lotharii qui se illi commendaverant, clam reddidit».

¹⁴ Например, *Ann. Bert.* a. 874: «Quia ergo multi erant in regno Caroli, qui exspectabant ut per Carolomannum adhuc rediviva mala agerentur in sanctā Dei ecclesia et in aliis regnis, de quibus regio ministerio cum consilio fidelium suorum, secundum morem praedecessorum ac progenitorum suorum, leges paci ecclesiae et regni soliditati congruas promulgavit, et ab omnibus observari decrevit».

¹⁵ Например, *Ann. Bert.* a. 861: «Hludowicus denique, filius Caroli regis, consilio Guntfridi atque Gozfridi Salomonem adit, validam Brittonum manum obtinet, et cum eis Rotbertum patris fidelem impetit, Andegavum et alios quos adire potuit pagos caede, igni, depraedatione devastat».

¹⁶ В тексте коронационного чина *unanimitas* и различные его производные (*unanimi, unanimiter*) встречаются девять раз, *concordia* и его производные — дважды. Особенно интересно это в связи с контекстом создания коронационного чина. Коронация Карла Лысого королем Лотарингии произошла в 869 г., сразу после смерти его племянника, Лотаря II, не оставившего наследников. Опасаясь, что его брат, Людовик Немецкий, поспешит занять престол Лотарингии, Карл попытался опередить его и при помощи епископов Лотарингии организовал собственную коронацию. Хинкмар, акцентируя «единодушие» и «согласие», стремился легитимировать притязания Карла на престол Лотарингии — Hinc. *Cor. Carol.*:

Критика королевского окружения

Говоря о королевском окружении в Бертинских анналах, Хинкмар не скупится на критику. Он неоднократно упоминает, что светские магнаты с дозволения короля становятся владельцами церковных земель, и это вызывает у архиепископа резко негативную реакцию. Например, в 862 г. Карл Лысый «не совсем обдуманно передал ранее необдуманно подаренное» его сыну Людовика аббатство св. Мартина Турского в руки «женатого клирика Губерта», о чем архиепископ пишет с укоризной, по всей видимости отстаивая право свободного выбора аббата членами монашеской общины в соответствии с постановлениями Ахенских соборов 816–819 гг.¹⁷ Уже к 866 г. аббатство св. Мартина, побывав за четыре года также у Роберта Сильного (маркграф Нейстрии, ум. 866), передается вместе с аббатством св. Квинтина (ныне город Сен-Кантен в области Вермандуа) его родственнику Гуго, в дальнейшем известному как Гуго Аббат¹⁸. Несмотря на то что у династии Каролингов существовала традиция оставлять за некоторыми из наследников церковные должности, в частности аббатов монастырей (тем самым исключая их владения из наследуемого имущества), Хинкмар относится к этому со значительной долей скепсиса¹⁹.

Столь же негативную реакцию у Хинкмара вызывают довольно частые восстания непокорной знати. За время его участия в управлении королевством в сане архиепископа Реймского мятежи разного масштаба происходили с периодичностью раз в три-четыре года. Хинкмар редко говорит о причинах мятежей, однако для него важно другое: в его представлении, равно как и в представлении предыдущих каролингских авторов, восстание или подстрекательство к мятежу против короля — всегда следствие дурного нрава вельможи²⁰.

Особенно масштабными усобицы стали ближе к концу правления Карла Лысого. В Бертинских анналах упоминается, как в 877 г. значительная часть высшей знати королевства открыто выразила сопротивление итальянскому походу Карла Лысого против мавров. Хинкмар упоминает имена лидеров непокорных магнатов: Гуго Аббата, Бозона Вьеннского, Бернарда Овернского и Бернарда Готского, наиболее влиятельных и приближенных к королю вельмож (*regni primores*) Западного королевства франков, получавших значительные

«Quia denique voluntatem Dei, qui voluntatem timentium se facit, et deprecationes eorum exaudit, in concordia unanimitate nostra videmus hunc regni hujus haereditatem esse legitimam, cui nos sponte commisimus, domnum videlicet praesentem regem ac principem nostrum Carolum...»

¹⁷ *Ann. Bert.* a. 862: «Abbatiam quoque Sancti Martini, quam inconsulte praescripto filio suo Hludowico donaverant, non satis consulte Hucberto, clerico coniugato, donavit». Вероятно, здесь также сыграла роль скверная репутация Губерта. Так, во второй части Бертинских анналов (а. 860) упоминается совращение Губертом своей сестры Теутберги, жены Лотаря II.

¹⁸ *Ann. Bert.* a. 866.

¹⁹ Например, аббатами и епископами становились незаконнорожденные сыновья Карла Великого, так, Дрого был епископом Меца, а Гуго — аббатом Сен-Кантена до 844 г.

²⁰ Например: *Ann. Bert.* a. 864: «Bernardus, Bernardi quondam tyranni carne et moribus filius, licentia regis accepta de eodem placito quasi ad honores suos perrecturus, super noctem armata manu regreditur, et in silva se occultens, ut quidem dicebant, regem qui patrem suum Francorum iudicio occidi jusserat, et ut quidam dicebant, Rodbertum et Ramnulfum, regis fideles, malitiis occidere locum et horam exspectat».

дары и земельные пожалования от короля²¹. Важно отметить также, что к смуте присоединились не только представители светской знати, но и епископы. Фактически Карл Лысый оказался без поддержки как в итальянском походе, так и в ходе нарастающего противостояния с сыновьями Людовика Немецкого. Впоследствии вышеупомянутые магнаты неоднократно восстанут против потомков Карла Лысого, а Бозон Вьеннский даже осмелится провозгласить себя королем Прованса. Бертинские анналы упоминают также о ряде мятежей знати, когда магнаты из королевского окружения своими дурными советами склоняли членов королевской семьи к восстанию против короля. Например, в 862 г. сыновья Карла Лысого Людовик и Карл, по злому наущению некоторых представителей знати женившись на дочерях западнофранкских вельмож и заручившись их поддержкой, выступили против Карла Лысого. В это же время Юдифь, дочь Карла Лысого и вдова англосаксонского короля Этельвульфа, вернувшись в королевство франков, вышла замуж за графа Фландрии Балдуина против воли отца²².

Для реймского прелата огромное значение имели личные качества приближенных правителя. Хинкмар неоднократно упоминает, что в окружении короля франков присутствовали люди, чьи способности не подходили для правильного управления королевством. Например, он называет Конрада, одного из родственников и советника (*consiliarius*) Карла Лысого, по его мнению, человека «высокомерного, но поверхностного знания, которое приносит мало пользы ему, но еще меньше — окружающим»²³. Не меньшую долю критики от прелата получил и Бозон Вьеннский, который посредством заговоров смог жениться на вдове Людовика II, значительно легитимировав свою власть в Италии²⁴.

О роли коммуникации короля и элит

В условиях постоянных мятежей знати и кризиса королевской власти Хинкмар пытался направить королей франков посредством наставлений, указывая на важность опоры королевской власти на знать. Нельзя сказать, что его комментарии по поводу важности «совета» и «согласия» для короля уникальны. Подобный набор идей возникает еще в ранних наставлениях галло-франкского духовенства королям франков из династии Меровингов²⁵. Однако

²¹ *Ann. Bert.* a. 877: «Imperator autem aliquandiu una cum Iohanne papa in eisdem locis immorans, expectavit primores regni sui, Hugonem abbatem, Bosonem, Bernardum Arvernium comitem, itemque Bernardum Gotiae markionem, quos secum ire iusserat: qui una cum aliis regni primoribus, exceptis paucis, et episcopis adversus eum conspirantes coniuraverant».

²² *Ann. Bert.* a. 862.

²³ *Ann. Bert.* a. 863: «...usi consilio Hludowicus et Lotharius Chuonradi, sui consiliarii, Caroli autem avunculi, qui superciliosa, sed frivola et nec sibi adeo nec pluribus proficua, more sucto, scientia nitebatur, ne innotescerentur populo causae, quas Carolus Lothario reputabat, penitus reiecerunt».

²⁴ *Ann. Bert.* a. 876: «Boso, postquam imperator ab Italia in Francia redidit, Berengarii Everardi filii factione, filiam Hludowici imperatoris, Hirmengardem, quae apud eum morabatur, iniquo concludio in matrimonium sumpsit».

²⁵ Например: *Ep. Austr.* 3; *Ep. Merov.* 15.

ранние каролингские авторы, в частности Алкуин Йоркский, Павлин Аквилейский или Смарагд Сен-Мишельский, проговаривали идею «совета» более абстрактно, говоря не столько о качествах советников, сколько о способности самого короля прислушиваться к своему окружению, а не полагаться исключительно на свое мнение²⁶. Более того, «совет» (*consilium*) зачастую подразумевался скорее Божественный, нежели человеческий, т. е. авторы имели в виду координацию действий короля в соответствии с заповедями²⁷. Обращение же к этой теме Хинкмара, равно как и некоторых других представителей интеллектуальной элиты, было вызвано двумя обстоятельствами: участвовавшими конфликтами между королем и усилившейся знатью, а также просчетами королей франков в управлении королевством²⁸.

Вопросы взаимоотношений между королями и аристократией наиболее подробно были затронуты реймским прелатом в его наставлении «О дворцовом порядке». В своем трактате архиепископ подробно описывает формы коммуникации между королем и знатью в рамках общих королевских собраний. Хинкмар отмечает, что во времена единой империи дважды в год проводились королевские собрания, в которых участвовал король, а также светская и церковная знать (*maiori clerici et laici*)²⁹. В ходе королевских собраний такого рода обсуждались все общие вопросы жизни королевства и отдельных его регионов, в связи с чем само их проведение было очень ценной для короля формой коммуникации со знатью. Собрания имели схожие функции: знать принимала решения, обдумывала планы и составляла предписания на год (на тот же год в случае общего собрания, на следующий — в случае собрания высшей знати). В собраниях участвовала как светская, так и церковная знать, причем ее представители заседали иногда раздельно, иногда совместно.

Особое место в наставлении Хинкмар отводит тому, что должен делать и как должен себя вести король во время проведения общих собраний. Изначально Хинкмар дает понять, что король не участвует в обсуждении вопросов, которыми занимается собрание. Пока знатные советники обсуждали вопросы,

²⁶ О роли совета для правителя см.: Smar. *Via Reg.* 20. О добрых советниках: Paul. *Aq. Exhor.* 4. О лстецах и прочих дурных советниках: Smar. *Via Reg.* 25; Paul. *Aq. Exhor.* 53.

²⁷ Например: Smar. *Via Reg.* 20: «Vides ergo, rex, quam regia virtus est consilium, quam super aurum et argentum esse praedicat Scriptura, quam sicut fontem clamat affluenter manantem. Hanc igitur virtutem consilii omnes dilexerunt regia currentes itinera. Virtute consilii roboratus constanter Noe per centum annos fabricavit arcam, et in diluvio gubernavit eam».

²⁸ Интересно то, что особое внимание данной теме уделяется в эпоху Меровингов именно во время постепенного ослабления королевской власти. Наиболее пространно идея раскрывается в анонимном наставлении, адресованном одному из малолетних сыновей Хлодвиг II (*Ep. Merov.* 15).

²⁹ Hinc. *De ord. pal.* 29–30: «Consuetudo autem tunc temporis talis erat, ut non saepius, sed bis in anno, placita duo tenerentur. Unum, quando ordinabatur status totius regni ad anni vertentis spatium, quod ordinatum nullus eventus rerum, nisi summa necessitas, quae similiter toto regno incumberebat, mutabatur. In quo placito generalitas universorum majorum tam clericorum quam laicorum conveniebat: seniores, propter concilium ordinandum; minores, propter idem consilium suscipiendum (...). Caeterum autem propter dona generaliter danda, aliud placitum cum senioribus tantum et praecipuis consiliariis habebatur: in quo jam futuri anni status tractari incipiebatur...». Подробнее о королевских собраниях в эпоху Каролингов см.: [Estey 1947; Rosenthal 1964; Ganshof 1971; Bachrach 2002].

связанные с управлением королевством, король был занят обменом дарами и общением с остальными участниками собрания, не участвующими в совете³⁰. Такой посыл связан с тем, что наставление Хинкмара адресовано юному королю Карломану, еще неопытному, чтобы дать возможность опытным советникам решать многие вопросы за него, пока он налаживает контакты с остальными участниками. Тем не менее сам формат королевского собрания предполагал коммуникацию и установление прочных связей между королем и знатью, что было необходимо для поддержания согласия внутри королевства. Важно и то, что Хинкмар предельно четко определяет границы политической власти, выделяя в качестве основных властвующих субъектов именно короля, светскую и церковную знать, выводя за скобки народ, который представляется архиепископу исключительно объектом.

Епископ — идеальный королевский советник?

Возможно, ослабление королевской власти приводит Хинкмара к необходимости, повлияв на королей посредством наставлений, урегулировать отношения между правителями и их окружением, а также убедить правителей в необходимости выбора подходящих советников, которые помогли бы утвердиться в добродетелях и правильно управлять королевством. Наиболее емко понимание Хинкмаром королевской власти в контексте ее опоры на окружение формулируется следующим образом:

...правильно поставленные короли имеют при себе добрых советников, и с добрым королем и добрыми советниками народы королевств получали много благого, а с дурными королями и дурными советниками народы королевств претерпевали много злого³¹.

Иными словами, король не может праведно управлять королевством, если не имеет добродетельных советников.

Истоки самой идеи важности опоры королевской власти на свое окружение можно проследить в тексте «О короле и королевском служении», в котором Хинкмар, ссылаясь на Амвросия Медиоланского, подробно перечисляет добродетели советников. Королевский советник должен быть таким, чтобы представлять собой образец мудрости и исполнения благих дел.

Таким должен быть тот, кто дает совет другим, чтобы он самим собой призывал примером других к благому делу. В учении, в праведности, в трудности, чтобы было его слово спасительно и безукоризненно, совет полезен, жизнь честна, мудрость красива. Советником, следовательно, должен быть тот, кто не имеет в себе ничего темного,

³⁰ Hinc. *De ord. pal.* 29: «Interim vero, quo haec in regis absentia agebantur, ipse princeps reliqua multitudini in suscipiendis muneribus, salutandis proceribus, confabulando rarius visis...»

³¹ Hinc. *Ad Lud. Balb.* 1: «Legimus quia boni reges constituti bonos sibi consiliarios adhibuerunt, et per bonos reges et bonos consiliarios regnorum populi multa bona habuerunt, et per malos reges et malos consiliarios regnorum populi multa mala sustinuerunt».

ничего лживого, ничего легкомысленного, ничего притворного, что бросило бы тень на его жизнь или поведение; ничего дерзкого или враждебного, что отталкивает советующихся с ним³².

Основными пороками советников для Хинкмара являются алчность и невоздержанность. При этом даже если советник мудр и честен, но корыстолюбив, он не способен дать правильный совет королю. Также важно, чтобы советник не был ленив и бездеятелен, поскольку в таком случае ему невозможно перепоручить какое-либо дело³³. В наставлении «О дворцовом порядке» архиепископ акцентирует внимание еще на одной важной добродетели королевского советника, а именно безоговорочной верности. Говоря о временах единой империи, Хинкмар вспоминает, что советники «за исключением вечной жизни ничего не предпочитали королю и королевству: ни друзей, ни врагов, ни родичей, ни дарителей, ни льстецов, ни хулителей; ни мудрецов, мудрых только той софистической или мирской мудростью, что враждебна Богу»³⁴.

В большинстве наставлений Хинкмар так или иначе рассматривает в качестве королевского советника человека мудрого и справедливого, знающего заповеди и почитающего Святую Церковь. Очевидно, что архиепископ дает понять королям франков, что лучшим советником для короля будет представитель духовенства, поскольку именно посредством его наставлений правитель сможет правильно организовать свое королевство и управлять христианским народом. Изложенная идея также не уникальна для каролингской эпохи [Liu 2015]. О высокой роли советов духовенства и о необходимости опоры короля на мнение Церкви высказывались уже упомянутые Иона Орлеанский и Седулий Скотт³⁵.

Таким образом, Хинкмар во многом развивает идею, весьма актуальную для каролингской политической мысли IX в., которая обязана своим появлением в каролингской политической идеологии правлению Людовика Благочестивого, во время которого представители духовенства считались наиболее важными и авторитетными советниками императора в вопросах правильного управления Франкией. По всей видимости, поскольку предназначение королевской власти заключалось в поддержании Церкви и исправлении подданных

³² Hinc. *De reg.* 4: «Talis, inquit, debet esse, qui consilium alteri dat, ut seipsum formam aliis praebeat ad exemplum bonorum operum, in doctrina, in integritate, in gravitate, ut sit ejus sermo salubris atque irreprehensibilis, consilium utile, vita honesta, sapientia decora. Talis igitur debet esse consiliarius, qui nihil nebulosum habeat, nihil fallax, nihil fabulosum, nihil simulatum, quod vitam ejus ac mores refellat; nihil improbum ac malivolum, quod avertat consulentes. Alia sunt enim quae fugiuntur, alia quae contemnuntur».

³³ Hinc. *De reg.* 4: «Quod enim specimen industriae, quem fructum laboris edere potest, quam recipere animo curam ac sollicitudinem, qui se torpori dederit atque ignaviae?»

³⁴ Hinc. *De reg.* 31: «...nihil regi et regno praeponerent: non amicos, non inimicos, non parentes, non munera dantes, non blandientes...»

³⁵ Ionas *Aur. De inst. reg.* 2: «Unde excellentiam vestram suppliciter convenimus ut per vos proceres, caeterique fideles vestri, nomen, potestatem, vigorem, et auctoritatem, atque dignitatem sacerdotali cognoscant; ne eam ignorantes animarum quoquo modo suarum periculum subeant»; Sedul. *De rect.* 12: «Unde perspicuum est quod decet bonos et pios rectores salubres antistitem, quasi spiritualium medicorum, humiliter et libenter auscultare correctiones, testante Salomone, qui ait: In auro aurea et margarita fulgens, qui arguit sapientem et aurem obedientem».

в соответствии с требованиями Священного Писания, именно совет представителя духовенства считался наиболее ценным, значимым и верным.

Ибо если правитель стремится к спасению своих подданных, лучшим советником в данном вопросе будет тот, кто лучше всего знает, как исправить народ и направить его на праведный путь.

Роль апокрисиария при королевском дворе

Ввиду того что церковное лицо, в частности епископ, представляется Хинкмару наставником и хранителем народа, по его мнению, епископ или любой другой клирик имел право влиять на короля. Поэтому особое внимание он уделяет одной из придворных должностей, якобы существовавшей во времена единой империи франков, а именно должности архикапеллана-апокрисиария³⁶.

Хинкмар начинает свое описание управления дворцом и королевством именно с этой должности, проводя краткий экскурс, что апокрисиарии появились в результате Константинова дара³⁷. В IX в. апокрисиарий являлся папским посланником, направленным для решения дел Церкви конкретного королевства. Однако в трактате «О дворцовом порядке» так называется должность, имеющая иные функции и требования к кандидату: апокрисиарий оказывается посредником между франкской Церковью и королем. Хинкмар мечтал, чтобы апокрисиарий занимался не только церковными тяжбами и прочими церковными делами³⁸, но чтобы в его обязанности входили также контроль за благочестием и чистотой нравов двора, соблюдением христианских заповедей³⁹. Кроме того, такой апокрисиарий был бы непременным участником королевских собраний, а также важным королевским советником, наделенным

³⁶ Hinc. *De ord. pal.* 16: «Apocrisarius autem, quem nostrates capellanum vel palatii custodem appellant, omnem clerum palatii sub cura et dispositione sua regebat». Стоит отметить, что эта должность была описана Хинкмаром наиболее подробно, с приведением нескольких «исторических примеров». Например, Хинкмар указал, что Ремигий Реймский был апокрисиарием при короле Хлодвиге, коим он не являлся [Löwe 1972: 205].

³⁷ Hinc. *De ord. pal.* 13: «Videlicet per apocrisarium, id est responsalem negotiorum ecclesiasticorum: cuius ministerium ex eo tempore sumpsit exordium, quando Constantinus magnus imperator Christianus effectus, propter amorem et honorem sanctorum apostolorum Petri et Pauli, quorum doctrina ac ministerio ad Christi gratiam baptismatis sacramenti pervenit, locum et sedem suam, urbem scilicet Romanam, papae Silvestro edicto privilegii tradidit, et sedem suam in civitate sua, quae antea Byzantium vocabatur, nominis sui civitatem ampliando aedificavit: et sic responsales tam Romanae sedis, quam et aliarum praecipuarum sedium, in palatio pro ecclesiasticis negotiis excubabant».

³⁸ Hinc. *De ord. pal.* 20: «Apocrisarius quidem de omni ecclesiastica religio vel ordine nec non etiam de canonica vel monastico altercatio seu quaecunque palatium adibant pro ecclesiasticis necessitatibus sollicitudinem haberet, et ea tantummodo de externis regem adirent, quae sine illo plenius diffiniri non potuissent».

³⁹ Hinc. *De ord. pal.* 20: «Caeterum, ut non solum de his quae ad eos specialiter de omni ornamento vel officio ecclesiastico infra palatium agenda pertinebant, verum quoque et omnem consolationem spiritalem, sive consilium totius palatii quicumque quaereret, apud eum ut necesse erat fideliter inveniret: et qui non quaereret et tamen ipse apud aliquem necessarium esse sentiret, iuxta personae qualitatem, et a perverso sensu vel opere retrahere, et ad viam salutis convertere studeret».

большими полномочиями и высоким статусом. Представляя в своем наставлении апокрисиария как посредника между епископатом и правителем и в то же время как важнейшего советника в королевстве, Хинкмар стремился передать королю идею о том, что правителю надлежит направлять свой народ к спасению и что для этого он должен в первую очередь ориентироваться на советы духовенства, которому совместно с королем вверено повседневное руководство народом [Löwe 1972].

* * *

Суммируя представления Хинкмара Реймского о роли королевского окружения, необходимо отметить следующее: взгляды архиепископа отражают переживания, возникшие в среде франкской элиты по поводу кризиса королевской власти. Реймский прелат выражал уверенность в том, что король неспособен править мудро и справедливо, если не имеет добродетельных советников, и здесь он продолжает мысль, развившуюся в политических представлениях франков в правление Людовика Благочестивого. В этом отношении взгляды Хинкмара вряд ли можно назвать уникальными и выбивающимися из общего комплекса идей, отраженных во франкской литературе IX в., однако именно в его трудах взаимоотношения между королем и знатью представлены наиболее систематизировано, подробно и эксплицитно.

Стабильность королевства основана на согласии между королем и знатью, поэтому очень важно, чтобы и правитель, и окружающие его вельможи прилагали все усилия для защиты вверенного им христианского народа и стремились больше к благосостоянию королевства, чем к личному земному благу. На отношениях короля и знати зиждется управление королевством, при этом особое внимание реймский прелат уделяет их коммуникации, в том числе символической, говоря о важности королевских собраний.

По мнению Хинкмара, идеальным советником для короля является тот, кто прежде всего знает Божьи заповеди и соблюдает их. Кроме того, к советникам также предъявляются строгие требования, которые необходимо учитывать королю, а именно скромность, мудрость и справедливость. Хинкмар фактически формирует образ короля, правящего в окружении клира, руководствуясь его советами и наставлениями. В связи с этим важна конструируемая Хинкмаром должность апокрисиария как посредника между королем и франкским епископатом.

Источники

Alc. De virt. — *Alcuinus. De virtutibus et vitiis ad Widonem comitem* / Ed. E. Dümmler // *Monumenta Germaniae Historica, Epistolae Karolini aevi. T. 2.* Berolini: Apud Weidmannos, 1895. S. 464–465

Ann. Bert. — *Annales Bertiani* / Ed. G. Waitz // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum ... recus.* T. 5. Hannoverae: Impensis bibliopolii Hahniani, 1883. S. 1–154.

Beda In Ev. Lucae — *Beda. In Evangelium Lucae* // *Patrologiae Cursus Completus. Ser. Latina.* Vol. 92 / Ed. J.-P. Migne. Paris: Migne, 1862. Col. 301–634.

Ep. Austr. — *Epistolae Austrasiacae* // *Epistolae Merowingici et Karolini aevi. T. 1* / Ed. W. Gundlach. Berlin: Apud Weidmannos, 1892. S. 110–153. (*Monumenta Germaniae Historica, Epp. in Quart*; T. 3).

- Ep. Merov.* — *Epistolae aevi Merovingici collectae* // *Epistolae Merovingici et Karolini aevi* / Ed. W. Gundlach. T. 1. Berlin: Apud Weidmannos, 1892. S. 434–468. (*Monumenta Germaniae Historica*, Epp. in Quart; T. 3).
- Hinc. *Ad Lud. Balb.* — *Hincmarus Remensis*. *Ad Ludowicum Balbum regem* // *Patrologiae Cursus Completus*. Ser. Latina. Vol. 125 / Ed. J.-P. Migne. Paris: Migne, 1852. Col. 985–989.
- Hinc. *Adm. Spar.* — *Hincmarus Rhemensis*. *Admonitio ad episcopos et ad regem Carolomanum apud Sparnacum facta* // *Fürstenspiegel des frühen und hohen Mittelalters* / Hrsg. von H. H. Anton. Darmstadt: WBG, 2006. S. 192–205.
- Hinc. *Cor. Carol.* — *Hincmarus Rhemensis*. *Coronatio Caroli Calvi* // *Ordines Coronationis Franciae: Texts and ordines for the coronation of Frankish and French kings and queens in the Middle Ages*. Vol. 1 / Ed. by R. A. Jackson. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press. 1995. P. 97–109.
- Hinc. *De inst.* — *Hincmarus Rhemensis*. *De institutione regia* // *Patrologiae Cursus Completus*. Ser. Latina. Vol. 125 / Ed. J.-P. Migne. Paris: Migne, 1852. Col. 989–994.
- Hinc. *De ord. pal.* — *Hincmar von Reims*. *De ordine palatii* / Hrsg. von Th. Gross, R. Schieffer. Hannover: Hahnsche Buchhandlung, 1980. (*Monumenta Germaniae Historica*. *Fontes iurur*; T. 3).
- Hinc. *De reg.* — *Hincmarus Rhemensis*. *De regis persona et regio ministerio* // *Fürstenspiegel des frühen und hohen Mittelalters* / Hrsg. von H. H. Anton. Darmstadt: WBG, 2006. S. 151–191.
- Hrab. Maur. *En. sup. Deut.* — *Hrabanus Maurus*. *Enarratio super Deuteronomium* // *Patrologiae Cursus Completus*. Ser. Latina. Vol. 108 / Ed. J.-P. Migne. Paris: Migne, 1864. Col. 837–998.
- Ionas Aur. *De inst. reg.* — *Jonas d'Orléans*. *Le métier de roi — De institutione regia* / Ed par. A. Dubreucq. Paris: Éditions du Cerf, 1995. (*Sources chrétiennes*. Vol. 407).
- Isid. *Quaes. in Vet. Test.* — *Isidorus Hispalensis*. *Quaestiones in Veterum Testamentum* // *Patrologiae Cursus Completus*. Ser. Latina. Vol. 83 / Ed. J.-P. Migne. 1850. Col. 207–424.
- Nith. *Hist.* — *Nithard*. *Histories* / Ed., Trans., Intro. by M. Conti. Leuven; Paris; Bristol: Peeters Publishers, 2022. (*Dallas medieval texts and translations*; Vol. 28).
- Paul. *Aq. Exhor.* — *Paulinus Aquileiensis*. *Liber Exhortationis* // *Patrologiae Cursus Completus*. Ser. Latina. Vol. 99 / Ed. J.-P. Migne. Paris: Migne, 1864. Col. 197–282.
- Sedul. *De rect.* — *Sedulius Scottus*. *De rectoribus christianis* // *Fürstenspiegel des frühen und hohen Mittelalters* / Hrsg. von H. H. Anton. Darmstadt: WBG, 2006. S. 100–150.
- Smar. *Via Reg.* — *Smaragdus S.-Michaelis*. *Via Regia* // *Patrologiae Cursus Completus*. Ser. Latina. Vol. 102 / Ed. J.-P. Migne. Paris: Migne, 1864. Col. 933–970.
- Theg. *Gesta* — *Thegan*. *Gesta Hludowici imperatoris* // *Monumenta Germaniae Historica*. *Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi* / Ed. E. Tremp. Hannover: Hahnsche Bushhandlung, 1995. S. 167–555.

Литература

- Петрушевский 1913 — *Петрушевский Д. М.* Очерки из истории средневекового общества и государства. 3-е изд., испр. и доп. М.: Научное слово, 1913.
- Сидоров 2000 — *Сидоров А. И.* Ближний круг франкского короля в первой половине IX века: поведенческие идеалы и культурная практика (по материалам «Хроники» Нитхарда) // *Средневековая Европа. Проблемы идеологии и политики: К 70-летию проф. И. А. Дворецкой*: Сб. ст. / Сост. А. И. Сидоров, М. А. Тимофеев. М.: В. Ю. Секачев, 2000. С. 80–102.
- Сидоров 2003 — *Организация власти во франкском королевстве в VIII–IX вв.* / Публ. А. И. Сидорова // *Средние века*. Вып. 64 / Отв. ред. А. А. Сванидзе. М.: Наука, 2003. С. 3–34.

- Старостин 2014 — *Старостин Д. Н.* Хинкмар Реймский и структура королевства франков в конце IX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. 2014. № 2. С. 52–58.
- Airlie 2017 — *Airlie S.* Power and its problems in Carolingian Europe. New York: Routledge, 2017.
- Anton 1968 — *Anton H. H.* Fürstenspiegel und Herrscherethos in der Karolingerzeit. Bonn: Ludwig Röhrscheid Verlag, 1968. (Bonner historische Forschungen; Bd. 32).
- Bachrach 2002 — *Bachrach B.* Charlemagne and the Carolingian general staff // The Journal of Military History. Vol. 66. No. 2. 2002. P. 313–357.
- Bloch 1924 — *Bloch M. L. B.* Les rois thaumaturges: étude sur le caractère surnaturel attribué à la puissance royale, particulièrement en France et en Angleterre. Strasbourg; Paris: Librairie Istra, 1924.
- Brühl 1964 — *Brühl C.* Hinkmariana I. Hinkmar und die Verfasserschaft des Traktats “De ordine palatii” // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. Bd. 20 / Hrsg. von F. Baethgen, H. Grundmann. Köln: Bohlau, 1964. S. 48–54.
- Brunner 1906 — *Brunner H.* Deutsche Rechtsgeschichte. Bd. 1. Leipzig: Duncker & Humblot, 1906.
- Devisse 1976 — *Devisse J.* Hincmar, Archevêque de Reims (845–882). Geneve: Droz, 1976.
- Duby 1972 — *Duby G.* L'histoire des systèmes de valeurs // History and Theory. Vol. 11. No. 1. 1972. P. 15–25.
- Dumézil 2010 — *Dumézil B.* Écrire pour le bien de tous. Définition et éloge du bien commun dans les correspondances de l'époque mérovingienne // Revue française d'histoire des idées politiques. No. 32. 2010. P. 231–243.
- Estey 1947 — *Estey F. N.* The meaning of *placitum* and *mallum* in the capitularies // Speculum. Vol. 22. No. 3. 1947. P. 435–439.
- Fustel de Coulanges 1905 — *Fustel de Coulanges N. D.* La cité antique: étude sur le culte, droit, les institutions de la Grèce et de Rome. 19e éd. Paris: Hachette, 1905.
- Ganshof 1971 — *Ganshof F. L.* The institutional framework of the Frankish monarchy: A survey of its general characteristics // The Carolingians and the Frankish monarchy / Ed. by F. L. Ganshof. Ithaca: Cornell Univ. Press, 1971. P. 86–110.
- Guizot 1846 — *Guizot F. P. G.* Histoire de la civilisation en France, depuis la chute de l'Empire romain. T. 2. Paris: Didier, 1846.
- Jong 2009 — *Jong M. de.* The penitential state: Authority and atonement in the age of Louis the Pious, 814–840. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 2009.
- Latowsky 2013 — *Latowsky A. A.* Emperor of the world: Charlemagne and the construction of imperial authority, 800–1229. Ithaca: Cornell Univ. Press, 2013.
- Le Jan 2006 — *Le Jan R.* Élités et révoltes à l'époque carolingienne: crise des élites ou crise des modèles? // Les élites au haut Moyen Age: Crises et renouvellements / Sous la dir. de F. Bougard, L. Feller, R. Le Jan. Lille: Brepols Publishers, 2006. P. 403–423.
- Le Jan 2011 — *Le Jan R.* Les élites carolingiennes et le roi au milieu du IXe siècle: statut et fidélité // Reiche und Namen im Frühen Mittelalter / Hrsg. von B. Matthias, D. Stefanie. Leiden: Brill, 2011. P. 335–346.
- Liu 2015 — *Liu Y.* Admonition, episcopal authority and the uses of the Carolingian past. Hincmar's *De Ordine Palatii* in context // Journal of Ancient Civilizations. Vol. 30. 2015. P. 150–169.
- Löwe 1972 — *Löwe H.* Hinkmar von Reims und der Apocrisiar. Beiträge zur Interpretation von *De ordine palatii* // Festschrift für Hermann Heimpel zum 70. Geburtstag. Bd. 3. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1972. S. 197–225.
- McKitterick 1977 — *McKitterick R.* The Frankish Church and the Carolingian reforms, 789–895. London: Royal Historical Society, 1977.

- McKitterick 1996 — *McKitterick R.* Unity and diversity in the Carolingian church // *Studies in Church History*. Vol. 32. 1996. P. 59–82.
- Moesch 2020 — *Moesch S.* Augustine and the art of ruling in the Carolingian imperial period: Political discourse in Alcuin of York and Hincmar of Rheims. London; New York: Routledge, 2020.
- Nelson 1986 — *Nelson J. L.* Politics and ritual in early medieval Europe. London: The Hambleton Press, 1986.
- Nelson 1991 — *Nelson J. L.* The Annals of St-Bertin: Ninth-century histories, Volume I // *The Annals of St-Bertin* / Ed. by J. L. Nelson. New York: Manchester Univ. Press, 1991. P. 1–19.
- Prichard 1849 — *Prichard J. C.* The life and times of Hincmar, Archbishop of Rheims. Oxford; London: Littlemore, 1849.
- Rosenthal 1963 — *Rosenthal T. J.* The public assembly in the time of Louis the Pious // *Traditio*. Vol. 20. 1964. P. 25–40.
- Schrörs 1884 — *Schrörs H.* Hinkmar, Erzbischof von Reims. Sein Leben und seine Schriften. Freiburg im Breisgau: Herder, 1884.
- Stone, West 2015 — *Hincmar of Rheims: Life and work* / Ed. by R. Stone, Ch. West. Manchester: Manchester Univ. Press, 2015.
- Thierry 1840 — *Thierry J. N. A.* Lettres sur l'histoire de France. Bruxelles: Société typographique Belge, 1840.
- Ullman 1969 — *Ullman W.* The Carolingian Renaissance and the idea of kingship: The Birkbeck Lectures 1968–9. London: Methuen, 1969.
- Waitz 1860 — *Waitz G.* Deutsche Verfassungsgeschichte. Bd. 3. Kiel: Ernst Homann, 1860.

References

- Airlie, S. (2017). *Power and its problems in Carolingian Europe*. Routledge.
- Anton, H. H. (1968). *Fürstenspiegel und Herrscherethos in der Karolingerzeit*. Ludwig Röhrscheid Verlag. (In German).
- Bachrach, B. (2002). Charlemagne and the Carolingian general staff. *The Journal of Military History*, 66(2), 313–357.
- Bloch, M. L. (1924). *Les rois thaumaturges: étude sur le caractère surnaturel attribué à la puissance royale, particulièrement en France et en Angleterre*. Librairie Istra. (In French).
- Brühl, C. (1964). Hinkmariana I. Hinkmar und die Verfasserschaft des Traktats “De ordine palatii”. In F. Baethgen, & H. Grundmann (Eds.). *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters* (Vol. 20, pp. 48–54). Bohlaus. (In German).
- Brunner, H. (1906). *Deutsche Rechtsgeschichte* (Vol. 1). Duncker & Humblot. (In German).
- Devisse, J. (1976). *Hincmar, Archevêque de Reims (845–882)*. Droz. (In French).
- Duby, G. (1972). L'histoire des systèmes de valeurs. *History and Theory*, 11(1), 15–25. (In French).
- Dumézil, B. (2010). Écrire pour le bien de tous. Définition et éloge du bien commun dans les correspondances de l'époque mérovingienne. *Revue française d'histoire des idées politiques*, 32, 231–243. (In French).
- Estey, F. N. (1947). The meaning of *placitum* and *mallum* in the capitularies. *Speculum*, 22(3), 435–439.
- Fustel de Coulanges, N. D. (1905). *La cité antique: étude sur le culte, droit, les institutions de la Grèce et de Rome*. Hachette. (In French).
- Ganshof, F. L. (1971). The institutional framework of the Frankish monarchy: a survey of its general characteristics. In F. L. Ganshof (Ed.). *The Carolingians and the Frankish monarchy* (pp. 86–110). Cornell Univ. Press.

- Guizot, F. P. G. (1846) *Histoire de la civilisation en France, depuis la chute de l'Empire romain*. (Vol. 2). Didier. (In French).
- Jong, M. de. (2009). *The penitential state: Authority and atonement in the age of Louis the Pious, 814–840*. Cambridge Univ. Press.
- Latowsky, A. A. (2013). *Emperor of the world: Charlemagne and the construction of imperial authority, 800–1229*. Cornell Univ. Press.
- Le Jan, R. (2006). Élités et révoltes à l'époque carolingienne: crise des élites ou crise des modèles? In F. Bougard, L. Feller, & R. Le Jan (Eds.). *Les élites au haut Moyen Age: Crises et renouvellements* (pp. 403–423). Brepols Publishers. (In French).
- Le Jan, R. (2011). Les élites carolingiennes et le roi au milieu du IXe siècle: statut et fidélité. In B. Matthias, & D. Stefanie (Eds.). *Reiche und Namen im Frühen Mittelalter* (pp. 335–346). Brill. (In French).
- Liu, Y. (2015). Admonition, episcopal authority and the uses of the Carolingian past. Hincmar's *De Ordine Palatii* in context. *Journal of Ancient Civilizations*, 30, 150–169.
- Löwe, H. (1972). Hinkmar von Reims und der Apocrisiar. Beiträge zur Interpretation von "De ordine palatii". In *Festschrift für Hermann Heimpel zum 70. Geburtstag* (Vol. 3, pp. 197–225). Göttingen. (In German).
- McKitterick, R. (1977). *The Frankish Church and the Carolingian reforms, 789–895*. Royal Historical Society.
- McKitterick, R. (1996). Unity and diversity in the Carolingian church. *Studies in Church History*, 32, 59–82.
- Moesch, S. (2020). *Augustine and the art of ruling in the Carolingian imperial period: Political discourse in Alcuin of York and Hincmar of Rheims*. Routledge.
- Nelson, J. L. (1986). *Politics and ritual in early medieval Europe*. The Hambledon Press.
- Nelson, J. L. (1991). The Annals of St-Bertin: Ninth-century histories, Volume I. In J. L. Nelson (Ed.). *The Annals of St-Bertin* (pp. 1–19). Manchester Univ. Press.
- Petrushevskii, D. M. (1913). *Ocherki iz istorii srednevekovogo obshchestva i gosudarstva* [Essays on the history of medieval society and state]. Nauchnoe slovo. (In Russian).
- Prichard, J. C. (1849). *The life and times of Hincmar, Archbishop of Rheims*. Littlemore.
- Rosenthal, T. J. (1964). The public assembly in the time of Louis the Pious. *Traditio*, 20, 25–40.
- Schrörs, H. (1884). *Hinkmar, Erzbischof von Reims. Sein Leben und seine Schriften*. Herder. (In German).
- Sidorov, A. I. (2000). Blizhnii krug franksogo korolia v pervoi polovine IX veka: povedenchskie idealy i kul'turnaia praktika (po materialam khroniki Nitharda) [The inner circle of the Frankish king in the first half of the 9th century: Behavioral ideals and cultural practice (based on Nithard's Chronicle)]. In A. I. Sidorov, & M. A. Timofeev (Eds.). *Srednevekovaia Evropa: Problemy ideologii i politiki: K 70-letiiu prof. I. A. Dvoretsoi* (pp. 80–102). V. Iu. Sekachev. (In Russian).
- Sidorov, A. I. (2003). Organizatsiia vlasti vo franskom korolevstve v VIII–IX vv. [Organization of power in the Frankish kingdom in the 8th–9th centuries]. In A. A. Svanidze (Ed.). *Srednie veka* (Vol. 64, pp. 3–34). Nauka. (In Russian).
- Starostin, D. N. (2014). Hinkmar Reimskii i struktura korolevstva frankov v kontse IX v. [Hinkmar of Reims and the structure of the Frankish kingdom at the end of the 9th century]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta, Ser. 2: Istoriia*, 2014(2), 52–58. (In Russian).
- Stone, R., & West, Ch. (Eds.) (2015). *Hincmar of Rheims: Life and work*. Manchester Univ. Press.
- Thierry, J. N. A. (1840). *Lettres sur l'histoire de France*. Société typographique Belge. (In French).

Ullman, W. (1969). *The Carolingian Renaissance and the idea of kingship: The Birkbeck lectures 1968–9*. Methuen.

Waitz, G. (1860). *Deutsche Verfassungsgeschichte* (Vol. 3). Ernst Homann. (In German).

* * *

Информация об авторе

Никита Александрович Федонников

*аспирант, старший преподаватель,
кафедра всеобщей истории, Институт
общественных наук, Российская академия
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, д. 82
Тел.: +7 (499) 956-99-99
✉ nafedonnikov@gmail.com*

Information about the author

Nikita A. Fedonnikov

*PhD Student, Senior Lecturer, World History
Department, Institute for Social Science,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Vernadskogo, 82
Тел.: +7 (499) 956-99-99
✉ nafedonnikov@gmail.com*

А. В. Гусакова

ORCID: 0000-0003-4575-9718

✉ purawallia@mail.ru

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)*

НА СТРАЖЕ ПРОШЛОГО: ЖИТИЯ МЕСТНОЧТИМЫХ СВЯТЫХ В КОНТЕКСТЕ АНГЛО-ВАЛЛИЙСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ КОНЦА XI — XII в.

Аннотация. Во второй половине XI в., завершив политическое завоевание Англии, Вильгельм I предпринял попытку установить контроль над местной Церковью. Для этого он инициировал в своих новых владениях религиозную реформу, проводниками которой стали архиепископ Кентерберийский Ланфранк (1070–1089 гг.) и его последователи. Реформа, направленная против «старого» духовенства, поставила под угрозу положение многих религиозных центров, связанных с местночтимыми культами. Реакцией на нее стало появление волны житийной литературы, предназначенной легитимизировать как сам культ, так и статус общины, представляющей святого. Статья посвящена анализу основных черт и оценке политической роли агиографии конца XI — начала XII в. на примере житий свв. Давида и Беуно, направленных против преобразований Ланфранка и его преемников. С начала XII по начало XIII в. обращение к образу св. Давида и его житие были основными инструментами епископов Сент-Дэвидса в борьбе за получение равного с Кентербери статуса, который позволил бы снять вопрос о подчинении валлийского духовенства английскому архиепископу. Каждый этап противостояния сопровождался появлением новой редакции текста. Житие же св. Беуно, имевшее признаки актуализации в начале XII в., выражало опасения местных религиозных общин потерять часть доходов из-за активных военных действий на востоке Уэльса. Несмотря на все усилия, предпринимаемые валлийским духовенством, к концу XIII в. влияние короля Англии и английских церковных иерархов на местные диоцезы было уже неоспоримо.

Ключевые слова: история Уэльса, Нормандское завоевание, церковные реформы, культы местночтимых святых, агиография, св. Давид Валлийский, св. Беуно, Ригиварх, епископ Бернارد, Гиральд Камбрийский

Благодарности. Статья написана по результатам научной стажировки в Школе актуальных гуманитарных исследований ИОН РАНХиГС, поддерживаемой стипендиальной программой Фонда Михаила Прохорова.

Для цитирования: Гусакова А. В. На страже прошлого: жития местночтимых святых в контексте англо-валлийского противостояния конца XI — XII в. // Шаги / Steps. Т. 9. № 2. 2023. С. 88–103. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-2-86-101>.

Статья поступила в редакцию 4 декабря 2022 г.

Принято к печати 20 января 2023 г.

Shagi / Steps. Vol. 9. No. 2. 2023
Articles

A. V. Gusakova

ORCID: 0000-0003-4575-9718

✉ purawallia@mail.ru

*The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Russia, Moscow)*

ON GUARD OF THE PAST: THE *LIVES* OF LOCALLY VENERATED SAINTS IN THE CONTEXT OF THE ANGLO-WELSH CONFRONTATION AT THE END OF THE 11th — 12th CENTURY

Abstract. In the second half of the 11th century, having completed the political conquest of England, William I undertook to establish control over the local church. To do this, he initiated a religious reform in his new possessions, which was led by the Archbishop of Canterbury Lanfranc (1070–1089) and his followers. This reform, directed against the “old” clergy, endangered the position of many religious centers associated with local cults. The reaction to it was the emergence of a wave of hagiographic literature, designed to legitimize both the cult itself and the status of the community representing the saint. The article is devoted to the analysis of the main features and assessment of the political role of hagiography of the late 11th — early 12th centuries, based on the case of the *Lives* of St. David and St. Beuno, which were directed against the reforms of both Lanfranc and his successors. From the beginning of the 12th to the beginning of the 13th century the appeal to the image of St. David and his *Life* were the main tools of the bishops of St. Davids in their struggle to gain the status of an archbishopric, which would remove the issue of the subordination of the Welsh clergy to

Canterbury. Each stage of the confrontation was accompanied by the appearance of a new edition of the text. The *Life* of St. Beuno, which displayed signs of actualization at the beginning of the 12th century, expressed the fear of local religious communities to lose part of their income due to active hostilities in East of Wales. Despite all the efforts of the Welsh clergy, by the end of the 13th century the influence of the king of England and English church hierarchs on local dioceses was already unquestionable.

Keywords: history of Wales, the Norman Conquest, church reforms, cults of locally venerated saints, hagiography, St. David of Wales, St. Beuno, Rhygyfarch, Bishop Bernard, Gerald of Wales

Acknowledgements. The article was written based on the results of a scientific internship at the School for Advanced Studies in the Humanities of the Institute of Social Sciences (RANEPa), which is supported by the scholarship program of the Mikhail Prokhorov Foundation.

To cite this article: Gusakova, A. V. (2023). On guard of the past: The *Lives* of locally venerated saints in the context of the Anglo-Welsh confrontation at the end of the 11th — 12th century. *Shagi / Steps*, 9(2), 88–103. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-2-88-103>.

Received December 4, 2022

Accepted January 20, 2023

Вторая половина XI в. стала для Уэльса началом длительного периода политической нестабильности: после смерти Гриффида ап Ллевелина (ум. 1063), правителя северного королевства Гвинедд¹, временно объединившего под своей рукой большинство валлийских земель, развернулась борьба за власть между ранее удаленными от нее представителями местных королевских родов, а также вернувшимися на родину политическими изгнанниками². Дополнительными факторами, способствовавшими кризису, были возобновление нападений скандинавов на западное побережье Уэльса и появление у восточных границ нормандских отрядов, пришедших на остров вместе с Вильгельмом Завоевателем. Вильгельм, считая себя законным наследником всех земель и прав Эдуарда Исповедника³, в скором времени после битвы при

¹ В рассматриваемый период Уэльс представляет собой конгломерат независимых королевств, крупнейшими из которых были Гвинедд и Поуис на севере и Дехейбарт на юге.

² Так, королем Дехейбарта стал Маредидд ап Овайн (ум. 1072), представитель прежнего правящего рода Диневур, а королевства Гвинедд и Поуис перешли к сводным братьям Гриффида — Бледдину ап Кинвину (ум. 1075) и Риваллону ап Кинвину (ум. 1070). В 1075 г., после смерти Бледдина ап Кинвина, в Гвинедд вернулся и заявил о своих правах на престол Гриффид ап Кинан (ок. 1055–1137), внук Яго ап Идвала, короля Гвинедда из дома Аберффрау, чье правление было прервано Гриффидом ап Ллевелином [Davies 2009: 345–346].

³ Вильгельм и Эдуард находились в родстве через мать английского короля — Эмму Нормандскую, которой Вильгельм приходился внучатым племянником. Часть исследователей, опираясь на нормандские источники, выдвинула предположение, что Эдуард,

Гастингсе предпринял попытку подчинения и находящихся в полунезависимом положении валлийских королевств. Одной из первых мер, предпринятых им для установления контроля над этими королевствами, была раздача приграничных земель наиболее верным из своих соратников: так, Хью д'Авранш (ум. 1101) получил в управление новообразованное графство Честер, Роджер де Монтгомери (ум. 1094) — графство Шрусбери, а Уильям Фитц-Осберн (ум. 1071) — Херефорд. Укрепившись в своих новых владениях, они приступили к организации рейдов в глубь Уэльса. Нормандцы захватили юго-восток, прочно утвердились на западе, начали занимать горные районы центрального Уэльса. На севере, в королевстве Гвинедд, их власть установилась к 1081 г.

Не менее, чем постоянная военная угроза, на положение дел в валлийских королевствах оказывала влияние и внутренняя политика Вильгельма. Уже в первые месяцы после коронации, едва утвердившись у власти, он предпринял попытку взять под свой контроль английское духовенство, часть представителей которого были ставленниками Эдуарда Исповедника и находились в родстве с местной знатью. Этот шаг был обусловлен особенностью церковной организации на территории Нормандии, предусматривающей право правителя оказывать влияние на выборы епископов и аббатов [ibid.: 321]. Для того чтобы заручиться поддержкой папы и получить формальный повод сменить часть епископата и настоятелей крупнейших монастырей, Вильгельм инициировал в своих новых владениях религиозную реформу⁴. На освободившиеся английские кафедры приходили священники континентального происхождения или же англичане, получившие образование в континентальных монастырях⁵. Одним из протеже Вильгельма стал итальянский монах Ланфранк, аббат

большую часть своего правления проведенный в противостоянии с могущественным эрлом Годвине, отцом Харольда и жены короля Эдит, был вынужден собрать при своем дворе нечто вроде «нормандской партии», призванной выступить на его стороне против Годвине и сторонников. Для этого король обратился к связям своей юности, которую провел в Нормандии в качестве политического изгнанника. Поскольку как брак Эдуарда с Эдит оставался бездетным, не позднее конца 1051 г. английский король выбрал наследником своего дальнего родственника Вильгельма. Противозаконный с точки зрения последнего захват власти Харольдом, воспринятый нормандским герцогом как нарушение его законных прав, в свою очередь, привел к вторжению в Англию [Douglas 1964: 160–173, Garnett 2007: 5–8]. Однако, принимая во внимание, что подобный выбор Эдуарда не фиксируется донормандскими английскими источниками, позднее также высказывались предположения, согласно которым Эдуард, действительно нуждавшийся в наследнике, скорее остановил бы свой выбор на ком-то из более близких родственников — племянниках Ральфе, эрле Херефорда, Готье, графе Вексена (оба — сыновья сестры Эдуарда, Годгифу) или Эдуарде Изгнаннике, сыне сводного брата Эдуарда — Эдмунда Железнобокого..

⁴ С середины XI в. в Европе ширилось новое реформаторское движение, направленное против симонии. Одним из аспектов проблемы симонии были браки, заключаемые духовенством, и рожденные в таких браках дети. Они стремились к наследованию имущества и положения своих отцов, по причине чего церковные бенефиции становились практически неподконтрольными самой Церкви, превращаясь во владения, передаваемые в рамках одного рода [Davies 2008: 92]. В Англии же преобладали общины священников, ведущих полусветский образ жизни — имевших жен, детей и долю церковных доходов. С середины XI в. известны клерикальные династии, служащие в одном религиозном центре в течение нескольких поколений [Blair 2005: 361].

⁵ Э. Кросби приводит данные, согласно которым за время правления Вильгельма I в сан было возведено 18 епископов (13 из них происходили из королевского окружения) [Crosby 2013: 39]. Г. Лойн дополняет, что к 1087 г., т. е. на момент смерти Вильгельма, среди

монастыря св. Стефана в Кане. Возведенный в 1070 г. по настоянию короля в сан архиепископа Кентерберийского, он начал активно работать над преобразованием английской Церкви. Ланфранк выступил организатором ряда соборов, на которых пытался привить английскому духовенству некоторые нормы, принятые к тому времени в Европе: так, в 1076 г. на соборе в Винчестере по его инициативе был принят декрет, запрещающий браки представителей духовенства [Davies 2008: 93]. Для усиления своего влияния на местах Ланфранк приглашал в английские общины насельников из нормандского аббатства Ле-Бек и монастыря св. Стефана. Многие из них впоследствии занимали высокое место в церковной иерархии⁶.

Одной из особенностей английской Церкви, вызывающей споры между «старым» духовенством и реформаторами, были многочисленные локальные культы. Большинство из них формировалось вокруг мощей и не имело письменной легенды, что вызывало у континентального духовенства сомнения в обоснованности почитания того или иного праведника⁷. Угроза культу была одновременно угрозой положению связанного с ним религиозного центра. Реакцией на нее стало появление многочисленных произведений исторического характера, призванных актуализировать достижения прошлого — событий, предшествовавших завоеванию [Southern 1973: 248–253]. Существенную долю среди этих произведений составляли жития [Gransden 2008: 106]. Мы склонны полагать, что именно в легитимации как самого культа, так и положения (реального или мнимого) центра его отправления и состояло основное назначение британской агиографии конца XI — XII в.⁸ Эта тактика достаточно быстро принесла свои плоды: уже в XII в. почитание многих англосаксонских святых было восстановлено [Ibid.: 105].

Усилия по обновлению Церкви, предпринятые Ланфранком и его сторонниками, были направлены не только на английские земли — в преобразовании нуждались все диоцезы Британских островов. Для реализации своего плана Ланфранк начал укреплять церковно-административную вертикаль. Усиление же властных амбиций Кентерберии достаточно быстро привело к столкновению с архиепископом Йорка⁹, а также с крупнейшими епископскими центрами Ирландии и Уэльса, которые не были готовы занять подчиненное положение.

глав крупных монастырей за редким исключением практически не осталось англичан или клириков, получивших образование в английских монастырях [Loyn 1994: 96].

⁶ Из переписки Ансельма Кентерберийского известны имена Генриха (будущего приора Кентерберии), Арноста и Гундульфа (поочередно занимали кафедру Роучестера), Гилберта Криспина (будущего аббата Вестминстера), а также Мориса, Херлвина, Виталиса, Роджера и Самуэля [Southern 1966: 246–247].

⁷ В частности, у Эдмера встречается пересказ спора Ланфранка и Ансельма по поводу мученичества св. Эльфеаха, архиепископа Кентерберийского, убитого данами в 1012 г. Ланфранк выражал сомнения, что тот погиб за веру, а значит, достоин быть объектом поклонения [Southern 1966: 249].

⁸ Например, житие св. Уилфрида было составлено Эдмером для подтверждения истории, что именно Кентерберия является местом пребывания его мощей [Southern 1966: 277]; житие св. Оды — опять же для подтверждения того, что местная община владела мощами св. Уилфрида и ее приверженности церковной реформе X в. [Ibid.: 280–281].

⁹ Ланфранк инициировал спор о главенстве своей кафедры над кафедрой Йорка. В 1072 г. на соборе в Винчестере были заслушаны обе стороны, и, как писал в письме к папе Александру I сам архиепископ Кентерберийский, его аргументация, построенная

Хотя оба процесса — территориальное завоевание и попытки слияния английской и валлийской Церквей в единую структуру — шли параллельно, существовал один важный нюанс: если для валлийских правителей было привычно, что их владения (временно, как они считали) находятся под властью иноземцев, то для духовенства вопрос прямого подчинения английскому иерарху не был решенным. Если де-юре среди валлийского духовенства не было никого, равного по статусу архиепископу Кентерберийскому¹⁰, то де-факто вплоть до Нормандского завоевания последний не имел возможности воспользоваться своей властью. Англосаксонские предшественники Ланфранка не предпринимали сколько-нибудь решительных действий, направленных на получение фактического контроля над валлийскими диоцезами. Поэтому, как нам кажется, необходимость принять волю представляющего английскую Церковь иностранного прелата должна была восприниматься еще острее именно в силу редкости или даже новизны подобного прецедента.

Между тем в валлийских королевствах, как и в самой Англии, масштаб изменений должен был стать весьма значительным: нужно было окончательно утвердить плавающие границы диоцезов, структурировать административную вертикаль и при этом устранить возможность передачи церковной собственности и должностей по наследству¹¹. Для того чтобы претворить свои идеи в жизнь, Ланфранку, так же как и Вильгельму, было необходимо получить контроль над выборами епископов и аббатов крупных монастырей: кандидаты должны были как минимум придерживаться celibата и быть лояльны по отношению к Кентербери.

Общность вызовов, с которыми пришлось столкнуться Церквям Англии и валлийских королевств в результате деятельности реформаторов, привела к

на цитировании «Церковной истории народа англвов» Беды Достопочтенного, решений предшествующих соборов, письменных свидетельств послушания британских епископов, анналов и документов папской канцелярии, оказалась убедительнее [Lanfranc 2002: 50–54]. Однако даже добившись признания своего примата от действующего архиепископа Йорка, Томаса из Байё (1070–1100 гг.), Ланфранк не смог обеспечить обязательное принесение аналогичных клятв преемниками Томаса, что продлило конфликт еще на несколько десятилетий.

¹⁰ В случае Уэльса понятие «Церкви» как таковой, в ее административном значении, довольно условно. По сохранившимся источникам не прослеживается иерархия раннесредневековых валлийских епископств, их общее количество непостоянно, территориально они сильно рассредоточены [Davies 1982: 160]. Вероятно, многие монастыри управлялись епископами-аббатами. Между диоцезами не было единства, не существовало признанного главы Церкви и регулярно созываемых соборов для решения общих вопросов. Синоды британской Церкви часто упоминались в источниках применительно к VI–VII вв., в более поздние времена — почти нет. До XI в. практически отсутствуют упоминания архиепископов. Сам этот термин встречается всего дважды: в «Анналах Камбрии», где говорится о смерти архиепископа Гвинедда [AC 2015: 18], и «Жизни Альфреда, короля англосаксов», применительно к Сент-Дэвидсу [Asser 1904: 66]. Отсюда предположение, высказанное В. Дэвис, что до Завоевания статус архиепископства был лишь номинальным [Davies 1982: 161].

¹¹ Здесь так же, как и в других регионах Британских островов, к началу григорианских реформ часть служителей Церкви жила в браке: некоторые семьи высшего духовенства можно проследить на протяжении нескольких поколений. В конце XI в., т. е. во время пребывания в сане Ланфранка, женатыми были епископ Сент-Дэвидса Сулиен (он занимал кафедру дважды: в 1072–1078 гг., а затем снова в 1080–1085 гг.) и Херевальд, епископ Лландаффа (1056/1059–1104) [Davies 1978: 128–130].

общности стратегий защиты: в конце XI и в XII в. в Уэльсе также записываются жития местночтимых святых. Среди них своей риторикой особенно выделяются два — жития св. Давида и св. Беуно. Почитание первого было распространено на юге Уэльса, в Дехейбарте, второго — на севере, в королевствах Поуис и Гвинедд. Центры культов — Сент-Дэвидс и Клинног Ваур — стояли во главе крупнейших «монастырских объединений»¹².

Житие св. Давида происходит из интеллектуальной среды «старого» валлийского духовенства. Его автором был Ригиварх, один из сыновей Сулиена, епископа Сент-Дэвидса. Такой человек, как он, — происходивший из династии служителей Церкви¹³, получивший великолепное образование¹⁴, обладающий несомненным литературным талантом, — должно быть, глубоко воспринял как само Завоевание, так и его последствия. Он, сам будучи глубоко погруженным в рассматриваемый нами конфликт интересов, как никто другой мог выступить «рупором» консервативно настроенной части клира.

Задачей Ригиварха было представить Давида одним из величайших святых на острове. Именно поэтому он вкладывает в уста Гильды Премудрого, представленного в житии как одного из предшественников Давида, слова о том, что пока еще находящийся в утробе матери Давид в будущем превзойдет всех святых Уэльса и Богом ему будет дана власть как над ними, так и над всеми жителями Британии¹⁵. После такого вступления житие должно было убедить сторонников реформы в длительности и широком географическом охвате почитания св. Давида, поэтому Ригиварх ввел в текст перечисление якобы основанных святым религиозных центров, часть из которых расположена за пределами валлийских королевств: так, фигура Давида становится у истоков

¹² Церкви, посвященные одному, как правило местному святому, объединялись в «сообщества», подчиненные настоятелю главного центра культа: так в Гламоргане существовало объединение церквей, посвященных св. Ильтуту, с центром в Ллантвите, на юге Уэльса — объединение св. Давида с центром в Сент-Дэвидсе, на востоке — св. Тисилио с центром в Мейводе, а на севере, в Гвинедде, — св. Беуно с центром в Клинног Вауре. Аббаты, стоявшие во главе подобных сообществ, были не менее влиятельны, чем епископы [Davies 1982: 163].

¹³ Семья Сулиена — один из наиболее известных валлийских клерикальных родов, его члены прослеживаются на протяжении трех поколений. Сам Сулиен имел четырех сыновей — Ригиварха (ум. ок. 1099), вероятно, бывшего священником в Сент-Дэвидсе, Артена, Даниила (ум. ок. 1127), ставшего архиdiaконом Поуиса, и Йеуана, архипресвитера Лланпадарна. В свою очередь, старший сын, Ригиварх, оставил после себя сына Сулиена ап Ригиварха (ум. ок. 1146). Артен, вероятнее всего, был отцом Генриха ап Артена (ум. ок. 1163), известного своей образованностью, а Даниил — Кидивора ап Даниила (ум. ок. 1163), архиdiaкона Кардигана [Lloyd 1941: 3–6].

¹⁴ Принято считать, что Сулиен был основателем школы в Лланпадарн Ваур. Его сыновья, судя по цитатам и отсылкам в приписываемых им произведениях, были знакомы с трудами античных авторов (Вергилия, Овидия, Лукана, Пруденция, Марциана Капеллы и мн. др.), знали латинскую литературу британского происхождения (работы Гильды Премудрого, Беды Достопочтенного, агиографические произведения английских и ирландских авторов), были знакомы с решениями местных синодов [Howlett 2011: 702–703].

¹⁵ «Filius, qui est in utero istius sanctimonialis, maiorem gratiam ac potestatem ordinationemque habet quam ego, quia illi dedit Deus privilegium et monarchiam ac bragminationem principatus uel dignitas omnium sanctorum Britanni in ternum ante et post iudicium. <...> sibi tradita est monarchia super omnes homines istius insule» [Rhygyfarch 2007: 114].

монастырей в Гластонбери, Бате, Кроуленте, Рептоне и Леминстере [Rhygyfarch 2007: 118–120]¹⁶.

Основанные им общины должны были вести жизнь, соответствующую самым строгим стандартам Ланфранка и его преемника Ансельма¹⁷. Поэтому составитель жития посвятил несколько глав пространному описанию деталей, наполнявших повседневную жизнь монахов: их время было посвящено молитве и тяжелому физическому труду (в том числе ручной вспашке земли); им также было запрещено иметь какую-либо собственность; пища и одежда, которой они довольствовались, должна была быть самой скромной; не допускались даже праздные разговоры [Rhygyfarch 2007: 124–128]. Любому, кто желал бы присоединиться к братии, ведущей столь праведную жизнь, предстояло сначала пройти через испытание, проведя 10 дней у ворот монастыря. И кто бы ни пришел, и насколько бы он ни был богат, Давид, как особо подчеркивал Ригиварх, не получал ничего из его богатства — новые члены монашеской общины приходили в нее «нагими, будто бы потерпевшими кораблекрушение, дабы у них не было возможности, опираясь на свое состояние, возвыситься себя над братией»¹⁸. То, что составитель жития мимоходом, но все же выделяет это обстоятельство, может свидетельствовать в пользу того, что в конце XI в. оно все еще представляло собой распространенную проблему как валлийского, так и, учитывая общность основных черт развития, британского духовенства.

При столь суровых условиях существования братии жизнь самого Давида должна была представлять собой недостижимый идеал. Поэтому Ригиварх пишет, что она была «подобна жизни египетских монахов» (*Egyptios monachos imitates*): в нее, помимо ежедневного труда, молитв и забот о членах общины, входили ежедневные практики по умерщвлению плоти — у святого был обычай погружаться в холодную воду и находиться в ней, «пока ему не удавалось укротить пыл плоти» [Rhygyfarch 2007: 128].

Когда же стало известно, насколько праведную жизнь ведет Давид, «короли и принцы этого мира оставили свои королевства и искали его монастырь» [Rhygyfarch 2007: 128]. В подтверждение того, что слава о святом гремела даже за пределами валлийских королевств, Ригиварх приводит пример Константина, короля корновиев (*Constantinus, Cornubiensium rex*), человека великой гордыни, который отказался от власти и стал скромным монахом в доме Давида [Ibid.: 128–130]. Этот эпизод выглядит логичным продолжением приведенного ранее утверждения, что Давид является основателем нескольких крупных религиозных центров на территории Англии. В дополнение к сказанному в другой части жития Ригиварх добавляет, что Давиду «служит почти треть или четверть Ирландии» (*verum pene tercia pars uel quarta Hibernie seruit*

¹⁶ Гластонбери был одним из богатейших монастырей Англии, Бат и Леминстер — одними из старейших, Кроулент и Рептон были связаны с культом св. Гутлака [Howlett 2011: 704].

¹⁷ Архиепископ Кентерберии в 1093–1109 гг.

¹⁸ «*Tam quicumque eorum conuersationem cupiebat, nichil eius substantie quam mundo renuntians dimisisset, uel unum, ut ita dicam, denarium in usum monasterii pater acciperet sanctus, sed nudus ueluti e naufragio euadens receptus, nequaquam inter fratres extollens sese eleuaret*» [Rhygyfarch 2007: 128].

Dauid Aquilento) [Ibid.: 136]¹⁹. Вероятно, перед нами попытка представить последнего не местночтимым, а как минимум общебританским святым.

Однако создать образ древнего праведника, ведущего за собой общину по тяжелому пути смирения, самоограничения и труда, было недостаточно для того, чтобы защититься от действий Ланфранка. Подлинное решение проблемы состояло в том, чтобы создать препятствие на пути прямого подчинения валлийских диоцезов архиепископу Кентерберийскому. И здесь перед глазами находился пример архиепископа Йорка, также активно сопротивлявшегося попыткам соратника Вильгельма распространить свое влияние за пределы собственной провинции. Частично его успех основывался на том, что и Кентерберии, и Йорк имели статус архиепископства. Следовательно, необходимо было возвысить до того же уровня один из валлийских диоцезов.

Чтобы подкрепить претензии Сент-Дэвидса, Ригиварх ввел в житие Давида эпизод, в котором рассказывается о путешествии святого в Иерусалим вместе со свв. Элиудом и Падарном, где не названный по имени патриарх рукоположил последних двух в епископы, а Давида — в архиепископы [Rhygyfarch 2007: 138–140]. Вероятно, не посчитав столь странную историю достаточно убедительной, Ригиварх добавил, что посвящение Давида было подтверждено «всеми епископами, королями, принцами, знатью и всеми сословиями британского народа» (*cunctorum consensu episcoporum, regum, principum, optimatum, et omnium ordinum tocius Brittanice gentis*) на синоде в Бреви (ок. 560); его монастырь, Сент-Дэвидс, объявлялся митрополичьей кафедрой, а всякий, кто управлял им, становился архиепископом (*ciuitas eius tocius patrie metropolis dedicatur, ita ut quicumque eam regeret, archiepiscopus haberetur*) [Ibid.: 142–146]. Эти решения были еще раз подтверждены на синоде Победы (ок. 569) [Ibid.: 146].

Идея «сделать» Давида архиепископом, вероятно, зародилась или в последней трети XI в. в интеллектуальной среде школы Сулиена, сформировавшей Ригиварха как ученого, или немногим раньше. Маловероятно, чтобы как сам Сулиен, так и его сыновья (учитывая тот широкий круг текстов, который, судя по отсылкам в их собственных произведениях, был им известен) не были знакомы с «Анналами Камбрии», которые приняли окончательную форму именно в Сент-Дэвидсе. «Анналы», упоминая о смерти Давида, прямо называют его епископом [AC 2015: 7]. Хотя эта запись относится к наиболее древнему пласту текста, в основе которого лежит неизвестный источник ирландского происхождения, сложно поверить, что при окончательной редакции, которая была произведена около середины X в., неточность в таком вопросе, как сан покровителя диоцеза, не была бы исправлена²⁰. Таким образом, мы предполагаем, что архиепископом Давид мог «стать» только начиная со второй половины X в. Однако если принять во внимание, что взаимоотношения валлийского

¹⁹ Это утверждение представляется более приближенным к действительности, чем все остальные: наиболее ранние упоминания св. Давида происходят именно из ирландских источников — «Перечня святых Ирландии» (VIII в.), где он вместе со св. Гильдой находится в составе «второго ордена» святых, и «Мартирологе Талахта» (начало IX в.) [Wooding 2007: 11].

²⁰ Более поздние редакции «Анналов» имеют следы подобных исправлений: в отличие от процитированного выше списка А, списки В и С, датирующиеся XIII веком (т. е. составленные уже после начала борьбы Сент-Дэвидса за архиепископский паллий), в уже упомянутой записи о смерти архиепископа Гвинедда меняют его сан на простого епископа [AC 2016: 26].

духовенства с англосаксонскими архиепископами Кентерберии в рассматриваемый период не доходили до конфликта, требующего столь серьезных мер, как возможная редакция текста жития, нам кажется более вероятным, что она была реакцией именно на события, связанные с появлением на кафедре Ланфранка, т. е. ее можно датировать последней третью XI в.

Прежде других воспользовался аргументом в пользу независимого положения валлийской Церкви, предложенным Ригивархом, был Бернард (1115–1147), первый нормандец на кафедре Сент-Дэвидса. С его именем связывают появление новой редакции жития св. Давида: примерно в середине XII в. получает широкое распространение текст, представляющий собой сокращенную и лишенную части деталей версию работы Ригиварха. Что характерно, сокращению подверглись и некоторые эпизоды, представляющиеся нам ключевыми для обоснования особого статуса святого: так, из новой версии исчезли пророчество Гильды о том, что не рожденный еще ребенок станет величайшим из валлийских святых, сообщение о том, что власть Давида признает треть Ирландии, и часть рассказа о синоде Победы. Сумма характерных черт, которая отличала как сам текст новой редакции (из него были удалены некоторые локальные имена и топонимы, известные в Уэльсе, но не за его пределами), так и его физическое бытование (текст распространялся в виде отдельных тетрадей; все сохранившиеся копии происходят из собраний крупных монастырей южной Англии и Нормандии), подразумевает, что она могла изначально предназначаться для неваллийского духовенства [Sharpe 2007: 104–105].

Получив рукоположение, Бернард первые несколько лет провел, погрузившись во внутренние дела и конфликты валлийской Церкви. Однако спустя примерно десять лет ему наконец представился шанс реализовать себя в противостоянии с Кентерберией. Как и предполагалось обстоятельствами его избрания на кафедру, долгое время он выступал на стороне южных архиепископов в их столкновениях с Терстаном, архиепископом Йорка в 1114–1140 гг., отстаивавшим свою независимость от Кентерберии. Но когда около 1125 г. конфликт разрешился в пользу Терстана, для валлийских диоцезов также открылась возможность избежать подчинения. И Бернард собирался воспользоваться этим шансом, инициировав свою собственную кампанию против примата Кентерберии. Важную роль, как нам кажется, в ней играло новое житие св. Давида, которое Бернард активно распространял.

Первый документ, содержащий сведения об этом деле, — письмо, адресованное духовенством Сент-Дэвидса папе Гонорию II (1124–1130), в котором излагалась фантастическая история о том, что архиепископский паллий Сент-Дэвидса в VII в., вскоре после Желтой лихорадки, был перенесен в Бретань архиепископом Самсоном, в результате чего диоцез утратил этот внешний признак верховенства среди валлийских церквей [Lloyd 1912: 480]. После этого Бернард инициировал несколько встреч с папой, отстаивая привилегии своего диоцеза и собственную свободу от любых обязательств перед английской Церковью, но в 1147 г. его позиция была опровергнута свидетельскими показаниями епископа Бата Роберта, который подтвердил высказанное Бернардом еще в 1115 г. полное согласие с главенством Кентерберии. На осень 1148 г. было назначено еще одно слушание по этому делу, однако летом или в начале осени

Бернард умер. Его преемник поклялся не поднимать вопрос о «правах св. Давида» во время своего пребывания в сане [Ibid.: 482].

Вернуться к вопросу об архиепископстве удалось лишь в самом конце XII в., когда дело епископа Бернарда продолжил Гиральд Камбрийский (ок. 1146–1223). Будучи архидиаконом Брекона, Гиральд дважды становился кандидатом на вакантную кафедру Сент-Дэвидса, но оба раза против его избрания выступали Генрих II и актуальный архиепископ Кентерберийский. Эти неудачи не помешали Гиральду развернуть настоящую кампанию за архиепископский паллий для валлийского диоцеза. Чтобы доказать справедливость притязаний Сент-Дэвидса, он начал активно работать над историей диоцеза и его покровителя.

Около 1191 г. Гиральд завершил «*Itinerarium Kambriae*» — описание путешествия по Уэльсу, совершенного им в 1188 г. Вторую книгу, начинавшуюся с рассказа о Сент-Дэвидсе, он открыл рассуждением о несправедливости положения, в котором некогда архиепископская кафедра пребывает ныне. Далее следовала история обретения и потери паллия, а также начинающийся со св. Давида список архиепископов и епископов, занимавших кафедру до появления в Британии нормандцев [Gir. Camb. Op. (6): 102–104]. Возможно, подчеркивая уходящие в глубь веков корни современной ему проблемы, Гиральд хотел сделать дополнительный акцент на давности спора Сент-Дэвидса с Кентербери и на древности «права св. Давида».

Однако главным его аргументом, по нашему мнению, стало житие св. Давида. Для того чтобы оно соответствовало изменившимся внешним условиям, Гиральду пришлось существенно переработать текст, по сути, создав новую редакцию. Хотя сам автор в качестве причины переработки называет устаревший, тяжеловесный слог предыдущей версии жития (*antique et prope modum jam antiquatæ*) [Gir. Camb. Op. (3): 377], нет никаких сомнений, что настоящей причиной была необходимость актуализации текста. Житие, составленное Ригивархом, подобно редакции, подготовленной для Бернарда, подверглось значительному сокращению и было разделено на отдельные чтения — можно предположить, что для удобства использования.

Гиральд внес свои корректировки в эпизоды, являющиеся, с нашей точки зрения, ключевыми в аргументации выдающегося положения св. Давида и его права на архиепископский сан. Так, в истории о встрече матери Давида с Гильдой утверждалось, что святой достигнет своего будущего статуса благодаря тому, что будет «первым в чести, мудрости и красноречии, превзойдя всех учителей Британии» (*honoris privilegio, sapientiae fulgore, sermonis facundia cunctos Britanniae doctores incomparabiliter antecelleret*) [Gir. Camb. Op. (3): 382]. Налицо очевидное размывание пассажа Ригиварха о том, что именно Бог даровал Давиду исключительное право встать во главе всех святых Уэльса.

История о странствии святого и религиозных центрах, основанных им за границами валлийских королевств, была передана ближе к источнику, чем в редакции Бернарда [Gir. Camb. Op. (3): 386], а вот описание повседневной жизни монашеской братии под управлением Давида полностью опущено. Гиральд сохранил лишь наиболее эффектное, с его точки зрения, дополнение о

желании многих могущественных и знатных мирян, в том числе Константина, присоединиться к общине [Ibid.: 389]²¹.

Вероятно, Гиральд планировал не только представить Сент-Дэвидс как популярное место паломничества в прошлом, но и сделать его таковым в настоящем, поспособствовав его привлекательности для своих современников. Лучше всего для этого подходила реликвия, связанная со святым и хранящаяся в его соборе. Безусловно, Гиральд не мог не знать, что мощи св. Давида, поиск которых начал епископ Бернارد, так и не были найдены [Cowley 2007: 276]. Отсутствие первичных реликвий привело к необходимости привлечь внимание хотя бы ко вторичным. Вероятно, именно поэтому он, помимо уже упоминаемых Ригивархом предметов, включил в свою работу отсутствующий в более ранних редакциях эпизод о работе Давида над Евангелием: святой снимал копию с текста, но не успел закончить работу вовремя. Тогда за него это сделал ангел, заполнив новую книгу золотыми буквами [Gir. Camb. Op. (3): 393].

Однако наиболее важные изменения можно наблюдать в эпизоде, повествующем о путешествии Давида в Иерусалим. Как и в исходной версии, он отправляется туда вместе со свв. Тейло и Падарном, однако патриарх, внимая наущению ангела, рукополагает лишь одного из трех прибывших — Давида, и только в сан епископа [Gir. Camb. Op. (3): 397–399]. Нам представляется, что Гиральд, в отличие от Ригиварха не имевший связей с Лланпадарн Ваур, а значит, и с культом св. Падарна, таким образом попытался дополнительно выделить патрона Сент-Дэвидса и подчеркнуть его особую роль среди прочих святых. В то же самое время он явно не считал убедительным утверждение Ригиварха о происхождении архиепископского статуса Давида от неизвестного иерусалимского патриарха, ему был необходим какой-то более правдоподобный и весомый источник. И этим источником для него стал синод в Бреви: именно там по общему волеизъявлению духовенства и народа Давид был возведен в сан «архиепископа всей Камбрии» (*Kambriae totius archiepiscopus*), приняв власть от св. Дубрикия [Ibid.: 399–401]. Решение, принятое синодом в Бреви, подтвердил синод Победы. Здесь, однако, Гиральд добавил, что постановления обоих синодов, включающие правила и устройство церковной жизни, были приняты и освящены авторитетом Рима (*Romana auctoritatem adhibente et confirmante*) [Ibid.: 401]. По нашему мнению, перед нами не что иное, как еще одна попытка подчеркнуть абсолютную легитимность устройства древней валлийской Церкви.

Таким образом, в работе Гиральда мы можем наблюдать смену концепции происхождения власти Давида — от Бога, действующего руками неизвестного восточного патриарха, к решению синода, пребывающего в согласии с Римом. Более того, сам святой лишается части черт, прямо указывающих на его связь с валлийскими королевствами. По нашему мнению, все это было необходимо для того, чтобы сделать саму фигуру святого понятнее для неваллийцев. Однако столь тщательно выстроенная стратегия не дала ожидаемого результата: несмотря на многочисленные поездки Гиральда в Рим, новым епископом Сент-

²¹ Однако у Гиральда Константин из короля (*rex*) становится герцогом (*dux*).

Дэвидса стал ставленник английского духовенства, не заинтересованный в борьбе за повышение статуса валлийского диоцеза.

Помимо желания Ланфранка и его преемников укрепить церковно-административную вертикаль власти, встроив в нее и валлийское духовенство, дополнительным процессом, сопровождавшим реформу на раннем этапе, против которого оно активно протестовало, было перераспределение земель. В конце XI — начале XII в. границы владений валлийских правителей постоянно менялись из-за затяжного военного противостояния с нормандской знатью. Земли, переходящие под власть нормандцев, присоединялись к их владениям или передавались находящимся под их покровительством религиозным центрам — как реформированным монастырям с продолжительной историей, так и новым, принадлежавшим активно распространяющемуся в Британии европейским церковным орденам. Например, Роберт Фиц-Хэмон (ум. 1107), барон Глостера, передал бенедиктинскому аббатству в Тьюксбери доходы Лланиллтут Фавра [Dugdale 1819: 65, 67], Глостерский собор получил земли, ранее принадлежавшие Лланкарвану и Лланпадарн Вауру, а также Глэсбери, церковь на р. Уай, переданную Бернардом де Нёфмаршем в начале его завоевания Брихейниога [Lloyd 1912: 457]. Часть своих земельных владений потерял и Сент-Дэвидс. Между 1080 и 1130 гг. было зафиксировано массовое обеднение валлийской Церкви [Cubitt 2009: 389]. «Пострадавшей стороной» выступали общины «старого» духовенства, члены которых привыкли иметь долю церковных доходов. Интересы одной из таких общин, Клинног Ваура, как нам кажется, нашли отражение в житии св. Беуно, составленном примерно в начале XII в.²²

Среди прочих житий валлийских святых, созданных в тот же период, этот текст выделяется ярким антианглийским настроением: в одном из эпизодов говорится, как св. Беуно посадил на могиле отца дерево, ветка которого изогнулась особым образом, образуя арку. Под этой веткой мог спокойно пройти валлиец (*kymro*), но если это попытается сделать англосакс (*seis*), его ждет неминуемая смерть [Wade-Evans 1944: 17]. Мы разделяем предположение П. Симс-Уильямса о раннем существовании некоторых историй, связанных со святым, однако считаем необходимым обратить внимание на два момента. Во-первых, даже если изначально интересующая нас традиция была направлена против англосаксов, запись жития в начале XII в. наводит на мысль, что не только реформа, но и события, связанные с Завоеванием и действиями нормандской знати в пограничье, будучи по своей сути повторением активной фазы традиционного англо-валлийского противостояния, стали причиной преобразования разрозненных рассказов в письменную форму. Во-вторых, как мы можем наблюдать на примере жития св. Давида, каждый раз, когда культ требовалось актуализировать в его политическом значении, в житие вносились изменения. Одновременно с этим модернизировались язык и стиль текста. Однако в случае со св. Беуно единственная доступная нам версия жития не-

²² Житие св. Беуно дошло до наших дней в виде перевода на средневаллийский язык, выполненного в диапазоне между второй половиной XIII и серединой XIV в. Латинский оригинал, с которого был сделан перевод, не сохранился [Sims-Williams 2018: 15]. П. Симс-Уильямс высказал предположение, что он был составлен около 1100–1135 гг., хотя отдельные части могли быть созданы и раньше [Ibid.: 19–20].

сет следы языка конца XI — начала XII вв. Перевод был сделан либо с самой распространенной, а значит, и доступной версии текста, либо с единственной существующей. В обоих случаях, по нашему мнению, оригинал нес на себе следы последней модернизации. Это вновь возвращает нас к событиям начала XII в.

Целью создания текста, помимо обоснования положения религиозного центра, была еще и защита его материального благосостояния. Если, следуя за Симс-Уильямсом, рассматривать житие в том числе и как своеобразный сборник хартий, можно предположить, что как минимум часть упоминаемых в тексте земельных дарений и поселений, где святой основывал церкви, представляет собой реальное достояние общины, представляющей праведника [Sims-Williams 2018: 32–37]. Мы предполагаем, что необходимость закрепления списка владений была прямым следствием опасения потерять их из-за активных действий нормандской знати.

Топонимы, упоминаемые в житии Беуно²³, показывают путь святого по широкой дуге с юго-востока Уэльса вдоль восточной границы на северо-запад. Отмечается довольно высокая степень совпадения списка с реальным расположением церквей, освященных в честь Беуно [Sims-Williams 2018: 38–77]. Неподалеку от одного из мест, где, согласно житию, святой построил храм, произошла встреча Беуно с неким английским охотником, на своем языке по-нукающим собак к ловле зайца. Лишь только святой услышал, как тот говорит, он немедленно вернулся к ученикам и велел им собираться в путь, ибо «народ того человека (...) захватит это место, и будет оно под его властью»²⁴. С одной стороны, перед нами может быть отражение вполне конкретного случая: около середины XI в. Эдуард Исповедник передал земли неподалеку от места встречи, долгое время бывшие заброшенными, трем своим тэнам. Новые хозяева, два из которых носили английские имена, предпочитали использовать королевский дар в качестве охотничьих угодий [Ibid.: 48]. С другой стороны, на эту историю можно взглянуть и шире. И место, где было высажено дерево, и место встречи с охотником расположены неподалеку от р. Северн, почти у самой границы валлийских земель. Эти территории традиционно первыми принимали на себя удар с востока, поэтому и потери они могли быть одними из первых. В этом смысле появление здесь нормандцев и замена старого противника новым и весьма энергичным могли привести лишь к учащению военных столкновений. Религиозные центры, расположенные неподалеку от восточной границы или имевшие владения вдоль нее, могли лишиться своих земель, как только местного правителя покинет военная удача. Другими словами, перед нами частный случай общей проблемы «старых» валлийских общин.

Таким образом, жития Давида и Беуно, будучи «рупором» инициировавших их появление общин, сконцентрированных вокруг религиозного центра,

²³ Банхеник (*Banhenic*, совр. Тредервен), Каэрвент (*Kaerwent*), Аберриу (*Aberriw*, совр. Берри), Мейвот (*Meivot*), Гвидельверн (*Gwydelwernn*), Гваредауг (*Gwardawc*), Каэрсейнт (*Kaer Seint*, совр. Карнарвон), Келлинауг (*Kellynnawc*, совр. Клинног), Пеннард ин Арвон (*Pennard yn Aruon*); несколько земельных владений на севере Уэльса упоминаются без названия [Sims-Williams 2018: ix].

²⁴ «Kenedyl y gwr angkyuyeth (...) a oresgynnant y lle hwnn ac a vyd eidunt, ac ae kynnhalyant dan eu meddyant» [Wade-Evans 1944: 16].

как и английские жития того же периода, несли на себе яркие следы попыток адаптации к политическим условиям, изменившимся вследствие действий Ланфранка и его преемников. Оба текста были направлены против негативных последствий религиозной реформы, начатой по воле Вильгельма Завоевателя — усиления властной вертикали, дающего возможность английским церковным иерархам и королю оказывать влияние на валлийские диоцезы, а также массового обеднения «старых» валлийских общин вследствие перераспределения земель на захваченных нормандцами территориях. Однако, несмотря на множество предпринятых попыток, валлийскому духовенству так и не удалось отстоять свое положение и добиться независимости от Кентерберии. Процесс завоевания валлийских королевств и сопровождающий его процесс установления контроля над местной же Церковью окончательно завершился к концу XIII в. в результате военных кампаний Эдуарда I.

Источники

- AC 2015 — *Annales Cambriae: The A text*. From British Library, Harley MS 3859, ff. 190r–193r / Trans. by H. W. Gough-Cooper; Published online by the Welsh Chronicles Research Group. 1st ed. (2015). URL: http://croniclau.bangor.ac.uk/documents/AC_A_first_edition.pdf.
- AC 2016 — *Annales Cambriae: A, B and C in parallel, from St Patrick to AD 954* / Trans. by H. Gough-Cooper; Published online by the Welsh Chronicles Research Group. 1st ed. (2016). URL: http://croniclau.bangor.ac.uk/documents/AC_ABC_to_954_first_edition.pdf.
- Asser 1904 — Asser's Life of King Alfred, together with the Annals of Saint Neots, erroneously ascribed to Asser / Ed. by W. H. Stevenson. Oxford: Clarendon Press, 1904.
- Dugdale 1819 — *Dugdale W. Monasticon Anglicanum: a history of the abbeys and other monasteries, hospitals, frieries, and cathedral and collegiate churches, with their dependencies, in England and Wales; also of all such Scotch, Irish and French monasteries, as were in manner connected with religious houses in England*. Vol. 2. London: Longman, Hurst, Rees, Orme and Brown, 1819.
- Gir. Camb. Op. — *Giraldi Cambrensis Opera*. Vol. 3 / Ed. by J. F. Dimock. London: Longmans, Green, Reader and Dyer, 1863; Vol. 6 / Ed. by J. F. Dimock. London: Longmans, Green, Reader and Dyer, 1868.
- Rhygyfarch 2007 — *Rhygyfarch's Life of St David* / Ed. and trans. R. Sharpe, J. R. Davies // *St. David of Wales: Cult, Church and nation* / Ed. by J. W. Evans, J. M. Wooding. Woodbridge: Boydell and Brewer, 2007. P. 107–155.
- Lanfranc 2002 — *The letters of Lanfranc, Archbishop of Canterbury* / Ed. and trans. by H. Clover, M. Gibson. Oxford: Clarendon Press, 2002.
- Wade-Evans 1944 — *Wade-Evans A. W. Vitae sanctorum Britanniae et genealogiae*. Cardiff: Univ. of Wales Press, 1944.

References

- Blair, J. (2005). *The Church in Anglo-Saxon society*. Oxford Univ. Press.
- Cowley, F. G. (2007). The relics of St David: The historical evidence. In J. W. Evans & J. M. Wooding (Eds.). *St David of Wales: Cult, Church and nation* (pp. 274–281). Boydell and Brewer.
- Crosby, E. U. (2013). *The king's bishops: The politics of patronage in England and Normandy, 1066–1216*. Palgrave Macmillan.
- Cubitt, C. (2009). The institutional Church. In P. Stafford (Ed.). *A companion to the Early Mid-*

- dle Ages: Britain and Ireland, c. 500–c. 1100* (pp. 376–394). Wiley-Blackwell.
- Davies, J. R. (2008). Aspects of Church reform in Wales, c. 1093 — c. 1223. In C. P. Lewis (Ed.). *Proceedings of the Battle Conference 2007* (pp. 85–99). Boydell and Brewer.
- Davies, J. R. (2009). Wales and West Britain. In P. Stafford (Ed.). *A companion to the Early Middle Ages Britain and Ireland, c. 500–c. 1100* (pp. 341–357). Wiley-Blackwell.
- Davies, W. (1978). *An early Welsh microcosm: Studies in the Llandaff charters*. Royal Historical Society.
- Davies, W. (1982). *Wales in the Early Middle Ages*. Leicester Univ. Press.
- Douglas, D. C. (1964). *William the Conqueror: The Norman impact upon England*. Univ. of California Press.
- Garnett, G. (2007). *Conquered England: Kingship, succession, and tenure, 1066–1166*. Oxford Univ. Press.
- Gransden, A. (2008). *Historical Writing in England: c. 550 to c. 1307*. Routledge.
- Howlett, D. (2011). Rhygyfarch ap Sulien and Ieuan ap Sulien. In R. Gameson (Ed.). *The Cambridge history of the book in Britain* (Vol. 1, pp. 701–706). Cambridge Univ. Press.
- Lloyd, J. E. (1912). *A history of Wales from the earliest times to the Edwardian Conquest* (Vol. 2). Longmans, Green and Co.
- Lloyd, J. E. (1941). Bishop Sulien and his family. *National Library of Wales Journal*, 2, 1–6.
- Loyn, H. (1994). Abbots of English monasteries in the period following the Norman conquest. In D. Bates & A. Curry (Eds.). *England and Normandy in the Middle Ages* (pp. 95–103). A&C Black.
- Sims-Williams, P. (2018). *Buchedd Beuno: The Middle Welsh Life of St Beuno*. Dublin Institute for Advanced Studies, School of Celtic Studies.
- Sharpe, R. (2007). Which text is Rhygyfarch's Life of St David? In J. W. Evans, & J. M. Wooding (Eds.). *St David of Wales: Cult, Church and nation* (pp. 90–106). Boydell and Brewer.
- Southern, R. W. (1973). Presidential address: Aspects of the European tradition of historical writing: 4. The sense of the past. *Transactions of the Royal Historical Society*, 23, 243–263.
- Southern, R. W. (1966). *Saint Anselm and his biographer: A study of monastic life and thought 1059 — c. 1130*. Cambridge Univ. Press.
- Wooding, J. M. (2007). The figure of David. In J. W. Evans, & J. M. Wooding (Eds.). *St David of Wales: Cult, Church and nation* (pp. 1–19). Boydell and Brewer.

* * *

Информация об авторе

Анна Викторовна Гусакова

стажер, Лаборатория античной культуры, Школа актуальных гуманитарных исследований, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, д. 82
Тел.: +7 (499) 956-99-99
✉ purawallia@mail.ru

Information about the author

Anna V. Gusakova

Trainee, Centre for Classical Studies, School for Advanced Studies in the Humanities, Institute of Social Sciences, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-99-99
✉ purawallia@mail.ru

С. Г. Мереминский

ORCID: 0000-0003-4513-7329

✉ mereminskiy@gmail.com

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)*

ГАЛЬФРИД МОНМУТСКИЙ И БРЕТОНСКАЯ АРИСТОКРАТИЯ В АНГЛИИ XII в.: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ «ДЕЯНИЙ БРИТТОВ»

Аннотация. Статья посвящена реконструкции социального контекста сочинений Гальфрида Монмутского, одного из наиболее ярких представителей английского историописания XII в. Для этого анализируется корпус документов, в которых фигурируют сам Гальфрид и его вероятные патроны, а также текстологическая история сочинений историка, прежде всего «Деяний бриттов». Этот анализ позволил сформулировать ряд выводов. Сам Гальфрид с большой вероятностью принадлежал к семье бретонских иммигрантов в Англию, хотя прямых доказательств этого нет. Покровитель Гальфрида в 30–40-е годы XII в. Вальтер, архидиакон Оксфорда, входил в окружение англо-бретонского барона Бриана Фитц-Конта, придворного рыцаря короля Генриха I, а затем одного из главных сторонников императрицы Матильды. Наиболее вероятно, что именно через Бриана Вальтер и Гальфрид завязали контакты с графом Робертом Глостерским, братом «императрицы» Матильды, которому посвящен первоначальный вариант «Деяний бриттов». Возможно, именно через Бриана и его жену Матильду экземпляр книги Гальфрида попал в нормандское аббатство Бек, где его нашел в январе 1139 г. другой английский историк, Генрих Хантингдонский. Около 1141 г., возможно в связи с неудачами «анжуйской» партии и лично Бриана, архидиакон Вальтер начал налаживать контакты со сторонниками короля Стефана, в том числе с представителями рода Бомонов, одному из которых, Валерану, Гальфрид посвятил немного отредактированную версию «Деяний бриттов».

Ключевые слова: социальная логика текста, историописание, Англия, XII в., Гальфрид Монмутский, Оксфорд, Бриан Фитц-Конт

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Мереминский С. Г. Гальфрид Монмутский и бретонская аристократия в Англии XII в.: социально-политические контексты «Деяний бриттов» // Шаги/Steps. Т. 9. № 2. 2023. С. 104–122. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-2-104-122>.

*Статья поступила в редакцию 4 декабря 2022 г.
Принято к печати 14 февраля 2023 г.*

Shagi / Steps. Vol. 9. No. 2. 2023
Articles

S. G. Mereminskiy

ORCID: 0000-0003-4513-7329

✉ mereminskiy@gmail.com

*The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Russia, Moscow)*

GEOFFREY OF MONMOUTH AND BRETON ARISTOCRACY IN 12th CENTURY ENGLAND: SOCIAL AND POLITICAL CONTEXTS OF “ON THE DEEDS OF THE BRITONS”

Abstract. The article is devoted to reconstructing the social context of the works of Geoffrey of Monmouth, one of the most prominent 12th-century English historical writers. For this, a corpus of documents is analyzed, in which Geoffrey himself and his probable patrons appear, as well as the textual history of the historian's writings, primarily the “On the deeds of the Britons”. This analysis make it possible to put forward a number of conclusions. Geoffrey himself most likely belonged to a family of Breton immigrants to England, although there is no direct evidence of this. Geoffrey's patron in the 1130s and the 1140s, Walter, Archdeacon of Oxford, was part of the entourage of the Anglo-Breton baron Brian Fitz-Count, court knight of King Henry I, and later one of the leading supporters of his daughter, Empress Matilda. It is most likely that it was through Brian that Walter and Geoffrey got in touch with Robert, Earl of Gloucester, Empress Matilda's brother and dedicatee of the original version of the “On the deeds of the Britons”. Perhaps it was through Brian and his wife Matilda that a copy of Geoffrey's book came to the Norman Abbey of Bec, where it was found in January 1139 by another English historian, Henry of Huntingdon. Around 1141, possibly due to the failures of the ‘Angevin’ party and Brian personally, Archdeacon Walter began to establish contacts with

King Stephen's supporters, including with representatives of the Beaumont family, one of whom, Count Waleran, became the dedicatee of a slightly revised version of the 'On the deeds of the Britons'.

Keywords: social logic of texts, historical writing, England, twelfth century, Geoffrey of Monmouth, Oxford, Brian Fitz-Count

Acknowledgements. The article was written on the basis of the RANEPa state assignment research programme.

To cite this article: Mereminskiy, S. G. (2023). Geoffrey of Monmouth and Breton aristocracy in 12th century England: Social and political contexts of "On the deeds of the Britons". *Shagi / Steps*, 9(2), 104–122. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-2-104-122>.

Received December 4, 2022

Accepted February 14, 2023

Первая половина XII столетия стала периодом небывалого расцвета историописания в Англии. Труды авторов того времени — Эадмера, Вильгельма Мальмсберийского, Иоанна Вустерского, Генриха Хантингдонского, Сименона Даремского и других — заложили основы позднейших представлений о британском прошлом. Тем не менее ни одно из их сочинений не могло соперничать по популярности и влиянию на позднейшую традицию с «Деяниями бриттов» Гальфрида Монмутского [Reeve, Wright 2009; Бобович, Ошеров 1984]. О сохранявшемся высоком интересе к этому сочинению в Средневековье свидетельствует и необычайно большое число уцелевших списков (более 200), и целый набор очень разных отзывов о нем, и, конечно, огромная популярность некоторых его тем, в особенности связанных с фигурой короля Артура. Современные исследователи тоже уделяют книге Гальфрида исключительно много внимания, высказывая самые разные мнения о ее характере и авторском замысле, однако в последнее время все чаще проявляется стремление рассматривать «Историю» в общем контексте историописания того времени. При этом важнейшим ее отличием от сочинений современников является то, что основным источником «Истории» стало воображение Гальфрида.

Чтобы понять «социальную логику» (термин Г. Спигель [Spiegel 1990]), которой руководствовался Гальфрид, важно попытаться максимально локализовать его во времени и пространстве, выявить систему общественных связей, к которой он принадлежал. Биографические данные о Гальфриде достаточно скудны, но все же не настолько бесплодны, как полагают некоторые исследователи. То, что он сам несколько раз называет себя Монмутским (Monemutensis, de Monemuta) [Reeve, Wright 2009: 5, 145, 249; Clarke 1973: 134], указывает на связь с городом Монмутом на юго-востоке Уэльса (ныне центр округа

Монмутшир). Важно отметить, что эта территория уже в XI в., возможно еще до Нормандского завоевания 1066 г., перешла под власть английской короны и относилась к графству (шайре) Херефордшир, хотя абсолютное большинство его населения по-прежнему составляли валлийцы. После завоевания ближайший соратник нового короля, нормандский барон Вильгельм Фитц-Осберн, ставший графом Херефордским, построил в Монмуте замок (не позднее 1069 г.). После того как в 1075 г. Роджер, сын и наследник Вильгельма Фитц-Осберна, был лишен владений за участие в заговоре против короля, Монмут был передан бретонскому барону Витенуку (Гвитенек, Гвитенаук), который основал там бенедиктинский монастырь — дочернюю обитель (приорат) французского аббатства Сен-Флоран-де-Сомюр. Это решение было связано с тем, что настоятелем Сен-Флорана с 1070 г. был бретонец Вильгельм из Доля, возможно, родственник Витенюка. Вероятно, бретонцы составляли и по крайней мере часть монахов, хотя достоверно это невозможно установить. Около 1082 г. Витенек постригся в монашество, его наследником стал племянник Вильгельм Фитц-Бадерон, потомки которого владели Монмутом до середины XIII в. Таким образом, с последней четверти XI в. важную часть и светской, и церковной элиты в Монмуте составляли именно бретонцы [Guy 2020: 40–41].

Помимо прозвища, в сочинениях Гальфрида есть и другие свидетельства его знакомства с окрестностями Монмута. Например, в отличие от своего источника, приписываемой Неннию «Истории бриттов», Гальфрид сделал местом смерти преступного узурпатора Вортигерна крепость на холме Доартий (ныне Литл-Доуард, примерно в 3,5 км к северо-востоку от Монмута). Если именно эти края были родиной Гальфрида, то он мог получить начальное образование в школе приората Монмута. Соблазнительно отождествить его с «Гальфридом-писцом» (*Gaufridus scriba*), который фигурирует как свидетель в одной из монастырских грамот, изданной около 1120 г. Но имя Гальфрид было широко распространено в англо-нормандском мире, поэтому идентификацию никак нельзя считать однозначной [Curley 1994: 2]. Гальфрид бесспорно в какой-то степени владел валлийским языком или по крайней мере понимал его. В одном из вариантов предисловия к «Пророчествам Мерлина» он, прибегая к обычному для средневековых авторов приему самоуничижения, называет себя «постыдным бриттом» (*pudibundus Brito*) [Reeve, Wright 2009: 143]. Все это указывает, что по крайней мере отчасти он был либо валлийского, либо бретонского происхождения. Как видим, в Монмуте рубежа XI–XII вв. оба варианта были примерно равно вероятны.

Важнейшим источником, позволяющим определить статус и социальные связи Гальфрида, является группа грамот, связанных с Оксфордом или его окрестностями. Первые две грамоты обнаружил еще в 1850 г. Томас Филиппс [Phillipps 1851], еще четыре обнаружил и проанализировал в начале XX в. Герберт Эдвард Солтер [Salter 1919]. В общей сложности известны семь документов, в которых Гальфрид упоминается как свидетель. Они относятся к 30–40-м годам XII в. В этот же период были созданы и все известные сочинения Гальфрида. Первым из них, очевидно, стали «Пророчества Мерлина», датируемые обычно примерно 1134 годом или рубежом 1120–1130-х годов. Эту работу Гальфрид посвятил патрону Генриха Хантингдонского — епископу Линкольна Александру (и, возможно, написал по его просьбе). Позднее «Про-

рочества» вошли в состав «Деяний бриттов», но довольно широко бытовали и в качестве отдельной работы. Этот *magnum opus* Гальфрида был завершен не позднее 1138 г., возможно, несколько раньше. Наконец, стихотворная «Жизнь Мерлина» на основании посвящения новому епископу Линкольна Роберту из Чесни, датируется 1148–1150 гг.

Наиболее ранний из этих документов — грамота Роберта II д'Ойли (умер в 1142 г.), шерифа Оксфордшира, в пользу приората (позднее — аббатства) каноников-августинцев в Озни, к западу от Оксфорда (ныне район Оксфорда), который был основан тем же Робертом в 1129 г. Точно датировать документ невозможно, вероятнее всего, он был издан во второй половине 30-х годов. Копии грамоты сохранились в двух картуляриях Озни (составлены около 1200 г. и в начале XIII в.) [Salter 1929–1936 (1): 2, (4): 12]. Полный перечень свидетелей, идентичный в обеих копиях:

Teste Waltero archidiacono, Rahero priore, Main, Waltero monachis de Abbendona, Willelmo capellano, Galfrido Artur, Rogero de Amar', Edwardo presbitero de Tiwa, Simeone clerico, Fulcone de Olleyo, Hugone de Tiwa, Roberto filio Wydonis, Rogero de Amar', Philippo de Hamton, Radulfo filio Rogero, Radulfo filio Ranulfi, Rogero Testard, Gileberto de Tiwa, Roberto de Amar'.

Еще пять грамот сохранились в картулярии (составлен в начале XV в.) женского монастыря Годстоу. Он был основан около 1130–1133 гг. к северо-западу от Оксфорда, в 1139 г. епископ Александр Линкольнский издал грамоту об освящении там церкви. Приведем перечень этих документов, поскольку ранее не все они были проанализированы исследователями.

1. Предписание архидиакона Вальтера об освобождении монахинь от некоторых платежей (январь 1139 г.) [Amt 2014: 18–19]. Полный перечень свидетелей:

Huius rei existunt testes Rodbertus Exoniens episcopus, Ricardus abbas elemosine, Reginaldus abbas Eveshamie, Walterus abbas Egenesh, Radulphus de Monem, magister Gaufridus Arturus, Rodbertus prior Oxinef, Rodbertus capellanus, Ansket presbiter, Willelmus capellanus, Reginaldus filius comitis et filii sui, Willelmus de Keisn, Hunfridus clericus, Andreas clericus, Hugo de Keisn, Willelmus filius Walteri, Simon de Gerard molendinarius, Nicholaus Basset, Nigellus de Broc, Radulphus de Broc, Willelmus filius Godefridi, Willelmus Luvel.

2. Грамота того же шерифа Роберта II д'Ойли (январь 1139 г.) [Amt 2014: 275]. Полный перечень свидетелей:

Teste Waltero archidiacono et magistro Ricardo et Fromundo capellano et Willelmo capellano et Galfrido Artur et Radulpho de Monemuta et Rodberto capellano et Fulcone de Olleio et Hugone de Tiwe et Radulpho filio Rogeri et Rogero de Almari et Aluredo de Sireburne et Adam de Oxeneford et aliis pluribus.

На этот документ не обратили внимания предыдущие исследователи биографии Гальфрида.

3. Грамота архидиакона Вальтера о завещании монахиням земли в Шиллингфорде (ок. 1150 г.?) [Amt 2014: 61–62]. Полный перечень свидетелей:

Teste Galfrido Arturo, Radulpho de Munumuta, Willelmo capellano, Anschetillo de Wittona, Jocelino clerico, Randulpho de Chent, Petro del Bar, Jordano pluribusque aliis.

Подробнее этот документ будет рассмотрен ниже.

4. Соглашение Вальтера с монахинями о десятине в пользу церкви Св. Эгидия, которую ее основатель Эльвин Фитц-Годегос подарил в 1139 г. монастырю Годстоу (ок. 1149 или несколько ранее) [Amt 2014: 206–207]. Полный перечень свидетелей:

Teste Willelmo abbatte de Egnesham, Rodberto priore Sancte Freyesuid, Godefrido priore de Egnesham, magistro Galfrido Arturo, Radulpho de Monumuto, Willelmo capellano, Nigello presbytero, Jocelino clerico, Petro del Bar, Jordano, Radulpho de Melverna cum multis aliis.

5. Грамота барона Ричарда Лабанка де Клэра о даровании монахиням земельного участка в Нолле (первая половина 1151 г.) [Amt 2014: 295]. Полный перечень свидетелей:

Huius donationis testes sunt Gaufridus episcopus Sancti Asaph et Walterus Oxeneford archidiaconus, Robertus prior Sancte Frideswid, magister Rogerus de Sagio, Radulphus de Monemuta, Radulphus filius Borwaldi, Ansketill presbyter de Wott, Simon de Sancto Asaph, Willelmus cappellanus, Robertus Marimo filius alterius et Milesaint mater eius, Hugo de Canvilla et Gerardus et Willelus nepotes eius, Willelmus Avenel, Galfridus de Sercesd, Odclardus Labaanc et Hugo nepos eius, Robertus Burson, Galfridus de Labold, Radulfus Launcelevee et Robertus et Johannes fratres eius, Willelmus de Knoll et alii quam plures.

6. Наконец, последней по времени является грамота Роберта де Чесни, епископа Линкольнского (в 1148–1166 гг.), в пользу цистерцианского монастыря Тейм в Оксфордшире. Она сохранилась в монастырском картулярии (составлен в начале XIII в.) [Salter 1947–1948 (1): 45]. Полный перечень свидетелей:

Testibus magistro Gaufrido electo sancti Asaph, Hugone Lerecestric archidiacono, Roberto Oxon [...] archidiacono, Roberto Cadom [...], Ricardo Dameri, Radulfo Monemumensi canonicis.

Кроме того, имя Гальфрида присутствует в двух грамотах от имени шерифа Роберта II д'Ойли в пользу коллегиальной церкви Св. Георгия в Оксфорде и монастыря Озни, однако Г. Солтер установил, что обе они сфабрикованы в Озни в XIII в., поэтому я исключаю их из рассмотрения [Salter 1929].

Менее определено, но весьма вероятно, что автор «Деяний бриттов» упоминается как «магистр Гальфрид» среди участников съезда духовенства Нортхемптоншира, созванного епископом Александром между 3 декабря 1140 г. и летом 1142 г. [Smith 1980: 15]. В пользу идентификации говорит то, что в документах того времени из линкольнского диоцеза не упоминаются другие магистры Гальфриды.

На основании этого корпуса документов складывается вполне определенная картина. Некий Гальфрид Артур (Gaulfridus Arturus) не позднее 1139 г. (возможно, еще в середине 30-х годов) стал приближенным Вальтера, архидиакона Оксфорда и главы коллегиальной церкви Св. Георгия в оксфордском замке. После смерти Вальтера (весна или лето 1151 г.) он стал пользоваться покровительством епископа Роберта де Чесни, который до избрания на кафедру, как и Вальтер, был архидиаконом в Линкольнском диоцезе, а также каноником церкви Св. Георгия [Holtzmann 1952: 180–182]. В 1151 г. Гальфрид был избран на епископскую кафедру Сент-Асафа (на севере Уэльса), поэтому в двух хронологически последних документах он идентифицирован уже не по прозвищу, а по новой должности. У нас нет прямых подтверждений того, что Гальфрид был членом капитула церкви Св. Георгия, но это представляется вполне вероятным. Как архидиакон Оксфорда Вальтер впервые упоминается в 1110–1111 гг., возможно, он получил эту должность еще в 1104 г. [Burchmore 2019: xviii]. Вероятно, вскоре после смерти Вальтера (хотя необязательно сразу) церковь Св. Георгия отошла к приорату регулярных каноников-августинцев в Озни.

Обратим внимание на то, что среди свидетелей в грамоте Ричарда Лабанка фигурирует некий Симон из Сент-Асафа (Simon de Sancto Asaph). Событийно предположить, что этот человек, неизвестный по другим источникам, был как-то связан с избранием Гальфрида на кафедру Сент-Асафа. В большинстве грамот (в шести из семи) вместе с Гальфридом фигурирует также некий Ральф Монмутский, в грамоте епископа Роберта де Чесни он назван каноником, очевидно, капитула Линкольна. Этот же Ральф фигурирует еще в восьми актах 40–50-х годов, изданных епископами Александром и Робертом де Чесни [Smith 1980: 12–13, 16–17, 23–24, 30–31, 128, 164, 168]. Нельзя исключать, что он был родственником Гальфрида (возможно, братом?).

Точные дату и место епископской хиротонии Гальфрида — 23 февраля, в Лондоне, в принадлежавшем Кентерберийским архиепископам Ламбетском дворце — упоминает монах Гервазий Кентерберийский в своей «Хронике» [Stubbs 1879–1880 (1): 142]. У Гервазия, писавшего спустя почти полвека после событий, известие ошибочно помещено под 1150 г. Правильная дата, 1152 г., устанавливается на основании дорсальной записи в свитке о присяге новых епископов своему прimate, архиепископу Кентерберийскому:

В год от Воплощения Господа 1151-й Теобальд, архиепископ Кентерберийский и примас всей Англии, в 7-й день перед мартовскими календами посвятил Гальфрида, избранного епископа Сент-Асафа, в Ламбете, прежде того приняв от него, согласно обычаю, письменную присягу о подчинении и покорности, в присутствии и при сослужении своих суффраганов Вильгельма, епископа Нориджского, и Вальтера Рочестерского. В пресвитеры же он его [Гальфрида]

рукоположил в предшествующую субботу, в 15-й день перед мартовскими календами, в Вестминстере. (Anno ah Incarnatione Domini MCLI. Theobaldus, Cant. Archiepiscopus et totius Angliae Primas etc., VII cal. Martii sacravit Galefridum electum Ecclesiae Sancti Asaph in Episcopum apud Lambetham, accepta prius ab eodem secundum consuetudinem scripta de subiectione et obedientia sibi exhibenda professione, praesentibus et comministrantibus sibi suffraganeis Willelmo Norwicensi Episcopo et Waltero Roffensi; ordinavit autem ad presbyterum eundem precedenti Sabbato, i. e. XV. cal. Martii, apud Westmonasterium.) [Richter 1973: 47].

Поскольку началом года в Англии в то время считалась Пасха, по современному календарю это был уже 1152 г. Пресвитерская хиротония Гальфрида, следовательно, состоялась несколько раньше, 16 февраля в Вестминстере. 1152 г. как дату хиротонии Гальфрида подтверждает и современник событий, нормандец Роберт из Ториньи, отметивший под 1152 г. в своей хронике:

Гальфрид Артур, который перевел историю о королях бриттов с бриттского языка на латынь, стал епископом Сент-Асафа в Северном Уэльсе. (Gaufridus Artur, qui transtulerat historiam de regibus Britonum de britannico in latinum, fit episcopus Sancti Asaphi in Norgualis) [Bisson 2020: 1: 166].

Это известие важно тем, что в нем прямо подтверждается тождество Гальфрида Артура из Оксфорда, ставшего епископом, и автора «Деяний бриттов».

Гальфрид недолго пробыл епископом, скорее всего, он даже не успел выехать в Уэльс, где в то время продолжалось антианглийское восстание. Возможно, он оставался в Лондоне или его окрестностях на протяжении всего 1153 года. По крайней мере известно, что Гальфрид, епископ Сент-Асафа, был среди свидетелей подписанного в Вестминстере на Рождество Христово 1153 г. соглашения между королем Стефаном и герцогом Генрихом Плантагенетом (будущим королем Генрихом II). Согласно нему, Генрих был объявлен наследником английского престола, что стало фактическим завершением длительной гражданской войны в стране [Cronne, Davis 1968: 98]. Смерть Гальфрида отмечена под 1155 г. (точнее, между Рождеством 1154 и 1155 г.) в нескольких версиях валлийского исторического труда «Brut y Tywysogion», хотя там он ошибочно назван епископом Лландафа [Jones 1955: 132–133]. Автор хроники, очевидно, спутал *Lan Daf* (валлийское название Лландафа) и *Lan Elyw* (валлийское название Сент-Асафа).

Чрезвычайно дискуссионным остается вопрос о форме имени «Гальфрид Артур», встречающейся в грамотах и других источниках. Наиболее распространены две версии. Согласно одной из них, высказанной еще в конце XII в. Вильгельмом Ньюбургским (умер около 1198 г.), это прозвище Гальфрид получил за то, что перевел на латынь небылицы бриттов о короле Артуре [Walsh, Kennedy 1988: 28–29; Афанасьев 2010: 111]. Однако такая интерпретация небесспорна. Во-первых, Вильгельм не был современником Гальфрида, не был знаком с ним лично, но при этом испытывал к нему явную неприязнь. Его свидетельство, следовательно, трудно признать объективным и достоверным. Во-

вторых, ситуация, когда какой-либо средневековый автор получал прозвище по своему персонажу, причем использовал бы его не в литературном сочинении, а в документах о передаче имущественных прав, не имеет известных мне аналогов, поэтому ее нельзя считать бесспорной. Альтернативная трактовка состоит в предположении, что Артур — имя отца Гальфрида или какое-то родовое прозвище. В Бретани, в отличие от Уэльса, в XI в. имя Артур вошло в число вполне обычных, после 1066 г. обладатели этого имени появляются и в Англии. Так, два его носителя встречаются в Книге Страшного суда, составленной по материалам переписи 1086 г. [Keats-Rohan 1999: 158]. В более поздних документах мы встречаем еще целый ряд Артуров. Наиболее интересной из них представляется фигура Артура, который был каноником лондонского собора Св. Павла в начале XII в. (держал пребенду Оксгейт). Он фигурирует в документах, изданных между 1102 и 1115/1116 г., как «капеллан» и «каноник и священник» (*canonicus et sacerdos*) [Neininger 1999: 11, 14–15; Greenway 1968: 67]. Разумеется, согласно каноническому праву, священник не мог иметь жену и детей, но в Англии до второй четверти XII в. нарушения celibата были обычным делом. Они широко засвидетельствованы в том числе в капитуле собора Св. Павла [Brooke 1956]. В пользу этой версии говорят хорошее знание Гальфридом Лондона (включая внутригородскую топонимию) и его явная привязанность к этому городу. Итак, прямых доказательств того, что Артур — это патроним Гальфрида Монмутского, у нас нет, но исключать данную версию нельзя. В случае ее подтверждения это стало бы важным аргументом в пользу бретонских корней Гальфрида.

Обращает на себя внимание то, что в нескольких грамотах (впервые — в 1139 г.) Гальфрид был назван магистром. В первой половине XII в., до институционального оформления первых европейских университетов, это наименование обозначало либо должность человека (глава школы при монастыре, соборе или капитуле), либо, чаще, было указанием на то, что он получил образование в какой-либо крупной и известной школе. Гальфрид мог учиться и где-либо в Англии, и на континенте. Внимание Гальфрида к Лондону может указывать на то, что он учился в школе при соборе Св. Павла. Гальфрид мог получить образование и в самом Оксфорде, хотя в то время там еще было далеко до создания университета. Тем не менее с конца XI в. и примерно до 1119 г. в Оксфорде преподавал, вероятно «свободные искусства» и другие светские дисциплины, известный богослов Теобальд Этанский. В письмах этого периода он называл себя «оксфордским магистром» (*magister Oxenefordiae*). В 1133 г. в Оксфорд из Эксетера переехал еще один видный богослов, Роберт Пуллен. Он был англичанином по происхождению, но учился в Париже или где-то еще в Северной Франции. Выбор Робертом Оксфорда мог быть вызван желанием находиться ближе к королевскому двору как источнику потенциального патроната. На северной окраине Оксфорда Генрих I построил одну из своих резиденций, которую, в частности, посетил на Пасху (26 марта) 1133 г. К 1139 г. Роберт перебрался в Париж, в 1144 г. был вызван в Рим, где стал кардиналом и канцлером Святого престола. Около 1140 г. приором монастыря Св. Фридесвиды в Оксфорде стал богослов Роберт из Криклейда (умер после 1174 г.), который до того был каноником в Сайренсестере [Southern 1984: 4–10].

Дополнительные сведения о личности Гальфрида дает анализ хронологии публикации его сочинений. Первым из них, как уже было сказано, стали «Пророчества Мерлина». Их *terminus a quo* — июль 1123 г., рукоположение епископа Александра Линкольнского, которому Гальфрид адресовал пролог, утверждая, что перевел пророчества с «бриттского» языка на латынь по распоряжению этого прелата. С другой стороны, нормандский монах Ордерик Виталий, по его собственным словам, был знаком с «Пророчествами» еще при жизни короля Генриха I (который умер 1 декабря 1135 г.) [Chibnall 1969–1980 (6): 386]. Предположительно самый ранний список «Пророчеств» (в рукописи Liege 369C) может датироваться приблизительно 1130 годом, хотя часть исследователей выступает за более позднюю датировку. В случае с «Деяниями бриттов» можно установить более узкую датировку. С одной стороны, они явно завершены уже после кончины Генриха I. С другой — Генрих Хантингдонский утверждает, что видел рукопись «Деяний бриттов» в нормандском монастыре Беке, когда побывал там в январе 1139 г., сопровождая в Рим новоизбранного архиепископа Кентерберийского Теодора. Последнее известное сочинение Гальфрида, стихотворная «Жизнь Мерлина», очевидно, создано между декабрем 1148 г. (избрание и рукоположение епископа Роберта де Чесни, которому она посвящена) и началом 1151 г., когда сам Гальфрид был избран епископом Сент-Асафа.

Я. Тахкокаллио попытался реконструировать обстоятельства, при которых Гальфрид преподносил свои сочинения их адресатам. Так, исследователь отмечает, что епископ Александр Линкольнский находился в Нормандии с королем Генрихом I большую часть 1134 и 1135 гг., при этом значительная часть ранних самостоятельных списков «Пророчеств Мерлина» — континентального происхождения. Возможно, Александр увез в Нормандию полученный от Гальфрида презентационный экземпляр, и там с него сделали новые копии. Первоначальное посвящение «Деяний бриттов» было адресовано графу Роберту Глостерскому. Он прибыл в Англию из Нормандии весной 1136 г. и во время собрания королевского двора на Пасху (22 марта) принес оммаж королю Стефану. Далее, вероятно большую часть 1136 г., граф занимался восстановлением контроля над своими владениями в южном Уэльсе, которым угрожало восстание валлийцев. Одновременно с этим летом 1136 г. он участвовал вместе со Стефаном в осаде мятежного города Эксетера. Роберт вернулся в Нормандию к Пасхе 1137 г. (11 апреля, хотя и не был на собрании королевского двора) и, согласно «Новейшей истории» Вильгельма Мальмсберийского, провел там весь 1137 год. Летом 1138 г. Роберт открыто перешел на сторону своей сводной сестры Матильды, но из-за поражения вторгшихся в Нормандию войск мужа Матильды, графа Гальфрида Плантагенета, оказался заблокирован в Руане. Роберт вновь приехал в Англию вместе с Матильдой 30 сентября 1139 г. Учитывая, что уже в начале 1139 г. список «Деяний бриттов» имелся в Нормандии, вероятнее всего, Гальфрид преподнес ее графу Роберту в 1136 г. Создание версии «Деяний бриттов» с двойным посвящением (Роберту Глостерскому и Валерану, графу Мёлана) Тахкокаллио датирует летом 1141 г., когда Валеран после пленения короля Стефана перешел на сторону Матильды и прибыл к ее двору, большую часть года находившемуся как раз в Оксфорде. Новый вариант этого посвящения, в котором Валеран был

заменен на короля Стефана, возможно, был создан вскоре после этого, осенью 1141 г. в ходе переговоров об обмене Стефана на Роберта Глостерского [Tahkokallio 2019: 64–65].

Согласно предложенной М. Ривом реконструкции текстологии «Деяний бриттов», так называемый протограф Ф представлял собой презентационную рукопись, с делением на книги и иллюминированными инициалами, которая содержала посвящение только графу Роберту Глостерскому. От этой рукописи происходит абсолютное большинство континентальных списков сочинения Гальфрида. При этом в начальной части (главы 1–108) все они идут от рукописи Paris, Bibliothèque Sainte-Geneviève, MS 2113. Но в заключительной части (главы 109–208) они восходят к протографу парижской рукописи. Исключение — рукопись British Library Add. 15732, полностью восходящая к парижской рукописи. К этому же протографу восходит и первая версия-вариант. Несколько позднее был создан протограф Δ — вероятно, новая копия с рабочей рукописи Гальфрида. Он включает ряд изменений, которые Гальфрид внес уже после копирования Ф. К этой копии восходит рукопись Paris lat. 6040 — протограф островных списков XII в. с двойным посвящением (Роберту Глостерскому и Валерану). По мнению Тахкокаллио, парижская рукопись может быть копией с презентационного кодекса Валерану. Но есть и другие рукописи, восходящие непосредственно к протографу Δ. Наконец, так называемый протограф Σ, последняя по времени копия с рабочего черновика Гальфрида, содержит измененный вариант заключительной части (главы 118–208, после пророчеств Мерлина). В ней нет упоминания о гробнице Бедевера в Байё (глава 176), но добавлена фраза о королеве Сексбурге, предводительнице саксов. Кроме того, дата отречения Кадваладра, последнего короля Британии, изменена с 689 на 679 г. [Reeve, Wright 2009: xi–xxx].

В своем анализе Тахкокаллио не учитывает, что «История бриттов» могла распространяться не только среди ее непосредственных адресатов. Так, один ранний список принадлежал Филиппу из Аркура, протеже графа Валерана. Он упоминается среди книг, завещанных им аббатству Бек в 1163 г. (In alio vita alexandri et historia britonum) [Cleaver 2018: 192]. Исходя из датировки и содержания под это описание подходит рукопись XII в., ныне хранящаяся в Национальной библиотеке Уэльса (Aberystwyth, National Library of Wales, MS. 11611) и включающая ряд текстов об Александре Македонском и «Деяния бриттов» (озаглавлены «Hystoria Britannorum»). Тексты об Александре и «Деяния бриттов» соседствуют (вместе с другими произведениями) еще в ряде континентальных манускриптов XII в.: London, British Library, MS. Add. 33371; Paris, BNF lat. 8501A и Paris, BNF lat. 17569.

Не позднее 1131 г. Филипп занял должность препозита коллегиального капитула Св. Троицы в Бомоне (ныне Бомон-ле-Роже), родовой церкви семьи Бомон, к которой принадлежал Валеран. К 1133 г. Филипп также был деканом кафедрального собора в Линкольне, т. е. коллегой Вальтера Оксфордского по капитулу. Не исключено, что он занял этот пост еще раньше, в 1129 г. С июня 1139 по март 1140 г. Филипп был канцлером короля Стефана. В марте 1140 г. он был избран на епископскую кафедру Солсбери, но не утвержден в должности из-за противодействия папского легата Генриха, епископа Винчестерского (брата короля Стефана). По-видимому, Филипп уехал из Англии вместе

с Валераном во второй половине 1141 г. и к 18 июня 1142 г. был избран на епископскую кафедру Байё, которую занимал до своей смерти в 1163 г. При этом в 1142 г. Валеран передал церковь Св. Троицы в Бомоне монахам Бека, что повлекло их тяжбу с регулярными канониками из приората Св. Фридесвиды в Оксфорде. Очевидно, это решение было связано с избранием Филиппа на епископскую кафедру. Тяжбу между оксфордскими канониками и Беком 25 мая 1147 г. уладил в Париже папа Евгений III в присутствии архиепископа Теобальда. Оксфордские каноники отказались от претензий, но взамен получили поместье Эддингтон (в Беркшире), подаренное каноникам Бомона Робертом, графом Мёлана [Gleason 1936: 26–28]. Вполне возможно, что во время связанных с этой тяжбой поездок из Англии на континент могли быть привезены и списки «Деяний бриттов».

Если считать, что Гальфрид между 1130-ми годами и 1151 г. большую часть времени жил в Оксфорде, он мог стать свидетелем целого ряда важных для страны событий. Король Стефан посещал в Оксфорде в 1136-м (в январе и в апреле, когда издал одну из своих «хартий вольностей»), 1139-м (январь — освящение церкви в Годстоу; июнь — 24 июня, арест епископов; ноябрь), 1140 (весна) гг. После осады в 1142 г. он в последний раз побывал в городе в 1145 г. Его соперница в борьбе за корону императрица Матильда неоднократно посещала Оксфорд в 1141 г. (март, май, июнь — июль, ноябрь). Вновь она прибыла туда в конце июня 1142 г., а с 26 сентября оказалась в осаде войском Стефана. В декабре Матильда бежала по снегу, через Абингдон и Уоллингфорд прибыла в замок Девайзес, где, видимо, оставалась до отъезда на континент в начале 1148 г. [Cronne, Davis 1968: xxxix–xliv]. Между тем оставленный ею в Оксфорде гарнизон капитулировал. Шериф Роберт II д'Ойли умер в сентябре 1142 г., его наследник Генрих д'Ойли и еще один патрон церкви Св. Георгия Иоанн де Сен-Жан, поддерживавшие Матильду, лишились владений, которые Стефан передал своим сторонникам — Вильгельму де Чесни (брату будущего епископа Линкольнского) и Ричарду де Камвиль. По-видимому, именно тогда Роберт де Чесни стал каноником в Оксфорде. Позднее Роберт получил кафедру Линкольна именно благодаря поддержке своего брата Вильгельма, ставшего одним из самых верных сторонников Стефана. Роберт был избран епископом 13 декабря 1148 г. в Вестминстере в присутствии короля и королевы [Smith 1980: xxxv–xxxvi].

Хотя передача церкви Св. Георгия монастырю Озни упоминается в двух грамотах 1140-х годов, на практике это решение было реализовано, по-видимому, только после смерти архидиакона Вальтера в 1151 г. Обратимся теперь к личности этого интересного человека, вероятного друга и покровителя Гальфрида Монмутского на протяжении значительной части его взрослой жизни. Целый ряд документов свидетельствует о близости Вальтера к королевскому двору, о его участии в работе финансовых и судебных учреждений. Впервые он появляется в источниках как один из членов первого документально засвидетельствованного суда казначейства в Винчестере (либо между июлем 1108 и маем 1109 г., либо в августе — сентябре 1111 г.) в разбирательстве по иску Фариция, аббата Абингдона. Чуть позже, между 5 августа 1111 и 4 августа 1112 г., Вальтер уже в Оксфорде как королевский судья разбирал тяжбу между рыбаками из Оксфорда и из Абингдона [Hudson 2002–2007 (2): 92–94, 170, 174–176]. Он также присутствует среди свидетелей подтверждения Генрихом I дара Губер-

том де Монтчесни Абингдону церкви в Монтчесни, которое было издано в Вудстоке в июле или августе 1115 г. [Ibid.: 92–94]. Между октябрем 1125 и апрелем 1128 гг., когда пост аббата Питерборо оставался вакантным, Вальтер контролировал поступление доходов с монастыря в казну и сделал опись имений [Stapleton 1849: 157–168]. Но к 1130 г., когда был создан единственный сохранившийся от правления Генриха I казначейский свиток (Pipe Roll), связь Вальтера с Палатой шахматной доски, по-видимому, прекратилась, поскольку его нет среди лиц, освобожденных от уплаты налога — данегельда. В свитке он фигурирует только как должник казначейству крупной суммы, 180 марок серебром, за некую тяжбу (подробности ее неизвестны) с Ресто́лдом, бывшим шерифом Оксфорда. К сентябрю 1130 г. Вальтер заплатил лишь 68 шиллингов и оставался должен еще 116 фунтов и 12 шиллингов. При этом сам Ресто́лд был, видимо, смещен в 1129 г. и был должен казначейству огромную сумму, около 475 фунтов стерлингов, за неудовлетворительное управление королевскими землями в графстве и различные злоупотребления [Green 2012: 2]. Несмотря на эти сложности, Вальтер сохранил должность архидиакона и продолжал оставаться на виду на протяжении большей части правления Стефана [Cronne, Davis 1968: 135, 252]. Интересно, что именно в Оксфорде 24 июня 1139 г. по приказу Стефана были арестованы епископы Роджер Солсберийский, Александр Линкольнский и Нигел Илийский. Неизвестно, участвовал ли в этих событиях Вальтер, но на Рождество того же года он присутствовал при королевском дворе в Солсбери. Он фигурирует среди свидетелей грамоты Стефана в пользу монастыря Сайренсестер, который получил назад имения, ранее удерживавшиеся епископом Роджером Солсберийским [Ibid.: 69]. Кроме того, Вальтер есть среди свидетелей грамоты Матильды, якобы изданной в Оксфорде летом 1141 г. о дарении в пользу монастыря Озни, но ее подлинность не бесспорна [Ibid.: 231–232].

Оставаясь оксфордским архидиаконом, Вальтер одновременно стал также каноником коллегиального капитула Девы Марии в Уорике, основанного около 1123 г. Роджером де Бомоном, графом Уорика, двоюродным братом Валерана [Fonge 2004: 36–37]. Можно предположить, что Вальтер получил бенефиций в Уорике летом 1141 г., когда выстроил контакты с Бомонами. Наиболее вероятно, что тогда же было создано и новое посвящение «Деяний бриттов» графу Валерану.

Вальтер также фигурирует в целом ряде актов, относящихся к религиозным общинам Оксфордшира, но не столь часто, как этого можно было бы ожидать. Он был одним из свидетелей дарения (между 1139 и 1142 г.) Робертом д'Ойли земельного участка в Оксфорде оксфордширской прецептории тамплиеров [Leys 1938–1941 (2): 92]. В картуляриях приората Озни, помимо грамоты об основании (1130-е годы), Вальтер фигурирует только как свидетель лишь в одной грамоте [Salter 1929–1936 (1): 51–52]. В картулярии бенедиктинского аббатства Эйншема архидиакон упоминается трижды [Ibid.: 41, 91, 2: 103]. В актах из картулярия августинского приората Св. Фридесвиды в Оксфорде упоминаний Вальтера нет. Сам архидиакон, насколько известно, выступал благотворителем лишь одной оксфордширской обители — женского монастыря Годстоу. Помимо трех упомянутых выше актов, засвидетельствованных Гальфридом Артуром, Вальтер в январе 1139 г. при освящении церк-

ви в Годстоу подарил монахиням десятину со своего имения в Катслоу [Amt 2014: 206]. Наибольший интерес из этих документов представляет дар участка земли в Шиллингфорде, поскольку в нем содержится единственное указание на родственные связи Вальтера [Ibid.: 61–62]. Архидиакон унаследовал эту недвижимость от сестры отца, которая, в свою очередь, тоже держала ее по наследственному праву. В публикации картулярия ее имя приведено как Бритина (*Brityna*), что было бы единственным известным в средневековой Англии примером такого имени. Однако Д. Бёрчмор, изучив рукопись, предположил, что на самом деле имя следует читать как Бритива (*Brityua*) — вариант достаточно распространенного английского женского имени Бюрхтгиву (*Beorhtgifu*) [Burchmore 2019: xxvii]. Заслуживает внимания и само имение Шиллингфорд. Оно находилось в Оксфордшире и относилось к манору Бенсон, который до 1190 г. оставался частью королевского домена. При этом Шиллингфорд располагался у стратегически важной переправы через Темзу, и противоположный берег уже относился к Беркширу и принадлежал к баронии Уоллингфорд. Примечательно, что, согласно сделанной в середине XII в. описи этой баронии, одну гайду в ней держал архидиакон Вальтер [Salter 1930: 311]. Можно предположить, что эта земля находилась в имении Клепкот, на противоположном берегу от Шиллингфорда. То, что Вальтер и его родственники держали землю в Шиллингфорде и Клепкоте, указывает на их связь с замком Уоллингфорд, поскольку участки в Клепкоте располагались в стратегически важном месте и были выданы семьям рыцарей, служивших в замке [Keats-Rohan 2009: 61]. Это обстоятельство важно, поскольку на протяжении почти всей первой половины XII в. хозяином Уоллингфорда был англо-бретонский барон Бриан Фитц-Конт, личность во многих отношениях незаурядная. В оставшейся части статьи я кратко остановлюсь на биографии Бриана и его возможной связи с генезисом «Деяний бриттов».

Бриан был незаконнорожденным сыном Алана IV, герцога Бретонского (умершего в 1119 г.), но с детства воспитывался при дворе Генриха I. Он упоминается в королевских актах с 1114 г. и уже к 1119 г. приобрел обширные земельные владения. Генрих I подарил ему в держание баронию Абергавенни (в Монмутшире, на границе Англии и Уэльса) [Evans, Rhys 1893: 37, 93], а также устроил брак с богатой наследницей Матильдой, вдовой (или, по другой версии, дочерью) Милона Криспина, лорда Уоллингфорда [Keats-Rohan 1989: 311–318; King 2004]. Со второй половины 1120-х годов Бриан стал одним из самых близких к королю придворных. Он регулярно выступал свидетелем монарших грамот, а также выполнял ответственные поручения. В 1127 г. вместе с незаконнорожденным сыном короля Робертом, графом Глостерским, Бриан сопровождал дочь Генриха I Матильду к ее жениху, Гальфриду Плантагенету, сыну графа Анжуйского. В 1128 или 1129 г., вновь вместе с Робертом, он осуществил аудит королевского казначейства в Винчестере [Green 2012: xiii]. Между 1126–1129 гг. в Уоллингфорде по распоряжению Генриха I содержался под стражей Валеран де Бомон, граф Мёлана, один из самых богатых наследников Нормандии (и будущий адресат «Деяний бриттов») [Irvine 2004: 127, 130]. Согласно казначейскому свитку 1130 г., Бриан был одним из баронов финансового ведомства — Палаты шахматной доски. Он держал земли в 11 графствах (включая дом в Саутуарке, близ Лондона), которые были освобождены от уплаты повинностей на общую сумму в 166 фунтов стерлингов [Мо-

oers 1984]. Помимо прочего, Бриан имел земли в Оксфордшире, в половинной сотне Бенсон [Green 2012: 3], которые можно отождествить с упоминавшимся выше поместьем Шиллингфорд, где держателями были родственники архидиакона Вальтера. Он также занимал должность королевского конюшего (коннетабля), которую купил у родственника своей жены Нигела д'Ойли [Ibid.: 110].

После смерти Генриха I в 1135 г. Бриан, несмотря на привязанность к Матильде, первоначально признал Стефана королем: он присутствовал на собрании двора на Пасху 1136 г. и при издании «хартии вольностей» в Оксфорде в апреле того же года. Затем, как и граф Роберт Глостерский, он участвовал в подавлении восстания валлийцев. Бриан по крайней мере формально сохранял лояльность Стефану до осени 1139 г., но после прибытия в Англию Матильды и Роберта Глостерского открыто перешел на их сторону. В 1141–1142 гг. он почти все время находился при императрице Матильде, в том числе в таких трудных ситуациях, как бегство из осажденного Винчестера (июль 1141 г.). В период гражданской войны в Англии Бриан выступал как главный покровитель аббатства Рединг, располагавшегося вниз по Темзе от Уоллингфорда. Между 1144 и 1147 гг. императрица Матильда по просьбе Бриана подарила монастырю манор Блюбери в Оксфордшире, позднее этот дар подтвердил ее сын Генрих Плантагенет. Кроме того, Бриан был одним из адресатов, наряду с аббатом Эдуардом и конвентом, грамоты короля Шотландии Давида о даре имения Ринд в Пертшире [Kemp 1987: 2, 5–6, 345]. Это покровительство, вероятно, было проявлением посмертной благодарности Бриана Генриху I, который основал монастырь Рединг и был там похоронен. Жена Бриана, которую тоже звали Матильдой, была благотворительницей нормандского аббатства Бек, с которым была тесно связана семья ее первого мужа (или отца) Милона Криспина. В конце жизни она сама приняла монашеский постриг в одном из монастырей Нормандии [Chibnall 1951: 20, 24–25]. Стоит отметить, что именно в Беке в январе 1139 г. Генрих Хантингдонский обнаружил экземпляр «Деяний бриттов». При этом кантором Бека в 1140–1150-е годы был еще один представитель семьи Криспинов, тоже Милон. Он интересовался местной историей: написал жития аббатов Вильгельма де Бомона (1093–1124) и Бозона (1124–1136), а также краткие заметки об аббатах Теобальде (1136–1136) и Летарде (1139–1140), переработал жития святых Херлуина и Ансельма Кентерберийского. Поскольку в бенедиктинских монастырях кантор, как правило, был и библиотекарем, вероятно, Милон имел отношение к приобретению труда Гальфрида.

Положение Бриана сильно осложнилось после неудач сторонников императрицы Матильды во второй половине 1141 г. Примерно тогда он вынужден был уступить Абергавенни другому видному представителю «анжуйской» партии Милону Глостерскому. Уоллингфорд с 1142 г. превратился в восточную окраину территории, контролируемой сторонниками Матильды, в 1146 г. замок, считавшийся одним из самых неприступных в Англии, выдержал вторую осаду войсками Стефана (первая была в 1139 г.), но округа была разорена. Вероятно, вскоре после окончательного отъезда Матильды из Англии (в феврале 1148 г.) Бриан, не имевший детей, передал Уоллингфорд Генриху Плантагенету, а сам принял монашеский постриг, скорее всего в Рединге, и вскоре скончался.

Важно отметить, что Бриан был достаточно хорошо образован. Он не просто владел грамотой и счетом, на что указывают проведенная им ревизия каз-

начейства и его участие в работе Палаты шахматной доски, но и знал латынь достаточно хорошо, чтобы сочинять на ней. Большой интерес представляет его письмо Генриху, епископу Винчестерскому, написанное между сентябрем 1142 и концом 1143 г. Генрих во фрагментарно сохранившемся послании обвинил Бриана в том, что его люди ограбили людей епископа, ехавших на ярмарку в Винчестер, а также призвал признать Стефана королем. В ответ Бриан указал на свое бедственное положение и епископа Генриха и других магнатов, отвернувшихся от императрицы Матильды, вопреки предыдущим клятвам [Davis 1910]. Вскоре после этого Бриан написал целый трактат с изложением прав Матильды на английский престол. Этот текст не сохранился, но его содержание отчасти можно восстановить по письму, которое в конце 1143 или начале 1144 г. написал Бриану Гилберт Фолиот, в то время аббат монастыря в Глостере [Morey, Brooke 1967: 61–66]. В нем он высоко оценивал «книгу» (*liber*), которую написал Бриан, и приводил дополнительные аргументы в пользу Матильды.

Итак, учитывая бретонское происхождение Бриана, его образованность и связи как с Монмутширом, так и с семьей архидиакона Вальтера, представляется, что этот барон входил в число первых читателей трудов Гальфрида Монмутского или даже каким-то образом участвовал в их создании. Вместе с тем Бриан, несмотря на свои таланты и верность, так и не удостоился графского титула. Однако именно он мог стать связующим звеном между Гальфридом Монмутским и графом Робертом Глостерским, которому первоначально были посвящены «Деяния бриттов».

Покровительство Бриана хорошо объясняет важную и практически всегда позитивную роль, которую в них играют Бретань и бретонцы. Более того, среди наиболее положительных персонажей «Деяний бриттов» есть Бриан (*Brianus*) — племянник Кадваллона, предпоследнего короля Британии. Этот Бриан изображен и как мудрый советник (он убедил Кадваллона, чтобы тот не признавал королевский сан за саксом Эдвином), и как верный вассал (отрезал и пожарил кусок собственной плоти, чтобы накормить выброшенного на бесплодный остров короля), и как отважный и умелый воин (тайно прибыл в Британию и смог убить мага Пеллита, который служил Эдвину) [Reeve, Wright 2009: 263, 267, 269–271]. Ранее на Бриана Фитц-Конта как на потенциальный прототип персонажа Гальфрида указывал лишь А. Хатсон, что осталось практически незамеченным другими исследователями [Hutson 1940: 87]. Существуют предположения, что Бриан Фитц-Конт оставил и другие следы в средневековой литературе. Так, ряд исследователей видит в нем прототип Бриана Островного (*Bruianz des Iles*), героя ряда артуровских романов (впервые упоминается Кретьеном де Труа в романе «Эрек и Энида», 1170-е) [Aurell 2017: 84–85]. Возможно, Бриан также оказал влияние на складывание образа Гая из Уорика, одного из самых популярных средневековых английских героев, которому были посвящены романы на старофранцузском и среднеанглийском языках [Mason 1984].

Подведем итоги. Проведенный в статье анализ позволяет сформулировать ряд положений:

— сам Гальфрид с большой вероятностью принадлежал к семье бретонских иммигрантов в Англию, хотя прямых доказательств этого нет;

— покровитель Гальфрида в 30–40-е годы XII в. Вальтер, архидиакон Оксфорда, входил в окружение англо-бретонского барона Бриана Фитц-Конта, придворного рыцаря короля Генриха I, а затем одного из главных сторонников императрицы Матильды. Наиболее вероятно, что именно через Бриана Вальтер и Гальфрид завязали контакты с графом Робертом Глостерским, которому посвящен первоначальный вариант «Деяний бриттов»;

— около 1141 г., возможно в связи с неудачами «анжуйской» партии и лично Бриана, архидиакон Вальтер начал налаживать контакты со сторонниками короля Стефана, в том числе с представителями рода Бомонов, одному из которых Гальфрид посвятил немного отредактированную версию «Деяний бриттов».

Дальнейшие просопографические изыскания в сочетании с глубоким анализом сочинений Гальфрида Монмутского, вероятно, могут дать новые сведения о социально-политическом контексте и предполагаемой аудитории этих текстов.

Источники

- Афанасьев 2010 — Уильям Ньюбургский. Пролог к хронике «*Historia rerum Anglicarum*» / Вступ. ст., пер. с лат., коммент. И. Ф. Афанасьева // Средние века. Вып. 71. № 1–2. 2010. С. 108–116.
- Бобович, Ошеров 1984 — Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина / Пер. с лат. А. С. Бобовича, С. А. Ошерова. М.: Наука, 1984.
- Amt 2014 — The Latin cartulary of Godstow Abbey / Ed. by E. Amt. Oxford: Oxford Univ. Press, 2014.
- Bisson 2020 — The Chronography of Robert of Torigni / Ed. by T. N. Bisson. Oxford: Oxford Univ. Press, 2020.
- Chibnall 1951 — Select documents of the English lands of the Abbey of Bec / Ed. by M. Chibnall. London: Royal Historical Society, 1951.
- Chibnall 1969–1980 — The Ecclesiastical History of Orderic Vitalis: In 6 vols / Ed. by M. Chibnall. Oxford: Clarendon Press, 1969–1980.
- Clarke 1973 — *Geoffrey of Monmouth*. Life of Merlin = Vita Merlini / Ed. by B. F. L. Clarke. Cardiff: Univ. of Wales Press, 1973.
- Cronne, Davis 1968 — Regesta regum Anglo-Normannorum 1066–1154. Vol. 3: Regesta Regis Stephani ac Mathildis Imperatricis ac Gaufridi et Henrici Ducum Normannorum 1135–1154 / Ed. by H. A. Cronne, R. H. C. Davis. Oxford: Clarendon Press, 1968.
- Evans, Rhys 1893 — The text of the Book of Llan Dâw / Ed. by J. G. Evans, J. Rhys. Oxford: [n. p.], 1893.
- Fonge 2004 — The cartulary of St Mary's Collegiate Church, Warwick / Ed. by C. R. Fonge. Woodbridge: Boydell, 2004.
- Green 2012 — The Great Roll of the Pipe for the thirty-first year of the reign of King Henry I, Michaelmas 1130 (Pipe roll 1): A new edition with a translation and images from the original in the Public Record Office / The National Archives / Ed. by J. A. Green. London: Pipe Roll Society, 2012.
- Greenway 1968 — Fasti Ecclesiae Anglicanae 1066–1300. Vol. 1, St. Paul's, London / Ed. by D. E. Greenway. London: Institute of Historical Research, 1968.
- Holtzmann 1952 — Papsturkunden in England. Bd. 3: Oxford, Cambridge, kleinere Bibliotheken und Archive und Nachträge aus London / Hrsg. von W. Holtzmann. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1952.

- Hudson 2002–2007 — *Historia Ecclesie Abendonensis: The history of the Church of Abingdon* / Ed. by J. Hudson: In 2 vols. Oxford: Clarendon Press, 2002–2007.
- Irvine 2004 — *The Anglo-Saxon chronicle: A collaborative edition. Vol. 7: MS. E* / Ed. by S. Irvine. Cambridge: D. S. Brewer, 2004.
- Jones 1955 — *Brut y Tywysogyon; or, The Chronicle of the Princes. Red Book of Hergest Version* / Ed. by T. Jones. Cardiff: Univ. of Wales Press, 1955.
- Kemp 1987 — *Reading Abbey cartularies. British Library manuscripts: Egerton 3031, Harley 1708, and Cotton Vespasian E xxv* / Ed. by B. R. Kemp. London: Royal Historical Society, 1987.
- Leys 1938–1941 — *The Sandford cartulary: In 2 vols.* / Ed. by A. M. Leys. Oxford: Oxfordshire Record Society, 1938–1941.
- Morey, Brooke 1967 — *The letters and charters of Gilbert Foliot, Abbot of Gloucester (1139–48), Bishop of Hereford (1148–63), and London (1163–87)* / Ed. by A. Morey, C. N. L. Brooke. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1967.
- Neininger 1999 — *English Episcopal Acta. Vol. 15: London 1076–1187* / Ed. by F. Neininger. Oxford: Oxford Univ. Press, 1999.
- Reeve, Wright 2009 — *Geoffrey of Monmouth. The history of the kings of Britain: An edition and translation of De gestis Britonum* / Ed. by M. Reeve; Trans. by N. Wright. Woodbridge: Boydell, 2009.
- Richter 1973 — *The Canterbury professions* / Ed. by M. Richter. Torquay: Devonshire Press, 1973.
- Salter 1907–1908 — *The Cartulary of the Abbey of Eynsham* / Ed. by H. E. Salter: In 2 vols. Oxford: Oxfordshire Record Society, 1907–1908.
- Salter 1929–1936 — *Cartulary of Osney Abbey* / Ed. by H. E. Salter: In 6 vols. Oxford: Oxfordshire Record Society, 1929–1936.
- Salter 1930 — *The Boarstall cartulary* / Ed. by H. E. Salter. Oxford: Oxfordshire Record Society, 1930.
- Salter 1947–1948 — *The Thame Cartulary* / Ed. by H. E. Salter: In 2 vols. Oxford: Oxfordshire Record Society, 1947–1948.
- Smith 1980 — *English Episcopal Acta. 1. Lincoln, 1067–1185* / Ed. by D. M. Smith. Oxford: Oxford Univ. Press, 1980.
- Stapleton 1849 — *Chronicon Petroburgense* / Ed. by T. Stapleton. London: Camden Society, 1849.
- Stubbs 1879–1880 — *The historical works of Gervase of Canterbury* / Ed. by W. Stubbs: In 2 vols. London: Longman & Co, 1879–1880.
- Walsh, Kennedy 1988 — *William of Newburgh. The history of English affairs. Book 1* / Ed. by P. G. Walsh, M. J. Kennedy. Warminster: Warminster: Aris & Phillips, 1988.

References

- Aurell, M. (2017). *The lettered knight: Knowledge and aristocratic behaviour in the twelfth and thirteenth centuries*. Central European Univ. Press.
- Brooke, C. N. L. (1956). Gregorian reform in action: Clerical marriage in England, 1050–1200. *Cambridge Historical Journal*, 12(1), 1–21. <https://doi.org/10.1017/S1474691300000305>.
- Burchmore D. W. (2019). Introduction. In D. W. Burchmore (Ed.). *The history of the Kings of Britain: The first variant version* (pp. vii–xxix). Harvard Univ. Press.
- Cleaver, L. (2018). The monastic library at Le Bec. In B. Pohl, & L. L. Gathagan (Eds.). *A companion to the Abbey of Le Bec in the Central Middle Ages (11th–13th centuries)* (pp. 171–205). Brill. https://doi.org/10.1163/9789004351905_009.
- Curley, M. (1994). *Geoffrey of Monmouth*. Twayne Publishers.
- Davis, H. W. C. (1910). Henry of Blois and Brian Fitz-Count. *English Historical Review*, 25, 297–303. <https://doi.org/10.1093/ehr/XXV.XCVIII.297>.

- Gleason, S. E. (1936). *An ecclesiastical barony of the Middle Ages: The Bishopric of Bayeux, 1066–1204*. Harvard Univ. Press.
- Guy, B. (2020). Geoffrey of Monmouth's Welsh Sources. In G. Henley, & J. B. Smith (Eds.). *A companion to Geoffrey of Monmouth* (pp. 31–66). Brill. https://doi.org/10.1163/9789004410398_003.
- Hutson A. E. (1940). *British personal names in the Historia regum Britanniae*. Univ. of California Press.
- Keats-Rohan, K. S. B. (1989). The devolution of the Honour of Wallingford, 1066–1148. *Oxoniensia*, 54, 311–318.
- Keats-Rohan, K. S. B. (1999). *Domesday people: A prosopography of persons occurring in English documents, 1066–1166*. Woodbridge: Boydell.
- Keats-Rohan, K. S. B. (2009). The genesis of the Honour of Wallingford. In K. S. B. Keats-Rohan & D. R. Roffe (Eds.). *The origins of the Borough of Wallingford: Archaeological and historical perspectives* (pp. 52–67). Archaeopress.
- King, E. (2004). The memory of Brian fitz Count. *Haskins Society Journal*, 13, 75–98.
- Mason, E. (1984). Legends of the Beauchamps' ancestors: The use of baronial propaganda in medieval England. *Journal of Medieval History*, 10, 25–40. [https://doi.org/10.1016/0304-4181\(84\)90023-X](https://doi.org/10.1016/0304-4181(84)90023-X).
- Mooers, S. L. (1984). Patronage in the Pipe Roll of 1130. *Speculum*, 59, 282–307. <https://doi.org/10.2307/2856393>.
- Phillips, T. (1851). Additional particulars for the biography of three Oxfordshire writers, Geoffrey of Monmouth, Walter Map, Archdeacon of Oxford, and Alexander De Swerford. *The Archaeological Journal*, 8, 281–290. <https://doi.org/10.1080/00665983.1851.10850826>.
- Salter, H. E. (1919). Geoffrey of Monmouth and Oxford. *The English Historical Review*, 34, 382–385.
- Salter, H. E. (1929). *Facsimiles of early charters in Oxford Muniment Rooms*. Oxford Univ. Press.
- Southern, R. W. (1984). From schools to university. In J. I. Catto (Ed.). *The history of the University of Oxford, Vol. 1, The early Oxford schools* (pp. 1–36). Clarendon Press.
- Spiegel G. M. (1990). History, historicism, and the social logic of the text in the Middle Ages. *Speculum*, 65, 59–86. <https://doi.org/10.2307/2864472>.
- Tahkokallio, J. (2019). *The Anglo-Norman historical canon: Publishing and manuscript culture*. Cambridge Univ. Press. <https://doi.org/10.1017/9781108624886>.

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Станислав Григорьевич Мереминский

кандидат исторических наук
доцент, кафедра всеобщей истории,
Институт общественных наук,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
✉ mereminskiy@gmail.com

Stanislav G. Mereminskiy

Cand. Sci. (History)
Associate Professor, Department
of General History, Institute of Social
Sciences, The Russian Presidential
Academy of National Economy and Public
Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
✉ mereminskiy@gmail.com

К. Д. Дзюбинская

ORCID: 0000-0003-2183-5499

✉ kdmoskalyova@hse.ru

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Россия, Москва)*

ПРИВЕТСТВЕННЫЕ РЕЧИ ШОТЛАНДЦЕВ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОГО ПУТЕШЕСТВИЯ ЯКОВА I СТЮАРТА В ЭДИНБУРГ В 1617 г.

Аннотация. В статье анализируются приветственные речи шотландских интеллектуалов, произносившиеся во время поездки Якова I Стюарта в Шотландию в 1617 г. В своих речах они умело оперировали историческими образами и вписывали их в структуру ренессансного диалога с монархом. С одной стороны, посредством приветственных речей шотландские интеллектуалы общались с властью. С другой стороны, король Яков Стюарт сам составлял часть этого интеллектуального шотландского сообщества, выступая его покровителем и меценатом. В статье делается вывод, что приветственные речи шотландских интеллектуалов составляли лишь часть коммуникации Якова Стюарта и его подданных. Посредством речей интеллектуалы выражали свои взгляды на «британский» проект Якова Стюарта и на его реформирование шотландской Церкви, доказывая ее истинность и свободу с помощью сюжетов шотландского исторического прошлого.

Ключевые слова: король Яков VI и I Стюарт, Эдинбург, Шотландия, Церковь, приветственные речи, шотландские интеллектуалы, шотландский ренессанс, «британский» проект Якова Стюарта, общество и власть

Для цитирования: Дзюбинская К. Д. Приветственные речи шотландцев во время великого путешествия Якова I Стюарта в Эдинбург в 1617 г. // Шаги/Steps. Т. 9. № 2. 2023. С. 123–147. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-2-123-147>.

Статья поступила в редакцию 4 декабря 2022 г.

Принято к печати 3 апреля 2023 г.

K. D. Dzyubinskaya

ORCID: 0000-0003-2183-5499

✉ kdmoskalyova@hse.ru

National Research University
Higher School of Economics (Russia, Moscow)

WELCOMING SPEECHES OF SCOTTISH SUBJECTS DURING THE GREAT PROGRESS OF KING JAMES I STUART TO EDINBURGH IN 1617

Abstract. This article analyzes the welcoming speeches made by Scottish intellectuals during the journey of James VI and I Stuart to Scotland in 1617. These speeches, composed by the intellectuals themselves, reflected Scottish renaissance ideas on the status of Scotland. On the one hand, through such addresses Scottish intellectuals obtained the possibility to communicate with the crown and to express their attitude to the union of the two crowns and the king's desire to reform the Scottish church. The author of the article pays special attention to the fact that Scottish intellectuals acknowledged the union of Scotland and England but perceived it as a union of two autonomous kingdoms. Using narratives drawn from Scottish history, intellectuals depicted for King James VI and I Stuart the historical independence of Scotland from English kings and the freedom of the Scottish Kirk from the influence of Rome. On the other hand, King James VI and I Stuart himself was part of this intellectual Scottish community, acting as patron for universities, colleges, and the intellectual community itself. In conclusion we notice that the welcoming speeches were similar in their content, depicting the glorious history of Scotland with the aim to extol Scottish culture and their Scottish King James VI and I Stuart.

Keywords: King James VI and I Stuart, Edinburgh, Scotland, Church, welcoming speeches, Scottish intellectual society, Scottish renaissance, "British" project of King James VI and I Stuart, society and power

To cite this article: Dzyubinskaya, K. D. (2023). Welcoming speeches of Scottish subjects during the great progress of King James I Stuart to Edinburgh in 1617. *Shagi / Steps*, 9(2), 123–147. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-2-123-147>.

Received December 4, 2022

Accepted April 3, 2023

Идея английской композитарной монархии окончательно утвердилась в период правления короля Якова VI (Якова I Стюарта, 1603–1625)¹. Главенствующую роль в этнотерриториальном устройстве британских островов раннестюартовская монархия отводила Шотландии. Объединив под скипетром шотландской династии короны двух королевств, Яков Стюарт задумал создание новой «британской» общности, основу которой теперь должны были составлять английский язык, Протестантская церковь и лояльность идеям шотландско-британской короны [Федоров 2011: 217]. Подобная концепция нуждалась в легитимации и обосновании принципов конструирования новой идентичности [Федоров 2011; Паламарчук 2011]. Отчасти это и стало лейтмотивом путешествия короля Якова Стюарта в Шотландию в 1617 г., наряду с главной целью — реформированием шотландской Церкви². Напротив, для шотландских подданных короля, не видевших его уже 14 лет, это путешествие открывало возможности для непосредственного диалога³.

Посещение монархом своих земель являлось важным элементом освоения подвластных территорий и способом коммуникации с подданными. Восходя к средневековой практике перемещения короля от одной резиденции к другой, эти выезды соединяли отдаленные части империи благодаря физическому присутствию суверена и демонстрации власти [Серегина 2021: 190; 2022]. Церемониальная структура королевских путешествий была четко определена уже к периоду правления Елизаветы I, во времена которой путешествия совершались особенно часто⁴. Королевские выезды преемника Елизаветы I на английском престоле Якова I Стюарта в основном осуществлялись на территории Англии. Продолжительные путешествия были совершены им лишь в 1603 г., когда король был провозглашен английским монархом и отправился из Эдинбурга на юг, в Лондон, и в 1617 г. — на север, в родной Эдинбург⁵. По этой причине путешествия Якова Стюарта гораздо реже привлекают внимание исследователей, нежели перемещения Елизаветы I⁶. В основном фокусе внимания зарубежных исследователей были административное и хозяйственное сопровождение путешествия короля Якова VI и I Стюарта [McNeill 1996;

¹ В основе идеи композитарной (составной) монархии в XVI в. лежала концепция Гальфрида Монмутского («История королей Британии»). В тюдоровской пропаганде она исходила из того, что после смерти легендарного короля Брута «британская» империя превращается в композитарную монархию, разделенную между сыновьями Брута [Федоров 2013]. В историографии идея композитарной монархии была популяризирована в XX в. Джоном Эллиотом [Elliott 1992]. О феномене композитарной монархии также см.: [Wormald 1992; Armitage 1997; 2000; Федоров 2011; 2013; Паламарчук 2011; 2018].

² См., например: [MacDonald 1998; Smuts 2023].

³ О шотландской политической мысли см., например: [Mason 1994; 1998; Wormald 1981; 1983].

⁴ За 44 года правления королевы Елизаветы I Тюдор двор отправлялся в путешествие 23 раза [Серегина 2021: 191]. В отличие от Елизаветы I, ее предшественники совершали гораздо меньше выездов. Генрих VII в 1486 и 1487 гг. совершил несколько поездок на север Англии. Небольшим количеством путешествий были отмечены также годы правления Эдуарда I и Марии I: Эдуард I в 1552 г. посетил Портсмут, а единственным длительным путешествием Марии I был свадебный марш с супругом Филиппом II из Винчестера в Лондон в 1554 г. [Cole 2014: 28].

⁵ Подробнее о поездках Якова Стюарта по Англии см.: [Ковалев 2006: 23].

⁶ Путешествиям Елизаветы I посвящено много исследований, например: [Cole 2014; Серегина 2021; 2022].

Sinclair 1912]. В отечественной историографии весомый вклад в изучение путешествий Якова Стюарта внес В. А. Ковалев [2006], подробно рассматривающий в своем диссертационном исследовании организационную составляющую королевских выездов (администрация и финансы, частота выездов, маршруты), а также их церемониальное пространство. Он сопоставляет путешествие 1617 г. с летними выездами короля по территории Англии.

В данной статье мы постараемся рассмотреть путешествие 1617 г. и в широком аспекте — в рамках коммуникативной системы «власть и общество», и в более узком — в рамках символической коммуникации между шотландскими интеллектуалами и Яковом Стюартом. Подобный ракурс исследования задает источник — приветственные речи, традиционно произносившиеся во время торжественных выездов короля в город. Они создавались в среде шотландских интеллектуалов XVII в., однако авторство большинства этих текстов до сих пор не установлено. Сочиненные шотландскими интеллектуалами, приветственные речи ярко выражали идеи, сформированные в атмосфере шотландского ренессанса. Исследование приветственных речей представляется возможным на основе сборника документов, составленного английским писателем и книгопечатником Джоном Николсом⁷ (1745–1826) в первой четверти XIX в. Несмотря на то что собрание Николса не может претендовать на абсолютную полноту, даже те источники, которые были им включены в соответствующий сборник документов⁸, представляют настроения интеллектуальной элиты во время путешествия Якова Стюарта в Шотландию.

* * *

Первое и единственное путешествие Якова I Стюарта в Шотландию состоялось в 1617 г., спустя 14 лет после его вступления на английский престол. Несмотря на многочисленные обещания посещать родную Шотландию раз в три года, король навесил своих шотландских подданных лишь единожды. Имеющиеся в нашем распоряжении источники не дают точной информации, кто был автором идеи путешествия. Однако вполне вероятно, что поездка 1617 г. была приурочена к 50-летию юбилею правления Якова Стюарта в Шотландии (он был провозглашен королем Шотландии в 1567 г.). Размах путешествия был грандиозен, а подготовка к нему началась задолго до самой поездки. В декабре 1616 г. Яков Стюарт отправил письмо Тайному совету Шотландии, в котором открыто изложил намерения относительно своей предстоящей поездки. Король отмечал, что его путешествие вызвано единственным желанием навестить свое родное королевство, место, где он родился и вырос, а также развеять злые слухи, распространившиеся по стране за время его отсутствия

⁷Первоначально Джон Николс в 1788–1821 гг. опубликовал в трех томах собрание документов по королевским путешествиям и празднествам Елизаветы I Тюдор. В 1823 г. сборник был переиздан. Четырехтомный сборник документов по процессиям и празднествам Якова I Стюарта был опубликован в 1828 г. размером ин-кварти, уже после смерти Николса в 1826 г. См.: [Aitken n. d.].

⁸Несомненно, стоит учитывать особенность сборника: Джон Николс отобрал и опубликовал лишь часть документов, которые оказались в его распоряжении или которые, по его мнению, были наиболее ценны для его работы. В предисловии к первому тому Николс перечислил, откуда и как в его распоряжение попали соответствующие документы [Nichols 1828 (1): 7–9].

[Nichols 1828 (3): 254]. Имелись в виду разговоры о реформировании шотландской Церкви⁹, которые очень беспокоили шотландцев¹⁰. Основные идеи Якова Стюарта о реформировании пресвитерианского богослужения¹¹ были отражены в тексте «Пять статей», представленном на генеральной ассамблее в Эдинбурге во время путешествия 1617 г. Заглядывая вперед, стоит отметить, что идеи Якова Стюарта не получили в обществе положительной оценки, на которую так рассчитывал король [Lockyer 2014: 489]. Это подтверждает письмо от 22 мая 1616 г. шотландского епископа Уильяма Купера из Галлоуэя пресвитеру Патрику Симсону в Стирлинг¹²:

...я писал не только об изображениях, но и других римских атрибутах (мантии, алтаре, стихаре и т. д.), чем наша Церковь не запятнана <...> Для противостояния тому <...> я молю тебя принять какие-то меры... [Calderwood 1845: 245].

О недовольстве шотландских епископов предстоящими нововведениями Якова Стюарта упоминал также Джон Споттисвуд, архиепископ Сент-Эндрюса. Осознавая нестабильность религиозно-политической ситуации в Шотландии, Споттисвуд уговорил Якова Стюарта отложить внедрение нововведений до прибытия короля в Шотландию [Spottiswood 1668: 529].

Внедрение английских практик в шотландскую пресвитерианскую Церковь выступало составной частью «британского» проекта Якова Стюарта. Поддерживая стюартовскую идею объединения двух королевств, шотландские интеллектуалы, однако, допускали ее при условии автономного существования Шотландии в рамках новой объединенной общности. Тем не менее реформирование Церкви вызывало негативную реакцию шотландцев. Это было связано с идеями кальвинизма¹³, воспринятыми шотландскими интеллектуалами. В английских религиозных практиках шотландцы видели отголоски католицизма, а потому стремление Якова Стюарта реформировать шотландскую Церковь воспринималось ими настороженно. К тому же сама структура кальвинистских общин вступала в явное противоречие с властью и значением епископата, навязанного Яковом Стюартом своей родине.

⁹ Еще в 1596 г. Яков Стюарт восстановил в Шотландии епископат и право назначать священнослужителей в приходы. После этого целью короля стало реформирование пресвитерианского богослужения.

¹⁰ Подробнее см.: [MacDonald 2005: 895].

¹¹ Яков Стюарт стремился реформировать пресвитерианское богослужение шотландской Церкви: ввести коленопреклонение при причастии, крещение в любой день, право епископов на проведение конфирмации, причащение больных и немощных. [Леоненкова 2014].

¹² Из письма очевидно, что Уильям Купер надеялся на помощь Патрика Симсона, бывшего пресвитером в Стирлинге (резиденция Якова Стюарта). Он активно выступал против введения в Шотландии епископата, однако сохранил благосклонность короля.

¹³ К 1550-м годам идеи Кальвина проникли в Шотландию. В это время в Шотландию вернулся Джон Нокс, ученик швейцарского реформатора Жана Кальвина. В своей программе Нокс по отношению к любым формам и проявлениям римского церковного церемониала был настроен даже более решительно, чем Кальвин [Апрыщенко 2016: 88]. Также см.: [Magrat 1994: Mason 1997; 1998; Ерохин 1999].

Тем не менее споры об унии двух королевств были не новы. «Британский» проект Якова Стюарта стал лишь поворотным моментом в долгой череде споров, обострившихся в 1560-е годы и достигших своей кульминации во время епископских войн 1630–1640-х годов [Mason 1994: 4]. Основу тех дискуссий составляли сочинения шотландских интеллектуалов XVI в. («История Великой Британии, Англии и Шотландии» (1521) Джона Мейджора, «История Шотландии» (1527) Гектора Бойса, «История Шотландии» (1582) Джорджа Бьюкенена), в которых обсуждалась феодальная концепция английского превосходства и подчиненного положения Шотландии. В сочинении Мейджора эта концепция подтверждалась тем фактом, что ни один шотландский король не подчинялся английскому королю [Major 1892: 216]: например, он отвергал утверждение Уильяма Кэкстона, автора «Хроники Англии» (с которым полемизировал на страницах своего сочинения), о том, что во время нормандского завоевания шотландский король Малькольм III принес оммаж Вильгельму Завоевателю [Кондратьев 2016: 143]. В рамках объединенной «британской» общности Шотландия и Англия должны были обладать равным политическим, религиозным и правовым статусом.

Для короля Якова Стюарта, который к тому же был учеником Джорджа Бьюкенена, автора национальной хроники и защитника идеи независимости Шотландии, тема унии стала основным сюжетом первой речи, произнесенной перед английским парламентом в 1603 г. Король акцентировал внимание на естественных причинах объединения двух королевств: история, язык и религия.

Разве не было это королевство (Англия. — К. Д.) разделено на семь маленьких королевств, за исключением Уэльса? И разве не стало оно сильнее в результате объединения? И разве объединение с Уэльсом не сделало его сильнее? И это не сравнится с той мощью и силой, коими обладает королевство Шотландия. «...» и не объединил ли Бог изначально эти два королевства языком, религией и схожестью манер? [The political works 1918: 271].

Среди шотландских интеллектуалов поддержку королю оказывал шотландский юрист Томас Крейг, написавший в 1604 г. трактат «Об унии британского королевства». В трактате он вновь постулировал высказанную ранее Джоном Мейджором идею о равном положении двух королевств в составе объединенного сообщества [Mason 1994: 185]. Оправдание этой идее Крейг искал в феодальном праве, полагая, что шотландское право было чище и ближе к его франкским корням, чем английское¹⁴. Английский парламент, тем не менее, не воспринял идею унии двух королевств Якова Стюарта с должным энтузиазмом, полагая, что политика объединения приведет к разрушению древних устоев английской государственности. Поездка короля в Шотландию в 1617 г. в очередной раз давала возможность шотландским интеллектуалам и аристократам¹⁵ высказаться и вступить в диалог с королем, сформулировав для него шотландское видение своего места и значения в государстве.

¹⁴ Подробнее о правовых воззрениях Томаса Крейга и об обосновании независимости Шотландии через феодальное право см.: [Рососк 1987: 87].

¹⁵ О политических и исторических сочинениях шотландских интеллектуалов XVI–XVII вв. см.: [Mason 1994].

Вместе с королем в путешествие отправилась его свита. На основе имеющихся источников представляется возможным лишь частично реконструировать ее состав. Среди сопровождавших короля были сэр Джордж Гоуринг, сэр Эдвард Зуш и церемониймейстер сэр Джон Финетт. В состав ближайшего окружения вошли государственный секретарь сэр Томас Лейк, Джордж Вилльерс, граф Бекингем, отправившийся в Эдинбург в должности шталмейстера и позднее получивший там должность в Тайном совете Шотландии, Томас Говард, 14-й граф Аранделл, Уильям Герберт, 3-й граф Пембрук и его брат Филипп Герберт, граф Монтгомери, вице-камергер сэр Джон Дигби, который, доехав до Линкольна, отправился в Испанию, Людовик, 2-й герцог Леннокс и Генри Ризли, 3-й граф Саутгемптон, а также три епископа: из Или, Винчестера и Линкольна [The letters 1939 (2): 55]. Всего шотландцы должны были предоставить кров 5000 служащим Якова Стюарта, отправившимся с ним в путешествие [Sinclair 1912: 22; Ковалев 2006: 46–49].

На тот момент ситуация с образованием в Шотландии была практически уникальной. Испытывая на себе влияние ренессансных идей с конца XV в., Шотландия особое внимание уделяла развитию интеллектуальной жизни. Идеи шотландского ренессанса¹⁶ нашли свое отражение и в изменении образовательной структуры (рост интеллектуального сообщества, университетов и школ привел к настоящей образовательной революции), и в искусстве, архитектуре, литературе, демонстрировавших влияние классики, а также в общении короля с подданными, что культивировало образ монарха-философа и интеллектуала. Интересно, что само путешествие короля в Шотландию и его итоги лишний раз подчеркивали принадлежность монарха к интеллектуальному миру и шотландскому ренессансу. Король был образован, он знал латынь, практиковался в поэзии (в возрасте 19 лет он написал сборник стихотворений), а во время поездки участвовал в философских диспутах. Тому способствовало воспитание, полученное Яковом Стюартом под крылом интеллектуала и гуманиста Джорджа Бьюкенена (1506–1582), чьи сочинения по грамматике были широко известны не только на территории Шотландии, но и далеко за ее пределами. Бьюкенен был «стоическим философом (...), человеком одаренным, а его методы обучения и знание латинской поэзии гораздо больше ценились в других странах; он был приятен в разговоре, и всегда изъяснялся нравственно и поучительно...» [Melville 1683: 125]. Для своего ученика Бьюкенен написал несколько сочинений («De Jure Regni Apud Scotos», «Rerum Scoticarum Historia», «Detectio»), стремясь привить будущему английскому королю любовь к латинскому языку и классическим текстам. В записях помощника Бьюкенена Питера Янга имелись заметки о расписании учебного дня молодого короля:

...после утренних молитв читал по-гречески — Новый Завет, Исократы и Плутарха; после завтрака он читал Цицерона и Тита Ливия или современную историю. Полдень король посвящал сочинительству и, когда время позволяло, арифметике или космографии, или логике и риторике [Brown 1890: 252].

¹⁶ Об этом см., например: [Crawford 2009; Durkan 1994].

Это многое говорило об уровне образования, полученного Яковом Стюартом в детстве, и о его способности хорошо понимать латинский язык. По этой причине подготовка интеллектуалов к разговору с королем велась на языке образов и идей. С одной стороны, король для них олицетворял власть, с другой стороны, он сам был частью интеллектуального мира и частью шотландского ренессанса.

Важной частью путешествия была его организационная составляющая. Приготовления к приезду монарха начались почти за год до отправления. Часть из них была обусловлена религиозным посылом путешествия: к приезду короля было приказано установить орган, для чего из Лондона в Эдинбург были отправлены «пара органов, стоимостью около 400 фунтов» [The letters 1939 (2): 42], и добавить изображения 12 апостолов в королевской часовне Холирудского замка¹⁷. Тем самым фактически декларировалось введение традиций английского богослужения, равно как и визуальная программа¹⁸. Намерения короля в отношении шотландской Церкви были выражены совершенно отчетливо даже в этих действиях при подготовке визита. Другая часть приготовлений касалась сферы работ хозяйственных служб Шотландии. Контролирующим органом по исполнению данных работ по инициативе Якова Стюарта был назначен Тайный совет Шотландии¹⁹. К приезду монарха и его свиты готовились особо тщательно: заготавливали большое количество провизии²⁰, ремонтировали дороги и королевские замки²¹: Холируд, Фолкленд, Стирлинг и Эдинбургский.

¹⁷ С этой целью из Лондона в Эдинбург отправились английский художник Мэтью Гудрих, получивший 200 фунтов стерлингов за роспись часовни в Холирудском замке, и английский скульптор Николас Стоун, получивший за свою работу 450 фунтов стерлингов. Выбор англичанина Николаса Стоуна был обусловлен также его тесными связями с художником Иниго Джонсом, который при Якове Стюарте в 1615 г. возглавлял ведомство строительных работ, отвечавшее за содержание королевских дворцов. Работа английского строительного ведомства над реконструкцией шотландской часовни и декорация ее по английскому образцу на практике уже задолго до путешествия короля выражала намерения монарха на реформирование шотландской Церкви, примером чему должно было служить внутреннее убранство шотландской капеллы. Подробнее см.: [MacDonald 2005: 894; Ковин 2011: 142; The Register 1894: 64–65].

¹⁸ Джон Нокс еще в мае 1560 г. писал, определяя кальвинистскую программу в Шотландии: «1. Об уничтожении идолопоклонства. Мы требуем <...> чтобы все следы идолопоклонства были уничтожены в аббатствах, монастырях, кафедральных церквах, часовнях и во всех других местах нашего королевства... В церквах должны оставаться только кафедры для проповедника и стол для отправления таинств причастия» (J. Knox. The First Book of Discipline, пер. дан по: [Сапрыкин 1984: 65]).

¹⁹ В шотландском архиве (Scottish Record Office) содержится «Акт относительно приезда его Величества» от февраля 1616 г., в котором в 16 пунктах излагались обязанности членов Тайного совета [McNeill 1996: 39].

²⁰ Подробнее см.: [The Register 1894: 25].

²¹ Если руководство приготовлениями к встрече с монархом было возложено на лордов Тайного совета, то исполнение приходилось на строительное ведомство Шотландии, которое возглавлял шотландский архитектор Джеймс Мюррей — инспектор (мастер) строительных работ ведомства, отвечавшего за строительство и сохранность королевских замков. Данная должность была создана по подобию английского инспектора строительных работ в английском строительном департаменте, созданном еще в 1378 г. С 1615 г. департамент возглавлял Иниго Джонс [The Register 1894: 40].

* * *

Путешествие Якова Стюарта началось 15 марта 1617 г. Вместе с женой Анной Датской и сыном принцем Карлом король выехал из Уайтхолла в Теобальдс в округе Чезант графства Хартфордшир, где король и его семейство провели две ночи. Из дворца Теобальдс начинался королевский маршрут в Шотландию. В сопровождении семьи Яков Стюарт доехал до Уэра, откуда королева Анна Датская вернулась в Теобальдс. Принц Карл Стюарт проехал чуть дальше по королевскому маршруту, посетив со своим отцом охотничью резиденцию в Ройстоне и Хинчибрук²² в Хантингдоне [Nichols 1828 (3): 255]. От Хантингдона начинался уже единоличный маршрут Якова Стюарта²³. Если реконструировать английский маршрут монарха (точные даты, длительность остановок) можно по записям о его перемещениях, то описание шотландского пути предпринято на основе приветственных речей шотландской аристократии²⁴, сохранившихся в сборнике Джона Николса, а потому не может быть воссоздано во всех деталях.

Всего путешествие по территории Шотландии длилось с 13 мая по 4 августа 1617 г., т. е. 84 дня. За это время король посетил семь королевских замков, шесть замков шотландской знати, предоставленных в распоряжение монарха, три поместья и четыре города (точная информация, где именно останавливался король в городах, отсутствует). Дольше всего за время путешествия по Шотландии Яков Стюарт был в королевских замках Холируд, Стирлинг и Эдинбургском замке, в замках Далкейт (семь дней) и Перт (шесть дней), в поместье Киннейрд (восемь дней) и в Сент-Эндрюсе (семь дней).

* * *

Частью королевского путешествия Якова Стюарта было посещение шотландских городов, замков и поместий местных аристократов. Встречи монарха с шотландскими подданными — интеллектуалами, местной аристократией — сопровождалась приветственными речами, посредством которых шотландцы выражали свое мнение или просили об услуге. Приветственные речи — одна

²² Хинчибрук был поместьем английского юриста и члена палаты общин сэра Оливера Кромвеля. В Хинчибруке король останавливался 27 апреля 1603 г. по дороге в Лондон, где его принимал и развлекал сэр Оливер Кромвель. В 1610 г. король вновь здесь останавливался; в 1612 г. в Хинчибруке останавливался уже его старший сын принц Генрих.

²³ Маршрут был следующим: Апертоп (21 марта, одна ночь), Бёрли в Стамфорде (22 марта, четыре ночи), Грантем (26 марта, одна ночь), Линкольн (27 марта, девять ночей), Ньюарк (5 апреля, две ночи), Уэрсоп (7 апреля, одна ночь), Донкастер (8 апреля, одна ночь), Понтефрак (9 апреля, две ночи), Йорк (11 апреля, четыре ночи), Рипон (15 апреля, одна ночь), Аск (16 апреля, одна ночь), Окланд (17 апреля, две ночи), Дарем (19 апреля, четыре ночи), Ньюкасл (23 апреля, 12 ночей), замок в Ботале (5 мая, две ночи), Алник (7 мая, две ночи), Чиллингем (9 мая, одна ночь), Бервик (10 мая, пять ночей) [Nichols 1828 (3): 257].

²⁴ В Шотландию король въехал 13 мая 1617 г. Отсюда королевский путь выстраивался следующим образом: замок Дангласс (13 мая), Кавард в Роксбургшире (14 мая), Сетон (15 мая), Эдинбург (Холируд) (16 мая), Литлингоу (дата неизвестна), дворец королевы в Данмфермлине (дата неизвестна), Фолкленд (19 мая), Киннейрд (22 мая), Данди (30 мая), Эдинбург (3 июня), Холируд (8 июня), дворец Далкейт (11 июня), Эдинбургский замок (19 июня), Стирлинг (30 июня), Перт (5 июля), Сент-Эндрюс (11 июля), Стирлинг (18 июля), Глазго (22 июля), Пейсли (24 июля), Гамильтон (28 июля), замок Сенкер (30 июля), Драмлэнриг (1 августа), Дамфрис (3 августа), Карлайл (4–6 августа). Карлайл был последней точкой маршрута Якова Стюарта, отсюда начался его путь домой, в Лондон.

из форм интеракций, осуществляемых между властью и обществом. Они были обязательным церемониальным элементом королевских путешествий, а потому сама необходимость произнесения приветственной речи встречающими и обязательство выслушать ее со стороны короля являлась формой диалога между короной и обществом. Как было отмечено ранее, приветственные речи, адресованные Якову Стюарту, писались шотландскими интеллектуалами, которые сильнее всего были озабочены вопросами положения Шотландии по отношению к Англии и новой политикой короля. По этой причине двумя главными и взаимосвязанными сюжетами речей стали уния двух королевств и Церковь. Можем ли мы говорить о сформированности шотландского дискурса относительно Шотландии и ее истории в XVII в.? Какие сюжеты были наиболее важными для интеллектуалов XVII в. и какие, по их представлениям, могли тронуть «шотландскую» душу монарха?

* * *

13 мая 1617 г. король, проведя три ночи в Бервике на английской границе, въехал в Шотландию. Первой остановкой монарха был замок Дангласс, бывший во владении семьи Хоумов с XIV в. Здесь Яков Стюарт останавливался и ранее — в 1603 г., во время великого коронационного путешествия из Эдинбурга в Лондон. 5 апреля 1603 г. король в сопровождении шотландцев герцога Леннокса, графа Аргайла, графа Мюррея, графа Касси, графа Мара, лорда Хьюма и лорда Олифанта отправился из Эдинбурга в Дангласс, где провел ночь. Уже 6 апреля 1603 г. король переехал англо-шотландскую границу, проследовав из Дангласса в Бервик, где пробыл два дня [The true narration 1603]. В 1617 г. Якова Стюарта на въезде в Шотландию вновь встретил и сопроводил до замка Дангласс шотландский аристократ Александр Хоум, 1-й граф Хоум.

Честь произнести речь в поместье Хоумов получил шотландец и руководитель школы грамматики в Данбаре Александр Юм, имевший прозвище *Schoolmaster*, т. е. Учитель. Вероятно, он был отдаленным родственником семейства Хоумов [Campbell 2021: 33], однако точной информации об их родственных связях нет. Юм получил свое первое образование в школе грамматики в Данбаре, поступив затем в Сент-Эндрюсский университет. В 1596 г. Юм был назначен ректором Эдинбургской средней школы, основанной еще в 1128 г. (в 1590 г. под покровительством короля Якова Стюарта получила название Королевской средней школы).

Речь Юма была первой приветственной речью, произнесенной на территории Шотландии. Неудивительно, что семейство Хоумов привлекло к ее составлению известного шотландского интеллектуала, к тому же их родственника. Особую популярность Юму в интеллектуальных кругах принесло сочинение «*Grammatica Nova*», опубликованное в 1612 г. и ставшее важнейшим пособием по изучению латинского языка в шотландских школах (см.: [Hume 1969]). Кроме того, Юм являлся автором краткого учебника по латинской грамматике «*Prima elementa grammaticae*» (Эдинбург, 1612). Традиционно обучение в школах грамматики, для которых были написаны сочинения Юма, основывалось на изучении латинского языка, литургических текстов и классических авторов и длилось три года. Обучение латинской грамматике составляло основу образовательной программы, а потому пособия по латыни появлялись в Шотландии часто.

Основу приветственной речи Юма составили два сюжета: история народов и война шотландцев за независимость. Пальму первенства среди народов британских островов Юм, следуя кальвинистской идее избранного народа, воспринятой антикварами, отдавал скоттам. Согласно Юму, скотты еще во времена короля Фергуса I, считавшегося основателем Шотландии, поклялись, что истинным ее королем будет называться только тот, кто будет происходить из шотландского рода [Nichols 1828 (3): 302]. Подчеркивание избранности скотов и шотландского короля отсылало к идеям антикваров об истории Британских островов: первые века христианства в Шотландии были совершенным образцом истории народа, когда государство развивалось в лоне апостольской христианской Церкви, не искаженной внешними посредниками, в противовес южной части Британии, находившейся в подчинении у римлян [Паламарчук 2011: 483], а потому испытавшей влияние Римской (Католической) испорченной церкви. От рассказов о древней истории народов Юм переходил ко второму центральному сюжету своей речи. В период войны шотландцев за независимость английский король Эдуард I, лелеявший надежду присоединить Шотландию и признавший изначально коронацию Джона Баллиола на шотландский престол, впоследствии объявил его мятежником и лишил королевства. «Но кто бы мог подумать, что скипетр Шотландии вернется в руки его достойного владельца?» — вопрошал Юм [Nichols 1828 (3): 303]. Роберт I Брюс, возглавивший шотландское сопротивление после Баллиола, сумел «обратить в бегство короля (...), вернуть шотландцам их прежнюю свободу и все права, которые им были дарованы» [Ibid.: 304].

Уже первая приветственная речь, произнесенная Юмом, обращала внимание монарха на проблемы Церкви и унии двух королевств. Противопоставление свободолюбивых шотландцев-христиан и англичан, подчиненных римлянам, в контексте религиозной политики Якова Стюарта фактически являлось незавуалированной критикой английской Церкви, зараженной католическими (римскими) суевериями. При этом отсылки к историческому прошлому в речи Юма имели два лейтмотива. Во-первых, обращаясь к Якову Стюарту как к королю-миротворцу, объединившему под своим скипетром два королевства, Юм напоминал ему о древней славе Шотландии и о ее любви к независимости, признанной с древних времен английскими королями. Напоминание о шотландской славе было действительно важным элементом речи: невыполнение Яковом Стюартом своего обещания посещать Шотландию и, более того, стремление реформировать Церковь в представлениях шотландской аристократии демонстрировали большую симпатию их короля и «отца» к англичанам. Во-вторых, позицию, занимаемую Юмом в отношении Шотландии и Англии, нельзя назвать ни чисто прошотландской, ни проанглийской. Юм поддерживал королевскую политику объединения, однако при условии равного положения Шотландии и Англии в составе объединенной общности (и в Церкви, и в политике).

Вместе с тем в его речи явно сквозило желание показать первенствующую роль Шотландии в обретении такого сильного монарха, которому подчинились даже сильные соседи:

Мы — свидетели того, как силой своего скипетра вам удалось усмирить народ англичан, славящийся не только богатством, но и могу-

щественными, многочисленными и непобедимыми воинами, с радостью принявший нового короля [Nichols 1828 (3): 305].

Идеи Юма об объединении Шотландии и Англии опосредованно нашли отражение в его трактате «Об орфографии и сообразности британского языка...»: уже в посвящении трактата Юм символично обращается к Якову Стюарту как королю «Великой Британии» (king of Great Britain), а в названии трактата язык именует не иначе как британский [Hume 1865: 2]. Трактат не был датирован, однако в посвящении Юм, обращаясь к Якову Стюарту, упоминал его недавнее путешествие в Шотландию [Ibid.: 2]. Вероятно, трактат был написан вскоре после поездки короля в Шотландию в 1617 г. Важность и символизм приветственной речи в Данглассе шотландского интеллектуала подчеркивался тем фактом, что это была первая остановка короля на территории Шотландии и первая встреча с шотландскими подданными, ожидавшими прибытия короля. С одной стороны, Юм просил разрешения на написание и публикацию трактата, с другой стороны, и местная аристократия, и представитель ученого сообщества, присутствовавший в доме местного патрона, выражали свои одобрение и поддержку объединительной политике Якова Стюарта.

В основе трактата Юма «Об орфографии...» лежала идея схожести национальных языков Шотландии и Англии, а потому правописание и произношение на территориях Англии и Шотландии, по его мнению, могло быть упорядочено [Campbell 2021: 12]. При этом регламентация языкового пространства в понимании Юма не означала унификации языка, поскольку автономия Шотландии и Англии сохранялась. Целью трактата во многом было желание усмирить нараставшее недовольство короля шотландскими обычаями и шотландским языком. В речи короля перед открытием заседания парламента в Эдинбурге, зафиксированной в письме неизвестного от 8 июня 1617 г. в Лондон лорду-хранителю печати Фрэнсису Бэкону, отмечалось следующее:

...он (король. — К. Д.) отдавал Англии и англичанам больше чести и милости; но он стремился ни к чему иному, как к ослаблению жестокости этой страны (Шотландия. — К. Д.) (я имею разрешение использовать слова короля), обратив ее учтивостью нашей страны (Англии. — К. Д.); добавляя далее, что если шотландский народ будет послушен в изучении английских добродетелей, тогда он с легкостью преуспеет в своих стремлениях, <...> ибо от англичан они не научились говорить ни по-шотландски, ни по-английски [Nichols 1828 (3): 345].

Практика смешения языков в простонародной речи шотландцев и англичан вызывала наибольшее недовольство монарха, по причине чего Яков Стюарт пожелал ввести обучение английской грамматике в шотландских университетах [Campbell 2021: 11]. Трактат «Об орфографии...» Александра Юма становился своего рода учебным пособием, символически позволявшем унифицировать языковое пространство двух объединенных под властью Якова Стюарта королевств.

На следующий день король Яков Стюарт покинул Дангласс, въехав 14 мая в замок Кавард (Каверс) в Роксбургшире, бывший во владении Джорджа Дугласа, а уже 15 мая прибыл в Сетон, поместье Джорджа, 3-го графа Винто-

на, находящееся во владении рода Сетонов с 1500-х годов. Джордж Сетон, 3-й граф Винтон, был сыном шотландского пэра Роберта Сетона, 1-го графа Винтона, фаворита Якова Стюарта в его шотландский период правления. До вступления на английский престол король неоднократно посещал поместье Сетонов: он провел там несколько дней в 1589 г., ожидая приезда Анны Датской [Boyd, Meile 1936, № 209], а также посетил поместье в 1595 г. во время охотничьей поездки [Cameron 1936, № 465].

Торжественный въезд в Эдинбург состоялся 16 мая²⁵. Порядок шествия был следующим: первыми ехали королевские служащие, приехавшие с королем из Англии, а именно представители королевской гвардии, затем шотландская аристократия, а затем вся английская аристократия, порядок шествия которой определялся их званием [Calderwood 1845: 246]. В сопровождении свиты король въехал в Эдинбург через западные ворота²⁶, «где его встретили провост, члены городского магистрата, городской совет и сотня честных мужей, облаченных в черные платья, обшитые бархатом <...> провост города Уильям Нисбет произнес речь, приветствующую Его Величество» [Ibid.: 246]. Мы видим, что первым короля встречает провост (мэр) Эдинбурга — Уильям Нисбет. «Помня о том, что во время своего первого визита в Лондон король получил в дар от города чашу с золотом, и осознавая, что Эдинбург — главный город королевства, Нисбет преподнес в дар десять тысяч золотых марок» [Nichols 1828 (3): 317]. Эдинбург был таким же первым городом королевства Шотландия, как и Лондон в Англии, а потому и сравнивал себя с Лондоном, стремясь встретить короля не хуже, чем англичане в 1603 г.

Затем с приветственной речью к королю выступил представитель городского магистрата сэр Джон Хей (1578–1654) и передал королю в дар «кошелек с пятью сотнями золотых монет» [Nichols 1828 (3): 315]. Что интересно, подобный церемониал приветствия был установлен ранее самим королем. Свидетельство тому содержалось в записях городского совета Эдинбурга:

...в письме Его Величества лордам Тайного совета было указано, что в соответствии с желанием короля во время торжественного въезда в Эдинбург его должны были встретить с официальной речью, по этой причине Совет выбрал и назначил с этой целью Джона Хей, секретаря городского магистрата, для произнесения официальной речи [Ibid.: 316].

Очевидно, что это решение было обосновано образованностью Джона Хей. Он имел юридическое образование, его отец Уильям Хей был комиссаром Глазго. В 1617 г. именно Хей, занимавшему на тот момент должность городского секретаря, было поручено подготовить приветственную речь к приезду короля Якова Стюарта. Позднее уже в период правления короля Карла I Стюарта Хей получил должность провоста Эдинбурга — в сентябре 1637 г. (под-

²⁵ Годами ранее, в 1561 г. мать Якова Стюарта Мария Стюарт также совершила торжественный въезд в Эдинбург: выстроенный церемониал въезда католички Марии Стюарт должен был снизить уровень напряжения между протестантами, возглавляемыми Джоном Ноксом, и католической фракцией [Davidson 1995].

²⁶ В 1633 г. Карл Стюарт также будет въезжать в Эдинбург через западные ворота во время поездки на вторую коронацию в Шотландии.

робнее см.: [Hamilton n. d.]). Вопрос о том, написал ли он речь сам или текст приветствия был составлен для него местными интеллектуалами, которыми такой город, как Эдинбург, располагал в значительном количестве, остается открытым. Джон Николс приписывал авторство речи поэту и интеллектуалу Уильяму Драммонду, отвечавшему также за авторство стихотворения, преподнесенного Хеем Якову Стюарту [Nichols 1828 (3): 318].

Символическая коммуникация с властью происходила на уровне подготовки к торжественному въезду — это и выстроенный заранее маршрут проезда по городу, и церемониал торжественной процессии, и очередность произнесения речей²⁷. На фоне этого выделялось решение Уильяма Нисбета преподнести Якову Стюарту дар от города Эдинбурга, символическое общение между городом и королем посредством церемонии дарения негласно утверждало лояльность подданных королю и независимый статус Эдинбурга и Шотландии в целом.

Лейтмотивом приветственной речи Джона Хея были исторические сюжеты: в ней транслировался образ легендарного короля Фергуса I, основателя Шотландии, в один ряд с которым вставал Яков Стюарт — основатель новой общности и объединитель двух королевств:

И к чему, как не к нашему доброму городу Эдинбургу, основанному еще во времена достопочтенного короля Фергуса I, создателя этого королевства, должна больше всего проявиться Ваша благосклонность <...> И все добродетели Ваши <...> дарованы были Вам Господом Богом в благодарность не только за сохранение мира над нашими головами, головами Ваших родных подданных, но и за восхождение на престол трех великих королевств <...> и посему мы, Ваши смиреннейшие подданные, признаем Вас не только нашим справедливым и законным правителем, но и первым основателем объединенной монархии этого острова [Nichols 1828 (3): 322].

Приветственная речь провозглашала Якова Стюарта первым основателем объединенной монархии (им становился именно король Шотландии), а легендарный образ Фергуса-основателя переплетался с образом короля Якова Стюарта. Таким образом Шотландия в этом композите возвышалась. Допустим, что шотландцы видели или хотели так видеть своего шотландского короля, стремясь напомнить ему о его «шотландскости» в существовавшей атмосфере слухов и ожиданий. Но в приветственной речи Хея не были обойдены вниманием и религиозные сюжеты:

[Вашего Величества] благочестивое рвение состоит в распространении Евангелия, разрушении памятников идолопоклонства, изгна-

²⁷ Если во время королевского шествия диалог между королем и подданными был негласным, то достойный прием, оказанный королевской персоне, открывал возможности шотландским подданным обратиться к королю с непосредственными просьбами. В ноябре 1617 г. провост города Уильям Нисбет в письме к королю просил «сэра Патрика Форбса, священника Кейта, назначить одним из священнослужителей в Эдинбург» [Original letters 1851: 518]. К сожалению, в нашем распоряжении нет информации о деятельности Патрика Форбса в Эдинбурге, однако известно, что вскоре, в 1618 г., он получил высокое королевское назначение на должность епископа Эбердина.

нии римской и антихристианской власти, упрочении нашей Церкви, восстановленной из руин, и защите нас от иноземного вторжения [Nichols 1828 (3):321].

И вновь шотландские интеллектуалы стремятся показать свободу шотландской Пресвитерианской церкви от католического и римского мира. Более того, Хей напоминал Якову Стюарту о событиях более ранних — об установлении Пресвитерианской церкви Джоном Ноксом в 1560 г. и о втором Ковенанте 1581 г., утвержденном королем Яковом Стюартом. Подобные отсылки еще раз должны были напомнить королю о том, что им было сделано для истинной Церкви Шотландии и для «избранного» шотландского народа.

После этого король проехал через Эдинбург к собору Св. Эгидия, «где прочитал проповедь Сэнт-Эдрюсский архиепископ Джон Споттисвуд. После проповеди король проследовал вниз по улице к Холирудскому замку в сопровождении честных мужей города...» [Nichols 1828 (3): 318]. Между 16 и 30 мая, находясь в Эдинбурге, король совершил охотничий выезд, посетив при этом дворец в городе Литлингоу, королевский замок Данфермлин, дворец в Фолкленде, Киннейрд, где провел восемь дней, и город Данди, вновь вернувшись в Эдинбург 3 июня. Дворец в Литлингоу был древней резиденцией династии Стюартов: там любили проводить время короли Яков IV, Яков V, там же в 1542 г. родилась мать Якова Стюарта — Мария Стюарт. При встрече короля приветствовали речью, которая была произнесена местным учителем школы грамматики Литлингоу Джеймсом Вайсменом [Ibid.: 325]. По всей видимости, речь была составлена шотландским поэтом Уильямом Драммондом (она сохранилась среди его стихотворений). Драммонд получил образование в Эдинбургской средней школе (о которой был упомянуто ранее), что уже указывает на существование интеллектуального круга — выходцев из этой школы или ее профессоров. Общаясь с королем, они выражали идеи единого интеллектуального сообщества, сформировавшегося еще в период шотландского правления Якова Стюарта. По этой причине тексты речи Александра Юма и речей, составленных Уильямом Драммондом для Александра Хей и Джеймса Вайсмена, во многом совпадали, отсылая к схожим историческим сюжетам шотландского прошлого.

Пред королем Джеймс Вайсмен символично предстал в образе льва: «О трижды царственный, чудеснейшая вещь, Ты правишь Львом и слушаешь Льва речь...» [Ковалев 2006: 47]. Отсылки к геральдической символике двух королевств были частым мотивом речей. К этой же образности в своей приветственной речи будет апеллировать комиссар города Дамфрис Джеймс Холлидей, чествуя короля как объединителя и миротворца:

Ваше королевское Величество, в чьей священной фигуре Царя царей чудесным образом объединилось несколько славных королевств, под чьим скипетром переплелись белые и красные кресты, лев и леопард [Nichols 1828 (3): 387].

В обоих случаях фигура льва как символ Шотландии ставилась на «первое место», что как для шотландских подданных, так и для Якова Стюарта должно было свидетельствовать о первостепенности шотландского народа.

19 мая²⁸ король прибыл в свою охотничью резиденцию в Фолкленде. В отличие от символической коммуникации с подданными в рамках церемониальной процессии в Эдинбурге, следующий случай являлся свидетельством иного рода диалога между королем и городом. В Фолкленде в присутствии короля было произнесено стихотворение от города Эбердин, написанное на латинском языке и сочиненное учителем школы грамматики Дэвидом Веддербурном (1580–1646) по просьбе городских властей, за что он получил выплату в 50 марок. Основные сюжеты вновь повторялись: славное историческое прошлое Шотландии, война за независимость, уния двух королевств. Весьма примечательным оказался другой момент: предполагалось, что Яков Стюарт почтит своим присутствием Эбердин, по случаю чего для размещения короля и его свиты были подготовлены «самые уютные, чистые и хорошо обустроенные комнаты, достаточно большие и с большим запасом провизии, а улицы города были очищены от грабителей и воров» [Nichols 1828 (3): 329]. Отсутствие короля в городе, который ранее Яков Стюарт посещал неоднократно, также было способом коммуникации между ним и подданными — король таким образом явил свое недовольство. Не удостоив город своим присутствием, он отправил в Эбердин часть своей свиты [Ibid.: 330]²⁹. По всей вероятности, отказ от посещения Эбердина был вызван более ранними событиями: вопреки запрету королевской прокламацией здесь в 1605 г. группой пресвитерианских священников была созвана генеральная ассамблея. Поскольку король не посетил город, прием его свиты должен был быть организован с особым размахом — принимая королевскую свиту, шотландцы опосредованно принимали короля, стремясь добиться его расположения. В данном случае даже великолепная приветственная речь, построенная с учетом всех требуемых элементов и произнесенная одним из наиболее уважаемых интеллектуалов Эбердина, не помогла наладить ожидаемый диалог с королем и смягчить его недовольство.

После участия в заседании парламента, на котором рассматривались вопросы религиозной реформы, король отправился в Стирлинг, где попытка диалога с интеллектуалами была продолжена³⁰. Из Стирлинга Яков Стюарт отправился в Перт. Здесь с приветственной речью короля встретил представитель купеческой гильдии Джон Стюарт. И вновь у нас нет точной информации о том, кем был составитель речи, однако и она отвечала всем предъявляемым

²⁸ Следующей остановкой был дворец в Данфермлине, подаренный Яковом Стюартом Анне Датской по случаю их бракосочетания в 1589 г. [Nichols 1828 (3): 326]. В источниках упоминается весьма интересная информация о сложившейся традиции времяпрепровождения: во время охоты в окрестностях Данфермлина, король по обычаю приглашал компанию аристократов на обед в аббатстве Калросс в поместье Колвиллов. Поместье принадлежало шотландскому придворному и аристократу Джеймсу Колвиллу, 1-му лорду Калроссу (1551–1629), поддерживавшему объединительный проект Якова Стюарта. Подобные встречи также отвечали идее укрепления верноподданических чувств шотландской аристократии.

²⁹ Среди них были сэр Томас Джерард, джентльмен Личной палаты Его Величества; сэр Эдвард Зуш, джентльмен Личной палаты; сэр Джордж Гоуринг, лейтенант, а также королевский доктор, аптекарь, пажи и слуги Личной палаты короля и др. [Nichols 1828 (3): 330].

³⁰ Приветственную речь произнес комиссар и член городского совета Роберт Мюррей. Информации о том, кем точно была составлена речь для Мюррея, на данный момент неизвестна.

к подобной речи ожиданиям. Более того, именно в этой речи ренессансный характер шотландских интеллектуалов оказался наиболее очевиден:

Древний народ скоттов, ведущий свое происхождение от непобедимых греков и ученых египтян <...>, две тысячи тридцать лет существовал он под управлением ста семи королей, ведущих происхождение от короля Фергуса I, и жил он свободно и не платил дань ни одному заморскому правителю, как остается и по сей день. Римляне через Скапулу³¹ и Кая³² угрожали шотландцам рабством; а Адриан³³ воздвиг могучий вал для защиты своей провинции в Южной Британии <...> Другой может услышать о короле Фергусе II, который не только отплатил до последнего пенни за кровопролитие Максимиана в Шотландии и разграбление Рима, но сровнял крепостные стены с землей.... [Nichols 1828 (3): 353].

Отсылки к непобедимым грекам, славившимся своими демократией и Афинской ученой школой, и даже к ученой Александрии Египетской должны были показать преемственность скоттов их культурной традиции. В этой речи шотландцы оказывались носителями культуры, а не дикости и варварства, какими они рисовались англичанам.

История шотландского народа в речи Джона Стюарта предстает историей победителей. Как и в представлении шотландских антикваров, Рим и римская символика олицетворяли не славную языческую империю, не могущество монарха, но власть, несущую насилие и разложение [Паламарчук 2011: 486]. Рассказ о древней истории Шотландии подводил также к теме взаимоотношений короля и шотландской Церкви:

...еще пятьдесят лет назад Господь Бог принял решение передать свою Церковь этому королевству, вывести ее из тьмы папистских ошибок к свету истинного божественного знания; <...> и повелел Бог, чтобы родились Вы, Ваше Величество... [Nichols 1828 (3): 366].

Эта речь была произнесена уже после парламентского заседания июня 1617 г., на котором Яков Стюарт открыто провозгласил свои намерения «реформировать королевство по образу и подобию Англии, и главным образом Церковь» [Nichols 1828 (3): 346]. Теперь диалог с королем нужно было строить иным способом: напомнить ему не только о его «шотландскости» и родном королевстве, заслугой которого были полученные королем образование и воспитание, но и об истории шотландской Церкви, возрождение которой чудесным образом совпало с появлением на свет Якова Стюарта. Рождение Якова Стюарта (1566 г.) и заключение первого Ковенанта шотландской знатью (1567 г.) действительно для шотландцев являлись событиями почти одновременными. В свою очередь, Яков Стюарт поддержал второй Ковенант 1581 г. (в 1581 г. был утвержден документ, отрицавший католические догматы), став творцом

³¹ Публий Осторий Скапула (умер в 52 г.) — римский политический деятель.

³² Кай Ларгений (умер в 50 г.) — легионер II Августова легиона.

³³ Адриан (76–138) — римский император в 117–138 гг.

новой Церкви и ее защитником. Тем непонятнее становились для шотландцев изменения, которые пытался ввести Яков Стюарт.

Король покинул Эдинбург, не планируя туда более возвращаться, и продолжил свой маршрут к западному побережью Шотландии, к Карлайлу, куда должен был въехать 5 августа. Дальнейшие приветственные речи теперь носили иной отпечаток: нужно было и умиловить короля, и вновь напомнить ему о независимости шотландской Церкви, которую он, будучи королем Шотландии, всячески поддерживал.

11 июля король въехал в Сент-Эндрюс, где прослушал речь от местного школьного учителя и от ректора университета доктора Питера Брюса, затем принял участие в диспутах о богословии в Сент-Эндрюсском университете и 18 июля вернулся в Стирлинг. В диспутах совместно с королем участвовали представители Эдинбургского университета³⁴, называвшегося тогда Городским колледжем³⁵. Диалог университетских интеллектуалов, который по традиции велся на латинском языке, настолько впечатлил монарха, что король даровал ему свое имя — учебное заведение было переименовано в Колледж короля Якова [Nichols 1828 (3): 370]. Следующей остановкой был Пейсли, где король расположился в имении шотландского придворного Джеймса Гамильтона, лорда Пейсли, 1-го графа Аберкорна³⁶. Здесь короля встречала шотландская аристократия, представители которой входили в состав ближайшего окружения монарха еще в шотландский период его правления. С очередной приветственной речью перед королем выступил Уильям Семпл, девятилетний сын сэра Джеймса Семпла из Белтри³⁷, лорда Тайного совета Шотландии и слуги королевской опочивальни Якова Стюарта. Он стал олицетворением юного нового поколения шотландцев, достаточно образованных для того, чтобы даже в возрасте девяти лет выучить и прочитать речь в присутствии монарха. Автор этой речи неизвестен, однако понятно, что текст для представителя высшей знати Шотландии не мог быть плохо составлен.

В этой речи упоминания об исторических основах формирования шотландской независимости сочетались с аллюзиями на сюжеты из греческой мифологии. В ее основе лежал греческий миф о Фебе и его двух возлюбленных Клитии и Левкофее, которые ассоциировались с королем Яковом Стюартом (в образе Феба), Шотландией (в образе Клитии) и Англией (в образе Левкофеи). Сравнивая Шотландию с Клитией, Уильям Семпл использовал текст мифа,

³⁴ Джон Адамсон, сын провоста Перта Генри Адамсона, профессор философии в университете Сэнт-Эндрюса и профессор Эдинбургского университета с 1598 г., Джеймс Фейрли, сын влиятельной фамилии в Эдинбурге, профессор Эдинбургского университета с 1607 г., Патрик Сэндс, профессор университета в Эдинбурге с 1589 г., Эндрю Янг, профессор философии в Эбердине и профессор Эдинбургского университета с 1601 г., Джеймс Рейд, профессор Эдинбургского университета с 1605 г., и Уильям Кинг, профессор Эдинбургского университета с 1607 г. [Nichols 1828 (3): 369].

³⁵ Университет открыл двери студентам в 1583 г. как Городской колледж (Town's College).

³⁶ Джеймс Гамильтон, 1-й граф Аберкорн (1575–1618) — шотландский аристократ и дипломат при короле Якове VI Стюарте. Был членом Тайного совета Шотландии. В 1604 г. поддержал идею монарха об объединении двух частей королевства в одно целое.

³⁷ Сэр Джеймс Семпл (1566–1626) — шотландский придворный и дипломат. Воспитывался шотландским гуманистом Джорджем Бьюкененом вместе с Яковом VI Стюартом в Стирлинге.

встречавшийся у Овидия (Метаморфозы IV.260 [Овидий 1977]). Согласно Овидию, Клития была оставлена своим возлюбленным Аполлоном (Фебом) и умерла от тоски по нему — так и Шотландия в речи мальчика была оставлена своим королем Яковом Стюартом в ожидании его возвращения.

Теперь Ваше Величество — это Феб нашего западного мира, а «...» наши три королевства являются тремя свидетелями сего. Сияй, наш лучезарный Феб! Итак, Сэр, Клития и Левкофея были возлюбленными Феба; Клития, дочь Океана, была первой любовью Феба. И потому поэты поют, что солнце, восходящее на Востоке, держит путь на Запад, чтобы встретиться со своей любовью, и насколько продолжительны их объятия, настолько длинны и коротки наши дни и ночи. И разве не мы, Сэр, шотландцы, старая добрая Клития Вашего Величества? И разве не Вы, Сэр, Феб, идущий с Востока, озаренный лучами, чтобы обнять нас «...» Ваша Клития, Сэр, имеет много частей. Ваше Величество уже миновало голову, шею и руки, ваши великие деревни и города, но сейчас Вы добрались до ее сердца. Почему? Потому что в этом самом приходе находится древняя резиденция Уильяма Уоллеса, этого достойного воина, которому мы обязаны тем, что Вы — наш король и что Британия ваша [Nichols 1828 (3): 387].

Упоминание Уильяма Уоллеса, фигуры национального шотландского героя времен борьбы за независимость в Шотландии в 1296–1328 гг., перекликалось с мотивами объединенной монархии. Именно они — шотландские аристократы, придворные Якова Стюарта, англоговорящие и связанные с Англией идеями, знанием, становились строительным материалом новой имперской общности Якова Стюарта [Федоров 2011]. Приветственная речь юного Уильяма Семпла, составленная в лучших традициях шотландских интеллектуалов, оказалась завершающей в череде приветствий Якова I Стюарта на шотландской земле.

Таким образом, приветственные речи во многом способствовали формированию символической коммуникации между властью и обществом, а именно между королем и шотландскими подданными (интеллектуалами и знатью). Их составляли представители ученого сообщества, получившие образование в шотландских школах грамматики и университетах, а потому в основе всех этих речей лежали схожие мотивы и сюжеты. Основным языком приветственных речей был латинский, процветавший в Шотландии на протяжении всего XVI века как язык академический, язык ученой книжности. Центральным в них было обращение к шотландской истории и ее Церкви. Эти мотивы в речах были обусловлены «британским» проектом Якова Стюарта и его идеями реформирования шотландской Пресвитерианской церкви. Стремясь обратить внимание на культурную составляющую шотландского народа, интеллектуалы в очередной раз доказывали, что признанная англичанами ученость короля Якова Стюарта была заслугой Шотландии. Представляя Якова Стюарта как объединителя двух королевств, интеллектуалы сравнивали его с легендарным королем Фергусом I, основателем Шотландии. В этом же явно прослеживалось желание авторов речей показать свою первенствующую роль даже в обретении такого монарха, силе которого подчинились англичане, чему служило

постоянное напоминание о «шотландскости» короля. Так или иначе, это была попытка диалога между королем и шотландскими интеллектуалами, которые стремились донести до Якова Стюарта свои представления о свободной шотландской Церкви и независимом положении Шотландии. Приветственные речи — лишь часть коммуникации правителя и подданных, однако и в ходе ее реализации Яков Стюарт не пожелал их услышать (по крайней мере в отношении пресвитерианской Церкви Шотландии). Попытка шотландцев напомнить королю о том, что изначально он являлся защитником их Церкви, и таким образом, вероятно, скорректировать его политику, успехом не увенчалась. Диалог шотландских интеллектуалов и короля не состоялся.

Источники

- Овидий 1977 — *Публий Овидий Назон. Метаморфозы* / Пер. с латинского С. В. Шервинского; Примеч. Ф. А. Петровского. М.: Худ. лит., 1977.
- Сапрыкин 1984 — Англия в эпоху абсолютизма (статьи и источники) / Под ред. Ю. М. Сапрыкина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
- Boyd, Meikle 1936 — Calendar of state papers relating to Scotland and Mary, Queen of Scots, 1547–1603: In 11 vols. Vol. 10: 1589–1593 / Ed. by W. K. Boyd, H. W. Meikle. Edinburgh: H. M. General Register House, 1936.
- Calderwood 1845 — *Calderwood D.* The history of the Kirk of Scotland: In 8 vols. / Ed. by Rev. Thomas Thomson. Edinburgh: The Wodrow Society, 1845.
- Cameron 1936 — Calendar of state papers relating to Scotland and Mary, Queen of Scots, 1547–1603: In 11 vols. Vol. 11: 1593–1595 / Ed. by A. I. Cameron. Edinburgh: His Majesty's General Register House, 1936.
- Hume 1865 — *Hume A.* Of the Orthographie and Congruitie of the Britan Tongue; A Treatise, noe shorter then necessarie, for the Schooles / Ed. by H. B. Wheatley. London: Published for the Early English Text Society by Trübner, 1865.
- Hume 1969 — *Hume A.* Grammatica Nova. Menston: The Scolar Press Limited, 1969.
- Melville 1683 — The memoires of Sir James Melvil of Halhill, containing an impartial account of the most remarkable affairs of state during the last age, not mention'd by other historians: more particularly relating to the Kingdoms of England and Scotland, under the reigns of Queen Elizabeth, Mary Queen of Scots, and King James. London: Printed by E. H. for Robert Boulter, 1683.
- Major 1892 — *Major J.* A History of Greater Britain as well England as Scotland. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 1892.
- Nichols 1828 — *Nichols J.* The progresses, processions, and magnificent festivities of King James the First, his Royal Consort, Family, and Court: In 3 vols. London: Printed by and for J. B. Nichols, 1828.
- Original letters 1851 — Original letters relating to ecclesiastical affairs of Scotland, chiefly written by, or addressed to His Majesty King James the Sixth after his accession to the English throne / Ed. by B. Botfield. Edinburgh: Printed by J. Hughes, 1851.
- Spottiswood 1668 — *Spottiswood J.* The history of the Church of Scotland, beginning the year of our Lord 203, and continued to the end of the reign of King James the VI... together with great variety of other matters, both ecclesiastical and political. London: R. Norton, 1668.
- The letters 1939 — The letters of John Chamberlain: In 2 vols. / Ed. with an intro. by N. E. McClure. Philadelphia: The American Philosophical Society, 1939.
- The Register 1894 — The Register of the Privy Council of Scotland: In 14 vols. / Ed. by

D. Masson, L. L. D. Vol. 11: A. D. 1616–1619. Edinburgh: Published by the authority of the Lords Commissioners of her Majesty's Treasury, 1894.

The true narration 1603 — The true narration of the entertainment of his Royall Maiestie, from the time of his departure from Edenbrough; till his receiuing at London with all or the most speciall occurrences. Together with the names of those gentlemen whom his Maiestie honoured with knighthood. London: Printed by Thomas Creede, for Thomas Millington, 1603. [Electronic ed.]. URL: <http://name.umd.umich.edu/A06701.0001.001>.

The political works 1918 — The political works of James I, reprinted from the edition of 1616 / Ed. with an intro. by Ch. H. McIlwain. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1918.

Литература

Апрыщенко 2016 — *Апрыщенко В. Ю.* Шотландия в Новое время: в поисках идентичностей. СПб.: Алетейя, 2016.

Ерохин 1999 — *Ерохин В. Н.* Становление англиканской церкви в XVI — первые десятилетия XVII в. в освещении современной британской историографии. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2009.

Ковалев 2006 — *Ковалев В. А.* Королевский церемониал ранних Стюартов: Дис. ... канд. ист. наук / С.-Петербург. гос. ун-т. СПб., 2006.

Ковин 2011 — *Ковин В. С.* Королевский двор Якова I Стюарта: королевская спальня, ее слуги и все остальные // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2011. № 7. С. 110–186.

Кондратьев 2016 — *Кондратьев С. В.* Юнионизм в Шотландии первой половины XVI в. и его основания в сочинениях антикваров // Новый исторический вестник. 2016. № 3 (49). С. 140–159.

Леоненкова 2014 — [*Леоненкова И. Р.*] Ковенантеры // Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Т. 36. М.: Церковно-науч. центр «Православная Энциклопедия», 2014. С. 166–175.

Маграт 1994 — *Маграт А.* Богословская мысль Реформации. Одесса: Одесская библийская школа «Богомыслие», 1994.

Паламарчук 2011 — *Паламарчук А. А.* Национальный дух или англоцентричная империя: особенности антикварного дискурса в британских композитах XVII века // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / Сост. и отв. ред. Н. А. Хачатурян. М.: Наука, 2011. С. 474–488.

Паламарчук 2018 — *Паламарчук А. А.* Композитарная монархия и правовой полиморфизм в раннестюартовской Англии: к постановке проблемы // История. 2018. Вып. 1 (65). URL: <https://history.jes.su/s207987840002041-4-1>. <https://doi.org/10.18254/S0002041-4-1>.

Серегина 2021 — *Серегина А.* Война и престолонаследие: Елизавета I путешествует по югу Англии (1591) // Анатомия власти: государи и подданные в Европе в Средние века и Новое время / Сост. и отв. ред. О. Воскобойников, О. Тогоева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. С. 190–209.

Серегина 2022 — *Серегина А. А.* Война, престолонаследие и придворные развлечения: летнее путешествие Елизаветы I в 1591 г. // Шаги/Steps. Т. 8. № 1. 2022. С. 200–219.

Томсинов 2012 — *Томсинов В. А.* Модернизация политической системы Англии в XVI в. — в первые десятилетия XVII в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Юридические науки. 2012. № 1. С. 95–108.

Федоров 2011 — *Федоров С. Е.* «Restored to the Whole Empire & Name of Great Briteigne»: композитарная монархия и ее границы при первых Стюартах // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / Сост. и отв. ред. Н. А. Хачатурян. М.: Наука, 2011. С. 202–224.

- Федоров 2013 — *Федоров С. Е.* Британская идентичность / идентичности в раннее Новое время // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 2. 2013. Вып. 3. С. 75–81.
- Хархордин 2002 — Понятие государства в четырех языках: Сб. ст. / Отв. ред. О. Хархордин. СПб.; М.: Европ. ун-т в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2002.
- Aitken n. d. — [*Aitken G. A.*] Nichols, John (1745–1826) // Dictionary of national biography. [1885–1900]. Vol. 41. [Electronic ed.] URL: [https://en.wikisource.org/wiki/Dictionary_of_National_Biography,_1885-1900/Nichols,_John_\(1745-1826\)](https://en.wikisource.org/wiki/Dictionary_of_National_Biography,_1885-1900/Nichols,_John_(1745-1826)).
- Armitage 1997 — *Armitage D.* Making the empire British: Scotland in the Atlantic World 1542–1707 // Past & Present. No. 155. 1997. P. 34–63.
- Armitage 2000 — *Armitage D.* The ideological origins of the British Empire. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000.
- Brown 1890 — *Brown P. H.* George Buchanan: Humanist and reformer, a biography. Edinburgh: D. Douglas, 1890.
- Campbell 2021 — *Campbell M.* The relationship between sound and spelling in Alexander Hume's *Of the Orthographie and Congruitie of the Britan Tongue*. Glasgow: Univ. of Glasgow, 2021.
- Cole 2014 — *Cole M. H.* Monarchy in motion: An overview of Elizabethan progresses // The progresses, pageants, and entertainments of Queen Elizabeth I / Ed. by J. E. Archer, E. Goldering, S. Knight. Oxford: Oxford Univ. Press, 2014. P. 27–45.
- Commonwealth 2018 — Commonwealth [Updated February 4, 2018] // Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/word/commonwealth>.
- Crawford 2009 — *Crawford R.* Scotland's books: A history of Scottish literature. Oxford: Oxford Univ. Press, 2009.
- Davidson 1995 — *Davidson P.* The entry of Mary Stewart into Edinburgh, 1561, and other ambiguities // Renaissance Studies. Vol. 9. No. 4. 1995. P. 416–429.
- Durkan 1994 — *Durkan J.* The Renaissance in Scotland: Studies in literature, religion, history, and culture. Leiden: E.J. Brill, 1994.
- Elliott 1992 — *Elliott J. H.* A Europe of composite monarchies // Past & Present. Vol. 137. No. 1. 1992. P. 48–71. <https://doi.org/10.1093/past/137.1.48>.
- Hamilton n. d. — [*Hamilton J. A.*] Hay, John (d. 1654) // Dictionary of national biography. [1885–1900]. Vol. 25. [Electronic ed.] URL: [https://en.wikisource.org/wiki/Dictionary_of_National_Biography,_1885-1900/Hay,_John_\(d.1654\)](https://en.wikisource.org/wiki/Dictionary_of_National_Biography,_1885-1900/Hay,_John_(d.1654)).
- Keenan 2020 — *Keenan S.* The progresses, processions, and royal entries of King Charles I, 1625–1642. Oxford: Oxford Univ. Press, 2020.
- Lockyer 2014 — *Lockyer R.* Tudor and Stuart Britain, 1485–1714. London: Routledge Taylor & Francis Group, 2014.
- MacDonald 1998 — *MacDonald A. R.* The Jacobean Kirk, 1567–1625: Sovereignty, polity and liturgy. Ashgate: Routledge, 1998.
- MacDonald 2005 — *MacDonald A. R.* James VI and I, the Church of Scotland, and British ecclesiastical convergence // The Historical Journal. Vol. 48. No. 4. 2005. P. 885–903.
- Mason 1994 — *Mason R. A.* Scots and Britons: Scottish political thought and the union of 1603. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1994.
- Mason 1997 — *Mason R.* Usable pasts: History and identity in Reformation Scotland // The Scottish Historical Review. Vol. 76. Issue 1. 1997. P. 54–68.
- Mason 1998 — *Mason R. A.* Kingship and commonweal: Political thought in Renaissance and Reformation Scotland. East Lothian, U.K.: Tuckwell Press, 1998.
- McNeill 1996 — *McNeill W. A.* The Scottish progress of James VI, 1617 // The Scottish Historical Review. Vol. 75. Issue 1. 1996. P. 38–51.

- Pocock 1987 — *Pocock J. G. A.* The ancient constitution and the feudal law: A study of English historical thought in the seventeenth century. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987.
- Ross 1949 — *Ross W.* The Royal High School. Edinburgh: Oliver and Boyd, 1949.
- Scot 1872 — *Scot J.* The staggering state of Scottish statesmen: From 1550 to 1650. Edinburgh: William Paterson, 1872.
- Sinclair 1912 — *Sinclair G. A.* The Scottish progress of James VI // The Scottish Historical Review. Vol. 10. No. 37. 1912. P. 21–28.
- Smuts 2023 — *Smuts M. R.* Political culture, the state, and the problem of religious war in Britain and Ireland, 1578–1625. Oxford: Oxford Univ. Press, 2023.
- Wormald 1981 — *Wormald J.* Court, Kirk and community. Scotland, 1470–1625. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 1981.
- Wormald 1983 — *Wormald J.* James VI and I: Two kings or one? // History. Vol. 68. No. 223. 1983. P. 187–209.
- Wormald 1992 — *Wormald J.* The creation of Britain: Multiple kingdoms or core and colonies? // Transactions of the Royal Historical Society. Vol. 6. 1992. P. 175–194, <https://doi.org/10.2307/3679104>.

References

- [Aitken, G. A.] (n. d.). Aitken Nichols, John (1745–1826). In *Dictionary of national biography* (Vol. 41). [1885–1900]. [Electronic ed.]. [https://en.wikisource.org/wiki/Dictionary_of_National_Biography,_1885-1900/Nichols,_John_\(1745-1826\)](https://en.wikisource.org/wiki/Dictionary_of_National_Biography,_1885-1900/Nichols,_John_(1745-1826)).
- Apryshchenko, V. Iu. (2016). *Shotlandiia v Novoe vremia: v poiskakh identichnostei* [Scotland in the Modern period: In search of identities]. Aleteiia. (In Russian).
- Armitage, D. (1997). Making the empire British: Scotland in the Atlantic World, 1542–1707. *Past & Present*, 155, 34–63.
- Armitage, D. (2000). *The ideological origins of the British Empire*. Cambridge Univ. Press.
- Brown, P. H. (1890). *George Buchanan: Humanist and reformer, a biography*. D. Douglas.
- Campbell, M. (2021). *The relationship between sound and spelling in Alexander Hume's Of the Orthographic and Congruitie of the Britan Tongue*. Univ. of Glasgow.
- Cole, M. C. (2014). Monarchy in motion: An overview of Elizabethan progresses. In E. Archer, E. Goldring, & S. Knight (Eds.). *The progresses, pageants, and entertainments of Queen Elizabeth I* (pp. 27–45). Oxford Univ. Press.
- Commonwealth (Updated February 4, 2018). *Online Etymology Dictionary*. <https://www.etymonline.com/word/commonwealth>.
- Crawford, R. (2009). *Scotland's books: A history of Scottish literature*. Oxford Univ. Press.
- Davidson, P. (1995). The entry of Mary Stewart into Edinburgh, 1561, and other ambiguities. *Renaissance Studies*, 9(4), 416–429.
- Durkan, J. (1994). *The Renaissance in Scotland: Studies in literature, religion, history, and culture*. E. J. Brill.
- Elliott, J. H. (1992). A Europe of Composite Monarchies. *Past & Present*, 137(1), 48–71. <https://doi.org/10.1093/past/137.1.48>.
- Erokhin, V. N. (2009). *Stanovlenie anglikanskoi tserkvi v XVI — pervye desiatiletiia XVII v. v osveshchenii sovremennoi britanskoi istoriografii* [Formation of the Anglican church in 16th — first decades of 17th centuries in modern British historiography]. Izdatel'stvo Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. (In Russian).
- Fedorov, S. E. (2011). “Restored to the Whole Empire & Name of Great Briteigne”: kompozitarnaia monarkhiia i ee granitsy pri pervykh Stiuartakh [“Restored to the Whole Empire & Name of Great Briteigne”: Composite monarchy and its borders under the first Stuarts].

- In N. A. Khachaturian (Ed.). *Imperii i etnonatsional'nye gosudarstva v Zapadnoi Evrope v Srednie veka i rannee Novoe vremia* (pp. 202–224). Nauka. (In Russian).
- Fedorov, S. E. (2013). Britanskaia identichnost' / identichnosti v rannee Novoe vremia [British identity/identities in the Early Modern period]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, Ser. 2, 2013(2), 75–81. (In Russian).
- [Hamilton, J. A.] (n. d.). Hay, John (d. 1654). In *Dictionary of national biography* (Vol. 25). [1885–1900]. [Electronic ed.]. [https://en.wikisource.org/wiki/Dictionary_of_National_Biography,_1885-1900/Hay,_John_\(d.1654\)](https://en.wikisource.org/wiki/Dictionary_of_National_Biography,_1885-1900/Hay,_John_(d.1654)).
- Keenan, S. (2020). *The progresses, processions, and royal entries of King Charles I, 1625–1642*. Oxford Univ. Press.
- Kharkhordin, O. (Ed.). *Poniatie gosudarstva v chetyrekh iazykakh* [The concept of state in four languages]. Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge; Letnii sad. (In Russian).
- Kondrat'ev, S. E. (2016). Unionizm v Shotlandii pervoi poloviny XVI v. i ego osnovaniia v sochineniiakh antikvarov [Unionism in Scotland in the first half of the 16th century and its origins in antiquaries' works]. *Novyi istoricheskii vestnik*, 2016(3, no. 49), 140–159. (In Russian).
- Kovalev, V. A. (2006). *Korolevskii tseremonial rannikh Stiuartov* [Royal ceremonial of the early Stuarts] (Cand. Sci. (History) Dissertation, Saint Petersburg State University). (In Russian).
- Kovin, V. S. (2011). Korolevskii dvor Iakova I Stiurta: korolevskaa spal'nia, ee slugi i vse ostal'nye [The royal court of King James I Stuart: the royal bedchamber, its servants and all others]. *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*, 2011(7), 110–186. (In Russian).
- [Leonenkova, I. R.] (2014). Kovenanteri [Covenanters]. In Cyril, Patriarch of Moscow and All Russia (Ed.). *Pravoslavnaia entsiklopediia* (Vol. 36, pp. 166–175). Tserkovno-nauchnyi tsentr "Pravoslavnaia Entsiklopediia". (In Russian).
- Lockyer, R. (2014). *Tudor and Stuart Britain, 1485–1714*. Routledge Taylor & Francis Group.
- MacDonald, A. R. (1998). *The Jacobean Kirk, 1567–1625: Sovereignty, polity and liturgy*. Routledge.
- MacDonald, A. R. (2005). James VI and I, the Church of Scotland, and British ecclesiastical convergence. *The Historical Journal*, 48(4), 885–903.
- Mason, R. A. (1994). *Scots and Britons: Scottish political thought and the union of 1603*. Cambridge Univ. Press.
- Mason, R. (1997). Usable pasts: History and identity in Reformation Scotland. *The Scottish Historical Review*, 76(1), P. 54–68.
- Mason, R. A. (1998). *Kingship and commonweal: Political thought in Renaissance and Reformation Scotland*. Tuckwell Press.
- McGrath, A. (1993). *Reformation thought: An introduction* (2nd ed.). Blackwell.
- McNeill, W. A. (1996). The Scottish progress of James VI, 1617. *The Scottish Historical Review*, 75(1), 38–51.
- Palamarchuk, A. A. (2011). Natsional'nyi dukh ili anglotsentrichnaia imperiia: osobennosti antikvarnogo diskursa v britanskikh kompozitakh XVII veka [National spirit or Anglocentric empire: Peculiarities of antiquarian discourse in British composites of the 17th century]. In N. A. Khachaturian (Ed.). *Imperii i etnonatsional'nye gosudarstva v Zapadnoi Evrope v Srednie veka i rannee Novoe vremia* (pp. 474–488). Nauka. (In Russian).
- Palamarchuk, A. A. (2018). Kompozitarnaia monarkhiia i pravovoi polimorfizm v rannestiuartovskoi Anglii: k postanovke problemy [Composite monarchy and legal polymorphism in Early Stuart England]. *Istoriia*, 2018(1, no. 65). <https://history.jes.su/s207987840002041-4-1>. <https://doi.org/10.18254/S0002041-4-1>.

- Pocock, J. G. A. (1987). *The ancient constitution and the feudal law: A study of English historical thought in the seventeenth century*. Cambridge Univ. Press.
- Ross, W. (1949). *The Royal High School*. Oliver and Boyd.
- Scot, J. (1872). *The staggering state of Scottish statesmen: From 1550 to 1650*. William Paterson.
- Seregina, A. (2011). Voina i prestolonasledie: Elizaveta I puteshestvuet po iugu Anglii (1591) [War and succession to the throne: Elizabeth I travels to the South of England (1591)]. In O. Voskoboynikov, & O. Togoeva (Eds.). *Anatomiia vlasti: gosudari i poddannye v Evrope v Srednie veka i Novoe vremia* (pp. 190–209). Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki. (In Russian).
- Seregina, A. A. (2022). Voina, prestolonasledie i pridvornye razvlecheniia: letnee puteshestvie Elizavety I v 1591 g. [War, succession, and courtly entertainments: Elizabeth's I summer progress of 1591]. *Shagi/Steps*, 8(1), 200–2019. (In Russian).
- Sinclair, G. A. (1912). The Scottish progress of James VI. *The Scottish Historical Review*, 10(37), 21–28.
- Smuts, M. R. (2003). *Political culture, the state, and the problem of religious war in Britain and Ireland, 1578–1625*. Oxford Univ. Press.
- Tomsinov, V. A. (2012). Modernizatsiia politicheskoi sistemy Anglii v XVI v. — v pervye desiatletii XVII v. [Modernization of the English political system in the 16th century — first decades of the 17th century] *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov, Ser. Iuridicheskie nauki*, 2012(1), 95–108. (In Russian).
- Wormald, J. (1981). *Court, Kirk and community. Scotland, 1470–1625*. Edinburgh Univ. Press.
- Wormald, J. (1983). James VI and I: Two kings or one? *History*, 68(233), 187–209.
- Wormald, J. (1992). The creation of Britain: Multiple kingdoms or core and colonies? *Transactions of the Royal Historical Society*, 6, 175–194. <https://doi.org/10.2307/3679104>.

* * *

Информация об авторе

Кристина Дмитриевна Дзюбинская
аспирантка, факультет гуманитарных наук,
Школа исторических наук,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая,
д. 20
Тел.: + 7 (495) 772-95-90 *15158
✉ kdmoskalyova@hse.ru

Information about the author

Kristina D. Dzyubinskaya
Postgraduate, Faculty of Humanities, School
of History, National Research University
Higher School of Economics
Russia, 101000, Moscow, Myasnitskaya Str.,
20
Tel.: + 7 (495) 772-95-90 *15158
✉ kdmoskalyova@hse.ru

Е. Д. Браун

ORCID: 0000-0002-3553-0541

✉ brown-helen@yandex.ru

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)*

История или политика? Представления о Войнах Роз в Великобритании XVII–XVIII вв.

Аннотация. История трансформации представлений о Войнах Роз изучена несколько поверхностно. Известно, что в XVI в. был создан так называемый тюдоровский миф, в рамках которого противостояние Йорков и Ланкастеров рассматривалось как полномасштабная гражданская война. Традиционно считается, что в XVII–XVIII вв. представления о Войнах Роз не эволюционировали. Зато в XIX в. произошел качественный скачок — политически ангажированные представления тюдоровской эпохи заменило научное знание, начался коренной пересмотр привычных историографических теорий. Цель данной статьи — проверить устоявшуюся точку зрения. Проведенный анализ показал, что трансформация образов Войн Роз в исторической памяти англичан была плавной, а не прерывистой. В течение XVII–XVIII вв. началась реабилитация основных участников конфликта, его хронологические рамки были сужены с 1399–1485 до 1450–1485 гг., наконец, Войны Роз перестали считать самым кровавым и неприятным отрезком английской истории. Изменения XVII–XVIII вв. подготовили почву для дальнейшей эволюции взглядов на указанный конфликт и стали фундаментом для исторических построений исследователей XIX столетия.

Ключевые слова: Войны Роз, историческая память, Йорки, Ланкастеры, британская историография XVII–XVIII вв.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Браун Е. Д. История или политика? Представления о Войнах Роз в Великобритании XVII–XVIII вв. // Шаги/Steps. Т. 9. № 2. 2023. С. 148–170. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-2-148-170>.

*Статья поступила в редакцию 4 декабря 2022 г.
Принято к печати 14 февраля 2023 г.*

E. D. Braun

ORCID: 0000-0002-3553-0541

✉ braun-helen@yandex.ru

*The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Russia, Moscow)*

HISTORY OR POLITICS? IDEAS ABOUT THE WARS OF THE ROSES IN 17th–18th-CENTURY BRITAIN

Abstract. The transformation of ideas about the Wars of the Roses in British historical memory has been studied insufficiently. It is believed that the 17th–18th centuries were an era of stagnation, when this conflict was interpreted in the way of Shakespeare's "Historical chronicles". The 19th century, on the contrary, was marked by a revolution in historical thought. The purpose of this article is to test the established point of view. The analysis showed that the transformation of the images of the Wars of the Roses in the historical memory of the British was smooth, not intermittent. During the 17th–18th centuries the rehabilitation of the main participants in the conflict began. For example, Richard III was no longer considered a monster and a hunchback, and Margaret of Anjou lost her reputation as an ambitious and short-sighted woman and turned into a heroic defender of the rights of the Lancaster dynasty. The chronological framework was narrowed from 1399–1485 to 1450–1485, finally, the Wars of the Roses were no longer considered the bloodiest and most unpleasant segment of English history. Changes during the 17th–18th centuries paved the way for further evolution of views on this conflict and became the foundation for the historical constructs of 19th century researchers.

Keywords: Wars of the Roses, historical memory, House of York, House of Lancaster, British historiography of the 17th–18th centuries

Acknowledgements. The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

To cite this article: Braun, E. D. (2023). History or politics? Ideas about the Wars of the Roses in 17th–18th-century Britain. *Shagi / Steps*, 9(2), 148–170. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-2-148-170>.

Received December 4, 2022

Accepted February 14, 2023

Войны Роз — удивительный историографический феномен. Начнем с того, что сама концепция Войн, т. е. привычная нам трактовка политической истории Англии 1450–1480-х годов как единого периода братоубийственных смут, появилась благодаря сознательным, целенаправленным усилиям историков и пропагандистов XVI в. Современники событий не видели между ними связи, не считали происходившее единым конфликтом и тем более не подозревали, что в этой истории хоть как-то замешаны розы. В окончательном виде тюдоровский миф о Войнах Роз был зафиксирован на страницах «Исторических хроник» Шекспира. Принято считать, что шекспировская трактовка истории Англии второй половины XV в. продержалась необычайно долго — вплоть до середины XIX в., когда на смену мифу пришло объективное научное знание [Pollard 2013: 13]. Получается, что на протяжении двух с половиной столетий представления о Войнах Роз оставались настоящим оплотом стабильности. Революция и реставрация, огораживания и промышленный переворот, готическая литература и романтизм — все эти перемены будто бы никак не влияли на взгляды историков, продолжавших трактовать борьбу Йорков и Ланкастеров в духе «Исторических хроник». Данное небольшое исследование призвано проверить и по возможности уточнить указанную историографическую теорию.

Первое, что привлекает внимание любого исследователя, приступающего к реконструкции представлений о Войнах Роз, — крайне низкий уровень изученности историографического материала. История восприятия борьбы Йорков и Ланкастеров описана неравномерно. Значительное количество исследований посвящено отдельным аспектам формирования тюдоровского мифа [Levy 1967; Hanham 1975; Potter 1983; Carson 2018]. Взгляды историков XIX — начала XXI в. также изучены с достаточной полнотой. Однако между XVI и XIX вв. располагается настоящая «черная дыра». Необходимо подчеркнуть — не существует ни одной работы, в которой история представлений о политической борьбе XV в. реконструировалась бы от начала и до конца. Самое подробное, что можно найти на данный момент, — это историографические разделы обобщающих монографий о Войнах Роз, однако в них информация о XVII–XVIII вв. практически отсутствует.

Приведу конкретные примеры. Пожалуй, самым авторитетным исследованием по истории Войн Роз является неоднократно переиздававшаяся монография А. Дж. Поллард [Pollard 2013]. Глава, посвященная представлениям о борьбе Йорков и Ланкастеров — «Войны в истории» — занимает всего 16 страниц [Pollard 2013: 7–22]. Из них семь посвящены формированию мифа о Войнах Роз, девять — исследованиям XIX–XX вв. и половина абзаца — историографии XVII–XVIII столетий. В «Краткой истории Войн Роз» Д. Граммита переход от Шекспира к трудам историков середины XIX в. и вовсе происходит без всяких дополнительных связей — вслед за параграфом «Ранние исследования Войн Роз» следует «Войны Роз и профессиональная историография» [Grummitt 2014: xvii].

Нельзя сказать, что историографы вовсе не обращались к работам XVII–XVIII вв. Краткие упоминания об указанном отрезке иногда встречаются в биографических исследованиях. Однако единственными, кто занялся указанной проблемой фундаментально, стали защитники Ричарда III. Историки-ри-

чардианцы скрупулезно реконструировали эволюцию образа своего кумира в исторических сочинениях XVI–XX вв. [Kendall 1965; Murph 1977; Carson 2018].

Чтобы дальнейший анализ не повисал в воздухе, необходимо четче обозначить начальную и конечную точки исследования, т. е. рассмотреть особенности трактовки Войн Роз в исторических сочинениях XVI и XIX вв.

Историки, драматурги и пропагандисты, творившие в эпоху Тюдоров, считали, что политические катаклизмы длились целое столетие — с воцарения дома Ланкастеров в 1399 г. и до восшествия на трон первого Тюдора в 1485-м. Это время считалось самым ужасным и кровавым отрезком британской истории. Предполагалось, что основной пружиной конфликта была борьба за престол, спровоцированная свержением законного короля Ричарда II (1377–1399). «Действующие лица» этой грандиозной исторической драмы оценивались следующим образом. Главным злодеем считался узурпатор и детоубийца Ричард III, которого Шекспир назвал «уродом, горбатым телом и душой» [Shakespeare 1990. Part II, Act V, Scene 1]. Почетное второе место в ряду отрицательных персонажей занимала супруга Генриха VI Ланкастера Маргарита Анжуйская — властолюбивая, неумная женщина, чье вмешательство в политику привело к вспышке гражданских войн. Герцогу Ричарду Йорку, Эдуарду IV Йорку и Создателю королев Уорику отводилась роль положительных героев; считалось, что они заботились об общем благе и действовали справедливо [Браун 2016: 135–152].

В интерпретации историков XIX в. нарисованная Шекспиром картина изменилась почти до неузнаваемости. Прежде всего необходимо отметить, что именно в XIX столетии словосочетание «Войны Роз» стало общеупотребительным. Произошло это с легкой руки Вальтера Скотта. В романе «Анна Гейерштейнская, дева мрака» он назвал политические катаклизмы XV в. «войнами Алой и Белой Розы» (wars of the White and Red Roses) [Scott 1829: 74]. Хронологические рамки конфликта были сужены до периода военных столкновений (1455–1485 гг.). Трансформировалось и само понимание Войн Роз — их стали интерпретировать как кризис феодальной системы, затронувший преимущественно дворянство. Необходимо подчеркнуть, что борьба Йорков и Ланкастеров более не рассматривалась как самая черная страница в истории Англии, хотя эти годы все еще считались «отвратительными» [Green 1878: 299]. Образы «главных героев» претерпели заметные изменения — Ричард III утратил горб и прочие физические недостатки; защитникам короля удалось снять с него обвинения в смерти Генриха VI Ланкастера и Анны Невилл [Markham 1968]. Маргарита Анжуйская преобразилась в мужественную защитницу династических прав Ланкастеров. В популярной литературе ее и вовсе сделали воплощением семейных ценностей и истинного патриотизма [Scott 1829]. Графу Уорику повезло меньше. «Не вписавшийся в конституционную историю Англии» в ее викторианском понимании, он стал объектом самой жесткой критики [Stubbs 1897 (3): 212].

Важно отметить, работы историков XIX в. послужили фундаментом для построений современных исследователей. Это обстоятельство усиливает впечатление грандиозного исследовательского рывка, быстрой и триумфальной победы науки над давно отжившими литературными штампами. Однако если

обратиться к единственной более-менее изученной главе представлений о Войнах Роз — к истории восприятия Ричарда III — революция превращается в эволюцию. Сторонникам Ричарда III удалось показать, что XVII–XVIII столетия вовсе не были эпохой стагнации. Появился целый ряд оправдывавших короля работ, самыми заметными из которых стали книги Д. Бака (XVII в.) [Buck 1647] и Х. Уолпола (XVIII в.) [Walpole 1768]. Правда, оба автора были скорее любителями и энтузиастами, поэтому их взгляды фактически не повлияли на позицию профессиональных историков [Potter 1983: 156].

Думаю, для начала стоит проверить построения ричардианцев. Исторические сочинения XVII–XVIII вв. были исследованы ими с почти исчерпывающей полнотой, поэтому имеет смысл обратиться к другому виду источников, а именно к гравюрам и книжным иллюстрациям. В рамках данного исследования я работала с изображающими Ричарда III гравюрами из фондов Национальной портретной галереи (22 оттиска) и Британского музея (66 оттисков)¹.

К сожалению, атрибутировать все изображения вряд ли возможно. Дело в том, что в каталогах Британского музея и Национальной портретной галереи большинство таких экспонатов лаконично обозначено как «гравюры» с указанием даты поступления в коллекцию, размеров оттиска, художественной техники и другой малополезной для данного исследования информации (BM 1868,0822.2456; BM G,12.170; BM 1902,1011.1396 и т. д.). И лишь в трети случаев каталог уточняет, что перед нами книжная иллюстрация, опубликованная в конкретном издании. Если обобщить данные, получится, что книги, гравюры из которых оказались в указанных музейных фондах, делятся на две примерно равные категории. Первая — это исторические сочинения; ко второй можно отнести работы по истории театра и издания пьес Шекспира.

Бесспорно, указанные выборки не являются исчерпывающими. Повидимому, формирование соответствующих коллекций в фондах Британского музея и Национальной портретной галереи носило случайный характер. Однако именно это обстоятельство позволяет считать эти подборки репрезентативными, более-менее верно отражающими общую канву представлений художников и иллюстраторов о внешности Ричарда III.

Попытаемся сопоставить данные текстовых и визуальных источников. Важнейшее «ричардианское» сочинение XVII в. — «История Ричарда III» антиквара² Джорджа Бака — было опубликовано в 1647 г. Бесспорно, главным обстоятельством, побудившим Бака взяться за перо, стало стремление оправдать своего прапрадеда Джона Бака, сражавшегося на стороне Ричарда III в битве при Босворте [Potter 1983: 161]. Однако нельзя сбрасывать со счетов изменившуюся политическую ситуацию. С уходом Тюдоров, кровно заинтересованных в сохранении образа Ричарда-монстра, барьеры, мешавшие независимым историческим изысканиям, были сняты. В книге Джорджа Бака Ричард III показан едва ли не идеальным государем — справедливым, доблестным, кристально честным, излишне милостивым к врагам и даже красивым

¹ При ссылке на гравюры будет указываться музейный номер экспоната.

² Имеются в виду историки-антиквары — люди, чьим хобби были сбор и описание различных «древностей». Антиквары не входили в университетские сообщества, их работы обычно были написаны крайне сухо и не пользовались большим успехом.

Ил. 1. Ричард III, король Англии. Гравюра. Неизвестный автор. Начало XVII в. Британский музей, Лондон. BM 1868,0822.2455

Fig 1. Richard III, King of England. Print made by Anonymous. Early 17th century The British Museum, London. BM 1868,0822.2455

[Buck 1647: 79]. Последнее обстоятельство особенно важно, так как граверы поневоле вынуждены были раскрывать образ короля через внешность.

Нельзя не отметить, что написанное Баком разительно отличалось от существовавшей на тот момент письменной традиции, в том числе в области трактовки внешности Ричарда III. Пожалуй, ярче всего этот тезис иллюстрирует «Церковная история Британии» Томаса Фуллера. Епископ Фуллер не просто посчитал исторические построения Бака «не заслуживающими ни малейшего доверия» [Fuller 1655: 197], но и приписал Ричарду III еще один физический недостаток — крупные, выпирающие зубы (prominent gobber-tooth) [Ibid.: 197]. Подчеркну, «зубастый» Ричард стал уникальной находкой епископа. Мне не удалось отыскать ни одного текста или рисунка, на котором присутствовала бы эта деталь. Применительно к теме данной статьи важен сам факт доработки визуального образа Ричарда III. По-видимому, в исторических текстах первой половины XVII в. шли два параллельных процесса: с одной стороны, появились первые сочинения, оправдывавшие этого короля, с другой — завершался начатый в тюдоровскую эпоху процесс его монстроизации.

Ил. 2. Ричард III. Портрет из собрания Общества антикваров
Неизвестный художник. 1516 г.

Fig 2. Richard III. Portrait from the collection of the Society of Antiquaries
Unknown artist. 1516

Визуальный материал дает очень похожую картину. В XVII столетии Ричарда III изображали очень по-разному. На основании имеющихся гравюр (в общей сложности это 29 оттисков) можно условно выделить три типа внешности короля. Первый из них — это мужчина средних лет с типично английским удлинённым лицом (ил. 1). Иллюстрации указанной группы (BM 1868,0822.2455; BM 1868,0822.2344; BM 1850,0223.357), по-видимому, восходят к портретам Ричарда III XVI в. [Portrait 1516; Portrait 1520] (ил. 2), более ранних изображений короля, к сожалению, не сохранилось. Важно подчеркнуть, что на анализируемых гравюрах отсутствует знаменитый горб Ричарда, который Шекспир описывал как «гору, взгроможденную на спину» несчастного монарха [Shakespeare 1990. Part III, Act III, Scene 2]. Возможно, гравёры ориентировались на портреты, где Ричард изображен с прямой спиной. До наших дней дошло только одно такое полотно, оно находится в собрании Общества антикваров [Portrait 1516]. Также нельзя исключить, что художники XVII в. сознательно предпочитали не рисовать горб (из уважения к королевскому сану Ричарда III или по каким-то иным соображениям).

Второй тип внешности Ричарда III уже являлся плодом воображения иллюстраторов. Это изможденный старик с запавшим беззубым ртом и огромным горбом (NPG D21256; NPG D23822; NPG D22809; NPG D21255; BM 1890,0415.171; BM L.77.18) (ил. 3). В лицах этих Ричардов при желании можно отыскать некоторое сходство с портретами XVI в., но в глаза бросается прежде всего явное увеличение возраста короля. Напомню, исторический Ричард III погиб в 32 года; на гравюрах рассматриваемой категории он показан минимум 60-летним. Третий тип и вовсе не имел ничего общего с обликом исторического государя — это круглолицый, дородный горбун с глазами навыкате (BM Gg.4F.68; BM 1864,0813.2) (ил. 4).

Ил. 3. Ричард III, король Англии. Гравюра Рейнолда Элстрака. 1618
Национальная портретная галерея, Лондон. NPG D21255

Fig 3. Richard III, King of England. Print made by Renold Elstrack. 1618. National Portrait Gallery, London. NPG D21255

Мне кажется, разнообразие внешности Ричарда III можно отчасти объяснить стоявшей перед иллюстраторами задачей. Вынужденные рисовать серии исторических миниатюр за сравнительно небольшую плату, они не всегда считали необходимым заботиться о точном сходстве. Широко известные особен-

Ил. 4. *Ричард III. Гравюра Питера Вэндрейбэнка, 1674–1685*
Британский музей, Лондон. BM Gg,4F.68

Fig 4. *King Richard the IIIrd. Print made by Peter Vandrebanc. 1674–1685*
The British Museum, London. BM Gg,4F.68

ности внешности Ричарда III (горб и общий отталкивающий облик) фиксировались, в остальном художники полагались на собственную фантазию.

В данном случае гораздо важнее подчеркнуть — описанные расхождения демонстрируют эволюцию в восприятии Ричарда III. Если для XVI столетия Ричард являлся ключевой исторической фигурой, в XVII в. он превратился в персонажа второго плана. Риску предположить, что для большинства англичан образ этого короля был довольно туманным. 63% гравюров давали волю воображению: кто-то добавлял Ричарду несколько десятков лет жизни, чтобы его биография вместила все приписанные ему преступления; кто-то и вовсе рисовал некоего абстрактного горбуна. Важно отметить, что в 37% случаев Ричарда изображали физически здоровым, что категорически противоречило тюдоровскому мифу.

Чтобы понять, могли ли авторы этих 37% иллюстраций сомневаться в истинности темной легенды о Ричарде III, стоит обратиться к гравюрам XVIII в. Из 37 оттисков, иллюстрировавших книги, изданные в первой половине XVIII столетия, горб можно увидеть только на шести. То есть 83% гравюров пред-

почитали изображать Ричарда с обычной фигурой и, что немаловажно, столь же обычным лицом. Кроме того, на иллюстрациях анализируемого периода видимый возраст короля более-менее соответствовал историческому (ил. 5).

Ил. 5. Король Ричард III. Гравюра Джона Фабера. 1731
Британский музей, Лондон. BM 1868,0822.6119

Fig 5. King Richard III. Print made by John Faber the Younger
1731. The British Museum, London. BM 1868,0822.6119

В 1768 г. были опубликованы «Сомнения историков, касающиеся жизни и правления короля Ричарда Третьего» Хораса Уолпула [Walpole 1768]. Уолпул атаковал тюдоровский миф пункт за пунктом, опираясь на документы XV в., решительно расхоdivшиеся с политически ангажированными сочинениями XVI столетия. Неудивительно, что для ричардианцев это по-настоящему культовое сочинение. Тем не менее принято считать, что «Сомнения» не повлияли ни на работы профессионалов (покрытковав выкладки Уолпула, те остались при своем мнении), ни на репутацию Ричарда в глазах читающей публики [Potter 1983: 175].

Попытаемся разобраться в этом вопросе подробнее. Для английской культуры Хорас Уолпул — знаковая фигура. Он не только создал жанр готического романа, но и ввел моду на «мрачное Средневековье». Англичане зачитывались

романами Уолпула, а аристократы по мере сил копировали его загородный дом в Стробиери-Хилл, который писатель с гордостью называл «готическим замком» [Walpole 1774: 1]. Маловероятно, что, преуспев во всем остальном, Уолпул не сумел популяризовать своего любимого исторического персонажа — короля, в полной мере соответствовавшего идеалам предромантизма.

Ил. 6. *Битва при Босворте. Гравюра. Неизвестный автор. 1750*
Британский музей, Лондон. BM 1872,0413.219

Fig 6. *The battle of Bosworth Field. Print made by Anonymous*
1750. The British Museum, London. BM 1872,0413.219

Книжные иллюстрации показывают, что прогресс в реабилитации Ричарда III имел место, причем очень заметный. Необходимо подчеркнуть: на всех без исключения гравюрах второй половины XVIII в. Ричард изображен не просто здоровым, но и вполне привлекательным мужчиной (BM 1874,1010.100; BM 1872,1109.117; BM 1957,0530.268; NPG D23820; NPG D23819). Сюжетные гравюры позволяют предположить, что в исследуемый период Ричарда III продолжали считать виновным в гибели племянников, печально знаменитых тауэрских принцев. Смерть сыновей Эдуарда IV изображали в точном соответствии с тюдоровским мифом — детей якобы удушили в постели (BM G3,EMDass; BM 1874,0110.250; BM 1896,0511.412). Еще одним популярным

сюжетом гравюр второй половины XVIII в. была битва при Босворте, в которой Ричард III потерял корону и жизнь. Большинство изображений такого рода показывало Ричарда не в лучшем свете. Можно увидеть и духов погибших по вине короля людей — по версии Шекспира, они явились к Ричарду в ночь перед сражением (BM 1868,0822.11965; BM 1843,0513.438), и бесконечно любимый тюдоровскими историками вымышленный сюжет — единоборство Ричарда III и Генриха VII (BM G3,EMDass.18; BM 1877,0609.1685), и издевательства над мертвым телом монарха (BM 1868,0822.2829; BM 1875,0508.1502). Однако встречаются и совершенно противоположные трактовки. На одной из гравюр из Британского музея Ричард III несется в атаку на белом коне, противники короля отступают, их лица искажены ужасом (BM 1872,0413.219) (ил. 6); более «ричардианский» взгляд на происходившее представить сложно.

Таким образом, иллюстративный материал дает возможность скорректировать традиционную точку зрения. В XVII–XVIII вв. образ Ричарда III в исторической памяти англичан существенно изменился. Между шекспировским горбуном и королем конца XVIII в. лежит настоящая пропасть; последний казался уже вполне обычным, хотя и не самым популярным государем. Думается, дело было не только в активности ричардианцев. Начало оправдания Ричарда III стало частью куда более широкого процесса принятия и реабилитации национального прошлого.

В шекспировской версии мифа о Войнах Роз одним из самых неприятных персонажей и главной виновницей гражданских войн была супруга Генриха VI Маргарита Анжуйская. Если прибавить к этому жестокость, злобу, супружескую неверность и владение «искусством проклинать» [Shakespeare 2009. Act IV, Scene 4], портрет «женщины с сердцем тигрицы» [Shakespeare 1990. Part III, Act I, Scene 4] будет полным.

В XVII–XVIII вв. не было написано ни одной исторической работы, специально посвященной этой королеве. В солидных обобщающих трудах ее образ оставался традиционно негативным [Trussell 1636: 191–196; Carte 1750 (2): 740]. Любопытно, что, как и в случае Ричарда III, научно-популярная и художественная литература демонстрировала совершенно иную тенденцию. В 1640 г. известный драматург и актер Томас Хейвуд включил биографию Маргариты в сборник жизнеописаний девяти самых достойных женщин в истории [Heywood 1641]. Девятка получилась весьма впечатляющей — три библейские героини (Дебора, Юдифь и Эсфирь); три язычницы (возглавившая восстание против римлян в 60-е годы I в. британская королева Боудикка, легендарная царица амазонок Пентесилея и правительница Галикарнаса Артемисия, 484–460); наконец, три христианки: королева Мерсии Этельфреда (870–918), Маргарита Анжуйская и Елизавета I Тюдор. Удивительно, что, повторив почти все «факты» тюдоровской версии биографии Маргариты (за исключением обвинения в супружеской неверности), Томас Хейвуд оценивал королеву совершенно иначе, чем историки середины — второй половины XVI столетия. Он не уставал восхищаться ее «храбростью и героическим духом» (*brave and heroic spirit*), благородством и несгибаемой волей [Ibid.: 159]. Особенно сильное впечатление производит рассказ о поражении войск Маргариты в битве при Тьюксбери и гибели ее единственного сына. Хейвуд утверждал, что хотя королева безмерно любила сына, больше, чем о его смерти, она сожалела, что

не может достойно отомстить своим врагам [Ibid.: 180]. Иными словами, в сочинении Хейвуда Маргарита остается шекспировской «тигрицей», но с точки зрения автора XVII в. власть, мужество и неукротимый нрав — это уже не недостатки, а достоинства.

Возможно, взгляды Хейвуда были не столь экзотичны, как это может показаться на первый взгляд. Очевидно, что главной из помещенных в сборнике биографий было жизнеописание Елизаветы I, чье царствование в значительной степени изменило представление о роли женщины в политике. По-видимому, стремление любой ценой сохранить трон для своих мужа и сына, за которое Маргариту яростно критиковали современники и ближайшие потомки, в XVII в. уже воспринималось несколько иначе.

Ил. 7. Королева Маргарита Анжуйская. Гравюра. Неизвестный автор
Конец XVII в. Национальная портретная галерея, Лондон. NPG D9406

Fig 7. Queen Margaret of Anjou. Print after unknown artist
Late 17th century. National Portrait Gallery, London. NPG D9406

Еще одной причиной смягчения образа Маргариты Анжуйской было французское влияние. Для французской культуры уроженка этой страны Маргарита была несчастной королевой, жертвой обстоятельств. В XVIII столетии на английский язык были переведены два французских романа —

«История памятных и необычайных бедствий Маргариты Анжуйской, королевы Англии» Мишеля Бодье [Baudier 1737] и книга знаменитого аббата Прево «История Маргариты Анжуйской, королевы Англии» [Abbe Prevost 1756]. Оба романа рисовали образ волевой и харизматичной женщины, вынужденной противостоять жестокой судьбе. Однако это была уже не «амазонка» из книги Томаса Хейвуда. И Бодье, и Прево подчеркивали женственность Маргариты, прославляли ее красоту и обаяние, наконец, описывали королеву как идеальную мать.

Разумеется, романы и исторические сочинения — вещи разные. Произведения художественной литературы вовсе необязательно должны были повлиять на образ Маргариты в исторической памяти. Попробуем обратиться к иллюстративному материалу. Применительно к Маргарите Анжуйской такой анализ особенно интересен. Дело в том, что не сохранилось ни прижизненных портретов королевы, ни ее словесных описаний, ни даже изображающих ее гравюр XVI в. То есть художники не имели перед глазами образа и фиксировали на бумаге собственные представления о внешности этой государыни. Гравюры, иллюстрировавшие издания об истории Квинс-колледжа (NPG D9414; NPG D9406), показывают нам традиционный образ Маргариты — на зрителя свысока взирает волевая дама с развернутыми широкими плечами, крупными чертами лица и решительно сжатыми губами (ил. 7). Однако этот вариант был далеко не единственным.

Любопытно, что к визуальной реабилитации Маргариты оказался причастен уже упоминавшийся в данной статье Хорас Уолпул. Напомню, что мистер Уолпул страстно увлекался собиранием разных «древностей». Одной из его находок стала картина, которую он приобрел для своего собрания живописи в Струубери-Хилл. Современные исследователи условно называют ее «Свадьбой святого», поскольку над головой жениха неизвестный фламандский художник изобразил нимб [Flemish, Anonymous 1475–1500]. Ориентируясь на репутацию Генриха VI, неофициальный культ которого сформировался сразу же после смерти короля, а также на корону, украшавшую голову невесты, Уолпул посчитал, что перед ним венчание Генриха VI и Маргариты Анжуйской [Walpole 1765 (1): 37]. Нельзя не отметить, что невеста на картине разительно отличается от стереотипного образа Маргариты — это невысокая, изящная девушка; муж смотрит прямо на нее, а молодая супруга в смущении опускает взор.

Благодаря авторитету Уолпула этот «портрет» стал «эталонным» изображением королевы; в XVIII — первой половине XIX в. с картины было снято множество копий (только в собрании Британского музея есть шесть таких гравюр) (ил. 8). В том числе «Свадьба святого» послужила источником вдохновения для Роберта Деви, написавшего портрет Маргариты Анжуйской в 1775 г. [Davy 1775] (ил. 9). Маргарита Деви не просто молода и хороша собой (одно это уже противоречит темной легенде), она выглядит нежной и ранимой: высокий чистый лоб, печальный взгляд, роскошные кудри, наконец прелестный румянец вызывают симпатию и сочувствие. Глядя на это полотно, невольно представляешь Маргариту такой, какой ее описали Бодье и Прево, — жертвой злой судьбы и бесчестных могущественных врагов.

Ил. 8. Свадьба Генриха VI. Гравюра Чарльза Гриньона. 1762–1771
Британский музей, Лондон. BM 1868,0328.677

Fig 8. *Marriage of Henry 6th*. Print made by: Charles Grignion. 1762–1771
The British Museum, London. BM 1868,0328.677

Превращение Маргариты в романтическую героиню лучше всего иллюстрируют сюжетные гравюры. В XVIII в. художники охотно изображали встречу Маргариты Анжуйской и ее сына с разбойниками³. В фондах Британского музея таких гравюр шесть. Любопытно, что банальный грабеж запечатлен лишь на двух оттисках (BM 1874,1212.198; BM 1875,0814.1340). В четырех случаях сюжет разительно меняется: королева (кстати, молодая и красивая женщина) обращается к разбойнику с просьбой защитить ее маленького сына — законного короля Англии — и преступник преобразается в верного слугу короны (BM 1891,0511.148; BM Y,4.149; BM 1868,0808.2833; BM 1858,1009.161) (ил. 10). При всей условности подобных умозаключений рискну предположить, что разбойник в данном случае может рассматриваться как индикатор общественного мнения; видимо, в XVIII столетии репутация Маргариты заметно укрепилась.

³ Если ограбление действительно имело место, это случилось во время бегства королевы в Уэльс летом 1460 г.

Ил. 9. Маргарита Анжуйская. Холст, масло
Портрет кисти Роберта Деви. 1775. Квинс-колледж, Кембридж

Fig 9. Margaret of Anjou. Canvas, oil. Portrait by Robert Davy. 1775
Queens' College, Cambridge

Важно отметить: нет оснований утверждать, что в XVII–XVIII вв. образы всех без исключения «героев» Войн Роз были существенно пересмотрены. Противоположную тенденцию демонстрируют представления о Ричарде, графе Уорике. И в XVI столетии, и в течение всего анализируемого периода его считали украшением рыцарства, идеалом «доброго лорда» и, наконец, всемогущим Создателем королей [Браун 2021]. Для полноты картины следовало бы проанализировать представления англичан об Эдуарде IV и Генрихе VI. На материале текстовых источников это будет сделано ниже, привлечение иллюстративного материала — задача для дальнейших исследований.

Перед тем как перейти к рассмотрению исторических сочинений XVII–XVIII вв., необходимо подчеркнуть — в рассматриваемый временной промежуток труды, посвященные непосредственно Войнам Роз, встречались исчезающе редко. Одним из немногих исключений стала «История гражданских войн в Англии» итальянского дипломата, писателя и историка Франческо Бьонди, написанная в 1637–1644 гг. Бьонди не раз выполнял дипломатические поручения Карла I, был его самым горячим сторонником и посвятил королю

свой труд. В Англии работа Бьонди пришлась настолько ко двору, что была переведена еще в рукописи и издана на три года раньше, чем в Италии [Potter 1983: 173].

Ил. 10. Королева Маргарита и разбойник. Гравюра Франческо Бартолоцци 1798. Британский музей, Лондон. ВМ 1868,0808.2833

Fig 10. *Queen Margaret and the robber. Print made by Francesco Bartolozzi. The British Museum, London. BM 1868,0808.2833*

Столь нетипичный для Британии интерес к сочинению иностранца объяснялся довольно просто. Представления Бьонди о конфликте Йорков и Ланкастеров стали прямым отражением его политических симпатий. Бьонди постоянно напоминал читателям, насколько жуткие последствия может повлечь за собой свержение с престола законного государя. В его «Истории» Генрих VI превратился в «святого страдальца» [Biondi 1641 (1, Part 2): 2–3], этот король не раз завуалированно сравнивался с Карлом I. Главными виновниками конфликта в интерпретации Бьонди были властолюбивые и бесчестные Йорки [Ibid.: 160–161], а также недостойное окружение Генриха VI, прежде всего речь шла о фаворитах короля [Ibid.: 139]. Любопытно, что антигерои Войн Роз в «Истории гражданских войн» и в тюдоровских хрониках одни и те же — это Ричард III и Маргарита Анжуйская. Образ Ричарда особенно колоритен:

«...обман, мошенничество, жестокость и предательство были теми средствами, которые он использовал: одного или двух из которых было достаточно для других людей, но они все служили ему» [Biondi 1641 (2): 113]. Необходимо отметить: Бьонди опирался на довольно ограниченный набор источников, а именно на тюдоровские хроники. Это было вполне типично для историографии XVIII в., нетрадиционным был выбор основного сочинения. Для «Истории» это малопопулярная в Британии работа Полидора Вергилия, который не только был соотечественником Бьонди, но и имел абсолютно аналогичные политические предпочтения (Вергилий поносил Йорков и прославлял Ланкастеров).

Стоит отметить, что в остальных исторических трудах XVII в. Войны Роз описаны в соответствии с традицией второй половины XVI столетия: династические права Йорков оценивались как справедливые, а Эдуард IV — как мудрый, благородный, рыцарственный и бесконечно любимый подданными государь [Trussell 1636; Habington 1640].

Интересный материал для анализа дает одно из самых известных исторических сочинений XVIII в., «Общая история Англии» Томаса Карта (1750). Внимание притягивает прежде всего необычное членение исторического материала по томам. Первый том «Общей истории» заканчивается смертью Иоанна Безземельного, второй — смертью Генриха VII. Это обстоятельство принципиально важно, так как в XVI — первой половине XVII в. было принято начинать новый период в истории Англии не с 1509, а с 1485 г., т. е. с воцарения Генриха VII, которое трактовалось как положившее конец междоусобных войн и давшее начало цветущей эпохи Тюдоров. Карт оценивал царствование Генриха VII как переходную эпоху, что очень близко к современным трактовкам.

Необходимо отметить еще одну новацию — сужение хронологических рамок Войн Роз до 1450–1485 гг. [Carte 1750 (2): 738–739]. То есть началом беспорядков для Карта является восстание Джека Кэда, а концом — Битва при Босворте. Верхняя граница конфликта здесь та же, что и в тюдоровской историографии, а вот нижняя весьма показательна. Карт видит причину Войн Роз вовсе не в узурпации власти первым королем из династии Ланкастеров в далеком 1399 году. Он полагал, что, хотя отдаленным последствием переворота стало преимущественное право Йорков на престол, вооруженный конфликт разразился исключительно по вине Маргариты Анжуйской. «Зависть и козни» королевы вынудили «первого дворянина Англии и законного наследника короны» Ричарда Йорка взяться за оружие [Ibid.: 740]. Иными словами, если бы Маргарита не захватила фактическую власть и не лишила бы Йорка принадлежащих ему по закону придворных должностей, права этого дома на престол никогда бы не были предъявлены.

Кроме того, в «Истории» изменилась общая оценка Войн Роз. Указанный период прошлого описан как крайне неприятное смутное время, но это уже не самые ужасные годы в истории Британии. «Первое место» вполне логично перешло к политическим неурядицам XVII столетия.

Нельзя не отметить, что в характеристиках основных политических игроков Карт очень близок к тюдоровскому мифу (не будем забывать о том, что основными источниками для его рассказа о Войнах Роз послужили хроники

Холла и Холиншеда). Йорки описаны в самых восторженных выражениях, законность их воцарения всячески подчеркивалась. Карт отмечал, что «хотя Ричард [Йорк] не был коронован <...> однако акт парламента сделал его истинным, законным королем Англии» [Carte 1750 (2): 758]. Сын герцога Йорка Эдуард еще до его восшествия на трон именуется ЭДУАРДОМ ПЛАНТАГЕНЕТОМ (прописными в оригинале) [Ibid.: 759]. По мнению Карта, все англичане восхищались Эдуардом и считали его идеальным государем. В то же время автор «Общей истории» был крайне негативно настроен по отношению к родственникам супруги Эдуарда IV Елизаветы Вудвилл и яростно осуждал этот «неразумный» брак [Ibid.: 775].

Однако появляются и существенные отличия. Карт резко расходился с традиционной концепцией Войн Роз в оценке Генриха VI; в «Общей истории» создан крайне нелестный образ этого короля. Томас Карт открыто писал о безумии Генриха (до него историки в основном обходились намеками и иносказаниями) и прямо заявлял, что, даже будучи в здравом рассудке, этот монарх не управлял государством. Сначала от его имени этим занимались опекуны, затем фаворит короля граф Саффолк, а потом фактическая власть перешла к амбициозной и недалекновидной Маргарите Анжуйской [Carte 1750 (2): 724, 746]. Политическая подоплека такой позиции очевидна — к середине XVIII в. представления об идеальном государе заметно поменялись. Во времена Карта исключительное благочестие Генриха VI уже не вызывало большого уважения, а фаворитизм и пренебрежение государственными делами делали Генриха похожим на неудачливых королей XVII в., чье правление привело к серьезным политическим потрясениям.

Заметный вклад в изменение представлений о конфликте Йорков и Ланкастеров внес самый читаемый и знаменитый историк XVIII в. — Дэвид Юм. Необходимо подчеркнуть: именно в его «Истории Англии» впервые появилось ставшее впоследствии общепотребительным словосочетание «Войны Роз». Он писал: «...эти гражданские войны были известны во всей Европе как война двух роз» [Hume 1983 (2): 293].

Юм продолжил начатую Картом реабилитацию конфликта Йорков и Ланкастеров — эта эпоха описана в «Истории» очень спокойно, как череда досадных, но не катастрофических неурядиц. Точно так же, как и Карт, Юм полагал, что бедствия XVII в. далеко превзошли то, что происходило в Англии двумя столетиями ранее, а эпоху беспорядков стоит ограничить 50–80-ми годами XV в. [Hume 1983 (2): 274–275].

Характеристики главных героев этой грандиозной исторической драмы в работах Томаса Карта и Дэвида Юма почти совпадают. Юм был явным йоркистом, его кумиром стал Ричард Йорк. В частности, в «Истории» много говорится о военных успехах герцога Йорка во Франции в последние годы Столетней войны. Юм с сожалением отмечал, что эти подвиги недооценены потомками [Hume 1983 (2): 266]. Как и следовало ожидать, портреты Ланкастеров получились весьма неприглядными. О Генрихе VI Юм высказался еще откровеннее, чем его предшественник. Он писал: «Мягкость его [Генриха VI] нрава и слабость рассудка делали очевидным, что им всегда будут управлять те, кто его окружают» [Ibid.: 268]. Юм полагал, что даже в выборе невесты этот король был абсолютно несамостоятелен — Генрих принял сторону своего

наставника герцога Берфорда не потому, что брак с Маргаритой показался ему более выгодным или сама невеста более привлекательной, он лишь подчинился воле того, кто уже долгие годы фактически управлял Англией [Ibid.: 269].

Пожалуй, единственное, в чем Дэвид Юм не был вполне согласен с Томасом Картом, — это интерпретация образа Маргариты Анжуйской. В «Истории Англии» королева осталась необычайно властной, энергичной и жесткой особой, однако Юм подчеркивал, что ее вмешательство в политику было вынужденной реакцией на происходящее; королеву во многом оправдывало то, что она боролась за права мужа и сына [Hume 1983 (2): 290–291].

* * *

Подведем итоги. Проведенный в данной статье анализ сложно назвать исчерпывающим. Тем не менее уже на этапе работы с хрестоматийными историческими сочинениями XVII–XVIII вв. и ограниченным иллюстративным материалом стало ясно — британские историки, не обращаясь к работам указанного периода при анализе представлений о Войнах Роз, во многом правы. В XVII–XVIII вв. о конфликте Йорков и Ланкастеров писали крайне мало; более того, за редчайшим исключением авторы опирались на хроники тюдоровской эпохи. То есть с точки зрения чистой науки говорить о прогрессе в изучении политической истории XV в. вряд ли возможно.

И все же в XVII–XVIII вв. интерпретация Войн Роз существенно изменилась. Эта трансформация стала результатом воздействия внеученных факторов — нового политического дискурса и иных мировоззренческих установок.

Что же отличало взгляды историков XVII–XVIII вв. от тюдоровского мифа? Прежде всего вторую половину XV в. перестали считать самым ужасным и кровавым временем в истории Англии. Причин, по которым это произошло, несколько. С прекращением династии Тюдоров интерпретация Войн Роз перестала быть политически значимой. Сыграло свою роль удлинение исторической дистанции. Но главным образом переоценка эпохи была вызвана сравнением этого конфликта с гораздо более масштабным политическим кризисом — английской революцией.

Кроме того, поменялось представление о длительности периода политической нестабильности. Уже в XVIII столетии (а не в XIX, как это обычно принято считать) конфликт Йорков и Ланкастеров стали ограничивать 1450–1480-ми годами. Нельзя забывать и о том, что именно XVIII в. подарил нам привычное словосочетание «Война Роз».

Наконец, заметно изменились оценки участников конфликта. Необходимо подчеркнуть, что образы королей и аристократов менялись не в результате новых исторических изысканий (ими занимались лишь сторонники Ричарда III, и то в весьма ограниченном объеме). Характеры и политику героев Войн Роз подгоняли под шкалу ценностей XVII–XVIII вв. В большинстве случаев изменения оказывались позитивными, что неудивительно, учитывая начавшийся процесс реабилитации национального прошлого. К концу XVIII в. главные антитероиды тюдоровской эпохи (Ричард III и Маргарита Анжуйская) были уже в значительной степени оправданы. Положительными персонажами оставались Ричард Йорк, Эдуард IV и Создатель королей Уорик. Зато Генрих VI превратился в отрицательную фигуру; историки критиковали его за несамостоятель-

ность, неспособность управлять государством и фаворитизм, т. е. осуждались качества, которые англичане XVII–XVIII вв. меньше всего хотели бы видеть в носителе верховной власти.

Таким образом, трансформация образов Войн Роз в исторической памяти англичан была плавной, а не прерывистой. Изменения XVII–XVIII вв. подготавливали почву для дальнейшей эволюции взглядов историков и стали фундаментом для построений исследователей XIX в.

Источники

- Abbe Prevost 1756 — The history of Margaret of Anjou, queen of England / Trans. from the French of the Abbe Prevost: In 2 vols. Dublin: Printed for G. Faulkner, and R. James, 1756.
- Baudier 1737 — *Baudier M.* An history of the memorable and extraordinary calamities of Margaret of Anjou, Queen of England. London: Printed by James Bettenham, for G. Strahan, 1737.
- Biondi 1641 — *Biondi F., Sir.* An history of the civill warres of England, betweene the two Houses of Lancaster and Yorke: In 2 vols. London: T. H. and I. D. for John Benton, 1641.
- Buck 1647 — *Buck G., Sir.* The history of the life and reign of Richard III. London: Printed by W. Wilson, 1647.
- Carte 1750 — *Carte T.* General history of England: In 4 vols. London: Printed for the AUTHOR at his house in Dean's Yard, Westminster, 1750.
- Davy 1775 — *Davy R.* Margaret, wife of King Henry the VIth, 1775, oil on canvas. Queens' College. Cambridge.
- Flemish, Anonymous 1475–1500 — *Flemish, Anonymous.* Marriage of a Saint, about 1475–1500, oil on wood panel. Toledo Museum of Art. Toledo, Ohio.
- Fuller 1655 — The church-history of Britain from the birth of Jesus Christ until the year M.DC. XLVIII endeavoured by Thomas Fuller. London: Printed for Iohn Williams, 1655.
- Habington 1640 — *Habington Th.* Historie of Edward the Fourth, King of England. London: Printed by Tho. Cotes, for William Cooke, 1640.
- Heywood 1641 — *Heywood Th.* The exemplary lives and memorable acts of nine the most worthy women in the world. London: Printed by Tho. Cotes, for Richard Royston, 1641.
- Hume 1983 — *Hume D.* The history of England from the invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688: In 6 vols. Indianapolis: Liberty Fund, 1983.
- Portrait 1516 — Portrait of Richard III by unknown artist. About 1516, oil on wood panel. Society of Antiquaries. London.
- Portrait 1520 — Portrait of Richard III by unknown artist. About 1520, oil on canvas. Royal Collection, London.
- Scott 1829 — *Scott W.* Anne of Geierstein; or, The Maiden of the Mist. Edinburgh: Cadell and Co, 1829.
- Shakespeare 1990 — *Shakespeare W.* Henry VI. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990. (The New Cambridge Shakespeare).
- Shakespeare 2009 — *Shakespeare W.* Richard III. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2009. (The New Cambridge Shakespeare).
- Trussell 1636 — *Trussell J.* A continuation of the Collection of the History of England. London: John Haviland and Robert Young, 1636.
- Walpole 1765 — *Walpole H.* Anecdotes of painting in England: In 3 vols. Strawberry-Hill: Thomas Kirgate, 1765.

Walpole 1768 — *Walpole H.* Historic doubts on the life and reign of King Richard the Third. London: Printed for J. Dodsley in Pell-Mall, 1768.

Walpole 1774 — *Walpole H.* A description of the villa of Horace Walpole: Youngest son of Sir Robert Walpole Earl of Orford, at Strawberry-hill, near Twickenham. With an inventory of the furniture, pictures, curiosities, &c. Strawberry-hill: Thomas Kirgate, 1774.

Литература

Браун 2016 — *Браун Е. Д.* Войны Роз: История. Мифология. Историография. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.

Браун 2021 — *Браун Е. Д.* История или политика? Уорик Создатель Королей в исторической памяти англичан // Политика истории: К 70-летию доктора исторических наук Марины Павловны Айзенштат / Отв. ред. М. С. Бобкова. М.: ИП Смирнова М. А., 2021. С. 68–83.

Carson 2018 — *Carson A.* Richard III — A small guide to the great debate. Leicester: Troubador Publishing Ltd, 2018.

Green 1878 — *Green J. R.* A short history of English people. New York: Harper & Brothers, 1878.

Grummitt 2014 — *Grummitt D.* A short history of the Wars of the Roses. London: I. B. Tauris, 2014.

Hanham 1975 — *Hanham A.* Richard III and his early historians, 1483–1535. Oxford: Clarendon Press, 1975.

Kendall 1965 — *Kendall P. M.* Richard III: The great debate. New York: W. W. Norton, 1965.

Levy 1967 — *Levy F. J.* Tudor historical thought. San Marino: Huntington Library, 1967.

Markham 1968 — *Markham C.* Richard III — his life and character. Portway-Bath: Portway Press, 1968.

Murph 1977 — *Murph R. C.* Richard III: The making of a legend. Metuchen, NJ: Scarecrow Press, 1977.

Pollard 2013 — *Pollard A. J.* The Wars of the Roses. New York: Palgrave Macmillan, 2013.

Potter 1983 — *Potter J.* Good King Richard? An account of Richard III and his reputation, 1483–1983. London: Constable y, 1983.

Stubbs 1897 — *Stubbs W.* The constitutional history of England in its origin and development: In 3 vols. Oxford: Clarendon Press, 1897.

Сокращения

BM — British Museum, London. Official website. URL: <https://www.britishmuseum.org>.

NPG — National Portrait Gallery, London. Official website. URL: <https://www.npg.org.uk>.

References

Braun, E. D. (2016). *Voyny Roz: Istoriia. Mifologiya. Istoriografiia* [Wars of the Roses: History. Mythology. Historiography]. Tsentr gumanitarnykh initsiativ. (In Russian).

Braun, E. D. (2021). Istoriia ili politika? Uorik Sozdatel' Korolei v istoricheskoi pamiati anglichan [History or politics? Warwick the Kingmaker in British historical memory]. In M. S. Bobkova (Ed.). *Politika istorii: K 70-letiiu doktora istoricheskikh nauk Mariny Pavlovny Aizenshtat* (pp. 68–83). IP Smirnova M. A. (In Russian).

Carson, A. (2018). *Richard III — A small guide to the great debate*. Troubador Publishing Ltd.

Green, J. R. (1878). *A short history of English people*. Harper & Brothers.

Grummitt, D. (2014). *A short history of the Wars of the Roses*. I. B. Tauris.

- Hanham, A. (1975). *Richard III and his early historians, 1483–1535*. Clarendon Press.
- Kendall, P. M. (1965). *Richard III: The great debate*. W. W. Norton.
- Levy, F. G. (1967). *Tudor historical thought*. Huntington Library.
- Markham, C. (1968). *Richard III — his life and character*. Portway Press.
- Murph, R.C. (1977). *Richard III: The making of a legend*. Scarecrow Press.
- Pollard, A. J. (2013). *The Wars of the Roses*. Palgrave Macmillan.
- Potter, J. (1983). *Good King Richard? An account of Richard III and his reputation, 1483–1983*. Constable.
- Stubbs, W. (1897). *The constitutional history of England in its origin and development (3 Vols.)*. Clarendon Press.

* * *

Информация об авторе

Елена Давыдовна Браун

кандидат исторических наук
доцент, кафедра всеобщей истории,
Институт общественных наук,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
✉ braun-helen@yandex.ru

Information about the author

Elena D. Braun

Cand. Sci. (History)
Associate Professor, Department of
General History, Institute of Social
Sciences, The Russian Presidential
Academy of National Economy and Public
Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospect
Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
✉ braun-helen@yandex.ru

Н. П. Таньшина

ORCID: 0000-0001-7373-592X

✉ tanshina-np@ranepa.ru

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)*

ФРАНСУА ГИЗО vs НАПОЛЕОН БОНАПАРТ: ДВА «ГЕРОЯ» НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Аннотация. Статья посвящена компаративному анализу деятельности двух французских политиков XIX в., Франсуа Гизо и Наполеона Бонапарта. На первый взгляд, Гизо — ученый-интеллектуал, либерал, убежденный пацифист, известный историк и один из непопулярных французских политиков — является полной противоположностью Наполеона Бонапарта, одного из самых противоречивых, но при этом одного из самых популярных героев французской истории: антилиберального и авторитарного правителя, полководца, пытавшего покорить огнем и мечом Европу. Однако внимательный сравнительный анализ показывает, что их многое сближало. Их судьбы неразрывно связаны с Революцией, оба они придавали огромное значение политике в области образования, оба понимали важность религиозного фактора, оба стояли у истоков единой Европы, хоть и предлагали действовать абсолютно разными способами. У обоих — очень непростая историографическая судьба. Эти важные вопросы находятся в центре внимания данной статьи.

Ключевые слова: Франсуа Гизо, Наполеон Бонапарт, компаративистика, Французская революция, Первая империя, Реставрация и Июльская монархия во Франции

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Таньшина Н. П. Франсуа Гизо vs Наполеон Бонапарт: два «героя» национальной истории // Шаги/Steps. Т. 9. № 2. 2023. С. 171–186. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-2-171-186>.

*Статья поступила в редакцию 4 декабря 2022 г.
Принято к печати 30 января 2023 г.*

N. P. Tanshina

ORCID: 0000-0001-7373-592X

✉ tanshina-np@ranepa.ru

*The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Russia, Moscow)*

FRANÇOIS GUIZOT VS NAPOLEON BONAPARTE: TWO “HEROES” OF NATIONAL HISTORY

Abstract. The article is devoted to the comparative analysis of two French politicians of the 19th century, François Guizot and Napoleon Bonaparte. At first glance, Guizot — a scholar-intellectual, a liberal, a convinced pacifist, a well-known historian and one of the most unpopular French politicians — is the complete opposite of Napoleon Bonaparte, one of the most controversial, but at the same time one of the most popular heroes of French history: an anti-liberal and authoritarian ruler, a general who tried to conquer Europe with fire and sword. However, a careful comparative analysis shows that they had a lot in common. Their destinies were inextricably linked with the Revolution, both of them attached great importance to educational policy, both understood the importance of the religious factor, and both stood at the origins of a united Europe, although they proposed to act in completely different ways. Both have had a very difficult historiographical fate. Guizot and Napoleon are also brought together by very contradictory assessments in historical science. The careers of both Napoleon and Guizot ended in a defeat. However, Guizot, a brilliant historian and pacifist, a theorist of the parliamentary regime, who tried to combine the idea of freedom with the idea of order, remained in history as an unpopular and unsuccessful minister. As for Napoleon, he triumphed even after his defeat. He may have won his most important battle, that is, the battle for historical memory. For all his ambiguity, Napoleon remains one of the main national heroes of France. These important questions are the focus of this article.

Keywords: François Guizot, Napoleon Bonaparte, comparative studies, the French Revolution, the First Empire, the Restoration and the July Monarchy in France

Acknowledgements. The article was written on the basis of the RANEPA state assignment research programme.

To cite this article: Tanshina, N. P. (2023). François Guizot vs Napoleon Bonaparte: Two “heroes” of national history. *Shagi / Steps*, 9(2), 171–186. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-2-171-186>.

*Received December 4, 2022
Accepted January 30, 2023*

Франсуа Гизо и Наполеон Бонапарт — казалось бы, абсолютные антиподы. Наполеон Бонапарт при всей своей противоречивости и неоднозначности является одним из самых популярных деятелей не только французской, но и мировой истории; по результатам опросов общественного мнения он регулярно входит в тройку национальных лидеров Франции вместе с Шарлем де Голлем и Людовиком XIV, о чем пишет в своей сравнительной биографии де Голля и Наполеона известный французский исследователь Патрис Генифе [Gueniffey 2017: 17].

Франсуа Гизо, пожалуй, является одним из самых непопулярных министров во французской истории, хотя ничего плохого для Франции он не сделал, даже наоборот. Если Наполеон вошел в историю как «спаситель нации», являя собой, говоря словами старейшины французского наполеоноведения Жана Тюлара, «архетип спасителя» [Тюлар 2012: 350], то Франсуа Гизо, прославленный историк, интеллектуал, один из главных политиков Июльской монархии (1830–1848), остался в истории как герой карикатур Оноре Домье и автор меркантильного лозунга «Обогащайтесь!», хотя в таком виде он никогда этих слов не произносил¹.

Франция при Гизо, говоря словами его современника, поэта и политика Альфонса Ламартина, откровенно «скучала», и восприятие Гизо как «скучного» политика и человека остается по сей день. Когда, например, автор этих строк в беседах с французскими коллегами сообщает, что занимается изучением деятельности Франсуа Гизо, то они в один голос говорят: «Гизо? Это же скучно, это пуританин, это аскет!» Гизо, родившийся на юге Франции, в античном Ниме, с молодых лет связавший свою жизнь с Парижем, для французов — как бы не совсем француз, а вот корсиканец Наполеон заставил французов поверить в то, что «невозможное — это не по-французски».

При Наполеоне Бонапарте французам было точно не до скуки. Наполеон — это человек действия; его лозунг — «Главное ввязаться в бой, а там посмотрим!» Гизо, несмотря на репутацию влиятельного политика и министра, занимая министерские посты в годы Июльской монархии на протяжении в общей сложности 14 лет (в 1830 г. короткое время он был министром внутренних дел, в 1832–1837 гг. с перерывами — министром народного просвещения, с 1840 по 1848 г. — министром иностранных дел, а в 1847 г. стал главой правительства), был прежде всего из тех, кого французы именуют *hommes d'esprit*, а после дела Дрейфуса и выступления Эмиля Золя стали называть «интеллектуалами» [Шарль 2005: 31–53; 291–321]. Гизо олицетворяет теорию и практику

¹ До настоящего времени остается спорным вопрос о том, когда Гизо мог произнести этот лозунг. Сам он не повествует об этом ни в своих «Мемуарах», ни в своей переписке, ни в многочисленных статьях. Во время обсуждения в Палате депутатов 1 марта 1843 г. вопроса о секретных фондах Гизо произнес речь об «истинных инновациях», к которой мог бы восходить сокращенный вариант лозунга «Обогащайтесь!». Но эти слова нельзя вырывать из общего контекста его речи: «Было время, славное время, когда нация боролась за обретение социальных и политических прав (...) Это дело совершено, права завоеваны, теперь переходим к другим. Вы хотите продвинуться вперед, вы хотите совершить то, что не успели сделать ваши отцы. Вы правы (...) В настоящее время, исходя из этих прав, создавайте свое правительство, укрепляйте свои институты, просвещайтесь, обогащайтесь, улучшайте моральные и материальные условия нашей Франции: вот истинные инновации» [Broglie 1990: 126].

французского умеренного либерализма-орлеанизма [Таньшина 2016; Матвеев 2019]; блестящий историк и оратор, он основательно обдумывал то, что собирался произносить, будь то с профессорской кафедры в Сорбонне или с парламентской трибуны. Как отмечал (в своем интервью) французский биограф Гизо Лоран Теис [Theis 2020], у Гизо был собственный метод подготовки к выступлениям: обдумывая текст, он ходил кругами в своем маленьком парижском садике.

Наполеон в массовом сознании — это прежде всего генерал Бонапарт, гений войны, хотя «гений» — больше в его собственном воображении и созданном им имидже, а также в исторической памяти. Гизо, на протяжении первых 25 лет своей жизни видевший вокруг себя лишь революцию и войну, был человеком мира, убежденным пацифистом и сторонником мирного сосуществования народов и государств [Таньшина 2015: 157–172]. Наполеон в итоге привел Францию к поражению, которое стоило ей миллионных жертв: потери среди мужского населения в 1789–1815 гг. историки оценивают в диапазоне от 860 тыс. до 1,5 млн человек [Бовыкин, Чудинов 2020: 453]. Однако, как заявил Шарль де Голль в беседе с Андре Мальро, вовсе не оправдывая Наполеона-военного, «...он оставил Францию меньшей, чем он ее нашел, это так <...> Но это как с Версалем: его надо было создавать. Нельзя торговать величием» [Malraux 1971: 102]. Пацифист Гизо стал известен как политик, стремившийся к миру якобы любой ценой, в чем его упрекали оппозиция и широкие круги общественности, жившие в плену «наполеоновской легенды», идеи былого величия и грандиозных побед Франции [Таньшина 2016: 171].

При этом если Наполеон, вошедший в историю как «отец солдат», которые его просто боготворили (о чем свидетельствуют многочисленные художественные произведения писателей и поэтов-романтиков), воспринимал этих самых солдат как пушечное мясо, то Гизо, желавший мирного разрешения возникавших конфликтов и щадивший жизни французов, стал известен как политик, который к собственному народу, французам, испытывал чуть ли не презрение. Если Наполеон был первым пиар-менеджером в истории (так об этом пишет известный французский историк и журналист Ксавье Модюи [Mauduit 2015: 11]), умело формировавшим собственный имидж, при этом он не просто умел нравиться, но сам создавал свой культ и легенду, ставшие основой его почитания [Kern 2016; Hazareesingh 2008], то Гизо, по его собственным словам, всегда выступал против заигрывания с народом, против популизма и демагогии, говоря о том, что любить народ вовсе не значит потакать и лгать ему [Guizot 1860: 54–55]. Наполеон к демагогии и лжи относился гораздо снисходительнее, однако остался в истории как великий; Гизо стремился говорить правду — и запомнился чуть ли не как предатель национальных интересов Франции.

Если Наполеон своей главной военной целью ставил разгром Великобритании, главного французского соперника, сознательно шел к этой цели, в итоге попал в плен к англичанам и остался в их памяти как враг предпочтительный уже потому, что они смогли его победить, то основой внешнеполитической концепции Гизо был курс на установление дружеских, партнерских отношений с Великобританией, на так называемое сердечное согласие — термин, введенный в оборот английским министром лордом Дж. Г.-Г. Абердином именно

в 1830–1840-е годы. Для Гизо курс на «сердечное согласие» не был самоцелью: с помощью Великобритании, опираясь на союз с ней, он стремился укрепить позиции Франции в Европе. Более того, в противовес усилению влияния Англии он пытался создать под эгидой Франции «бурбонскую лигу», которая бы объединяла средиземноморские государства [Mastellone 1957: 373–377] (собственно, в этом можно усматривать прообраз будущей блоковой политики Франции). Но оппозиция видела в этом курсе не иначе как предательство национальных интересов Франции, принесение их в жертву Англии, Гизо даже именовали «лордом Гизо» или «лордом Валь-Рише», по названию его нормандского поместья [Таньшина 2016: 170]. Следует добавить, что для Гизо английские политические порядки были всегда образцовыми, и он пытался создать их некий аналог на французской почве, но с национальным своеобразием. Однако французское общество, настроенное традиционно антианглийски, не могло одобрить такого сближения.

Французы в годы Июльской монархии жили в плену «наполеоновской легенды» величия Франции и всю вину за ее нынешнее положение, без наполеоновского блеска и величия, возлагали на Венскую систему международных отношений, якобы закрепившую униженный статус Франции (хотя после Ахенского конгресса Священного союза 1818 г. Франция стала полноправной участницей «европейского концерта» держав). Гизо же в противовес широким слоям общественности, зараженным реваншистскими настроениями, настаивал на необходимости следования принципам Венской системы, на действии в рамках «европейского концерта», полагая, что, следуя умеренному и компромиссному курсу, благодаря своему цивилизационному потенциалу Франция со временем восстановит свое лидирующее положение в Европе, по крайней мере интеллектуальное и нравственное. Говоря словами Лорана Теиса, Гизо был далек от «патриотической славы и духа завоеваний, столь дорогих сердцу французов» [Theis 2020]. Поэтому все выглядело так, что идеи и темперамент Гизо расходились с настроениями общественного мнения.

Гизо — убежденный либерал, но умеренного толка; сначала доктринер в эпоху Реставрации, потом орлеанист в годы Июльской монархии. Наполеон — антилиберал, и французские либералы начиная с Бенжамена Констана и Жермены де Сталь его ненавидели за то, что он, сын Революции, подавил свободу и на первый план поставил идею порядка. Известный французский политолог Жерар Грюнберг в работе «Наполеон Бонапарт. Черный гений» подчеркивает, что годы правления Наполеона явились эпохой небывалого национального величия Франции, достигнутого необоснованно высокой ценой. По его словам, абсолютный антилиберализм Наполеона стал тормозом на пути модернизации Франции, и эту цену страна продолжает платить по сей день. Несмотря на неоспоримые позитивные аспекты наполеоновского наследия, в целом его влияние на развитие Франции было негативным — такой вывод делает исследователь [Grunberg 2015: 226].

Однако либералу Гизо в историографии досталось не меньше, чем антилибералу Наполеону. Кризис 1848 г. привел французское общество к убеждению в порочности и нежизнеспособности либеральной философии как таковой. Тем более что Гизо был сторонником умеренного либерализма, своеобразного либерально-консервативного синтеза и весьма осторожно относился к проек-

там дальнейшего реформирования общества. Поэтому его не любят как негибкого политика, чуждого духу реформ, не сумевшего отразить потребности общества в демократизации. Он застыл в рамках цензового избирательного права и не почувствовал духа времени. Хотя, по мнению Патриса Генифе, французы не симпатизируют либеральным идеям как таковым и поэтому не любят американцев как нацию, отождествляющую торжество либеральных принципов, прежде всего экономических. Жак де Сен-Виктуар, историк идей и литературный критик, доцент университета Сорбонна-Париж-8, в своей книге «Истоки свободы. Забытая французская дискуссия (1689–1789)» рассуждает о том, откуда возникает так называемая французская модель, и исследует истоки французского антилиберализма, именуя его «французским исключением»² [Saint-Victor 2007: 7].

Тем не менее именно при либеральном режиме Июльской монархии «наполеоновская легенда» превратилась по сути в официальную идеологию, и король Луи-Филипп Орлеанский, отнюдь не симпатизировавший Наполеону, для легитимации собственной власти, рожденной на июльских баррикадах, легитимировал и антилиберала Наполеона Бонапарта. Водружение статуи Наполеона на Вандомской колонне, торжественное открытие Триумфальной арки, превращение Версаля в национальный музей Франции, открытие там Галереи Сражений и, как апофеоз культа, возвращение праха Наполеона с острова Святой Елены в Париж 15 декабря 1840 г. — все эти события приходятся на правление Луи-Филиппа. Сама церемония перезахоронения праха, хотя и задуманная восторженным поклонником Наполеона Адольфом Тьером, была осуществлена Ф. Гизо, который вел переговоры об этом, будучи в то время послом Франции в Великобритании, а с октября 1840 г. министром иностранных дел³.

По-разному Наполеон и Гизо относились к Церкви и религии. Наполеон, абсолютный рационалист и прагматик, из тактических соображений заключил в 1801 г. конкордат с папой Пием VII, понимая важное значение этого шага. Конкордат, заключенный Наполеоном, Гизо считал ярким доказательством «нравственного гения и практического здравого смысла Наполеона»: он правильно понимал «служебную» роль Церкви в государстве [Guizot 1863: 66]. Эта идея о гармоничном взаимодействии Церкви и государства была очень характерна для Гизо⁴.

² Сам термин «французское исключение» (*l'exception française*) имеет давнюю традицию и используется в отношении не только французского антилиберализма, но и Революции. Используется для характеристики культурных, исторических, политических особенностей Франции по сравнению с другими странами. См., например: [Vovelle 1994; Jourdan 2004a].

³ О церемонии «возвращения праха» см., например, работу французского историка Ж. Пуасона: [Poisson 2004].

⁴ Конечно, дело было не в «нравственном гении» Наполеона, как утверждал Гизо, а в его прагматизме. Заключив конкордат, Наполеон усилил свою популярность и получил контроль над духовенством на легальных основаниях. Принятие Наполеоном «Органических статей католического культа», усиливавших власть главы государства над Церковью, стало причиной осложнений с папской властью, следствием чего явилась булла Папы Пия VII «*Quam memorandum*» от 10 июня 1809 г., в которой понтифик выразил свой протест против принятия Органических статей.

Протестант Гизо был глубоко убежден в моральной значимости религии в обществе. Его предки восходили к протестантам Севенн и гугенотским проповедникам, сохранявшим приверженность протестантской вере после отмены Нантского эдикта в 1685 г. Как известно, гугеноты были восстановлены в правах только в 1787 г., и родители Гизо даже не могли узаконить свой брак. На протяжении всей своей жизни Гизо был привязан к Протестантской церкви, и, хотя он не был догматиком, в целом, он был самым прославленным из французских гугенотов, первым протестантом, возглавившим правительство. В его круге общения было много людей, исповедовавших протестантизм. Синодальное, т. е. выборное устройство Протестантской церкви соответствовало его политическим убеждениям, а именно принципам представительного правления. В то же время Гизо никогда не стремился навязывать обществу протестантские ценности, понимая, что в католической Франции он принадлежал к незначительному меньшинству, и это вынуждало его к осторожности. В частности, будучи министром народного просвещения, он отделил это министерство от министерства культов, чтобы его не обвинили в содействии протестантам. Более того, как историк он понимал, что именно на католической основе сформирована французская идентичность. Во второй половине XIX в., во время острой конфронтации между католиками и протестантами, он проявлял большое уважение к католическому духовенству, включая папство, и выступал в поддержку светской власти папы, спровоцировав тем самым гнев со стороны своих единомышленников. Занимаясь религиозными делами в последние годы своей жизни, он пытался поддержать либеральных католиков, например, своего близкого друга графа Ш. Монталамбера или Ж.-Б. А. Лакордера, который в 1861 г. был принят во Французскую академию [Theis 2020]. Он пытался примирить католицизм со свободой и выступал за сближение между христианскими конфессиями, даже за их слияние, видя в этом оплот против атеизма, материализма и социализма, разрушавших, по его убеждению, общество. Гизо, в отличие от Наполеона, видевший в религии, в христианстве духовную основу общества, оказался не понят соотечественниками-католиками. Его идеи о сближении католиков и протестантов воспринимались с негодованием, а самого Гизо называли «жизнелюбом».

* * *

Таким образом, Франсуа Гизо и Наполеон Бонапарт — совершенно разные политики как по своим воззрениям, так и по характеру. Однако несмотря на такое, казалось бы, несходство и даже полную противоположность, у Гизо и Наполеона есть и точки соприкосновения.

Прежде всего их сближает сложная посмертная судьба. Если в массовом сознании Наполеон — один из самых блестящих деятелей Франции, то для французских властей он зачастую — персона неpolitкорректная, несовместимая с ценностями республики, терпимости, демократии, миролюбия, поэтому власти к нему относятся очень предвзято. Да и университетские историки начали серьезно изучать Наполеона лишь относительно недавно, начиная с

прихода в Сорбонну в 1962 г. Жана Тюлара⁵. Гизо призывал к миру, стабильности и спокойной жизни, однако остался в исторической памяти как знаменитый историк, но очень непопулярный министр, догматик и протестант, не понявший нужд общества и отклонявший все проекты избирательной реформы. Только с середины 1980-х годов, начиная с работы Пьера Розанваллона «Момент Гизо» [Rosanvallon 1985], исследователи начали пересматривать отношение к его политическому и интеллектуальному наследию.

И Наполеона Бонапарта, и Гизо ожидал одинаковый финал — поражение. Ватерлоо перечеркнуло, как отмечал сам Наполеон, все его победы; февральская революция 1848 г. означала крах карьеры Гизо. Наполеон оказался на острове Святой Елены, где и умер в 1821 г., Гизо перебрался в свое нормандское поместье Валь-Рише, где прожил до своей смерти в 1874 г. Но если первый был велик и в своем поражении, а его жизнь на заброшенном острове, вдали от мира, его смирение только содействовали его славе, то второй в 1848 г. бежал из родной Франции в Великобританию под чужим именем, откуда вернулся только после прихода к власти Луи-Наполеона, и французы этого бегства ему не простили.

Кроме того, посмертная дискредитация Гизо является и следствием особенностей его биографии: он принадлежал к протестантскому меньшинству в католической стране⁶, образование получил в Женеве, куда мать увезла его с братом после казни отца; он всегда восхищался Англией. Кроме того, ему не могли простить и некоторых фактов его биографии: речь идет о «бегстве» в Гент к королю Людовику XVII в ходе «Ста дней», за что его постоянно упрекала оппозиция. В 1837 г., дважды вдовец, он начал продолжавшийся на протяжении 20 лет роман с русской подданной, княгиней Дарьей Христофоровной Ливен, сестрой А. Х. Бенкендорфа, к тому времени бывшей замужем за князем Х. А. Ливеном (он ушел из жизни в 1839 г.). Помимо чисто морального аспекта (хотя такие светские пары в то время не являлись редкостью), был и фактор политический: княгиню Ливен, как, впрочем, и всех русских дам, проживавших в Париже, считали шпионкой на службе императора Николая Павловича, при этом полагали, что она вмешивалась в управление французскими делами, и поговаривали, что во Франции существовало не министерство Сульта — Гизо, а министерство Ливен — Гизо⁷. Однако Гизо никак не защищался от этих нападок, напротив, спокойно их принимал, чем вызывал еще большее раздражение.

Гизо — интеллектуал, Наполеон — человек действия. Но они оба прекрасно понимали важность образования. Гизо — журналист, специализировавшийся на педагогических вопросах, историк, министр народного просвещения — делал ставку именно на образование и вошел в историю как первый знаменитый министр народного просвещения. Его закон от 8 июня 1833 г. и

⁵ Значительная часть трудов об императоре французов была опубликована в период между концом XIX и серединой XX в., а 21-томная «История Консульства и Империи» Адольфа Тьера, выходящая в 1845–1869 гг., является востребованной и современными исследователями. Однако во французской университетской среде отношение к изучению наследия Наполеона Бонапарта долгое время было неоднозначным и в принципе остается таковым по сей день.

⁶ О протестантах в истории Франции см.: [Cabanel 2012].

⁷ О взаимоотношениях Ф. Гизо и княгини Д. Х. Ливен см.: [Таньшина 2021].

по сей день является основой французской системы образования. Закон обязывал каждую коммуну открыть государственную начальную школу, а каждый департамент — педагогическую школу для учителей, которые с тех пор имеют во Франции статус государственных служащих. Кроме того, поскольку католическое образование, весьма востребованное у французов, сохранялось, формировавшаяся конкуренция была только на пользу общества, и менее чем за 20 лет количество школьников увеличилось более чем вдвое, хотя закон не вводил ни всеобщего, ни бесплатного начального образования. Эта сфера деятельности Гизо, как и его стремление в целом расширять знания, в том числе знание национальной истории, не оспаривается. Как отмечает Лоран Теис, будучи педагогом в молодости, Гизо хотел стать наставником для всей нации, а его статус профессора Сорбонны, а потом и академика, давал ему, как он считал, такое право [Theis 2020].

Наполеон также прекрасно осознавал роль образования для общества, и речь идет не только о Египетском походе, лозунге «мулов и ученых в центр!» и становлении египтологии. Его декретами от 10 мая 1806 г., 17 марта и 17 ноября 1808 г. был учрежден единый для всей Франции Университет, т. е. формировалась централизованная модель образования, действовавшая на всем протяжении XIX в., по крайней мере до университетских реформ 1896 г. При этом Университет Франции объединил ранее независимые университеты Франции, а также учреждения начального и среднего образования и включал в себя образование как государственное, так и частное [Козлов 2013].

Гизо признавал заслуги Наполеона в этой сфере, подчеркивая, что, создавая Университет как единую систему образования, император руководствовался «глубоким пониманием нашего общественного состояния, его историей, природой, его потребностями; он понимал, что после <...> революционных потрясений <...> для того чтобы утвердить победу средних классов и обеспечить их роль в обществе, необходимо культивировать и развивать в этом классе любовь к наукам, знаниям, стремление к интеллектуальному превосходству, в целом привычку к умственной работе, чтобы сделать их действительно достойными своего положения» [Guizot 1860: 101]. В 1832 г. Гизо восстановил Академию моральных и политических наук, упраздненную Наполеоном.

Сближало Наполеона и Гизо и то обстоятельство, что их путь в политику не был простым. Наполеон пришел во власть, когда он был уже на вершине своей военной славы, завоевав лавры военного победителя. Гизо прошел путь журналиста и публициста, прославленного профессора Сорбонны, государственного служащего, а потом оппозиционного либерала-доктринера, прежде чем стать ведущим политиком Июльской монархии.

Оба они — настоящие бойцы. Наполеон это подтверждал на протяжении всей своей жизни. Даже в изгнании он вел бой за посмертную славу и одержал блестящую победу. Но и Гизо при всей его внешней умеренности и холодности — тоже боец: «Я люблю политику, потому что люблю борьбу», — признавался он, и в этом ему помогал его дар красноречия. После принятия решений он имел смелость обеспечить их исполнение и проявлял в такого рода обстоятельствах большую душевную твердость перед лицом нападок в парламенте (иногда и физических), а в особенности в прессе [Theis 2020].

И Наполеон, и Гизо являлись сторонниками особой роли Франции в Европе, ее центрального положения в европейской системе координат. Своими фундаментальными трудами, посвященными истории цивилизации во Франции и Европе, Гизо закрепил взгляд на исключительное положение Франции на континенте. По словам французского исследователя Пьера Триомфа, автора работы «Европа Франсуа Гизо», «Гизо был одним из первых в Европе и первым во Франции, попытавшимся осмыслить это единство, опираясь на исторические факторы» [Triomphe 2002: 84].

Не столь однозначны негативные оценки европейской политики Наполеона, высказываемые современными исследователями и публицистами. Если еще несколько лет назад вспоминать о Наполеоне, покорившем Европу силой оружия, во Франции было неудобно, то в наши дни такие заголовки в СМИ, как «Наполеон — отец Европы?», пусть и с вопросительным знаком, воспринимаются не столь скептически, как и размышления Наполеона о «федералистской европейской системе». Теперь историки говорят о том, что европейские планы Наполеона были созвучны идее Римского договора⁸. Известный французский историк Пьер Бранда отмечает: «Наполеон начинает воображать судьбу Европы по Римскому договору, с общими армией, экономикой и монетным союзом, с франком, который сейчас еще используется в Швейцарии» [Branda 2019].

Безусловно, методы, которые предлагали и использовали Гизо и Наполеоном, были совершенно разными. Если Наполеон действовал огнем и мечом, объединяя, точнее, подчиняя Европу силой оружия, то Гизо, убежденный пацифист, выступал за расширение морального влияния Франции, за экспорт не идеи революции, но цивилизационных ценностей и потенциала, которые, по его убеждению, давали Франции нравственное право на европейское лидерство. Оба они, как и впоследствии Ш. де Голль, в качестве основы своей концепции рассматривали идею величия Франции, но если у Наполеона эта идея имела материальное наполнение, то у Гизо скорее духовное.

Если Наполеон Бонапарт, реалист и прагматик, в международных отношениях руководствовался правом сильного, то Гизо, призывавший к компромиссному разрешению международных проблем, постоянно подчеркивал: во внешней политике нельзя думать только о себе и делать только то, что нравится вам; надо учитывать позицию других. Собственно, идеи баланса сил, коллективного и согласованного решения возникающих международных проблем и являлись основами Венской системы, однако оппозиция упрекала Гизо именно в пренебрежении национальными интересами Франции. В этом отношении идеи Гизо не были созвучны настроениям широких кругов французской общественности, а пьянящий запах наполеоновского пороха французы продолжали вдыхать, наверное, вплоть до поражения под Седаном в годы Франко-прусской, или, как ее сейчас порой именуют, Франко-германской войны. Что еще важно, Гизо как историк прекрасно понимал: для успешного ведения внешней политики необходимо постоянно учиться, изучать историю Франции и зарубежных стран, в том числе соседних — Великобритании, Италии, Германии, поэтому языки этих стран Гизо знал хорошо, что способствовало установлению контактов, особенно когда речь шла о переговорах и беседах,

⁸ О европейской политике Наполеона см., например: [Lentz 2005].

а в разговоре он проявлял себя превосходным собеседником. Для него идея компромиссного решения возникавших проблем являлась способом избежать ошибок и высокомерия в международных отношениях.

И Гизо, и Наполеон — дети Революции. Гизо родился в 1787 г., за два года до Революции. Наполеон Бонапарт — в 1769 г., т. е. был на 18 лет старше Гизо. Наполеон стал тем, кем он стал, благодаря Революции: примкнув к якобинцам, он стал революционным генералом, а потом и завершил Революцию. У Гизо Революция отняла отца, талантливого римского адвоката, сочувствовавшего жирондистам и погибшего на гильотине. Такая же участь постигла отца его близкого друга Виктора де Бройля, зятя Жермены де Сталь; такова же была судьба Филиппа-Эгалите, отца короля Луи-Филиппа. Гизо, как и многие другие его современники, был представителем поколения, жестоко травмированного сначала якобинской диктатурой и Террором, а после авторитарным режимом Наполеона, подавляющим свободу и разжигающим войны. Если Наполеон начинал свою карьеру, примкнув к радикалам, то Гизо всегда стремился к удалению от радикализма как правого, так и левого толка и всегда стремился следовать политике «золотой середины», обрекая себя тем самым на критику и правых, и левых сил.

Гизо вступил на общественное поприще в годы Империи. В 1807 г. он начал свою карьеру журналиста и публициста, став сотрудником журнала «Публицист». В 1812 г. он дебютировал в качестве преподавателя специально созданной под него кафедры Новой истории в Сорбонне. Молодой Гизо, которого принято было считать далеким от политики, отказался в своей первой лекции произнести приветственные слова в адрес Наполеона, заявив, что не желает смешивать науку и политику, однако представляется, что это был как раз продуманный политический жест.

С установлением в 1814 г. режима Реставрации Гизо всецело оказался на стороне монархии Бурбонов. Он стал одним из лидеров либеральной группы доктринеров, выступавших за примирение старой и новой Франции. Для постреволюционного общества, уставшего от Революции, было важно найти правильную точку зрения на революционные перемены и ответить на главный вопрос: что же произошло с французами за истекшие четверть века и как после стольких потрясений создать во Франции стабильное правительство, которое отвечало бы запросам общества и было способно гарантировать свободу внутри страны и мир на внешнеполитической арене? Собственно, таковыми и были главные вопросы для Гизо-профессора, когда он в 1820-е годы читал свои знаменитые лекции по истории цивилизации во Франции и Европе. Эти же вопросы были приоритетными для Гизо, либерала-доктринера в годы Реставрации, а потом и Гизо-депутата и Гизо — министра Июльской монархии. Об этих же проблемах он размышлял уже после крушения своей политической карьеры, прежде всего на страницах своих мемуаров и в целом ряде публицистических произведений.

Революция для Гизо — это отнюдь не прошлое, она неразрывно связана с настоящим и будущим Франции, не случайно он писал, что Революция — это «дочь прошлого и мать будущего» [Guizot 1863: 54]. Для него Наполеон Бонапарт был неразрывно связан с эпохой Революции, поэтому он датирует

ее завершение 1815 годом, т. е. падением Первой империи⁹. Более того, для Гизо правление Наполеона — это кульминация Революции, ее апогей. Именно Наполеон сумел покончить с революционным хаосом и анархией и направить Революцию в нужное русло. Именно он, по мнению Гизо, совершил то, к чему тщетно зывала Франция при якобинском терроре: произошла «реакция революции против самой себя», т. е. «консолидация важнейших завоеваний революции с отказом от некоторых ее самых законных чаяний и самых возвышенных надежд» [Ibid.: 56].

Как известно, без Наполеона не было бы писателей и поэтов романтического направления, не случайно Наполеон — их излюбленный герой, и сейчас уже невозможно отделить Наполеона — реального исторического деятеля от Наполеона — героя романтической литературы. Гизо — мыслитель и историк эпохи романтизма, однако в том, что касается вопроса о роли личности в истории, он не вполне разделял подход романтиков, а роль личности ему казалась второстепенной. В этом заключается еще одна причина, по которой Гизо не был понят соотечественниками: человек Провидения — это обязательный персонаж эпохи романтизма. Однако он все-таки делал исключения для двух великих людей. Первый — Джордж Вашингтон, о котором Гизо написал очерк, переведенный в конце XIX столетия на русский язык [Гизо 1863]. Вторым — Наполеон Бонапарт: как бог из машины, он появился в нужное время и в нужном месте, став спасителем Франции. По словам Гизо, в драматичный момент Революции на авансцену «явился Бонапарт, чтобы скоро стать Наполеоном <...> В кризисные моменты своей истории народы не могут обойтись без великого человека <...> Когда он пришел <...> Франция признала в нем того, кого она ждала. Он шел вперед, она следовала за ним» [Guizot 1863: 56–57]. Гизо, как и король Луи-Филипп, интегрировал Наполеона в пантеон национальных героев, спасителей Франции. Отметим, когда шли дискуссии о том, где именно обретет последний покой прах Наполеона, среди прочих мест предлагали и Пантеон [Jourdan 2004b: 78].

Наполеон для Гизо — прежде всего государственный, администратор и управленец, и именно в этой сфере Гизо видит его главные заслуги. Представляется, что либерал-Гизо сумел примирить Францию с антилибералом-Наполеоном. Особенно важно, что современные французские наполеоноведы, например Жан Тюлар, Тьерри Ленц, Пьер Бранда, придерживаются аналогичного взгляда на Наполеона, воспринимая его как крупного государственного деятеля, создателя современной Франции и ее институтов¹⁰. Исследователи же политической истории Франции, такие как Рене Ремон, Пьер Розанваллон, Габриэль де Бройль, с именами которых связан пересмотр взгляда на Июльскую монархию, подчеркивали, что современные политические институты Франции своими корнями уходят не только в эпоху Революции, но и в Июльскую монархию, когда многие принципы, сформулированные в конце XVIII в.,

⁹ В современной историографии, и отечественной и французской, хронологические рамки Французской революции определяются 1789–1799 годами. Однако, как и Ф. Гизо, современные французские исследователи, например Т. Ленц и П. Бранда, считают период Консульства и Империи кульминацией Революции, тем самым интегрируя наполеоновский период в эпоху Революции.

¹⁰ См. об этом, например: [Lentz 2015; Chevallier 2018].

были закреплены на практике [Rémond 1965: 319; Rosanvallon 1985: 29]. Можно сделать вывод о том, что и Наполеон, и Гизо стояли у истоков современной политической культуры Франции. Весьма символично, что неоднократно упоминавшийся в этой статье историк Лоран Теис, биограф Гизо, является руководителем отдела стипендий и премий Фонда Наполеона, возглавляемого Тьерри Ленцем.

Гизо и Наполеона сближают не только достижения, но и ошибки. Гизо, рассуждая о причинах падения Наполеона, в своих работах, написанных уже после отставки, отмечал, что политика Наполеона Бонапарта перестала отвечать запросам нации, он прекратил адекватно реагировать на потребности общества. Собственно, такова была и главная ошибка либералов-орлеанистов и самого Гизо — упорный отказ от избирательной реформы привел к сокращению социальной базы в рамках так называемой *pays legal*, т. е. французов, обладавших избирательными правами. И хотя за годы Июльской монархии, после принятия избирательного закона 1831 г. количество избирателей существенно выросло, о чем писал в свое время Рене Ремон [Rémond 1965: 303], этого было явно недостаточно. Гизо так и не понял, что представительное правление не может быть сведено только к правлению *des esprits*, т. е. просвещенных элит. Он оказался герметично закрыт в своем романтизме и, отказавшись от реформ, от движения, привел Францию к состоянию стагнации и застоя. Он не смог почувствовать прихода новой эпохи, не дал выхода народной страсти, и в итоге народ смёл этот режим в 1848 г., причем режим особо и не сопротивлялся.

Финалом карьеры и у Наполеона, и у Гизо было поражение. Но если Гизо, блестящий историк, теоретик парламентского режима, пытавшийся соединить идею свободы с идеей порядка, пацифист, остался в истории как непопулярный, неудачливый и скучный министр, то Наполеон Бонапарт даже в своем поражении выиграл, может быть, самую главную для него битву — битву за историческую память — и при всей своей неоднозначности остается одним из главных национальных героев Франции.

Источники

- Гизо 1863 — Исторический очерк жизни Вашингтона: С фр. / Соч. [Ф.] Гизо; Ред. Я. Ивановского. СПб.: Тип. В. Безобразова и К^о, 1863.
- Guizot 1860 — *Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps*. Т. 3. Paris: Michel Lévy frères, 1869.
- Guizot 1863 — *Guizot F. Trois générations. 1789–1814–1848*. Paris: Michel Lévy frères, 1863.

Литература

- Бовыкин, Чудинов 2020 — Бовыкин Д. Ю., Чудинов А. В. Французская революция. М.: Альпина нон-фикшн; ПостНаука, 2020.
- Козлов 2013 — Козлов С. Эволюция французской образовательной модели в XIX веке // Отечественные записки. 2013. № 4. С. 60–84.
- Матвеев 2019 — Матвеев С. Р. Свобода и порядок: либеральный консерватизм Франсуа Гизо. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.
- Таньшина 2015 — Таньшина Н. П. Пацифистская идея в постнаполеоновской Европе: Франсуа Гизо и Жан-Жак де Селлон // Новая и новейшая история. 2015. № 4. С. 157–172.

- Таньшина 2016 — *Таньшина Н. П.* Франсуа Гизо: Политическая биография. М.: МПГУ, 2016.
- Таньшина 2021 — *Таньшина Н. П.* Княгиня Ливен. Нетитулованная королева европейской дипломатии. СПб.: Евразия, 2021.
- Тюлар 2012 — *Тюлар Ж.* Наполеон, или Миф о «спасителе» / Пер. с фр. М.: Мол. гвардия, 2012.
- Шарль 2005 — *Шарль К.* Интеллектуалы во Франции: вторая половина XIX века / Пер. с фр. Г. Галкина и др. М.: Нов. изд-во, 2005.
- Branda 2019 — *Branda P.* Napoléon, la naissance d'un mythe // La Nouvelle republique. 2019. 11 août. URL: <https://www.lanouvellerepublique.fr/a-la-une/napoleon-la-naissance-d-un-mythe>.
- Brogie 1990 — *Brogie G. de.* Guizot. Paris: Perrin, 1990.
- Cabanel 2012 — *Cabanel P.* Histoire des protestants en France (XVIe–XXIe siècle). Paris: Fayard, 2012.
- Chevallier 2018 — *Chevallier A.* Napoléon sans Bonaparte. Paris: Les éditions du Cerf, 2018.
- Grunberg 2015 — *Grunberg G.* Napoléon Bonaparte. Le noir génie. Paris: CNRS Editions, 2015.
- Gueniffey 2017 — *Gueniffey P.* Napoléon et de Gaulle. Deux héros français. Paris: Perrin, 2017.
- Hazareesingh 2008 — *Hazareesingh S.* La légende de Napoléon. Paris: Tallandier, 2008.
- Jourdan 2004a — *Jourdan A.* La Révolution, une exception française? Paris: Flammarion, 2004.
- Jourdan 2004b — *Jourdan A.* Mythes et légendes de Napoleon. Un destin d'exception, entre rêve et réalité. Toulouse: Privat, 2004.
- Kern 2016 — *Kern E.* Napoléon. Deux cents ans de légende. Histoire de la mémoire du Premier Empire. Paris: SOTECA, 2016.
- Lentz 2005 — Napoléon et l'Europe: regards sur une politique: actes du colloque organisé par la direction des Archives du ministère des Affaires étrangères et la Fondation Napoléon, 18 et 19 novembre 2004 / Sous la dir. de T. Lentz. Paris: Fayard, 2005.
- Lentz 2015 — *Lentz T.* Napoléon et la France. Paris: Vendémiaire Editions, 2015.
- Malraux 1971 — *Malraux A.* Les chênes qu'on abat. Paris: Gallimard, 1971.
- Mastellone 1957 — *Mastellone S.* La politique étrangère de Guizot // Revue d'histoire diplomatique. 1957. № 4. P. 373–377.
- Mauduit 2015 — *Mauduit X.* L'Homme qui voulait tout: Napoléon, faste et propagande. Paris: Autrement, 2015.
- Poisson 2004 — *Poisson G.* L'aventure du retour des cendres. Paris: Tallandier, 2004.
- Rémond 1965 — *Rémond R.* La vie politique en France depuis 1789. T. 1. 1789–1848. Paris: Colin, 1965.
- Rosanvallon 1985 — *Rosanvallon P.* Le moment Guizot. Paris: Gallimard, 1985.
- Saint-Victoir 2007 — *Saint-Victoir J. de.* Les racines de la liberté. Le débat français oublié, 1689–1789. Paris: Perrin, 2007.
- Theis 2020 — Entretien avec Laurent Theis: François Guizot, un libéral entre deux empires / Propos recueillis par M. de Bruchard // Napoleon.org. 2020. URL: <https://www.napoleon.org/magazine/interviews/entretien-avec-laurent-theis-francois-guizot-un-liberal-entre-deux-empires/?fbclid=IwAR0HBn5GhFBtUxVV2Z2nmeCnWHvLzgzcyh4LkMla12-BTE1ND-0nx1sGwDnc>.
- Triomphe 2002 — *Triomphe P.* L'Europe de François Guizot. Paris: Privat, 2002.
- Vovelle 1994 — Révolution et République. L'exception française: actes du colloque de Paris I, Sorbonne 21–26 septembre 1992 / Sous la dir. de M. Vovelle. Paris: Éd. Kimé, 1994.

References

- Bovykin, D. Iu., & Chudinov, A. V. (2020). *Frantsuzskaia revoliutsiia* [The French Revolution]. Al'pina non-fikshn; PostNauka. (In Russian).
- Branda, P. (2019, August 11). Napoléon, la naissance d'un mythe. *La Nouvelle republique*. <https://www.lanouvellerepublique.fr/a-la-une/napoleon-la-naissance-d-un-mythe>. (In French).
- Broglie, G. de. (1990). *Guizot*. Perrin. (In French).
- Cabanel, P. (2012). *Histoire des protestants en France (XVIe–XXIe siècle)*. Fayard. (In French).
- Chevallier, A. (2018). *Napoléon sans Bonaparte*. Les éditions du Cerf. (In French).
- Grunberg, G. (2015). *Napoléon Bonaparte. Le noir génie*. CNRS Editions. (In French).
- Gueniffey, P. (2017). *Napoléon et de Gaulle. Deux héros français*. Perrin. (In French).
- Hazareesingh, S. (2008). *La légende de Napoléon*. Tallandier. (In French).
- Jourdan, A. (2004a). *La Révolution, une exception française?* Flammarion. (In French).
- Jourdan, A. (2004b). *Mythes et légendes de Napoleon. Un destin d'exception, entre rêve et réalité*. Privat. (In French).
- Kern, E. (2016). *Napoléon. Deux cents ans de légende. Histoire de la mémoire du Premier Empire*. SOTECA. (In French).
- Kozlov, S. (2013). Evoliutsiia frantsuzskoi obrazovatel'noi modeli v XIX veke [Evolution of the French educational model in the 19th century]. *Otechestvennye zapiski*, 2013(4), 60–84. (In Russian).
- Lentz, T. (Ed.). (2005). *Napoléon et l'Europe: regards sur une politique: actes du colloque organisé par la direction des Archives du ministère des Affaires étrangères et la Fondation Napoléon, 18 et 19 novembre 2004*. Fayard. (In French).
- Lentz, T. (2015). *Napoléon et la France*. Vendémiaire Editions. (In French).
- Malraux, A. (1971). *Les chènes qu'on abat*. Gallimard. (In French).
- Mastellone, S. (1957). La politique étrangère de Guizot. *Revue d'histoire diplomatique* 1957(4), 373–377. (In French).
- Matveev, S. R. (2019). *Svoboda i poriadok: liberal'nyi konservatizm Fransua Gizo* [Freedom and order: The liberal conservatism of François Guizot]. Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki. (In Russian).
- Mauduit, X. (2015). *L'Homme qui voulait tout: Napoléon, faste et propagande*. Autrement. (In French).
- Poisson, G. (2004). *L'aventure du retour des cendres*. Tallandier. (In French).
- Rémond, R. (1965). *La vie politique en France depuis 1789. Vol. 1. 1789–1848*. Colin. (In French).
- Rosanvallon, P. (1985). *Le moment Guizot*. Gallimard. (In French).
- Saint-Victoir, J. de. (2007). *Les racines de la liberté. Le débat français oublié, 1689–1789*. Perrin. (In French).
- Sharl', K. [= Charle, Ch.] (2005). *Intellektualy vo Frantsii: vtoraiia polovina XIX veka* [Intellectuals in France: Second half of the 19th century]. Novoe izdatel'stvo. (In Russian).
- Tanshina, N. P. (2015). Patsifistskaia ideia v postnapoleonovskoi Evrope: Fransua Gizo i Zhan-Zhak de Sellon [The pacifist idea in post-Napoleonic Europe: François Guizot and Jean-Jacques de Sellon]. *Novaia i noveishaia istoriia*, 2015(4), 157–172. (In Russian).
- Tanshina, N. P. (2016). *Fransua Gizo: Politicheskaiia biografiia* [François Guizot: Political biography]. MPGU. (In Russian).
- Tanshina, N. P. (2021). *Kniaginia Liven. Netitulovannaia koroleva evropeiskoi diplomatii* [Princess Lieven. Untitled queen of European diplomacy]. Evraziia. (In Russian).

[Theis, L.] (2020). Entretien avec Laurent Theis: François Guizot, un libéral entre deux empires (M. de Bruchard, Interviewer). *Napoleon.com*. <https://www.napoleon.org/magazine/entrevues/entretien-avec-laurent-theis-francois-guizot-un-liberal-entre-deux-empires/?fbclid=IwAR0HBn5GhFBtUxVV2Z2nmeCnWHvLzgzcyh4LkMIa12-BTE1ND0nx1sGwDnc>. (In French).

Triomphe, P. (2002). *L'Europe de François Guizot*. Privat. (In French).

Tulare, J. (1978). *Napoléon: ou, le mythe du sauveur*. Fayard. (In French).

Vovelle, M. (Ed.) (1994). *Révolution et République. L'exception française: actes du colloque de Paris I, Sorbonne 21–26 septembre 1992*. Éd. Kimé, 1994. (In French).

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Наталья Петровна Таньшина

доктор исторических наук
Институт общественных наук,
профессор, кафедра всеобщей истории,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, д. 82
Тел.: +7 (499) 956-99-99
✉ tanshina-np@ranepa.ru

Nataliya P. Tanshina

Dr. Sci. (History)
Professor, Department of General History,
Institute of Social Sciences, The Russian
Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-99-99
✉ tanshina-np@ranepa.ru

О. В. Ауров^{ab}

ORCID: 0000-0002-0755-9902

✉ olegaurov1@yandex.ru

^a Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва)

^b Российский государственный гуманитарный университет
(Россия, Москва)

АЛЕКСАНДР РАФАИЛОВИЧ КОРСУНСКИЙ: ФРОНТОВОЙ ОПЫТ ИСТОРИКА-МЕДИЕВИСТА

Аннотация. Статья посвящена влиянию фронтового опыта на профессиональную деятельность историка-медиевиста на примере биографии А. Р. Корсунского (1914–1980). В основе исследования — источники из фондов ЦАМО и Архива кафедры истории Средних веков исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Подобно военным биографиям таких выдающихся медиевистов, как Эрнст Канторович и Марк Блок, боевой путь Корсунского оказал непосредственное влияние на его творчество. Успевший на фронт в июле 1941 г., сразу после защиты кандидатской диссертации, он участвовал в битвах на Курской дуге, форсировании Днепра и Корсунь-Шевченковской наступательной операции. Большое влияние на его взгляды оказал опыт службы в качестве офицера-пропагандиста, а позднее — офицера политотдела 1-й гвардейской армии. Следствием военного опыта стали укрепление и углубление марксистских убеждений Корсунского, несмотря на критическое отношение к отдельным сторонам советской действительности. Поддерживая тесные связи с зарубежными коллегами, воспринимая свою работу как часть мировой науки, Корсунский вместе с тем, подобно многим другим бывшим фронтовикам, оставался верен марксистским убеждениям до конца жизни.

Ключевые слова: военный опыт, история исторической науки, медиевистика, медиевализм, А. Р. Корсунский, Э. Канторович, М. Блок, историк и общество

Для цитирования: Ауров О. В. Александр Рафаилович Корсунский: фронтовой опыт историка-медиевиста // Шаги/Steps. Т. 9. № 2. 2023. С. 187–212. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-2-187-212>.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-326).

Статья поступила в редакцию 4 декабря 2022 г.
Принято к печати 10 января 2023 г.

O. V. Aurov^{ab}

ORCID: 0000-0002-0755-9902

✉ olegaurov1@yandex.ru

^a *The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration (Russia, Moscow)*

^b *Russian State University for the Humanities (Russia, Moscow)*

ALEXANDER R. KORSUNSKY: THE COMBAT EXPERIENCE OF A MEDIEVALIST

Abstract. The article considers the problem how combat experience influenced professional activity in the sphere of medieval studies, based on the case of A. R. Korsunsky (1914–1980). The study draws on documents from the Central Archives of the Ministry of Defense (Moscow) and from the Archive of the Medieval Studies Department of the Faculty of History, Moscow State University. The influence of Korsunsky's combat experience is studied in the context of some clear parallels with the combat biographies of Ernst Kantorowicz and Marc Bloch. Some important tendencies of their scholarly activity can be explained only by this factor. Korsunsky became a volunteer in July, 1941, at the beginning of the Great Patriotic War. He participated in the battles of Kursk (1943), of Dnieper River (1943) and the Korsun-Shevchenkovsky offensive (1944). At the same time, his scholarly views were greatly influenced by his experience as a propaganda officer and as an officer of the Political Department of the 1st Guards Army Staff (since 1944). The main result of this experience (both combat and that as staff officer) was to strengthen and consolidate his Marxist vision of historical processes, in spite of his critical attitude towards some aspects of Soviet life. While Korsunsky maintained close links with foreign colleagues and saw his work as part of world scholarship, he, like many other former veterans, remained true to Marxist views to the end of his life.

Keywords: combat experience, historiography of historical scholarship, medieval studies, medievalism, Alexander Korsunsky, Ernst Kantorowicz, Marc Bloch, the historian and society

Acknowledgements. The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-326).

To cite this article: Aurov, O. V. (2023). Alexander R. Korsunsky: The combat experience of a medievalist. *Shagi / Steps*, 9(2), 187–212. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-2-187-212>.

Received December 4, 2022

Accepted January 10, 2023

1. Вступительные замечания: А. Р. Корсунский, Э. Канторович, М. Блок

Предмет этой статьи — размышления о роли военного опыта в профессиональном становлении историка-медиевиста. Я попытаюсь осмыслить эту роль на примере жизненного пути известного советского ученого Александра Рафаиловича Корсунского (1914–1980; далее — А. Р.), труды которого не только по медиевистике, но и в области антиковедения, на мой взгляд, до сих пор не получили должной оценки.

Известный в среде антиковедов, прежде всего своей развернутой и аргументированной критикой концепции «революции рабов» (после чего упоминания о ней окончательно исчезли из учебной и научной литературы), он внес не менее существенный вклад в изучение целого ряда других проблем истории поздней античности, раннего и частично Высокого Средневековья. В их числе социально-экономический строй Поздней Римской империи, отказ от тех элементов германских представлений (которые утвердились в советской медиевистике главным образом через посредство трудов Ф. Энгельса), ключевые проблемы истории вестготской Испании (ранее практически не изучавшейся в Советском Союзе), ряд сюжетов испанской истории VIII–XIII вв. и некоторые другие ([Москаленко 1980; Варьяш 1982; 1991; Мильская, Варьяш 1983; Мильская 2000] и др.). Кроме того, по существу именно А. Р. стал создателем национальной школы историков-испанистов, продолжив традицию основоположника отечественной испанистики Владимира Константиновича Пискорского (1867–1910), в свою очередь являвшегося учителем Николая Павловича Грацианского (1886–1945), наставника А. Р. и руководителя его кандидатской диссертации. Именно с испанистикой он прежде всего связывал сферу своих научных интересов, хотя в числе его учеников было немало специалистов, не занимавшихся испанской историей, а посвятивших себя иным проблемам раннего Средневековья [Филиппов 2023].

Что же касается военного опыта А. Р., то он до сих пор остается неизученным сюжетом его биографии. Важность этого периода в жизни А. Р. очевидна: на фронт ушел в относительно молодом возрасте; в июле 1941 г., когда А. Р. попал в действующую армию, ему было 27 лет, а день Победы он встретил в возрасте 31 года. Вместе с тем Корсунского никак нельзя сравнивать с представителями «поколения двадцатилетних лейтенантов», шагнувших на фронт прямо со школьной скамьи и сложившихся как личности главным образом (если не исключительно) в военные годы. К июлю 1941 г. А. Р. успел определиться в профессии, получить опыт преподавания, защитить кандидатскую диссертацию под руководством Н. П. Грацианского, т. е. являлся уже вполне сложившимся молодым исследователем. Мог ли военный опыт добавить что-либо к почерку уже сформировавшегося историка-профессионала? Ответ на этот вопрос вовсе не кажется очевидным и явно требует специального исследования.

В более широком плане изначально неясно, можно ли говорить о влиянии фронтового опыта на ученых-медиевистов, посвятивших себя тематике, внешне хронологически и содержательно удаленной от жизненной повседневности, являющейся частью мира кабинетных ученых, жрецов высокой науки,

труды лучших из которых столь же изысканны по форме и содержанию, как и несоотносимы с болью и страданиями современного мира. Эта точка зрения распространена весьма широко, и без большого труда можно назвать десятки имен видных и признанных представителей нашей дисциплины, чьи творческие биографии отвечают нарисованному образу жреца высокой науки. Говоря словами Й. Хёйзинги, произнесенными в 1915 г., тот не должен уподобляться «Демосфену, который старается перекричать бурю»¹. Представляется, однако, что это восприятие средневековья является односторонним, поскольку существуют и совершенно противоположные примеры. В частности, это видно в случае двух выдающихся средневековедов, труды которых во-многом определили развитие их дисциплины в XX столетии.

Первый среди них — Эрнст Канторович (1895–1963), ушедший добровольцем на фронт в августе 1914 г. в возрасте 19 лет и сознательно посвятивший свою молодую жизнь Германии. Он пережил знаменитую «верденскую мясорубку», затем служил на Русском фронте и в Турции, был неоднократно ранен и к ноябрю 1918 г. являлся унтер-офицером артиллерии, удостоенным Железного креста 2-й степени (1915 г.) [Lerner 2017: 23–40]. Молодой человек из обеспеченной семьи, который предпочел спокойную и сытую жизнь сына предпринимателя из Позена (будущей Познани) суровой участи солдата Позенского артиллерийского полка, писал в августе 1914 г.: «Война это истинное величие, и люди ныне велики как никогда», и далее: «Я отдаюсь реалиям этой войны всем своим существом (...); мое бытие связано с Германией так же, как дыхание жизни связано с телом, из которого оно исходит (...) Я не спрашиваю, насколько справедлива эта война, я знаю лишь, что она идет» [Ibid.: 23–24].

В зависимости от политических пристрастий эти представления молодого Канторовича могут быть названы «немецким патриотизмом» или «прусским милитаризмом» (тем более, что после войны он еще успел повоевать в родном Позене против польских военных дружин, в конечном итоге поддержанных победителями). Но их глубина не вызывает сомнения. Более того, за годы войны — вопреки образу «потерянного поколения», утвердившегося с легкой руки Э. М. Ремарка, — фронтовой опыт Э. Канторовича не только не привел к эрозии этих идей и ценностей, но и значительно их укрепил, причем боль переживаний от поражения Германии, кажется, лишь увеличила их значимость.

Генезис Канторовича-средневековедиста нельзя понять без учета этого фактора. Путь от представлений Канторовича-солдата к Канторовичу — создателю блестящего патриотического мифа об императоре Фридрихе II (1927) вполне ясен и внутренне логичен [Канторович 2022]. Иначе под его пером король Сицилии *Federico Ruggero Costantino di Hohenstaufen*, итальянец по рождению, воспитанию и мировоззрению, весьма опосредованно связанный с Гер-

¹ «Отправляясь сюда, вы, вероятно, полагали, что для человека, намеревающегося в нынешней обстановке изложить свой взгляд на мировую историю, существует лишь один предмет — исторические предпосылки мировой войны. В таком случае мне предстоит вас разочаровать, ибо речь у нас пойдет о другом. Если я в конечном счете все же разбужу тот ураганный ветер, который война порождает в ваших умах, произойдет это вопреки моему желанию. Историк не должен уподобляться Демосфену, который старался перекричать бурю: у него иные задачи» [Хёйзинга 1992: 91]. Вопрос о том, в какой мере этот идеал удалось воплотить в своей жизни самому Й. Хёйзинге, в 1942 г. уволенному нацистами из Лейденского университета, остается открытым.

маний, ставший императором Священной Римской империи в силу сложившихся обстоятельств, не мог бы превратиться в воплощение германского духа и жесткого (хотя и просвещенного) политика того типа, о котором грезили немецкие правые 1920-х годов [Бойцов 2014: 15–19]. Более того, в широком смысле именно военный опыт в конечном итоге и сделал Э. Канторовича медиевистом, привел к той специализации в рамках исторической профессии, заниматься которой будущий историк изначально не собирался, но на которую обратил внимание именно в период работы над биографией Фридриха II.

Несколько по-иному, но столь же глубоко фронтовой опыт отразился на научных занятиях другого знаменитого медиевиста — Марка Блока (1886–1944), который в годы Первой мировой прошел путь от сержанта до капитана пехоты и стал кавалером Военного креста. Более того, в 1939 г., несмотря на возраст и вовсе не богатырское здоровье, «самый старый капитан французской армии» вновь поступил на службу, чтобы принять участие в новой мировой войне. После поражения Франции в июне 1940 г. М. Блок стал участником Сопrotивления и погиб как солдат в июне 1944 г. При этом очевидный для исследователей патриотизм М. Блока [Fink 1992]² имел совсем иную природу, чем патриотизм Э. Канторовича, находившегося по другую сторону фронта. В противовес романтизму последнего, у его французского визави внешним выражением патриотических убеждений стали напряженные раздумья о судьбах родины, особенно на фоне «странного поражения» июня 1940 г.

На фронте французский медиевист впервые оказался в возрасте 28 лет, молодым, но уже сложившимся ученым, с опытом стажировок в Берлине и Лейпциге в качестве стипендиата Фонда Тьера, с преподавательским стажем. При этом основная часть профессиональной карьеры М. Блока — университетское преподавание, главные труды, основание журнала «Анналы» и руководство им (совместно с Л. Февром) — пришлось на послевоенные (межвоенные) годы. Вместе с тем эти годы стали и временем напряженного осмысления французским историком своего военного опыта. Об этом свидетельствует уже первая статья, посвященная феномену распространения слухов в военное время [Bloch 1921]. Она зафиксировала проблему, разработка которой позднее привела к появлению книги «Короли-чудотворцы» (1924). В этот же ряд следует поставить и размышления, ставшие частью фронтовых воспоминаний о событиях 1914–1918 гг. [Bloch 1969]. И конечно, как уже говорилось выше, объектом рефлексии ученого стали причины и возможные следствия поражения Франции в июне 1940 г. Тексты о «странном поражении» составили книгу, вышедшую в свет после гибели их автора [Блок 1999].

Суммируя выводы о прямом влиянии военного опыта М. Блока на его концептуальные представления, Ж. Ле Гофф (обративший внимание на этот факт вслед за К. Гинзбургом) отмечал: «Война позволила Марку Блоку увидеть, как современное общество превращается в общество почти средневековое, возвращается назад к ментальности “варварской и иррациональной”». И далее: «Военный опыт утвердил Марка Блока в мысли, что если “незнание прошлого неминуемо ведет к непониманию настоящего”, то не менее верно и другое <...>: “понимать прошлое следует при помощи настоящего”. Отсюда значение,

² При этом французский патриотизм М. Блока вовсе не противоречил глубине его самосознания как еврея [Блок 1999: 267–268].

которое он придавал “регрессивному (ретроспективному. — О. А.) методу”» [Ле Гофф 1998: 17–19].

Приведенные выше соображения о значимости фронтового опыта для историков-медиевистов и о его несомненной уникальности, неповторимости и (вне зависимости от этого) большой важности для понимания истоков концептуальных представлений очень разных ученых, столкнувшихся с войной как состоянием общества и фактом личной биографии, позволяют осознать глубокую значимость этой проблемы. В этом контексте обращение к изучению роли фронтового опыта в жизни и научном творчестве еще одного медиевиста-фронтовика — А. Р. Корсунского — кажется вполне обоснованным.

Выходец из небогатой еврейской семьи, сын бухгалтера из Екатеринослава, еще во времена его детства ставшего Днепропетровском (1926), А. Р. начал трудовой путь мелким служащим, а в 1934 г., приехав в Москву, поступил в МГПУ (бывший 2-й МГУ), который вскоре, в 1938 г., получил имя В. И. Ленина. Там же поступил в аспирантуру и летом 1941 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию³. Эта советская история успеха уже сама по себе наглядно объясняет глубокую и искреннюю лояльность А. Р. советской власти, которой он был обязан едва ли не всей своей карьерой. К июню 1941 г. А. Р. успел получить и педагогический опыт: его привлекли к работе на заочных отделениях Московского и Чувашского педагогических институтов, где он вел занятия по всеобщей истории⁴. Впереди была успешная (в том числе и материальная, по меркам советской жизни 1930-х годов) научная и преподавательская карьера. Но эту перспективу жестоко нарушила начавшаяся война. В этих условиях решение А. Р., молодого кандидата наук, пойти добровольцем в Красную армию уже в июле 1941 г.⁵ представляется вполне естественным и логичным. Летом 1941 г. таких людей были десятки тысяч, а перед дверями военкоматов выстраивались длинные очереди.

Тем не менее далеко не все из них сохранили это настроение в дальнейшем. Страшные поражения и отступления 1941–1942 гг., прямо противоречившие позитивной картине, распространявшейся довоенной советской пропагандой, породили психологические потрясения, которые смог преодолеть далеко не каждый. Не каждый же сумел удержаться и в выборе между достойной смертью и жизнью, купленной ценой позора и унижений. Сохранил ли (или даже упрочил) свои довоенные убеждения А. Р. Корсунский? Краткое описание им своего фронтового пути, данное в написанной его рукой автобиографии (1979 г.), выглядит весьма лапидарно и не дает ответа на этот вопрос:

В 1941 г. закончил аспирантуру и защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. В июле 1941 г.

³ Архив. Ф. III. Оп. 1. Д. 83. Л. 19.

⁴ Личный листок по учёту руководящих кадров (Архив. Ф. III. Оп. 1. Д. 83. Л. 43).

⁵ О том, что А. Р. пошел в Красную армию добровольцем, мне известно из воспоминаний его племянника А. П. Марголиуса [б. д.]. Тем не менее (по меньшей мере в случае данных об А. Р. Корсунском) эти мемуары, по моим наблюдениям, не всегда отличаются точностью и нуждаются в дополнительной проверке. Сам А. Р. не упоминал о том, что оказался в армии не по призыву, а добровольно, хотя по косвенным данным (время поступления на военную службу, наличие ученой степени, статус вузовского преподавателя) этот вариант выглядит вполне возможным.

вступил в ряды Красной Армии. После окончания краткосрочного курса обучения в Горьковском артиллерийском училище уехал на фронт, где был сначала командиром взвода, а затем офицером связи в 1288 армейском [зенитно-]артиллерийском полку на Брянском и Воронежском фронтах. В 1942 г. до окончания войны служил в начале ст[аршим] инструктором по работе среди войск противника в 240 стрелковой дивизии, а затем инструктором 7 отдела Политотдела 1 Гвардейской армии на Воронежском, 2-м Украинском и 4-м Украинском фронтах. В мае 1943 г. стал членом КПСС. С октября 1945 г. до конца 1949 г. работал в Берлине в Управлении информации Советской военной администрации в Германии в качестве ст. референта⁶.

Вполне объяснимый формальный характер сообщения (автобиография писалась для выездного дела, оформлявшегося в связи с выездом в научную командировку в ГДР в октябре 1979 г.) не позволяет конкретизировать фронтовой путь А. Р. Корсунского. Возникает ощущение, что речь идет исключительно о штабной службе, не связанной с непосредственной опасностью для жизни. Безусловно, вопреки легковесным представлениям о войне, служба в штабе далеко не у всех была синекурой. Опасность присутствовала всегда, даже относительно далеко от линии фронта. И тем не менее.

Отмечу, что, если не ограничиваться одной лишь автобиографией и существенно расширить круг источников, образ Корсунского-фронтовика приобретает совершенно иное измерение. Что и будет показано ниже.

2. Основные источники

Главные документы, отражающие фронтовую биографию А. Р. Корсунского, содержатся в его личном деле офицера в фондах Центрального архива Министерства обороны РФ (ЦАМО) и в настоящее время для меня недоступны. Однако часть этих материалов (три приказа о награждении А. Р. Корсунского двумя орденами Красного знамени и орденом Отечественной войны II степени) в виде электронных фотокопий размещена на официальной странице проекта «Память народа»⁷. Там же есть и некоторые другие документы, позволяющие составить представление о военных событиях, за участие в которых был награжден А. Р. Сюда относятся приказы, боевые донесения, указания, штабные аналитические материалы, а также журналы боевых действий, касающиеся тех подразделений, соединений и объединений, в составе которых А. Р. находился в ходе событий, упоминаемых в наградных документах.

Недостаток информации в известной мере позволяют компенсировать данные из личного фонда А. Р. Корсунского, хранящегося в архиве кафедры истории Средних веков исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Ар-

⁶ Автобиография Корсунского Александра Рафаиловича (Архив. Ф. III. Оп. 1. Д. 83. Л. 20–20 об.). В тексте многочисленные зачеркивания и вставки, указывающие на черновой характер документа.

⁷ См.: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_kartoteka1272003912. В некоторых документах ошибочно указаны место и время призыва А. Р. Корсунского в Красную армию (Златоустовский РВК Челябинской области, июнь 1942 г.), о чем специально будет сказано ниже. На самом деле А. Р. был призван Советским РВК г. Москвы в июле 1941 г.

хив. Ф. III)⁸. Речь идет в первую очередь об официальных документах (анкетах, характеристиках и автобиографиях), входящих в состав личных дел А. Р., представлявшихся в отдел кадров исторического факультета МГУ (где он работал с 1960 г.) главным образом при оформлении документов для зарубежных поездок (Архив. Ф. III. Оп. 1. Д. 83). Все эти документы, имеющие стандартную форму, хорошо знакомую тем, кто хотя бы раз поступал на работу или учебу в советское время, содержат более или менее подробные биографические сведения, в том числе включающие и информацию о фронтовом периоде жизни А. Р. Эта информация особенно существенна применительно к начальному периоду войны, практически не отраженному в материалах, размещенных на портале Министерства обороны РФ. Кроме того, использовались данные из дела 85 (Архив. Ф. III. Оп. 1. Д. 85) о круге зарубежных ученых-корреспондентов А. Р.

Лакуны в информации о событиях весны 1944 — весны 1945 г., также скупо представленных в означенных материалах, частично восполнены статьей Корсунского о работе с военнопленными, опубликованной в середине 1970-х годов. [Корсунский 1975]⁹. С той же целью использованы данные, содержащиеся в военных мемуарах, а именно в воспоминаниях маршала Советского Союза А. А. Гречко, в годы войны командовавшего 1-й Гвардейской армией в тот период, когда в ней служил А. Р. [Гречко 1970], а также генерал-майора М. И. Бурцева, создателя и начальника Управления по пропаганде среди войск и населения противника ГлавПУ РККА¹⁰, позволяющие составить общее представление о целях, задачах и обстоятельствах деятельности, которой с 1943 г. занимался А. Р., находясь в должности спецпропагандиста [Бурцев 1981 (гл. 6)].

В целом, этот круг источников позволяет получить значительную информацию о фронтовом пути А. Р. Корсунского, хотя отсутствие документов личного происхождения (остающихся недоступными для исследователя, поскольку они хранятся в семье ученого¹¹) создает ряд существенных проблем, которые могут быть решены лишь частично.

3. Начало фронтового пути: июль 1941 — май 1943 г.

Итак, уйдя добровольцем в Красную армию, А. Р. Корсунский попал в Горьковское училище зенитной артиллерии им. В. М. Молотова¹², всю войну

⁸ Возможность работы с этими материалами мне предоставила сотрудник факультета, кандидат исторических наук Ирина Дмитриевна Вавочкина, которой я выражаю искреннюю благодарность за содействие и помощь.

⁹ Оценку результатов этой работы современным исследователем-социологом см. в [Образцов 2015].

¹⁰ О М. И. Бурцеве см., например: [Панков 2001; Константинов 2007].

¹¹ В личном фонде А. Р. (Архив. Ф. III) его переписка с зарубежными учеными за небольшим исключением представлена лишь конвертами, но не самими письмами, явно оставшимися в семье фондообразователя. См.: Архив. Ф. III. Оп. 1. Д. 85. Л. 11–11 об. (письмо М. Х. Лосано Ринкона), л. 13–13 об. (письмо Э. Сазса), л. 15 (адрес от бандероли, посланной Р. Хибертом), л. 56–56 об. (машинописный «Информационный бюллетень Юридического факультета» от 30 ноября 1976 г. с припиской Рафаэля Хиберта на испанском языке: «Другу и коллеге Корсунскому это отражение нашей академической жизни [далее нрзб.]») и т. п.

¹² См.: Приказ народного комиссара обороны СССР № 0356. О возложении подготовки, учета, подбора и расстановки кадров начальствующего состава Красной армии на Главные управления и Управления НКО соответствующих родов войск. 20 сентября 1941 г. [Барсуков 1997: 94].

располагавшееся в г. Горьком¹³. Обучение по ускоренной программе заняло менее 10 месяцев и завершилось уже в апреле 1942 г. В июне А. Р. оказался в действующей армии, где служил сначала в должности командира взвода зенитной артиллерии в 1288-м армейском зенитно-артиллерийском полку (июнь — июль 1942 г.)¹⁴, затем там же в должности офицера связи до июня 1943 г. включительно¹⁵. За это время полк, прибывший на Брянский фронт 7 июня 1942 г. в составе 13-й армии (1–31 июля 1942 г.), был передан в 38-ю армию Воронежского фронта с 5 августа 1942 г.¹⁶ В мае 1943 г. А. Р. Корсунский вступил в ВКП(б).

4. Старший инструктор по спецпропаганде: июнь 1943 — весна 1944 г.

В октябре 1943 г. А. Р. в звании старшего лейтенанта являлся старшим инструктором «по пропаганде среди населения и войск противника»¹⁷ (спецпропаганда) политотдела 240-й стрелковой дивизии 51-го стрелкового корпуса 38-й армии¹⁸. В феврале 1944 г. он оставался в тех же должности и звании и служил в том же соединении¹⁹. Главным источником для реконструкции событий этого периода являются наградные документы А. Р. — приказы о его награждении орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени. Специалисты по истории Великой Отечественной войны²⁰ хорошо знают, что описание подвигов награждаемых в документах такого рода — наименее достоверная часть сведений, в них содержащихся. Как правило, эти документы составлялись лишь спустя какое-то время после событий, к тому же в массовом порядке; в результате одни и те же обобщенные формулировки переходили из текста в текст и порой имели лишь косвенное отношение к конкретным поступкам конкретных бойцов и командиров.

Очевидно, в определенной степени эта закономерность имела место и в случае А. Р. Корсунского. Однако в ряде случаев появляется возможность со-

¹³ Приказ народного комиссара обороны СССР № 0337. Об отмене наименований военных училищ после их передислоцирования и с объявлением перечня наименований военно-учебных заведений Красной Армии. 3 сентября 1941 г. (По Главному управлению формирования и укомплектования войск Красной Армии) [Сборник 1945: 24].

¹⁴ Архив. Ф. III. Оп. 1. Д. 83. Л. 42 об.

¹⁵ Архив. Ф. III. Оп. 1. Д. 83. Л. 19. По другим данным, указанным самим А. Р., в 1970-е годы, в этот период он исполнял должность начальника химической службы полка (Архив. Ф. III. Оп. 1. Д. 83. Л. 42 об.). См. также: Приказ подразделения № 85/н от 30.05.1945 г. Издан ВС 1 гв. А (ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 2486. Л. 9. № записи — 24640833 (наградной лист)).

¹⁶ 1288-й армейский зенитно-артиллерийский полк. В дальнейшем А. Р. воевал на Воронежском, 1-м, 2-м и 1-м Украинском фронтах. См.: Приказ подразделения № 85/н от 30.05.1945 г. Издан ВС 1 гв. А. Факт службы на 2-м Украинском фронте установлен по документу: Приказ № 013/н от 02.03.1944 г. Издан ВС 40 А Украинского фронта (атрибуция по архиву).

¹⁷ Так в тексте.

¹⁸ Приказ № 109/н от 28.10.1943 г. Издан ВС 38 А 1-го Украинского фронта (атрибуция по архиву).

¹⁹ Приказ подразделения № 85/н от 30.05.1945 г. Издан ВС 1 гв. А (атрибуция по архиву).

²⁰ Хочу выразить искреннюю благодарность архивному исследователю Г. Р. Рамазашвили за ценные советы, данные им в процессе работы над этой статьей.

поставить имеющиеся данные с общими сведениями о боевом пути соединений, в которых служил А. Р., и тем самым несколько расширить скудную (и предельно обобщенную) информацию имеющихся в моем распоряжении документов.

Начну с документов о награждении А. Р. Корсунского орденом Красной Звезды в октябре 1943 г.; наградной лист, приложенный к приказу о награждении, датирован 20 октября, а сам приказ — 28 октября. В тот период А. Р., как уже говорилось, проходил службу в 240-й стрелковой дивизии 38-й армии 1-го Украинского (до 20 октября 1943 г. — Воронежского) фронта. В период, о котором идет речь, это соединение выполняло задачи первостепенной важности, связанные с форсированием Днепра, а затем — с наступлением на Киев; поэтому установить общий контекст событий, в которых участвовал А. Р., отнесительно несложно.

Начиная с июля 1943 г. и до конца войны дивизией командовал полковник (впоследствии генерал-майор) Терентий Фомич Уманский (1906–1992). Под его командованием 25–29 сентября 1943 г. в районе села Лютеж Вышгородского района Киевской области дивизия форсировала Днепр и захватила плацдарм, вошедший в историю как Лютежский, который войска 1-го Украинского фронта впоследствии использовали для проведения Киевской наступательной операции (3–13 ноября 1943 г.) и освобождения Киева (6 ноября 1943 г.).

В начале октября войска 38-й армии вели ожесточенные бои за расширение и удержание плацдарма, отбивая ожесточенные контратаки противника. 7 октября именно части 240-й стрелковой дивизии овладели селом Лютеж и, несмотря на потери, успешно отразили контратаки противника. В течение октября войска 38-й армии наносили вспомогательные удары в целях разгрома киевской группировки противника и расширяли территорию плацдарма. О степени ожесточенности боев косвенно свидетельствует тот факт, что за командование дивизией ее командир 29 октября был удостоен звания Героя Советского Союза, поскольку его дивизия больше других отличилась в ходе форсирования Днепра, расширения плацдарма и отражения контратак противника. Тогда же Героем Советского Союза стал и его непосредственный начальник генерал-майор Петр Петрович Авдеенко (1900–1956)²¹.

Остается отметить, что 3 ноября именно с Лютежского плацдарма силами переброшенных туда 3-й гвардейской танковой армии, 7-го артиллерийского корпуса прорыва, 1-го гвардейского кавалерийского корпуса и других соединений был нанесен главный удар в обход Киева с запада; как известно, именно группировка, сосредоточенная на Лютежском плацдарме, сыграла решающую роль в освобождении Киева. За заслуги в этой операции около 60 частей и соединений были удостоены почетного наименования Киевских, и 240-я стрелковая дивизия стала одной из них [Выродов и др. 1974: 245–265].

К сожалению, документы штаба 240-й стрелковой дивизии, относящиеся к этому периоду, доступны мне лишь частично. Кроме того, описание всего хода военных действий, которые вела дивизия, выходит далеко за рамки

²¹ Ранее П. П. Авдеенко (полковник, с февраля 1943 г. — генерал-майор) являлся командиром 240-й стрелковой дивизии (май 1942 — июнь 1943 г.); впоследствии командир вновь сформированного 51-го стрелкового корпуса [Выродов и др. 1974: 140, 151, 170, 206, 226, 227, 250, 553; Вожакин 2006: 21–22].

этой работы. Впрочем, и тех ограниченных данных, которые находятся в моем распоряжении, достаточно для того, чтобы осознать степень драматичности событий, самое непосредственное участие в которых принял А. Р. Поэтому остановлюсь лишь на описании первых дней форсирования Днепра — 27 и 28 сентября 1943 г. В эти дни дивизия сумела перебросить на правый берег несколько стрелковых рот и занять плацдарм в районе села Сваромье Вышгородского района Киевской области, который впоследствии был расширен и получил название Лютежского.

К началу форсирования Днепра 240-я стрелковая дивизия, имевшая в своем составе три стрелковых полка (931-й, 842-й и 836-й), 60 орудий, 58 станковых пулеметов и иное вооружение и снаряжение, располагала лишь 34 лодками (из них восемь неисправных) общей грузоподъемностью 310 человек, т. е. неизмеримо меньше даже минимальных потребностей. Таким образом, под шквальным огнем противника большая часть десанта переправлялась через широкую и полноводную реку на подручных средствах²².

В тот же день командир дивизии полковник Т. Ф. Уманский докладывал своему непосредственному начальнику, командиру 51-го стрелкового корпуса генерал-майору П. П. Авдеенко (орфография и пунктуация оригинала здесь и далее сохранены):

240 сд в ночь на 27.9.43 передовыми подразделениями 931 и 842 сп начала форсировать р[еку] Днепр. Подразделения 931 сп, переправлявшиеся у сев. части Сваромье, были встречены сильным ружейно-пулеметным огнем противника и после неоднократных попыток высадиться на правом берегу р. Днепр, к рассвету возвратились на исходное положение. 842 сп, после неоднократных неудачных попыток, к утру сумел высадить на правый берег р. Днепр взвод 5 ср в количестве 25 чел[овек]. Взвод окопался и ведет наблюдение за противником. Неоднократные попытки форсировать р. Днепр в дневное время в результате сильного сопротивления противника успеха не имели. 931 и 842 сп имеют потери, какие уточняются²³.

Лишь на следующий день войскам дивизии удалось закрепиться на правом берегу, высадив две стрелковые роты 931-го стрелкового полка, две стрелковые роты 842-го стрелкового полка и одну стрелковую роту 836-го стрелкового полка в районе южнее деревни Сваромье. Комдив отмечал:

Переправа проходила в тяжелых условиях под непрерывным артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем противника. Переправлявшиеся подразделения закрепились на правом берегу р. Днепр и к утру отразили четыре сильных контратаки пехоты противника, подержанных массированным арт[иллерийским и] минометным огнем.

²² Справка о наличии переправочных средств в 240 сд на 27.9.43 года (ЦАМО. Ф. 1521. Оп. 1. Д. 25. Л. 281).

²³ Боевое донесение № 022/ОП штадив 240 лес 2 клм вост. Лебедев хутор. 15.00. 27.9.43. Карта 100 000 (ЦАМО. Ф. 1521. Оп. 1. Дело 24. Л. 302. Документ 22/ОП). См. также: Оперсводка № 0277 к 16.00 27.9.43 штадив 240 лес 2 км. вост. Лебедев Хутор. Карта 100 000 (Там же. Д. 25. Л. 293. Документ 277).

После пятой контратаки подразделения 931 сп вынуждены отойти на левый берег. Во время отражения контратак уничтожено 150 немецких солдат и офицеров²⁴.

Картину дополняет оперативная сводка штаба дивизии, помеченная 19.00 того же дня и подписанная начальником штаба 240-й стрелковой дивизии полковником Васильевым. Вот лишь краткая выдержка из нее:

842 сп к утру 28.9.43 двумя стрелковыми ротами 2 стр[елкового] б[атальо]на форсировал р. Днепр в р-не южнее Сваромье. Переправившиеся подразделения, закрепившись на правом берегу реки, в течение дня отразили две контратаки пр[отивни]ка. Потери: убито — 4, ранено — 11 чел[овек].

Всего в этот день (по весьма неполным данным (причем полностью отсутствуют сведения по 836-му стрелковому полку)) 240-я стрелковая дивизия потеряла 17 человек убитыми и 30 ранеными²⁵.

Лишь с учетом сказанного можно понять, что стоит за общими словами, содержащимися в наградных документах А. Р. Корсунского, датированных октябрем 1943 г.:

Товарищ Корсунский в обороне упорно и настойчиво проводил работу по разложению войск противника. Через подобранный и подчиненный ему аппарата-состав рупористов [sic!] систематически проводились рупористами передачи. Радиопередачами руководил сам, а радиостанция, выдвигаемая к переднему краю противника, иногда эта работа проводилась под огнем противника. Во время наступления и особенно с выходом на Днепр провел большую работу среди личного состава частей по разъяснению ухудшения и морально-политического разложения солдат и офицеров частей противника, стоящих перед нашим фронтом, беседы с личным составом о падении морального духа противника проводил на правом берегу Днепра (выделено мной. — *О. А.*), этим самым воодушевляя бойцов и офицеров на успешное выполнение боевых действий. Под сильным огнем противника провел радиопередачу, знакомя противника с положением на фронтах, истинным их положением и приведением отказа сопротивления и перехода на сторону Красной армии²⁶.

Следующий наградной лист, в котором фигурирует А. Р. Корсунский в связи с награждением его орденом Отечественной войны II степени, датирован 6 февраля 1944 г. (сам приказ — 2 марта того же года). К этому времени 240-я стрелковая дивизия, в которой он по-прежнему служил, была переда-

²⁴ Боевое донесение № 023/ОП штадив 240 лес 2 км. вост. Лебедев Хутор. 16.00. 28.9.43. Карта 100 000 (ЦАМО. Ф. 1521. Оп. 1. Д. 24. Л. 303. Документ 23/ОП).

²⁵ Оперсводка № 0278 к 19.00 28.9.43 штадив 240 лес 2 км. вост. Лебедев Хутор. Карта 100 000 (ЦАМО. Ф. 1521. Оп. 1. Д. 25. Л. 294. Документ 278).

²⁶ Приказ №109/н от 28.10.1943 г. Издан ВС 38 А 1-го Украинского фронта.

на в состав 50-го стрелкового корпуса (командир корпуса — генерал-майор С. С. Мартирисян) 40-й армии (командарм — генерал-лейтенант Ф. Ф. Жмаченко) 2-го Украинского фронта²⁷. В составе этих соединений в указанный период дивизия участвовала в Житомирско-Бердичевской (24 декабря 1943 — 14 января 1944 г.) и Корсунь-Шевченковской (24 января — 17 февраля 1944 г.) наступательных операциях.

За участие в этих событиях А. Р. Корсунский был удостоен ордена Отечественной войны II степени (приказ № 13/н от 2 марта 1944 г.). В наградном листе, в частности, говорится:

Тов. Корсунский в дни ожесточенных боев находился непосредственно в боевых порядках 842 стр[елкового] полка, организуя там воспитательную работу с личным составом. В самые трудные минуты, когда на боевые порядки этого полка в районе Цибулив наступали десятки танков и пехоты противника, тов. Корсунский стойко и мужественно оказывал практическую помощь командованию в отражении немецких контратак. Будучи образцом для других, он и в момент прорыва вражеского кольца действовал отважно. В результате плодотворной работы тов. Корсунского личный состав подразделений, где был он, всегда успешно решал боевые задачи²⁸.

Упомянутый в документе Цибулив (Цыбулев, укр. *Цибулів*, ныне поселок городского типа Монастирищенского района Черкасской области Украины) неоднократно фигурирует в донесении, направленном комдивом 240-й стрелковой дивизии Т. Ф. Уманским вышестоящему командованию 50-го стрелкового корпуса и 40-й армии о боях 19–29 января, шедших в то время, когда ударные группировки 1-го и 2-го Украинского фронтов смыкали кольцо окружения Корсунь-Шевченковской группировки противника (24–28 января 1944 г.). 240-я стрелковая дивизия не находилась на направлении главного удара, но решала задачу первостепенной важности: именно на ее участке пытались прорваться отходившие на запад значительные силы немцев из состава 6-й и 16-й танковых дивизий (далее в источниках — тд) 4-й немецкой танковой армии.

Бои достигали крайнего ожесточения. Вот что сообщается в Итоговом боевом донесении за период 19–29 января 1944 г. о боях 19 января 1944 г.:

1. Противник в р-не Коммуна Х Виля, Половинчик²⁹, Монастирище, Тюлин³⁰, Копиевата сосредоточил части 6 и 16 тд и 19.1.44 перешел в наступление. Вначале удар наносился правым флангом из Копиевата на Княжики, Владиславчик. С утра 19.1.44 около полка пехоты, 50 танков и 30 бронетранспортеров прорвали оборону 74 сд на ее правом фланге и овладели Княжики. 20 танков и до 30 броне-

²⁷ Генералам С. С. Мартирисяну и Ф. Ф. Жмаченко адресовано «Итоговое донесение о боевых действиях частей 240 стрелковой Днепровско-Киевской дивизии за период с 19 по 29.1.44» (ЦАМО. Ф. 1521. Оп. 1. Д. 32. Л.28).

²⁸ Приказ № 013/н от 02.03.1944 г. Издан ВС 40 А 2 Украинского фронта.

²⁹ Половинчик (укр. *Половинчик*).

³⁰ Населенный пункт в Монастирищенском районе Черкасской области Украины. Точно идентифицировать не удалось.

транспортёров, обойдя с востока и северо-востока боевые порядки 2/³¹842 сп, оборонявшего р-н выс[оты] 252.2, грунтовая дорога 1 км. юго-зап. выс[оты] 258.2, выс[оты]. 257.7, вошли в свх. им. 1-го травня³². Дальнейшие атаки на м. Цыбулив были отбиты дивизионной артиллерией и подоспевшим 322 иптап. Встретив упорное сопротивление восточнее м. Цыбулив, противник повернул на север и во второй половине дня овладел Шарньпиль³³, Зарубенцы³⁴. В первый день наступления дивизия отбила все атаки танков, бронетранспортёров и пехоты и удержала на всем своем протяжении прежний рубеж... (так в тексте. — О. А.) Противник за день боев потерял сожженными 8 танков, 11 бронетранспортёров и до 150 чел[овек] пехоты. Захвачено 4 пленных 15 тд, взято 3 исправных бронетранспортёра³⁵.

Наступило кратковременное затишье, но это было лишь начало полосы ожесточенных боев. Снова положение 842-го стрелкового полка в районе поселка Цибулев обострилось 25 января; все следующие дни превратились в кромешный ад. Скупые строки официального донесения предельно красноречивы и не требуют комментариев:

3. С утра 25.1.44 противник силою до двух полков пехоты и 130 танков, под прикрытием крупных сил штурмовой и бомбардировочной авиации атаковал одновременно правый и левый фланг дивизии. <...> К исходу дня противнику удалось смять левофланговый батальон 842 сп, 2/836 сп и занять свх. им. 1-го травня. На участке левого соседа противник занял Шарньпиль, Зарубенцы. В 17.00 до 80 танков противника заняли Ивахны, подойдя вплотную к командному пункту штаба дивизии, размещенному на сев.-зап. окр[аине] м. Цыбулив. Комендантский взвод и свободный офицерский состав штадива заняли оборону. В 1.00 26.1.44, получив разрешение командующего 40 Армии генерал-лейтенанта Жмаченко, штадив переехал на юго-зап. окр[аине] м. Цыбулив на КП 931 сп. В этот день противник понес крупные потери. Всего было подбито и сожжено 52 танка, 8 бронетранспортёров, разбито 12 автомашин, убито свыше 300 немецких солдат и офицеров. Крупные потери понесли и части дивизии. Были разбиты все орудия поддерживающего 322 иптап, уничтожены 7 и 9 батареи артиллерийского полка дивизии, в остальных батальонах осталось по 1–2 орудия, почти полностью разбита и уничтожена батальонная и полковая артиллерия 842 и 836 сп.

4. В течение ночи противник подтягивал резервы и с рассветом 26.1.44 снова 25 танками и бронетранспортёрами из Половынчых, оставив 8 танков сожженными, прорвался через боевые порядки 836

³¹ Второго батальона.

³² Совхоз в Монастирищенском районе Черкасской области Украины. Точно идентифицировать не удалось.

³³ Шарнополь (укр. *Шарнопіль*).

³⁴ Зарубинцы (укр. *Зарубинці*).

³⁵ Итоговое донесение о боевых действиях частей 240-й стрелковой Днепровско-Киевской дивизии за период с 19 по 29 января 1944 г. (ЦАМО. Ф. 1521. Оп. 1. Д. 42. Документ 27. Л. 29).

сп на Княжев-Крыныця³⁶. До 30 танков и бронетранспортеров вошли на зап. окр[аины] Ивахны. В 15.00 47 танков и до 500 чел. пехоты из Половынчык снова атаковали подразделения 836 сп. Одновременно 50 танков и до полка пехоты из мол[очная] ферма, выс[ота] 252.2 перешли в атаку на подразделения 842 сп. После упорного боя все атаки танков и пехоты противника из Половынчык подразделениями 836 сп были отбиты. На левом фланге, оставив 7 танков сожженными, остальные обошли с востока и ворвались на юго-вост. окр. м. Цыбулив. Пехота, двигавшаяся за танками, была отсечена подразделениями 3³⁷/842 сп и только к вечеру, обойдя этот батальон со всех сторон, часть автоматчиков противника сумела подойти и прорваться вслед за танками в юго-вост. окр[аине]. м. Цыбулив. К 20.00 вся юго-восточная часть м. Цыбулив была занята противником, 836 и 931 сп продолжали прочно удерживать свои прежние высоты. 842 сп, понеся большие потери, остатками 2 и 3 батальонов присоединился к 1³⁸/842 сп, обороняющему юго-вост. часть леса южн. м. Цыбулив. КП штадива оставалось на прежнем месте в р-не юго-зап. окр[аины] м. Цыбулив и только тогда, когда автоматчики и танки противника подошли вплотную, КП было сменено в рощу 1 км зап[аднее] м. Цыбулив. За этот день немцы потеряли 17 танков и до 400 чел[овек] убитыми³⁹.

27 января дивизия уже вела бои в окружении. В ночь с 28 на 29 января кольцо окружения был прорвано:

Получив задачу прорваться из окружения и овладеть Оратовка⁴⁰, Рожична⁴¹, в 22.00 28.1.44 240 стрелковая Днепро-Киевская дивизия во взаимодействии с частями 340 сд атаковала противника одновременно по всему фронту прорыва и к утру 29.44 организованно со всеми обозами, артиллерией и штабами вышла из окружения, заняв оборону на рубеже — отм[етка] 203.6, выс[ота] 252.0, выс[ота] 258.2⁴².

Как уже отмечалось, А. Р. Корсунский принял непосредственное участие в этом прорыве, за что был отмечен командованием.

Подводя итоги боев 19–29 января, полковник Т. Ф. Уманский докладывал:

Таким образом, за период боев с 19 по 29.1.44 в тяжелых боях с танками противника части дивизии уничтожили 950 немецких солдат и

³⁶ Княжэя Криница (укр. *Княжа Криниця*).

³⁷ Третьего батальона.

³⁸ Первому батальону.

³⁹ Итоговое донесение о боевых действиях частей 240-й стрелковой Днепро-Киевской дивизии за период с 19 по 29 января 1944 г. (ЦАМО. Ф. 1521. Оп. 1. Д. 42. Документ 27. Л. 29 об.–30 об.).

⁴⁰ Возможно, село Оратовка Оратовского района Винницкой области (Украина). Выражаю благодарность за помощь в идентификации населенного пункта М. В. Ахметовой.

⁴¹ Рожичная (укр. *Рожична*).

⁴² Итоговое донесение о боевых действиях частей 240-й стрелковой Днепро-Киевской дивизии за период с 19 по 29 января 1944 г. (ЦАМО. Ф. 1521. Оп. 1. Д. 42. Документ 27. Л. 30 об.–31).

офицеров, подбили и сожгли 93 танка, 30 бронетранспортеров, 12 автомашин, захватили исправных 3 бронетранспортера. Наши потери за этот же период — убито — 268, ранено и пропало без вести — 1 289 чел. Разбито пушек 122 мм — 4, 76 мм — 18, 45 мм — 7, 105 мм — 3, минометов 130 мм — 1, 82 мм — 19, 30 мм — 5, станковых пулеметов — 32, ручных пулеметов — 70, ружей ПТР — 44, ППШ — 306, винтовок — 940⁴³.

В этом деле есть и скромная доля заслуг молчаливого капитана Корсунского, интеллигента-очкарика. Мы не знаем, был ли он лучше своих товарищей. Но то, что он не был их хуже, а главное — как штабист имел возможность не идти в рядах атакующих, но делал это неоднократно — уже все это дорогого стоит.

5. Сотрудник политотдела армии: весна 1944 г. — весна 1945 г.

В апреле 1944 г. А. Р. Корсунский был переведен в 7-е отделение⁴⁴ политотдела 1-й гвардейской армии (командующий — генерал-полковник Андрей Антонович Гречко (1903–1976), будущий маршал Советского Союза и министр обороны СССР (1967–1976)) 4-го Украинского фронта⁴⁵ и стал инструктором-литератором, что было повышением в должности и вскоре отразилось и в звании (гвардии капитан⁴⁶). Через год он был удостоен второго ордена Красной Звезды (Приказ подразделения № 85/н от 30 мая 1945 г.). В наградном листе, датированном 26 апреля того же года, говорилось:

Гв. капитан Корсунский <...> успешно проводил работу по разложению войск противника, составляя листовки и другие агитматериалы⁴⁷. Листовки, составленные им на основании тщательного изучения частей противника, оказывали разлагающее влияние на значительные группы солдат противника и приводили их к переходу на нашу сторону и добровольной сдаче в плен. Систематически изучая политико-моральное состояние войск противника с помощью допросов военнопленных и анализа трофейных документов, своевременно давал ценные данные о вражеских частях для информации командования⁴⁸.

⁴³ Итоговое донесение о боевых действиях частей 240-й стрелковой Днепроовско-Киевской дивизии за период с 19 по 29 января 1944 г. (ЦАМО. Ф. 1521, Оп. 1. Д. 42. Документ 27. Л. 31).

⁴⁴ Седьмые отделения политотделов армий и фронтов были созданы специально для организации спецпропаганды и подчинялись Отделу (с августа 1944 г. — Управлению) пропаганды среди войск и населения противника Главного политического управления Красной армии (создано приказом Народного комиссариата обороны СССР № 0268 от 4 августа 1944 г.) [Бурцев 1981 (гл. 6)].

⁴⁵ В состав 4-го Украинского фронта (командующий — генерал армии И. Е. Петров) 1-я гвардейская армия А была включена в августе 1944 г.

⁴⁶ Приказ войскам 1-й гвардейской армии (по награждению) № 085-н от 30.05.1945 г. Издан ВС 1 гвардейской армии (ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 2486. Л. 9).

⁴⁷ Текст, выделенный подчеркиванием, в оригинале подчеркнут красным карандашом.

⁴⁸ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 2486. Л. 9.

Видно, что на этот раз основанием для награждения стала чисто штабная работа. Предполагала ли она присутствие на передовом крае, неясно: доступные мне документы штаба 1-й гвардейской армии за апрель 1945 г. вопросов, связанных с эффективностью ведения спецпропаганды, а также с допросами плененных и анализом трофейных документов, не касаются. Известно лишь, что этой работы было как никогда достаточно: в период с апреля 1944 г. по конец апреля 1945 г. 1-я Гвардейская армия участвовала в Проскуровско-Черновицкой (4 марта — 17 апреля 1944 г.) и Львовско-Сандомирской (13 июля — 29 августа 1944 г.) наступательных операциях 1-го Украинского фронта (командующие — маршал Советского Союза Г. К. Жуков (до мая 1944 г.), маршал Советского Союза И. С. Конев (с мая 1944 г.)). В начале августа 1944 г. армия была передана в состав 4-го Украинского фронта (командующий — генерал армии И. Е. Петров), в войсках которого она принимала участие в Восточно-Карпатской (8 сентября — 28 октября 1944 г.), Западно-Карпатской (12 января — 15 февраля 1945 г.) и Моравско-Оставской (10 марта — 5 мая 1945 г.) наступательных операциях, а позднее — в освобождении столицы Чехословакии, Праги, где и закончился боевой путь А. Р.

В ходе этих боевых действий войска армии взяли большое количество военнопленных. Лишь в ходе Моравско-Оставской наступательной операции войсками 4-го Украинского фронта было взято в плен 156 203 военнослужащих противника, немалая часть которых пришлось на 1-ю гвардейскую армию [Гречко 1970: 390]. Несмотря на то что война подходила к концу и ее исход не оставлял сомнений, работы у спецпропагандистов не убывало. По замечанию генерал-майора Михаила Ивановича Бурцева (1907–2002), одного из создателей службы спецпропаганды в Красной армии,

...боеспособность вермахта к 1945 году резко ослабла, но он по-прежнему оставался покорным орудием гитлеровской клики и был способен к сопротивлению, тем более что ширина советско-германского фронта теперь сократилась наполовину. Процесс разложения немецких частей сдерживался репрессиями. По имевшимся у нас данным, к этому времени свыше 130 тысяч немецких солдат и офицеров были осуждены за дезертирство с поля боя <...> Анализ военно-политической обстановки и морального духа вермахта убеждал нас в том, что в завершающих сражениях следует ожидать упорного сопротивления обреченных на гибель солдат и офицеров гитлеровской армии [Бурцев 1981: 278–279].

В этих непростых условиях и пришлось работать А. Р. Корсунскому и его коллегам по 7-му отделению политотдела 1-й гвардейской армии. Через три десятилетия после Победы, осмысливая опыт событий осени 1944 — весны 1945 г., он написал небольшую статью о методах и результатах использования анонимных анкетных опросов немецких военнопленных с целью изучения морального духа и политических взглядов солдат вермахта [Корсунский 1975]. При этом основным объектом авторской рефлексии являлся его собственный фронтовой опыт, что делает публикацию 1975 г. важным историческим источником, позволяющим понять как характер служебных обязанностей А. Р. в оз-

наченный период, так и важнейшие результаты его деятельности, отмеченные правительственной наградой.

Прежде всего в начале статьи А. Р. отмечает, что бои за Чехословакию, а особенно за Моравскую Оставу, носили крайне ожесточенный характер. Действовавшая в этом районе группа армий «Центр» (командующий — генерал-фельдмаршал Ф. Шернер⁴⁹) являлась «наиболее боеспособной группировкой вермахта» и оказывала ожесточенное сопротивление войскам 1-й гвардейской армии. В этих условиях в целях максимально эффективного использования имеющихся ресурсов (в том числе пропагандистского характера) перед 7-м отделением политотдела была поставлена задача уточнить данные о морально-политическом состоянии противостоящих войск противника [Корсунский 1975: 172].

В процессе выполнения этой задачи А. Р., по его собственным словам, активно взаимодействовал с Гансом Госсенсом⁵⁰, фронтовым уполномоченным Национального комитета «Свободная Германия» (НКСГ)⁵¹. В ходе работы они совместно пришли к выводу о том, что традиционных методов работы с военнопленными в новых условиях явно недостаточно. Попад в плен, последние в целях самосохранения старались внешне отмежеваться от национал-социализма и его идеологии и сообщать при допросе лишь те сведения, которые, по их мнению, могли встретить доброжелательное отношение со стороны допрашивающих. Эта ситуация создавала превратное представление о реальных настроениях личного состава соединений, противостоящих 1-й гвардейской армии. Тогда было решено, с одной стороны, изменить методику допроса, а с другой — сделать его более массовым, чем ранее. Так возникла идея проведения анонимного социологического опроса. Для повышения степени репрезентативности результатов он должен был носить массовый характер, а действия опрашиваемых сводились к минимуму (в соответствующей графе следовало лишь вычеркнуть слова «да» или «нет»).

А. Р. подчеркивал, что даже с учетом сказанного предложенный метод был далек от идеального, поскольку не предполагал введения какого-либо «коэф-

⁴⁹ Шернер Фердинанд (1892–1973) — немецкий военачальник, участник Первой и Второй мировой войн; прошел путь от солдата до фельдмаршала. В 1945 г. был выдан советским властям американцами и в 1945–1955 гг. находился в заключении в СССР как военный преступник. Отличался особой жестокостью по отношению к собственным солдатам: с помощью репрессий (включая массовые расстрелы отступивших без приказа) он пытался удерживать рушащийся фронт, за что по возвращении в ФРГ в 1957 г. был приговорен к 4,5 годам тюремного заключения [Козлов 1985: 790–791].

⁵⁰ Госсенс Ганс (1921–1972) — один из основателей НКСГ. С 1939 г. служил в вермахте; рядовой, ефрейтор. Попал в советский плен. Учился в Антифашистской школе в Красногорске (Московская область). Член НКСГ с июля 1943 г. Фронтовой уполномоченный НКСГ на Брянском (1943) и 1-м Украинском (1944–1945) фронтах. С 1945 г. — член Коммунистической партии Германии (КПГ), с 1946 — Социалистической единой партии Германии (СЕПГ). В 1946–1955 гг. — член Центрального Совета Союза свободной немецкой молодежи (ССНМ), в 1948–1949 гг. — слушатель Высшей школы ССНМ в Богензее. С 1956 г. — майор пограничной охраны ГДР. В 1960–1963 гг. — полковник Национальной народной армии (ННА) ГДР. С 1963 г. до смерти в 1972 г. — заместитель начальника Главного политуправления ННА [Hamacher 2005: 68].

⁵¹ Национальный комитет «Свободная Германия» (НКСГ) был создан по инициативе ЦК КПГ с согласия советских властей из числа немецких военнопленных и действовал в период с июля 1943 до ноября 1945 г. [Бурцев 1981 (гл. 6)].

фициента корреляции на неискренность». Однако, по его мнению, «определить этот коэффициент в тех условиях представлялось невозможным: вероятно, он был неодинаковым при ответах на вопросы различного рода — меньше при ответах отвлеченного характера и больше, если вопросы непосредственно касались Красной армии и Советского Союза» [Корсунский 1975: 172]. Анкетирование проводилось периодически с ноября 1944 по апрель 1945 г. Первоначально оно ставило целью выявить только отношение солдат к Гитлеру и их мнение о военных перспективах Германии. Позднее военнопленным предлагались разнообразные вопросы, позволявшие установить, какое влияние оказывают на них различные положения нацистской идеологии и лозунги геббельсовской пропаганды. В последних опросах, осуществлявшихся в апреле 1945 г., много внимания уделялось общим догмам нацистского мировоззрения, расовой теории фашизма, социально-политическим проблемам [Там же: 172–176].

Не преувеличивая точности полученных результатов, А. Р. вместе с тем отмечал, что «приблизительную картину политических настроений немецких солдат такое анкетное обследование обеспечивало. Знание морального состояния пленных облегчало определение основных направлений пропаганды, которую необходимо было вести среди войск противника» [Корсунский 1975: 177]. Эта немногословная оценка может быть дополнена замечаниями, высказанными бывшим командармом 1-й гвардейской армии А. А. Гречко. В своих воспоминаниях он, в частности, писал:

Немаловажное значение имела работа политорганов по разложению войск противника. Применялись самые разнообразные формы. Одной из них была засылка взятых в плен солдат и офицеров во вражеский тыл. Военнопленные рассказывали правду о русском плене, распространяли листовки, в которых говорилось о приближающемся крахе гитлеровской Германии. Были организованы школы антифашистов. Большое внимание уделялось распространению листовок, составленных на конкретных материалах немецких и венгерских частей. Работа по разложению войск противника, несомненно, снижала политико-моральное состояние немецких и венгерских частей, разжигала противоречия между венгерской и немецкой армиями и, таким образом, отрицательно влияла на боеспособность противника. Большая политическая работа проводилась среди населения. Во всех крупных населенных пунктах проводились собрания, митинги, групповые беседы [Гречко 1970: 239].

Остается добавить, что в наградном листе от 26 апреля 1945 г. именно успешное ведение допросов военнопленных (наряду с составлением агитматериалов и анализом трофейных документов) выделяется в качестве главного основания для награждения А. Р. Корсунского орденом Красной Звезды⁵². Представляется, что этот факт — наиболее зримое следствие эффективности действий политработника.

⁵² ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 2486. Л. 9.

В заключение — несколько слов о последних годах военной службы А. Р. Прослужив до июля 1945 г. в политотделе 1-й гвардейской армии, затем несколько месяцев (июль — сентябрь 1945 г.) он находился в резерве ГлавПУ РККА, а с октября 1945 до декабря 1949 г. занимал должность старшего референта Управления информации Советской военной администрации в Германии (СВАГ). После ее ликвидации А. Р., уже в звании подполковника, был направлен в Москву и в январе 1950 г. стал преподавателем Московского высшего общевойскового командного училища им. Верховного Совета РСФСР, где и прослужил до августа 1953 г.⁵³ На этом военная служба А. Р. окончательно завершилась.

6. Заключительные замечания

Подводя итоги вынужденно неполного рассказа о военной биографии А. Р. Корсунского, отмечу, что и сказанного вполне достаточно для того, чтобы понять, какое место военные годы заняли в жизненной и творческой биографии историка. Он прошел всю войну, с первых и до последних дней, и лишь ее завершающие месяцы пришлось на относительно «спокойную» штабную работу. Весь период службы в 240-й стрелковой дивизии был связан с непосредственной опасностью для жизни, с пребыванием на переднем крае, особенно в то время, когда дивизия выполняла важные задачи в Курской битве, битве за Днепр и в ходе Корсунь-Шевченковской наступательной операции. Храбрость и самоотверженность, проявленные им при этом и отмеченные боевыми наградами, характеризуют его не только как мужественного человека, но и как советского патриота (как бы ни воспринималось это выражение ныне), уверенного, что «Красная армия не могла бы защищать свою землю с такой самоотверженностью, если бы не сознавала своей кровной связи с “большевистским государством”» (слова, сказанные А. Р. по другому поводу, но в полной мере характеризующие его убеждения) [Корсунский 1975: 176].

О том же говорит и факт вступления в члены ВКП(б) в мае 1943 г., накануне Курской битвы⁵⁴. Вера в коммунистические идеалы и преданность советскому строю могла лишь укрепиться в военные годы, особенно с учетом служебных функций, выполнявшихся А. Р. в 1943–1945 гг. и связанных с ведением спецпропаганды. Наконец, содержание статьи 1975 г., в известной мере носящей мемуарный характер [Корсунский 1975: 176–177], также не вызывает сомнений в искренней убежденности А. Р. в справедливости миссии его страны в самой страшной из всех когда-либо возникавших войн. Советский строй, который сокрушил гитлеровскую Германию и за который на его глазах гибли его фронтовые товарищи, вероятно, должен был получить высшую нравственную санкцию, не подлежавшую пересмотру на протяжении всей жизни А. Р. Сказанное вовсе не противоречит факту критического отношения к советской действительности, о чем упоминают знавшие его люди, в частности, Л. Т. Мильская⁵⁵.

⁵³ Архив. Ф. III. Оп. 1. Д. 83. Л. 19.

⁵⁴ См.: Приказ № 013/н от 02.03.1944 г. Издан ВС 40 А 2 Украинского фронта (атрибуция по архиву).

⁵⁵ «Он мечтал когда-нибудь написать правдивую историю наших дней, как он ее видел

Неясно, минули ли А. Р. и его семью тяжелые обстоятельства первых послевоенных лет, среди которых позорная кампания «борьбы с космополитизмом»⁵⁶. Насколько известно, о делах политических А. Р. предпочитал не распространяться (по меньшей мере публично), с годами становясь все более закрытым человеком⁵⁷, что, как представляется, объяснялось не только особенностями его характера. Тем не менее возникает устойчивое впечатление, что именно сложный опыт военного времени укрепил и в известной мере законсервировал веру А. Р. в марксизм, прочную и в довоенные времена.

Вполне симптоматична тематика первых послевоенных публикаций Корсунского, едва ли объяснимая исключительно идеологической конъюнктурой. Так, в числе его первых статей, опубликованных на немецком языке в период пребывания в Германии, следует выделить публикацию «Маркс и Россия» в берлинском журнале «Neue Welt» [Korsunskij 1947]. Даже в 1970-е годы, в эпоху всеобщего интеллигентского нигилизма, ставившего под сомнение ранее незыблемые марксистские основы общественнознания, А. Р. сохранял твердость марксистских убеждений, выступая апологетом того, что, по его собственным словам (переданным А. Я. Гуревичем), «сегодня считается марксизмом» [Гуревич 2004: 157]⁵⁸. Эта жесткая позиция выделяет удивление, если учесть, что в научной работе А. Р. (в отличие от многих своих советских коллег) в своих выводах стремился последовательно опираться не на высказывания «классиков марксизма», а на данные источников, которые прекрасно знал и активно вводил в научный оборот. Более того, на своей кафедре А. Р. был одним из немногих ученых, в полной мере открытых для профессиональных контактов не только с историками-марксистами из Восточной Европы, но и с западными «буржуазными медиевистами». В числе его корреспондентов — видные испанские ученые Р. Хиберт, Э. Саэс Санчес, Л. А. Гарсия Морено и некоторые другие; кстати сказать, далеко не все они симпатизировали левым идеям (а Р. Хиберт во время единственной встречи с автором настоящей статьи 11 октября 2006 г. и вовсе посчитал необходимым подчеркнуть свою лояльность давно ушедшему в прошлое франкистскому режиму). Материалы, связанные со всеми этими людьми, отложились и в личном фонде А. Р., хранящемся в архи-

и понимал. Он верил, что настанет время, когда это будет возможным» [Мильская 2000: 245].

⁵⁶ Впечатляющее описание этой кампании на историческом факультете МГУ вообще и на кафедре истории Средних веков в частности оставил А. Р. Гуревич, причем, судя по известным мне устным свидетельствам очевидцев, он скорее смягчил, чем сгустил краски [Гуревич 2004: 34–53; Гутнова 2001: 258–271; Мильская 2002]. В последнем случае ряд значимых замечаний Е. В. Гутновой ставятся под сомнение.

⁵⁷ «Александр Рафаилович был (...) человеком исключительной скромности, всегда державшимся как будто в некоторой рамочке, скупым на слова и строгим в оценках», — так пишет об этой черте А. Р. в своих воспоминаниях Е. В. Гутнова [2001: 356]. О том же самом мне говорили ныне покойная Аделаида Анатольевна Сванидзе (1929–2016), а относительно недавно — И. С. Филиппов.

⁵⁸ Замечание относится к концу 1970-х годов, к периоду, когда А. Я. Гуревич принимал участие в работе над трехтомной «Историей крестьянства в Европе», одним из редакторов которой являлся А. Р. Корсунский. По словам И. С. Филиппова, после этого личные отношения двух ученых, до того относительно равные, были непоправимо испорчены. См. там же показательный отзыв А. Я. Гуревича об А. Р.: [Гуревич 2004: 39].

ве кафедры истории Средних веков исторического факультета МГУ⁵⁹. Известно, что первым из советских испанистов Корсунский сумел в 1969 г. посетить Испанию⁶⁰, где еще правил Ф. Франко. Несмотря на это, ученый встретил достаточно теплый (хотя и неоднозначный) прием со стороны испанских коллег. Его имя знали, на его работы ссылались, его концепции хотя и не разделялись полностью, но воспринимались с несомненным интересом.

Словом, при всей красноречивости и определенной обоснованности характеристик А. Я. Гуревича и его единомышленников, меньше всего А. Р. напоминал узколобого коммуниста-ортодокса. Думается, что лишь фронтовой опыт, память о погибших товарищах и мирных жителях, о боли и разрушениях, так и не пережитые до конца потрясения от увиденного, услышанного и испытанного объясняют истоки этого видимого противоречия. Вероятно, отказываясь от своих убеждений для Корсунского означало предать эту память. Он и не предал.

Сокращения

гд — гренадерская дивизия,

иптап — истребительный противотанковый артиллерийский полк,

КП — командный пункт,

м. — місто (укр.),

сп — стрелковый полк,

ср — стрелковая рота,

тд — танковая дивизия,

штадив — штаб дивизии.

⁵⁹ См. выше примеч. 11. Материалы из своего личного архива, полученные в ходе переписки с А. Р., мне показывал сам Л. А. Гарсия Морено. В документах, связанных с оформлением зарубежных поездок А. Р., упоминаются следующие командировки: 1967 г. — Греция, 1969 г. — Испания, 1971, 1973, 1977 и 1979 гг. — ГДР, 1974 г. — Дания, 1978 г. — Польша (Архив. Ф. III. Оп. 1. Д. 83. Л. 11 об., 12, 13, 14, 60), наиболее интересны материалы, связанные с его членством в Международной комиссии по сравнительной истории церкви, явно выходявшим за рамки «протокольных» поездок на официальные конференции за рубеж, право на которые носило статусный характер и определялось должностью профессора МГУ (Там же. Л. 32–34 об., 66, 69, 70, 73, 74). Избранный членом этого известного научного общества, А. Р. должен был ежегодно вносить членский взнос в размере 50 швейцарских франков; поскольку речь шла об иностранной валюте, выделение этих средств требовало ежегодного согласования, что и объясняет относительную многочисленность материалов на эту тему.

⁶⁰ См.: Справка (Архив. Ф. III. Оп. 1. Д. 83. Л. 11–11 об.). В документе значится, что поездка была организована по линии Союза советских обществ дружбы с зарубежными странами (ССОД). Каким образом, в число этих стран попала Испания, с которой СССР не имел дипломатических отношений до 1977 г., остается неясным.

Источники

Архивные

Архив. Ф. III — Архив кафедры истории Средних веков исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Ф. III: Фондообразователь — Корсунский Александр Рафаилович. Биографические документы. Документы о фондообразователе. Документы о деятельности.

ЦАМО. Ф. 33 — Центральный архив Министерства обороны. Ф. 33: Главное управление кадров НКО.

ЦАМО. Ф. 1521 — Центральный архив Министерства обороны. Ф. 1521: 240-я стрелковая дивизия.

Опубликованные

Барсуков 1997 — Русский архив: Великая Отечественная война. Т. 13 (2–2): Приказы народного комиссара обороны СССР, 22 июня 1941 г. — 1942 г. / Отв. сост. А. И. Барсуков. М.: Терра, 1997.

Бурцев 1981 — *Бурцев М. И.* Прозрение. М.: Воениздат, 1981.

Гречко 1970 — *Гречко А. А.* Через Карпаты. М.: Воениздат, 1970.

Гуревич 2004 — *Гуревич А. Я.* История историка. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2004.

Гутнова 2001 — *Гутнова Е. В.* Пережитое. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2001.

Корсунский 1975 — *Корсунский А. Р.* Опыт изучения политических взглядов солдат вермахта во время Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 1975. № 4. С. 171–177.

Марголиус б. д. — *Марголиус А. [П.]* Мои воспоминания (продолжение) // Партнер. [Б. д.]. URL: <http://www.partner-inform.de/memoirs/detail/moi-vospominanija-moi-predki-i-rodstvenniki/4/160/48>.

Сборник 1945 — Сборник приказов Народного комиссара обороны СССР (1941–1944) о присвоении наименований частям, соединениям и учреждениям Красной Армии. М.: [НКО], 1945.

Korsunskij 1947 — *Korsunskij A. R.* Marx und Russland // *Neue Welt*. 1947. N. 24. S. 26–35.

Литература

Блок 1999 — *Блок М.* Странное поражение. [Свидетельство, записанное в 1940 году] / Пер. с фр. [Е. В. Морозовой]. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 1999.

Бойцов 2014 — *Бойцов М. А.* Три книги Канторовича // Канторович Э. Х. Два тела короля: Исследования по средневековой политической теологии / Пер. с англ. М. А. Бойцова, А. Ю. Серегиной. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. С. 9–59.

Варьяш 1982 — [*Варьяш О. И.*] Памяти А. Р. Корсунского // Средние века. Вып. 45 / Отв. ред. А. И. Данилов. М.: Наука, 1982. С. 381–382.

Варьяш 1991 — *Варьяш О. И.* Заседание памяти А. Р. Корсунского // Средние века. Вып. 54 / Отв. ред. А. Н. Чистозвонов. М.: Наука, 1991. С. 265–266.

Вожакин 2006 — Великая Отечественная война. Комкоры: Военный биографический словарь / Под ред. М. Г. Вожакина. Т. 1. М.; Жуковский: Кучково поле, 2006.

Выродов и др. 1974 — *Выродов И. Я., Секирин М. К., Коротков Г. И. и др.* В сражениях за победу. Боевой путь 38-й армии в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. М.: Наука, 1974.

- Канторович 2022 — *Канторович Э.* Император Фридрих II / Пер. с нем. Л. В. Ланника, И. П. Стребловой. СПб.: Владимир Даль, 2022.
- Козлов 1985 — Великая Отечественная война, 1941–1945: Энциклопедия / Гл. ред. М. М. Козлов. М.: Сов. энциклопедия, 1985.
- Константинов 2007 — *Константинов А. А.* Он словом правды побеждал врага // Независимая газета. 2007. 7 дек.
- Ле Гофф 1998 — *Ле Гофф Ж.* Предисловие // Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии / Пер. с фр. В. А. Мильчиной. М.: Языки рус. культуры, 1998. С. 11–57.
- Мильская 2000 — *Мильская Л. Т.* Александр Рафаилович Корсунский (1914–1980) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2: Всеобщая история / Отв. ред. Г. П. Севостьянов, Л. П. Маринович, Л. Т. Мильская. М.; Иерусалим: Университетская книга; Gesharim, 2000. С. 243–247.
- Мильская 2002 — *Мильская Л. Т.* Воспоминания Е. В. Гутновой и их достоверность // Средние века. Вып. 63 / Отв. ред. А. А. Сванидзе. М.: Наука, 2002. С. 394–401.
- Мильская, Варьяш 1983 — *Мильская Л. Т., Варьяш О. И.* А. Р. Корсунский как историк-медиевист // Средние века. Вып. 46 / Отв. ред. А. Н. Чистозвонов. М.: Наука, 1983. С. 275–290.
- Москаленко 1980 — *Москаленко А. Е.* Памяти А. Р. Корсунского // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 1980. № 4. С. 94–96.
- Образцов 2015 — *Образцов И. В.* Социологические исследования в войсках в годы Второй мировой войны: анализ зарубежного опыта // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 97–107.
- Панков 2001 — *Панков Ю.* Мастер спецпропаганды // Красная звезда. 2001. 15 июня.
- Филиппов 2023 — *Филиппов И. С.* Корсунский Александр Рафаилович // Большая российская энциклопедия: [Электрон. версия]. 2023. (В печати).
- Хейзинга 1992 — *Хейзинга Й.* Об исторических жизненных идеалах и другие лекции / Пер. с голландского И. Михайловой. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1992.
- Bloch 1921 — *Bloch M.* Réflexions d'un historien sur les fausses nouvelles de la guerre // *Revue de Synthèse historique*. Т. 7. 1921. Р. 13–35.
- Bloch 1969 — *Bloch M.* Souvenirs de guerre, 1914–1915. Paris: A. Colin, 1969.
- Fink 1992 — *Fink C.* Marc Bloch: The historian as patriot // *History of European Ideas*. Vol. 15. Issues 4–6. 1992. Р. 839–844.
- Hamacher 2005 — *Hamacher G.* Gegen Hitler. Deutsche in der Résistance, in den Streitkräften der Antihitlerkoalition und der Bewegung “Freies Deutschland”: Kurzbiografien. Berlin: Karl Dietz Verlag, 2005. (Manuscripte der Rosa-Luxemburg-Stiftung; 53).
- Lerner 2017 — *Lerner R. E.* Ernst Kantorowicz: A life. Princeton; Oxford: Princeton Univ. Press, 2017.

References

- Bloch, M. (1921). Réflexions d'un historien sur les fausses nouvelles de la guerre. *Revue de synthèse historique*, 7, 13–35. (In French).
- Bloch, M. (1969). *Souvenirs de guerre, 1914–1915*. A. Colin. (In French).
- Bloch, M. (1990). *L'étrange défaite. Temoignage, écrit en 1940*. Gallimard.
- Boitsov, M. A. (2014). Tri knigi Kantorovicha [The three books written by Kantorowicz]. In E. Kh. Kantorovich [= Kantorowicz]. *Dva tela korolia: Issledovaniia po srednevekovoi*

- politicheskoi teologii* (M. A. Boitsov, & A. Iu. Seregina, Trans., pp. 9–59). Izdatel'stvo Instituta Gaidara. (In Russian).
- Filippov, I. S. (2023. Forthcoming). Korsunskii Aleksandr Rafailovich. *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia* (Electronic ed.). (In Russian).
- Fink, C. (1992). Marc Bloch: The historian as patriot. *History of European Ideas*, 15(4–6), 839–844.
- Hamacher, G. (2005). *Gegen Hitler. Deutsche in der Résistance, in den Streitkräften der Antihitlerkoalition und der Bewegung "Freies Deutschland"*: Kurzbiografien. Karl Dietz Verlag. (In German).
- Huizinga, J. (1959). *Men and ideas: History, the Middle Ages, the Renaissance. Essays* (J. S. Holmes, & H. van Marle, Eds.). Princeton Univ. Press.
- Kantorowicz, E. (1927). *Kaiser Friedrich der Zweite*. Georg Bondi. (In German).
- Konstantinov, A. A. (2007, December 7). On slovom pravdy pobezhdal vraga [He defeated the enemy with the word of truth]. *Nezavisimaia gazeta*. (In Russian).
- Kozlov, M. M. (Ed.) (1985). *Velikaia Otechestvennaia voina, 1941–1945: Entsiklopediia* [The Great Patriotic War, 1941–1945: Encyclopaedia]. Sovetskaia entsiklopediia. (In Russian).
- Le Goff, J. (1983). Préface. In M. Bloch. *Les rois thaumaturges. Étude sur le caractère surnaturel attribué à la puissance royale, particulièrement en France et en Angleterre* (pp. i–xxxvi). Gallimard. (In French).
- Lerner, R. E. (2017). *Ernst Kantorowicz: A life*. Princeton Univ. Press.
- Mil'skaia, L. T. (2000). Aleksandr Rafailovich Korsunskii (1914–1980). In G. P. Sevost'ianov, L. P. Marinovech, & L. T. Mil'skaia (Eds.). *Portrety istorikov. Vremia i sud'by, Vol. 2, Vseobshchaia istoriia* (pp. 243–247). Universitetskaia kniga; Gesharim. (In Russian).
- Mil'skaia, L. T. (2002). Vospominaniia E. V. Gutnovoi i ikh dostovernost'. [E. V. Gutnova memoirs and its authenticity]. In A. A. Svanidze (Ed.). *Srednie veka* (Vol. 63, pp. 394–401). Nauka. (In Russian).
- Mil'skaia, L. T., & Var'iash, O. I. (1983). A. R. Korsunskii kak istorik-medievist [A. R. Korsunsky as medievalist]. *Srednie veka*, 46, 275–290. (In Russian).
- Moskalenko, A. E. (1980). Pamiati A. R. Korsunskogo [In memory of Alexander Korsunsky]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, Ser. 8, Istoriia*, 1980(4), 94–96. (In Russian).
- Obraztsov, I. V. (2015). Sotsiologicheskie issledovaniia v voiskakh v gody Vtoroi mirovoi voiny: analiz zarubezhnogo opyta [Sociological research among soldiers in the period of the Second World War: Analysis of foreign experience]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2015(11), 97–107. (In Russian).
- Pankov, Iu. (2001, Jyune 15). Master spetspropagandy [Master in the field of special propaganda]. *Krasnaia zvezda*. (In Russian).
- Var'iash, O. I. (1982). Pamiati A. R. Korsunskogo [To the memory of A. R. Korsunsky]. In A. N. Chistozvonov (Ed.). *Srednie veka* (Vol. 45, pp. 381–382). Nauka. (In Russian).
- Var'iash, O. I. (1991). Zasedanie pamiati A. R. Korsunskogo [Seminar dedicated to the memory of Alexander Korsunsky]. In A. N. Chistozvonov (Ed.). *Srednie veka* (Vol. 54, pp. 265–266). Nauka. (In Russian).
- Vozhakin, M. G. (Ed.) (2006). *Velikaia Otechestvennaia voina. Komkory: Voennii biograficheskii slovar'* [The Great Patriotic War: Army Corps Commanders. A Dictionary of Military Biographies] (Vol. 1). Kuchkovo pole. (In Russian).
- Vyrodov, I. Ia., Sekirin, M. K., Korotkov, G. I. et al. (1974). *V srazheniiakh za pobedu. Boevoi put' 38-i armii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny, 1941–1945* [In the battles for victory: The campaign record of the 38th Army during the years of the Great Patriotic War, 1941–1945]. Nauka. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Олег Валентинович Аулов

кандидат исторических наук
доцент, ведущий научный сотрудник,
Лаборатория античной культуры, Школа
актуальных гуманитарных исследований,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
заведующий кафедрой всеобщей
истории, Институт общественных
наук, Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
доцент, кафедра всеобщей истории,
исторический факультет, Российский
государственный гуманитарный
университет
Россия, 125047, Москва, Миусская пл., д. 6
Тел.: +7 (495) 250-61-18
✉ olegaurov1@yandex.ru

Information about the author

Oleg V. Aurov

Cand. Sci. (History)
Assistant Professor, Leading Researcher,
Laboratory for Classical Culture, School
for Advanced Studies in the Humanities,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration
Head of the Department of World History,
Institute of Social Sciences, The Russian
Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospect
Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
Associate Professor, Department of General
History, Historical Faculty, Russian State
University for the Humanities (RSUH)
Russia, 125047, Moscow, Miusskaya Sq., 6
Tel.: +7 250-61-18
✉ olegaurov1@yandex.ru

О. В. Ауров

ORCID: 0000-0002-0755-9902

✉ olegaurov1@yandex.ru

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)*

АЛЬФОНСО Х МУДРЫЙ. ТРАКТАТ О РЫЦАРСТВЕ: «О РЫЦАРЯХ И О ТОМ, ЧТО ИМ НАДЛЕЖИТ ДЕЛАТЬ» (PARTID. II.21)

Аннотация. Комментированный перевод на русский язык трактата о рыцарстве, включенного в кодекс «Семь Партид» Альфонсо X Мудрого (1252–1284) в качестве 21-й главы (титула) Второй Партиды (Partid. II.21), осуществляется впервые. Трактат был написан неизвестными кастильскими авторами под руководством Мудрого Короля. Он стал первым памятником этого жанра, созданным на Пиренейском полуострове и повлиявшим на трактат о рыцарстве («Книга о рыцарском ордене») Рамона Льюля (ок. 1232–1316). Конкретные источники сочинения Альфонсо X не установлены; единственным возможным исключением является трактат «О военном деле» позднеримского писателя Вегеция, но если этот текст и повлиял на кастильский трактат, то лишь в ограниченной мере. Структурно текст трактата подразделяется на пять частей: введение (Partid. II.21.1–3), описание характера идеального рыцаря (Partid. II.21.4–10), установление порядка проведения ритуала посвящения в рыцари (Partid. II.21.11–16), регламентация норм поведения рыцарей в обществе (Partid. II.21.17–22), заключение (Partid. II.21.23–25). Перевод сопровождается постраничными комментариями (главным образом историко-лингвистического характера) и предваряется вступительной статьей, в которой дается общая характеристика текста источника и приводятся общие сведения об эпохе создания трактата и его месте в ряду других известных сочинений того же жанра, первым памятником которого стал знаменитый трактат Бернара Клервоского (1091–1153) «Во славу нового рыцарства».

Ключевые слова: средневековое рыцарство, рыцарская идеология, Альфонсо X Мудрый, «Семь Партид», Кастилия и Леон, трактаты о рыцарстве, рыцарский идеал, Бернар Клервоский, Рамон Льюль

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Ауров О. В. Альфонсо X Мудрый. Трактат о рыцарстве: «О рыцарях и о том, что им надлежит делать» (Partid. II.21) // Шаги/Steps. Т. 9. № 2. 2023. С. 213–242. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-2-213-242>.

Статья поступила в редакцию 4 декабря 2022 г.

Принято к печати 2 января 2023 г.

Shagi / Steps. Vol. 9. No. 2. 2023

Translations

O. V. Aurov

ORCID: 0000-0002-0755-9902

✉ olegaurov1@yandex.ru

*The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Russia, Moscow)*

ALFONSO X THE WISE. TREATISE ON CHIVALRY: *DE LOS CAUALLEROS E DE LAS COSAS QUE LES CONUIENE DE FAZER (PARTID. II.21)*

Abstract. This is the first Russian commented translation of the treatise about ideal knighthood written by anonymous authors under the direction of Alfonso X the Wise (1252–1284). The text of the treatise was included in the second part (the Second Partida) of the legal code *Siete Partidas* as a Title, Partid. II.21. The treatise was the first work of the genre composed in the Iberian Peninsula and influenced the famous treatise written by the Catalanian writer Ramon Llull (ca. 1232–1316). The sources of the Castilian text have not been identified; the only possible exception is a treatise, *De re militare*, written by the Late Roman writer Vegetius in the 4th century A.D., but its influence on the Castilian treatise (if it really took place) was very limited. Structurally the text of the treatise can be divided into five parts: the introduction (Partid. II.21.1–3), the description of the ideal knight's character (Partid. II.21.4–10), the description of the accolade (the dubbing) (Partid. II.21.11–16), the rules of chivalrous behaviour in society (Partid. II.21.17–22) and the conclusion (Partid. II.21.23–25). The translation includes commentaries (mainly regarding historical and linguistic details) and an introductory study. The study presents general information about the content of the treatise, its epoch and its genre characteristics, and its historical position among other texts of the same genre, including the famous treatise “In Praise of the New Knighthood” written by Bernard of Clairvaux (1091–1153).

Keywords: medieval chivalry, chivalrous ideology, Alfonso X the Wise, *Siete Partidas*, Castile and Leon, treatises about chivalry, chivalrous ideal, Bernard of Clairvaux, Ramon Llull

Acknowledgements. The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

To cite this article: Aurov, O. V. (2023). Alfonso X the Wise. Treatise on chivalry: *De los caualleros e de las cosas que les conuiene de fazer* (Partid. II.21). *Shagi / Steps*, 9(2), 213–242. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-2-213-242>.

Received December 4, 2022

Accepted January 2, 2023

Представленный ниже трактат о рыцарстве, вошедший в виде отдельной главы (титула) в состав кодекса «Семь Партид» Альфонсо X Мудрого (1252–1284), короля Кастилии и Леона, переводится на русский язык впервые. В отечественной литературе о нем упоминает лишь В. Е. Багно в комментариях к своему переводу «Книги о рыцарском ордене» Рамона Льюля [Рамон Льюль 2003: 274–278]. При этом и в зарубежной медиевистике, где после появления работ швейцарского медиевиста Ж. Флори трактаты о рыцарстве рассматриваются как неотъемлемая часть памятников идеологии средневекового рыцарства [Флори 1999; 2006: 241–244, 251–283; Flori 1986; Кин 2000: 12–36; Coss 1993; Fleckenstein 2006: 134–135; Бартелеми 2014: 239–299], литература, посвященная трактату Альфонсо X, относительно невелика¹. Между тем текст, вошедший в состав «Семи Партид» (или, точнее, «Семи Партид мудрого короля дона Альфонсо»)² в качестве отдельного титула Второй Партиды, является не только одним из первых памятников, написанных в этом жанре, но и явно новаторским по своему содержанию.

Рыцарство — сообщество профессиональных конных воинов, начало истории которого правомерно связывать не с эпохой древних германцев³, а с изменениями, обусловленными военной реформой Каролингов. Именно с последними традиционно связывается создание многочисленного профессионального конного войска, занявшего то решающее место на поле боя, которое ранее, со времен античности, принадлежало тяжелой пехоте [Дельбрюк 1996: 7–41, 142–163; Коротков 1980; Barber 1980; Reuter 1999; Контамин 2001: 32–39; Bradbury 2004: 120–122; Bachrach, Bachrach 2017: 293–295]. Основные этапы истории этой профессиональной конницы — средневекового рыцарства — к настоящему времени изучены весьма детально, особенно начиная с конца 1960-х годов, со времени выхода в свет работ французского историка

¹ Показательно, что даже такой информированный исследователь, как Ж. Флори, его не упоминает. Я могу указать лишь на две работы, воздающие должное этому сочинению Мудрого Короля и его анонимных сотрудников: [Rodríguez-Velasco 2006; Martin 2004].

² О законодательной деятельности Альфонсо X и о месте в ней «Семи Партид» см., например: [Craddock 1981; Iglesia Ferreiros 1980; O'Callaghan 2001; Sánchez Arcilla Bernal 1999; 2004].

³ Иную точку зрения см. в [Бартелеми 2014: 13–44].

Ж. Дюби. Он первым подчеркнул роль синтеза статусов профессионального конного воина и вассала, создавшего феномен рыцарей-*milites* на рубеже раннего и Высокого Средневековья как особой сословной группы феодального общества. Начиная с X в. под латинским *milites* понимались не только рыцари-конники, но и рыцари-вассалы, соединенные узами личной зависимости со своими предводителями и покровителями, одновременно выступавшими и как командиры, и как сеньоры, предоставлявшие своим *milites* боевых коней, вооружение и снаряжение, а также источники дохода (земельные и/или денежные феоды). Получение последних на правах условных держаний определяло материальные аспекты самого существования рыцаря как эффективной военной единицы [Duby 1977a; 1977b].

Следующим этапом истории рыцарства стало возникновение мифа, отраженного «рыцарской идеологией» (или, по выражению Ж. Флори, «идеологией меча»), в свою очередь определившего корпоративное самосознание рыцарей эпохи расцвета этого сословия феодального общества. В основе этой идеологии лежал синтез двух идей, ключевых для дальнейшего восприятия феномена рыцарства. Первая являлась результатом переосмысления в русле христианской традиции роли и места войны в жизни общества, начатое в трудах Отцов и Учителей Церкви и завершившееся около 1000 г. формированием концепции *bellum iustum* (справедливой войны), цели и средства ведения которой должны были соответствовать высшей земной цели Церкви — защите верных от неверных (прежде всего слабых, но верных, от сильных, но вероломных) и тем самым способствовать утверждению *pax Dei* (Божьего мира) [Флори 1999]. Второй идеей стало постепенное переосмысление образа *miles Christi* (христианского воина), параллельно которому изначальное отрицание права христиан на ношение оружия постепенно сменилось терпимым отношением к этому, следствием чего в конечном итоге стало появление нового типа святости, воплощенном в святом-мирянине, с оружием в руках защищающем Церковь. Впервые этот образ появился в написанном аббатом Клуни Эдом (Одоном) (926–942) «Житии св. Геральда», героем которого стал Геральд (Герард), граф Орильякский:

О Геральд, по заслугам прозванный Добрым! Кто теперь, вместо тебя, будет опорой нуждающихся? Кто будет питателем сирот и защитником вдов? Кто будет утешителем скорбящих? Кто же подобно тебе с высоты своего могущества снизойдет к бедным? Или кто, как ты, в нужды каждого вникнет и их разрешит?⁴

Завершение процесса складывания рыцарской идеологии Ж. Флори связывает с эпохой Крестовых походов, заставившей полностью и абсолютно переосмыслить образ рыцаря в контексте как крестоносной идеи *stricto sensu*, так и идеологических последствий возникновения духовно-рыцарских орденов,

⁴ «O GERALDE, qui merito bonus vocaris, quis iam erit, sicut tu, sustentator indigentium? Quis nutritor pupillorum, vel defensor viduarum? Quis dolentium consolatur? Certe quis potentiae tuae culmen ita pauperibus inclinabit? Vel quis, sicut tu, singulorum necessitates perpendet, aut expediet?» (Odon de Cluny. Lib. III. Cap. 5). Перевод Константина Чарухина по изд.: [Одон 2022].

которые объединили рыцарей, живших по монашеским уставам, видоизмененным лишь в том, что касалось войны как специфической функции этой категории «братьев» [Fleckenstein 2006: 134–135]. Итогом этого сложного процесса стало возникновение рыцарского трактата как нового жанра средневековой литературы. Начало этому жанру было положено известным сочинением Бернара Клервоского (1091–1153) «Книга к рыцарям Храма во славу нового рыцарства» (Bernard. Liber de laude, между 1120 и 1138 гг.) [Barber 1995: 44].

Заложивший основы жанра трактат Бернара Клервоского был посвящен братьям-рыцарям Ордена тамплиеров и его основателю и первому великому магистру Гуго де Пейну (ок. 1070–1136). В ряду других текстов, относящихся к этому жанру, — анонимная старофранцузская поэма «Рыцарское сословие» [L'Ordene de chevalerie 1808] (ранее 1250 г.; известна также ее прозаическая версия); «Книга о рыцарском сословии»⁵ великого каталонского философа и теолога Рамона Льюля (ок. 1232–1316) [Ramon Lull 1879]; «Книга рыцарства» Жоффруа де Шарни, сеньора де Лире (ок. 1306–1356) [Geoffroi de Charny 1996], «Зерцало рыцаря» (ок. 1415 г.) Иоханнеса Рота (1360–1434) [Johannes Rothe 1936] и некоторые другие сочинения, и это не считая иных многочисленных «зерцал» — трактатов о знатности, о воспитании будущих государей и знатных юношей, где также затрагивается проблематика, связанная с рыцарством и рыцарским идеалом [Кин 2000: 16–34]. В этот ряд по достоинству должно быть включено и сочинение Альфонсо X, сохранившееся в качестве отдельного титула Второй Партиды — Partid. II.21.

В общей структуре кодекса Мудрого Короля Вторая Партида, как убедительно показала испанская исследовательница Ирина Нану, «может рассматриваться в качестве зеркала правителей, включенного в зеркало более широкого содержания — зеркало права...» [Nanu 2013: 277]. Применительно к поставленной задаче содержание этой части кодекса Альфонсо X выстроено следующим образом. Титулы Второй Партиды с первого по 11-й имеют основополагающее значение, поскольку определяют соотношение статусов короля и императора (Partid. II.1), критерии королевского благочестия (Partid. II.2), характеристики личности и статуса монарха (Partid. II.3–5), модель отношения короля к членам его семьи (Partid. II.6–8), а также к должностным лицам, подданным и своей стране (Partid. II.9–11). Следующая далее группа титулов, с 12-го по 20-й, регламентирует отношение к самому королю со стороны его подданных — от простого народа до прямых королевских вассалов. После этого начинается титул Partid. II.21, с одной стороны, завершающий перечень норм, регламентирующих отношение к королю различных сословных групп кастильского общества, а с другой — открывающий ряд титулов Второй Партиды, посвященных военному делу, армии и флоту, их организации, вооружению и т. п. (Partid. II.22–30) [Ауров 2016]. Наконец, завершающий титул Второй Партиды (Partid. II.31) повествует об организации университетов, постановке преподавания в них и роли образования в жизни королевства (а следовательно, и монарха) [Ауров 2015].

⁵Предложенный В. Е. Багно вариант перевода заглавия, где каталонское *ordre* передается как «орден» («Книга о рыцарском ордене») [Рамон Льюль 2003: 71–132], представляется недостаточно точным.

Источники титула Partid. II.21 остаются неясными. Сами его составители четко называют лишь известный военный трактат Флавия Вегеция Рената «О военном деле» (*De re militare*, вариант: *Epitoma rei militaris libri III*; рубеж IV–V вв.). Причем фигурирующая в Partid. II.21.2 единственная косвенная цитата из этого сочинения едва ли свидетельствует о реальном использовании трактата составителями этой части Партид. В остальных же случаях анонимные сотрудники Альфонсо X и вовсе отказываются от обозначения своих конкретных источников, предпочитая туманные определения «древние» (*los Antiguos*; Partid. II.21.2, 4, 9–21, 23–25) либо (реже) синонимичное последнему «древние мудрецы» (*los Sabios antiguos*; Partid. II.21.11, 17, 21)⁶. Идентификация этих источников (если она вообще возможна) является делом будущего. Тем не менее даже поверхностный анализ указывает на знакомство авторов трактата с трехчастной схемой подразделения средневекового общества («моящиеся — сражающиеся — трудящиеся») [Дюби 2000: 21–68], с опорой на произведения Адальберона Ланского (*Adalbero Laudunensis*) и Герарда Камбрейского (*Gesta pontificum cameracensium*).

Цели создания трактата четко определены современным французским исследователем Жоржем Мартеном и не требуют дальнейших комментариев: «...предназначенный для того, чтобы поставить на службу королевской власти агрессию, которую средневековое общество оставляло в руках светской знати, главного обладателя военной силы в королевстве, титул 21 Второй Партиды легитимизирует прерогативы и привилегии этой социальной группы, распространяя на нее модель рыцарства с его троякой составляющей — образом действий, этикой и ритуалами» [Martin 2004: 234]⁷.

Внутренняя структура трактата обусловлена целью его создания и обладает ясной логикой. Он включает 25 «законов» (*leyes*), ни один из которых, однако, не является законом в юридическом смысле, а представляет собой этическую максиму, определяющую конкретную сторону рыцарского образа жизни (впрочем, отсутствие четкого разделения между юридическим и этическим было вообще свойственно древнему и средневековому праву⁸). Структурно трактат можно подразделить на пять частей.

Часть первая. Первые три закона (Partid. II.21.1–3) составляют введение; они определяют само понятие рыцарства (Partid. II.21.1), принципы отбора кандидатов, претендующих на включение в состав рыцарского сословия (Partid. II.21.2), а также критерии знатности (идальгии), которые следует учитывать при их отборе (Partid. II.21.3).

Часть вторая. Следующие семь законов (Partid. II.21.4–10) устанавливают черты характера подлинных рыцарей. Их ряд открывают четыре главные рыцарские достоинства (*uirtudes*): благоразумие (*cordura*), сила (*fortaleza*), умеренность (*mesura*) и справедливость (*justicia*); там же дается исчерпыва-

⁶ Впрочем, и сам Вегеций (если допустить, что он все же имел отношение к Partid. II.21) редко обозначал свои источники, предпочитая расплывчатые выражения «древние писатели» (Veget. I. praef.: «tanto inferiorem me antiquis scriptoribus esse») или даже просто «древние» (Veget. I.11: «Antiqui, sicut inuenitur in libris...» et al.).

⁷ Близкой точки зрения о целях создания трактата придерживается и Х. Родригес-Веласко. См.: [Rodríguez-Velasco 2006: xix–xx].

⁸ См., например: «...ut eleganter Celsus definit, ius est ars boni et aequi» (D. I.1.1 (Ulpianus libro I Digestorum)).

ющее определение основной миссии рыцарей: «охранять Церковь, и королей, и всех остальных людей». Кроме четырех перечисленных выше достоинств, рыцари, согласно трактату, должны также быть разумными (*entendidos*), знающими (*sabidores*), хорошо воспитанными (*bien acostumbrados*), хитрыми и ловкими (*arteros*), верными (*leales*), а также знать толк в лошадях и вооружении (*sabidores para conosçer los caualllos e las armas que traxieren*) (Partid. II.21.5–10).

Часть третья. Еще шесть законов (Partid. II.21.11–16) определяют порядок посвящения в рыцари; в том числе критерии отбора тех, кто имеет и кто не имеет права совершать ритуал посвящения (Partid. II.21.11), а также тех, кто может и кто не может претендовать на получение статуса рыцаря (Partid. II.21.12). Далее следует описание действий посвящаемого (т. е. оруженосца) непосредственно перед актом посвящения (Partid. II.21.13) и порядка совершения последнего (Partid. II.21.14–15) и, в заключение, обязательств вновь посвященного перед тем, кто его посвятил (Partid. II.21.16).

Часть четвертая. Следующие далее шесть законов (Partid. II.21.17–22) устанавливают нормы поведения рыцарей в обществе: ведь, согласно трактату, им надлежит быть «примером для всех остальных» (Partid. II.21.17). К числу таких норм относятся правила верховой езды (Partid. II.21.17), выбор одежды (Partid. II.21.18), соблюдение умеренности в еде, питье и сне (Partid. II.21.19), приобщение к примерам наиболее знаменитых рыцарей посредством чтения и восприятия на слух рассказов о них во время трапезы (*estorias*) (Partid. II.21.20), кодекс рыцарской чести (Partid. II.21.21) и, наконец, манера ведения беседы и приемлемой жестикуляции (Partid. II.21.22).

Часть пятая. Последние три закона (Partid. II.21.23–25) носят характер заключения; они касаются рыцарских прав и привилегий (Partid. II.21.23–24) и оснований их утраты; здесь же описывается и ритуал исключения из рыцарского сословия, «зеркальный» по отношению к обряду посвящения (Partid. II.21.25).

Оценивая характер сочинения в целом, можно уверенно определить его как своеобразный аристократический миф, как зеркало рыцарей, встроенное в зеркало государей, частью которого оно является. Не вызывает сомнения обоснованность вывода Ж. Мартена о том, что те черты, которые составителями трактата приписывают всему рыцарству, на самом деле характеризуют лишь положение представителей знатной части сословия — рыцарей-идальго (*fijosdalgo*), статус которых передавался по наследству. При этом прагматические цели Альфонсо X, предопределившие создание трактата, вполне очевидны: так же, как кодекс «Семь Партид» в целом был создан легистами (образованными юристами с университетским образованием) для того, чтобы «подтянуть» кастильскую правовую действительность до уровня *ius commune* (университетского ученого права), так и Второй Партиде как трактату о воспитании идеального государя надлежало постепенно изменить социально-политические реалии Кастильско-Леонского королевства. Трактат об идеальном рыцаре, вошедший в ее состав в качестве титула Partid. II.21, был в первую очередь предназначен для того, чтобы изменить отношение к королю со стороны непокорных магнатов — высшей знати (*ricos omnes*) королевства Кастилия

и Леон, далеко не во всем поддерживавшей Мудрого Короля, а порой и прямо конфликтовавшей с ним.

Перевод трактата на русский язык осуществлен впервые. Он сделан по изданию Partid. II: 415–438 и выверен по новейшему критическому изданию памятника [Alfonso X 2008].

Альфонсо X Мудрый

О РЫЦАРЯХ И О ТОМ, ЧТО ИМ НАДЛЕЖИТ ДЕЛАТЬ

Защитники⁹ — это одно из трех сословий, посредством которых Бог пожелал, чтобы существовал этот мир. Потому точно так же, как те, кто молит Бога за народ, именуются Богомольцы, а те, кто обрабатывают землю и создают на ней то, благодаря чему могут существовать люди, называются Работники, те, кто должны защищать всех и каждого, именуются Защитники. А потому древние говорили о людях, которые должны делать это, что им следует быть особо избранными; и это потому, что при защите необходимы три вещи: усилие, честь и мощь. Поэтому, хотя в предыдущем титуле мы показали, каковым должен быть народ той страны, в которой он проживает и которую заселяет поколение за поколением, и обрабатывает ее землю, чтобы обрести ее плоды, и ставит под свою власть явления, в стране происходящие, и защищает ее, и охраняет ее от врагов, что является общей для всех обязанностью; но при всем при этом теми, кому эта земля принадлежит прежде всех, являются рыцари — те, кого древние именовали Защитниками. В первую очередь потому, что им более всего свойственна честь, а еще потому, что они более других созданы для того, чтобы защищать страну и расширять ее пределы. А поэтому здесь мы желаем поговорить о них. И объяснить, почему они именуются таким образом, и кто может посвящать в статус рыцаря, и кого посвящать, и каким образом, и как им следует вести себя, и что им надлежит охранять, и что для этого делать, и как следует воздавать почести тем, кто являются рыцарями, и из-за чего они могут утратить это почетное положение.

Закон 1

По каким причинам рыцарство и рыцари носят это наименование

Рыцарством в древности именовалось сообщество знатных людей, которые должны были защищать свои земли. А потому их называли латинским словом *militia*,

⁹ В тексте — *defensores*, в противовес традиционному для такого рода классификаций *pugnatores* или *bellatores* ‘воюющие, сражающиеся’. Тем не менее в знаменитых текстах о трехчастном делении средневекового общества (подробнее см.: [Дюби 2000]), принадлежащих Адальберону Ланскому и Герарду (Гиральду) Камбрейскому (в последнем случае — с определенными оговорками), также подчеркивается оборонительный характер функции сословия воинов-рыцарей. См., например: «Genus humanum ab initio trifariam divisum esse monstravit, in orationibus, agricultoribus, pugnatoribus; horumque singulos alterutrum dextra laevaque foveri, evidens documentum dedit. Oratorum a saeculi vacans negotiis dum ad Deum vadit intention, pugnatoribus debet, quod sancto secura vacat otio; agricultoribus, quod eorum laboribus corporali pascitur cibo» (Gesta pontificum cameracensium. III.52). См. также: «Nunc orant, alii pugnant, alique laborant» (Adalbero Laudunensis. Fol. 39v). И далее: «Hi bellatores, tutores aecclesiarum» (Ibid. Fol. 39r). Здесь и далее выделено мной.

которое обозначает сообщество твердых и сильных, созданных для того, чтобы претерпевать трудности и противостоять дурному, перенося лишения и страдания во имя общего блага. И поэтому это название содержит в себе число «тысяча» (*mil*), поскольку в древности из тысячи людей избирали одного, чтобы посвятить его в рыцари¹⁰. Но в Испании говорили «рыцарство» не потому, что принадлежащие к нему сражались в коннице¹¹, но от того, что передвигаться верхом на коне считалось более достойным, чем использовать другое выючное животное¹²; кроме того, те, кого избирают для посвящения в рыцари, пользуются большим почетом, чем все другие защитники. А поскольку название «рыцарство» было заимствовано от сообщества избранных для защиты, то и наименование «рыцарь» произошло от слова «рыцарство».

Закон 2

Как следует отбирать кандидатов в рыцари

Тысяча — это самое почетное число из всех, что только могут быть. И поскольку десять — это самое почетное число из всех, которые начинаются с одного, а сотня — из всех, начинающихся с десяти, то тысяча — самое большое число из сотен, поскольку все остальные заключены в ней. А далее невозможно найти другое наименование числа, значимое само по себе, и надо приложить усилие, чтобы назвать его с помощью других чисел, о которых говорят, что они входят в состав тысячи. И по этой причине в древности из тысячи людей выбирали одного, чтобы сделать его рыцарем, как мы говорили в предыдущем законе. И заботились, чтобы избранные обладали тремя качествами. Первое — чтобы они были готовыми переносить лишения, дабы претерпевать великие тяготы и трудности, возникающие в период войны и во время сражений. Второе — чтобы они могли перенести испытания, дабы умели лучше и быстрее убивать и побеждать своих врагов, и чтобы, делая это, они не уставали бы слишком быстро. Третье — чтобы они были жестокими, не колеблющимися перед тем, чтобы грабить врагов, ранить и убивать их, а также чтобы они не падали духом ни от полученных ударов, ни от того, что будут наносить их другим. И по этим причинам издревле для того, чтобы сделать их рыцарями, отбирали охотников, промышлявших в горах — людей, претерпевавших великие тяготы, и плотников, и кузнецов, и каменщиков, поскольку все они часто претерпевают раны и обладают крепкими руками. А также и мясников, принужденных убивать живых существ, а также выпускать из них кровь. Заботились и о другом — чтобы они были ладно сложены, дабы быть резвыми, и сильными, и легкими в движениях. И этот принцип отбора древние практиковали в течение долгого времени. Но поскольку они могли много раз убедиться, что в отсутствие стыда забываются и все названные выше качества и вместо побед над врагами они побеждают сами себя, мудрецы посчитали во благо, дабы кандидаты, проявляющие эти качества, от природы отличались бы стыдливостью. И написал об этом один мудрец по имени Вегеций, который говорил о рыцарском сословии, что стыд запрещает рыцарю покидать поле сражения, а посему он делает его по-

¹⁰ Авторы Партид исходят из созвучия латинских слов *militia* и *mille*.

¹¹ Авторы Партид уходят здесь от реальной этимологии, предпочитая искусственную, которая становится основой для необходимых авторам интерпретаций. Этот метод не нов: в испанской средневековой литературе он успешно использовался уже Исидором Севильским (ок. 570–636).

¹² То есть осла или мула.

бедителем¹³. Оттого многие полагали, что лучше человек слабый, претерпевший лишения, чем сильный, но легко обращающийся в бегство. А поэтому прежде всех иных качеств они посчитали, что пусть кандидат будет человеком знатного рода, дабы он воздерживался от совершения поступков, которые заставят его испытывать стыд. И поскольку такие кандидаты избирались из добрых мест и обладали тем, что на языке Испании можно назвать добром¹⁴, поэтому их называли *идальго*, что означает «сыновья добра»¹⁵. А в некоторых других местах их называют «благородными», и это название происходит от слова «благородство», которое означает то же, что и «знатность по добродетели», поскольку благородные были людьми знатными и добродетельными и вели жизнь более упорядоченную, чем другие люди. И это благородство присутствует у них трояким образом. Во-первых, в силу происхождения. Во-вторых, в силу познаний. В-третьих, в силу добродетельных воспитания и манер. И поскольку те, кто получает все это и путем познания, и путем благородства, с полным правом зовутся знатными и благородными, в большинстве своем к ним принадлежат те, кто обретает это издревле, по происхождению, и кто ведет добродетельную жизнь, поскольку эта манера приходит к ним от предков как наследство. И потому они более всего озабочены совершением добрых дел и воздерживаются от преступного и дурного поведения, ведь в таком случае они наносят ущерб и заставляют стыдиться не только самих себя, но и тех, от кого ведут свой род. А потому идалъго должны избираться из тех, кто происходит из правильного рода, от отца, и от деда, и вплоть до родственника в четвертом поколении, который именуется прадедом. И древние одобряли это, поскольку далее люди не способны прийти к единому мнению относительно своих предков; но чем дальше вглубь времен уходят корни происходящих от достойного рода, тем более выражены у них честь и идалъгия¹⁶.

Закон 3

О том, как идалъго должны хранить знатность и идалъгию

Статус идалъго, как мы говорили в предыдущем законе, предполагает знатность, которая обретается по происхождению. А потому ее должны особенно хранить те, кто имеет на нее право, дабы она не претерпела ущерба и не преуменьшилась. Ведь происхождение — это то, что люди получают так же, как и наследство; не должно желать идалъго такой несчастной судьбы, чтобы то, что создали и наследовали другие, преуменьшилось бы им или закончилось на нем. А так происходит тогда, когда он преуменьшает то, что прирастало усилиями других, вступая в брак с простолюдинкой, или когда девушка из рода идалъго выходит замуж за простолюдина. Однако главным образом идалъгия обретается в силу чести отцов.

¹³ Cp.: «Honestas enim idoneum militem reddit, uerecundia, dum prohibet fugere, facit esse uictorem» (Veget. I.7) — «Чувство чести делает воина наиболее подходящим, чувство долга, мешая ему бежать, делает его победителем» (пер. С. П. Кондратьева; см.: [Вегетий 2002: 274]).

¹⁴ То есть имуществом.

¹⁵ Народная этимология старокастильского *fjodalgo* < *fijo* ‘сын’ + *de* + *algo* ‘нечто, некое имущество’. Подобное объяснение имеет под собой определенные основания; скорее всего, речь идет о кальке какого-то арабского выражения, хотя предложенная А. Кастро версия происхождения слова (*fidalgo* < *fijo al-hums*) признана некорректной с точки зрения исторической фонетики [Corominas, Pascual 1984–1991 (3): 359–361].

¹⁶ Идалъгия (*idalguia*) — привилегированный статус идалъго, один из эквивалентов понятия «знатность», в противовес *villania*, статусу незнатных (*villanos*) [Corominas, Pascual 1984–1991 (3): 360–361].

А потому хотя бы мать была простолюдинкой, а отец — идальго, сын, который от них родится, также будет идальго, и его можно будет числить среди идальго, но не среди знатных. Но это если он родится от идальго; а вот родившегося от простолюдина неправильно причислять к идальго, поскольку люди всегда называют имя отца прежде, чем заявить о чем-либо¹⁷, тогда как имя матери никогда не упоминается, чтобы бесчестье не перешло на нее или на ее сына. Ибо самое большое бесчестье, которое может затронуть что-либо имеющее отношение к чести, это когда последнее смешивается с подлостью настолько, что теряет наименование «честного» и меняет его на противоположное.

Закон 4

*О том, что рыцари должны обладать четырьмя главными достоинствами*¹⁸

Добродетелями¹⁹ именуется добрые обычаи, которые от природы заключены в человеческих душах; на латыни они именуется «virtutes», и в их числе четыре являются главными — благоразумие, сила, умеренность и справедливость. А поскольку каждый человек стремится к благу и должен трудиться, дабы обрести его, что касается как Молящихся, о которых мы уже говорили, так и тех, кто обязан прилагать усилия для управления землями; но ни к кому это не относится более, чем к Защитникам, поскольку они должны охранять Церковь, и королей, и всех остальных людей. Поскольку благоразумие даст им понять, как осуществлять защиту на пользу им, а не во вред. А сила сообщит твердость в том, что они делали, дабы исключить непостоянство. Умеренность же — для того, чтобы они обрели вещи так, как должно, и не присваивали себе большего. А справедливость для того, чтобы они поступали согласно праву. И поэтому древние, дабы помнить обо всем этом, установили изготавливать для рыцарей вооружение и снаряжение четырех типов. Первое — то, в которое они облакаются и которое надевают на ноги, второе — которым препоясываются, третье — которое держат перед собой, а четвертое — которым наносят ранения. А поскольку вооружение и снаряжение бывает различным, то оно подразделяется еще на два вида: первое — оно служит для защиты тела и называется доспехами, а второе — собственно оружие, чтобы наносить ранения. И поскольку Защитники не используют это вооружение и снаряжение одновременно, и даже если обладают им, не могут носить его с собой постоянно, древние посчитали во благо выделить одну из этих вещей, в которой по принципу сходства проявились бы все перечисленные качества; и таковым оружием стал меч. Поскольку подобно тому, как снаряжение, в которое человек облакает себя, являет в себе благоразумие — доблесть, сохраняющую от всего дурного, что может произойти по вине человека, то же самое демонстрирует и рукоять меча, которую воин сжимает в руке, ибо, когда он держит ее таким образом, в его власти или поднять, или опустить меч, или нанести ранение, или предотвратить его. И подобно тому, как вооружение, которое воин держит перед собой, являет в себе

¹⁷ Имеется в виду стандартная форма кастильского имени, когда к имени сына прибавлялось имя отца с добавленным окончанием *-az*, *-ez* или *-iz* (усеченная форма от лат. *filius*); таким образом, невозможно было сделать какое-либо официальное заявление, не упомянув имя отца.

¹⁸ В оригинале — *uirtudes* (*uirtud* < лат. *virtus* ‘достоинство, добродетель, сила’) [Corominas, Pascual 1984–1991 (5): 828].

¹⁹ В оригинале — *bondades* (*bondad* < лат. *bonitas* ‘доброта, справедливость, правота, добротность’) [Nieves Sánchez 2000: 52].

силу — доблесть, позволяющую человеку твердо противостоять возникающим опасностям, то же самое выражает и навершие меча, в котором заключена вся его сила, поскольку оно венчает собой и рукоять, и гарду, и клинок. И подобно тому, как вооружение, которым препоясывается воин, является как бы посредником между тем, в кое он облачается, и тем, коим он наносит ранения, такое вооружение являет в себе доблесть умеренности в ряду качеств, являющихся более или менее обязательными; так же и гарда, которая находится между рукоятью и клинком меча. И подобно тому, как вооружение, которое предназначено для нанесения ранений там, где это необходимо, являет собой справедливость, заключающую в себе право и равенство перед законом, то же верно и для клинка, который в равной степени правилен, остр и скошен с обеих сторон. И по всем этим причинам древние постановили, чтобы знатные Защитники всегда носили с собой меч и чтобы посредством него, а не какого-либо иного оружия, они получали почетный статус рыцаря, дабы при них всегда находилось проявление тех четырех качеств, коими они обязаны обладать. Ибо без них они не смогут осуществлять ту защиту, которая есть их предназначение.

Закон 5

О том, что Защитники обязаны быть разумными

Помимо тех добродетелей, о которых мы сказали в предыдущем законе, есть еще и другие, которыми также обязаны обладать рыцари, в том числе быть разумными. Поскольку разум — это то качество, которое более всего направляет путь человека, чтобы он был совершенен в своих делах и чтобы отличался от других Божьих тварей. А потому рыцари, которые должны защищать и себя, и других, как мы уже говорили, должны быть разумными. Ибо если они не станут таковыми, то будут ошибаться в делах, которые им надлежит совершать, поскольку неразумность приводит к неспособности проявить власть тех, кто должен это делать, а с другой стороны, они будут приносить зло тем, кого обязаны охранять. Кроме того, они проявят жесткость там, где будет необходимо благочестие, тогда как это последнее — там, где будет приличествовать жесткость. А еще неразумность приведет их к другому великому преступлению, которое выразится в неверности: ведь она заставляет возлюбить тех, к кому надлежало бы проявить непреклонность, и игнорировать тех, кому следовало бы воздавать добром. Кроме того, она же ведет к применению силы там, где этого делать не следует, и делает слабыми там, где надобно быть сильным; та же неразумность заставляет жаждать того, чего не следует иметь, и забывать о том, чего необходимо добиваться. И таким образом неразумность приводит к ошибкам во всем, что надлежит делать рыцарям.

Закон 6

Что рыцари должны быть людьми знающими, чтобы уметь использовать свою разумность

Как мы уже сказали в предыдущем законе, рыцарям надлежит быть разумными, поскольку это делает их более совершенными; но вместе с тем разумность не принесет пользы, если они не будут знать, как ее применить. Ибо пусть даже она и подскажет, что им следует обладать властью, чтобы защищать себя и других, но если у них не будет знаний, дабы суметь сделать необходимое, цена им будет велика. Ведь дело ведет человека к завершению задуманного: оно как зеркало, в

котором отражаются его намерение и его возможности такими, каковы они есть. А потому надлежит, чтобы рыцари были людьми знающими, дабы уметь совершать задуманное. Иначе они не смогут в полной мере стать достойными Защитниками.

Закон 7

О том, что рыцари должны быть хорошо воспитанными

Поскольку порой идалго должны проявлять противоположные качества, им следует достичь совершенства в хороших манерах. Поскольку, с одной стороны, они обязаны быть сильными и смелыми, а с другой — кроткими и смиренными. Ведь насколько им нужны сильные и смелые слова для того, чтобы испугать врагов и нести им страх, стоя лицом к лицу, настолько же идалго следует проявлять в делах кротость и смирение, дабы умиротворять и объединять тех, кто будет на их стороне, и быть приветливым в словах и поступках. Ибо естественно, что тот, кто ведет себя добродетельно там, где этого делать не следует, потерпит поражение тогда, когда в этом действительно возникнет нужда.

Закон 8

О том, что рыцарям надлежит быть хитрыми и ловкими

Рыцари должны быть хитрыми и ловкими — это те два качества, которые им весьма необходимы, поскольку так же, как ловкость дает умение в том, что полагается делать руками, так и хитрость позволяет найти путь к завершению дела наилучшим образом и наиболее безопасно, чего они и желают. А потому два эти качества действуют рука об руку. Ибо ловкость дает им умение быстро и ладно вооружиться, а также разить врага всеми видами оружия и быть легкими и искусными наездниками. А хитрость подсказывает, как немногим победить многих и как выпутаться из опасностей, в которые ты попал.

Закон 9

О том, как рыцари должны хранить нерушимую верность

Рыцарям надлежит быть верными во всем. Ибо это та добродетель, в коей воплощаются и находят наивысшее проявление добрые манеры: верность — как мать для них всех. И хотя ею должны обладать все люди, но особенно это надлежит рыцарям по трем причинам, как об этом говорили древние. Во-первых, поскольку предназначение рыцарей состоит в защите и охране всех остальных, а те, кто не являются верными, не могут стать хорошими Защитниками. Во-вторых, верность нужна рыцарям для того, чтобы хранить честь их рода, что будет невозможно в случае, если она будет нарушена. В-третьих, и более всего, чтобы они не совершали вещей, которые заставляют испытывать стыд, если не будут хранить верность. А потому необходимо, чтобы они хранили верность во всех своих поступках и знали, как этого добиться: ведь иначе они неизбежно нарушат ее. Ибо часто случается, что во имя сохранения верности своему сеньору и тем, по отношению к кому они обязаны ее соблюдать, люди совершают недостойные поступки по отношению к тем, кто этого не заслуживают, чем наносят ущерб и себе, и своим обязанностям: ведь они подвергают себя опасности, и погибают, и поступают вопреки собственным намерениям, отвергая то, в чем разбираются, делая то, чего не желают, будучи способными от этого освободиться. И все это они совершают,

чтобы не преуменьшилась их верность. А потому необходимо, чтобы они хорошо понимали, что она собой представляет, и умели действовать так, как положено.

Закон 10

*О том, что рыцари должны знать толк в лошадях
и вооружении, понимая, хороши они или нет*

Кони, и доспехи, и вооружение — это те вещи, которые рыцарям надлежит иметь в хорошем состоянии, каждую соответственно его природе. Ведь поскольку им положено применять оружие, оно должно быть пригодным к использованию. И среди всех тех вещей, в которых должны разбираться рыцари, самая важная — знать толк в лошадях. Ибо если конь высок и красив, но плохо обьезжен, и рыцарь не будет в состоянии это понять, это приведет к двум дурным последствиям. Первое — то, что он потеряет уплаченное за этого коня, а следующее — что может из-за него попасть в смертельную или непредвиденную опасность. И то же самое произойдет с ним, если у него не будет добрых, хорошо и продуманно сделанных доспехов. А потому, как показали древние, для того чтобы кони были хороши, они должны обладать тремя качествами. Первое — быть хорошего цвета, второе — иметь хороший характер, третье — иметь такие стати, как надобно, соответственно первому и второму. А сверх этого, что следует хорошо понимать, надо позаботиться, чтобы у них была хорошая родословная. Ибо это животное более всего соответствует природе мира. И еще древние говорили о том, что, помимо знания всего этого, рыцари должны делать три вещи, чтобы их кони были хороши. Первая — уметь сохранять их достоинства, вторая — отучить от дурных привычек, если таковые имеются, третья — оберегать их от свойственных этим животным болезней. Кроме того, в доспехах они должны разбираться тройким образом. Первое — понимать, хорошо ли железо, или дерево, или кожа, или другой материал, из которого они сделаны; второе — прочны ли эти доспехи; третье — легки ли. То же самое относится к боевому оружию, которое должно быть хорошо сделанным, крепким и легким. Ведь чем лучше рыцари будут разбираться в этих вещах, тем больше и лучше смогут ими воспользоваться и применить их себе на благо.

Закон 11

Кто имеет, а кто не имеет право посвящать в рыцари

В рыцари не может посвящать человек, который сам рыцарем не является. Ведь древние мудрецы, которые разумно установили все эти принципы, не считали ни нормальным, ни соответствующим праву, чтобы один человек давал другому то, чем не обладает сам. И как ордена²⁰ Молящихся не могут быть переданы никому, кто не принадлежит к ним, так и посвящать в рыцари не может тот, кто не является таковым. Но некоторые полагали, что, сами не будучи рыцарями, это могут делать король или его сын и наследник из соображений государственного порядка: ведь они являются главами рыцарей, и вся связанная с этим власть воплощается в их приказах, и они делали это раньше и делают и поныне в разных странах. И все же на основании, соответствующем истине и закону, никто не может быть посвящен в рыцари рукой того, кто сам таковым не является. Древние

²⁰ В данном случае речь идет о церковных орденах всех видов — от регулярных клириков до монашеских и духовно-рыцарских орденов.

же так превозносили рыцарское сословие, что установили: императоры и короли не могут быть ни провозглашены²¹, ни коронованы до тех пор, пока они не станут рыцарями. И кроме того, они постановили, что никто не может посвятить в рыцари сам себя в силу почетности своего статуса. И хотя кое-где короли и делают это, скорее в силу обычая, чем права, но древние не одобряли происходившего таким образом. Поскольку никто не может установить для себя ни достоинства, ни устава, ни правила, если только этого пожелает пожаловать ему кто-либо другой. А потому необходимо, чтобы в посвящении в рыцари участвовали два лица — тот, кто посвящает, и тот, кто принимает посвящение. Кроме того, установлено, что даже императрица или королева, получившая этот статус по наследству, не может посвящать в рыцари своей рукой, но она должна попросить или приказать сделать это кого-нибудь из числа подчиненных ее сеньориальной власти, кто имеет право совершить этот акт. А еще древние установили, что ни лицо, лишившееся памяти, ни тот, кто будет находиться в возрасте моложе четырнадцати лет, не имеет права посвящать в рыцари, поскольку рыцарское достоинство отличается такой знатностью и таким почетом, что тот, кто делает это, должен понимать суть совершаемого им, что невозможно применительно к двум названным категориям. Кроме того, ни клирик, ни другое духовное лицо не должны посвящать в рыцари, поскольку лишено смысла вкладывать руки в руки тех, кто не имел и не имеет права принимать эти руки при совершении посвящения²². Но если кто-либо изначально являлся рыцарем, а затем случилось так, что он стал магистром духовно-рыцарского ордена, который несет службу с оружием в руках, то ему не запрещено проводить акт посвящения. Также древние не одобряли, чтобы в рыцари посвящался человек, который не имел на это ни правовых, ни иных оснований, как это будет показано далее в законах этого титула.

Закон 12

Кого не следует посвящать в рыцари

Невозможность действовать надлежащим образом проявляется двояко — во-первых, в действиях, во-вторых — в основаниях. В действиях — когда люди не выполняют того, что необходимо, а в основаниях — когда они не имеют права на соответствующие действия. И хотя сказанное проявляется в разных ситуациях, особенно оно касается посвящения в рыцари. Поскольку неразумно, чтобы дама или духовное лицо могли посвящать в рыцари, ведь им не приходится вкладывать руки в бою²³, точно так же противоречит разуму, чтобы это делал сумасшедший или несовершеннолетний, ибо он не обладает достаточным рассудком для понимания своих действий. Кроме того, противоречит праву, чтобы рыцарем становился человек очень бедный, если предварительно ему не окажет помощи советом тот, кто его посвящает, что позволяет ему вести достойную жизнь. Поскольку древ-

²¹ В тексте — *consagrados*, что, вероятно, предполагает не только провозглашение, но и помазание на царство там, где эта норма существовала; как известно, Кастилия к таким регионам не относилась.

²² В тексте: «*entremeterse de fecho de caualleria, aquellos que non ouieren, ni han poder de meter y las manos para obrar della*»; речь идет о вложении рук при совершении вассального оммажа, поскольку посвящаемый в рыцари автоматически становился вассалом того, кто произвел обряд посвящения [Кулаева 2007: 115–118].

²³ Вероятно, имеется в виду жест протягивания сложенных вместе рук для связывания при сдаче в плен [Кулаева 2007: 115–118]. Если такое понимание корректно, то семантика основного элемента вассального ритуала получает внятное объяснение.

ние не считали нормальным, чтобы почетный статус рыцаря, учрежденный для того, чтобы предоставлять благо и совершать благие дела, доставался человеку, который, обладая им, будет нищенствовать и вести недостойную жизнь и даже окажется вынужден воровать или совершать деяния, за которые заслужит наказание, полагающееся подлому преступнику. Кроме того, не должен становиться рыцарем тот, кто повредит свое лицо или свои члены так, что во время военных действий не сможет владеть оружием. А еще мы устанавливаем, что рыцарем не должен становиться человек, который лично занимается торговлей. А кроме того, не должен посвящаться в рыцари тот, кто известен как предатель, или изменник, или кто находится под судом по такому обвинению, или лицо, приговоренное к смерти за совершенное преступление, если прежде оно не получит прощения не только в том, что касается наказания, но и в отношении вины. И еще не должен становиться рыцарем тот, кто однажды получил рыцарское достоинство в виде насмешки. И это могло быть сделано трояким образом: во-первых, когда тот, кто посвятил его в рыцари, не имел права этого делать; во-вторых, когда тот, кто был посвящен, не соответствовал этому статусу по одной из тех причин, о которых уже говорилось выше; в-третьих, когда кто-либо имеющий право стать рыцарем был посвящен в виде насмешки и знал об этом. Ибо пусть даже посвятивший будет иметь на это право, невозможно, чтобы посвящение происходило именно так, поскольку принявший его поступил недолжным образом. Кроме того, поскольку издревле было установлено, что тот, кто пожелает насмехаться над такой славной вещью, как рыцарское достоинство, пусть сам станет предметом насмешек так, что не сможет это достоинство получить. Далее, древние постановили, чтобы никто не получал почета рыцарского статуса ценой имущества или другой материальной вещи, за него отданной, что выглядело бы подобием покупки. Поскольку как нельзя купить происхождения, так и почет, проистекающий от знатности, человек не может получить, если не заслужит его в силу происхождения, или ума, или свойственной ему добродетели.

Закон 13

*Какие вещи должен совершить оруженосец,
прежде чем он получит посвящение в рыцари*

Чистота придает привлекательности вещам в глазах тех, кто их видит; точно так же и внешний вид делает эти вещи нарядными, каждую по своей причине. А потому древние считали благом, чтобы посвящение в рыцари проходило чисто, без изъянов. Поскольку, как мы уже говорили выше, точно так же, как чистоту следует нести в самом себе, в своей добродетели и своем поведении, ее надлежит соблюдать и во внешнем виде, в одежде и оружии. Ведь хотя ремесло рыцарей требует силы и жесткости, нанесения ран и лишения жизни, при всем при этом в своих намерениях им не следует забывать уделять внимание красивому и привлекательному, прежде всего в отношении того, во что они себя облачают. Поскольку, с одной стороны, это придает радость и комфорт, а с другой — позволяет отважно владеть оружием, зная, что при этом они приобретут большую известность и что окружающие обратят большее внимание на совершенное ими. А кроме того, как мы уже говорили выше, осуществляемое вовне значимо для того, что содержится внутри, в твоих намерениях. А потому древние приказывали, чтобы оруженосец, происходящий из достойного рода, накануне посвящения в рыцари отстоял все-нощную. И в этот день, начиная с полудня, он должен искупаться, вымыть голову

руками и возлечь на самое прекрасное ложе, которое только смогут найти. И пусть там его оденут и обуят рыцари в лучшее сукно, которое только будет в наличии. И после этого очищения тела, предшествующего очищению души, когда его приведут в церковь, пусть он посвятит себя тяжелому испытанию, бодрствуя, и моля Бога, и прося у Него милости, чтобы Он простил ему грехи и направил его к созиданию лучшего в то сословие, к которому он желает приобщиться, так, чтобы сам он мог защищать Закон и совершать другие приличествующие рыцарю деяния, и чтобы стал Он охранником и защитником в трудах и опасностях, и в том, что противостоит всему этому²⁴. И оруженосец должен понять, что Бог могущественен во всем и во всем способен проявить Свою власть, когда пожелает, а особенно в том, что касается вооруженных схваток. Поскольку в Его руке жизнь и смерть, которую Он может дать или отнять, и сделать так, что слабый станет сильным, а сильный — слабым. И когда оруженосец будет совершать эту молитву, он должен преклонить колени, а все окружающие — стоять до тех пор, пока все это будет продолжаться. Ибо всенощная рыцарей установлена не для игры и ни для чего иного, кроме как для того, чтобы просить Бога, чтобы Он защитил молящихся и всех присутствующих, и направил их, и облегчил их бремя, ибо эти люди вступили на путь смерти.

Закон 14

Как следует посвящать в рыцари

Меч — это оружие, которое, как мы уже говорили выше, олицетворяет четыре качества. А поскольку тот, кто должен принять посвящение в рыцари, обязан обладать четырьмя означенными добродетелями, древние установили, чтобы он был приобщен к рыцарскому сословию именно этим и никаким иным оружием; и это следует провести таким образом, чтобы по прошествии всенощной, когда настанет день, он прежде всего прослушал мессу и помолился Богу, чтобы Он направил его действия к служению. А затем пусть явится тот, кто должен посвятить его в рыцари, и спросит, хочет ли посвящаемый присоединиться к рыцарскому сословию; и если он ответит «да», его следует спросить, будет ли он поступать так, как следует рыцарю; и после того, как он согласится, ему следует надеть посвящаемому шпоры или попросить сделать это кого-либо из присутствующих рыцарей. И это следует совершить соответственно личности и положению посвящаемого. И этот акт совершается для того, чтобы показать, что так же, как рыцарь привязывает правую и левую шпоры, дабы заставить коня скакать по правильному пути, точно так же он должен направлять свои поступки таким образом, чтобы никому не нанести ущерба. И он должен своими руками опоясать посвящаемого мечом поверх бриалья²⁵ так, чтобы пояс не болтался, а прилегал к телу. Это делается по аналогии с четырьмя добродетелями, о которых мы говорили, что их следует принимать во внимание. Однако издревле установлено, что знатные люди посвящают в рыцари, будучи облачены в полный доспех так, как когда они идут в бой. Но древние не считали правильным, чтобы головы при этом были покрыты, поскольку те, кто так поступает, делают это лишь по двум причинам. Во-первых, чтобы скрыть что-либо, что кажется им дурным: это можно надежно спрятать под красивым и приятным на вид покрывалом. Во-вторых, голову покрывают тогда,

²⁴ Так в тексте.

²⁵ Бриаль (*brial*) — вид рыцарской одежды, род туники с короткими рукавами или без таковых, по длине достигавший колен и сшитый из шелка или другой дорогой ткани.

когда человек совершает что-либо неприличное, из-за чего испытывает стыд, а это никоим образом не подобает знатым рыцарям. Ведь при обретении такого знатного и почетного достоинства, как рыцарское, не следует совершать это ни со стыдом, ни со страхом. А после того как посвящаемый будет опоясан мечом, он должен извлечь его из ножен, и возложить на него правую руку, и поклясться в следующих трех вещах: в том, что, если это будет необходимо, он не испугается умереть, во-первых, за свой Закон, во-вторых, за своего сеньора по рождению и, в-третьих, за свою страну. И когда он принесет эту клятву, ему следует дать подзатыльник, чтобы он запомнил три эти названные вещи, прося при этом, чтобы Бог направил его в служении и позволил ему исполнить обещанное. А вслед за этим его следует поцеловать в знак верности, мира и братства, которые надлежит хранить в среде рыцарей. И это действие следует совершить всем рыцарям, которые будут там находиться, и не только в этот момент, но и в течение всего года, куда бы вновь посвященный ни являлся. А потому рыцари не должны совершать дурного по отношению друг к другу, пока в стране не будет поправа верность, хранить которую они обещали, и не будет брошен вызов на поединок так, как об этом говорится в титуле о вызовах.

Закон 15

*Как должны опоясать мечом вновь посвященного
после того, как он станет рыцарем*

Опоясывание мечом — это первое, что должны сделать после того, как будет посвящен рыцарь. А потому следует позаботиться о том, кем будет тот, кто совершит этот акт. А он может быть произведен лишь рукой человека, соответствующего трем следующим требованиям: либо это будет сеньор по рождению, совершающий опоясывание в силу своего долга, который ему следует исполнять по отношению к посвящаемым в его королевстве, либо достойный человек, который сделает это, зная, что оказывает опоясываемому честь, либо рыцарь, весьма сведущий в военном деле, который поступит так в силу своей добродетели. В этом последнем древние согласны между собой, тогда как в двух других случаях исходят из того, чтобы делам нового рыцаря было положено доброе начало. Но кто бы ни выступил в этой роли, это нормально и заслуживает одобрения. И того, кто опоясывает мечом, именуют «названным отцом», поскольку, подобно крестным отцам во время крещения, он помогает подтвердить и дать разрешение, чтобы «усыновляемый» стал христианином; кроме того, тот, кто является «крестным отцом», своей рукой опоясывая мечом вновь посвященного рыцаря, подтверждает и дает разрешение на получение рыцарского достоинства.

Закон 16

*Какие обязательства несут вновь посвященные по отношению
к тем, кто посвятил их в рыцари, и по отношению
к «названным отцам», которые опоясали их мечом*

Долг связывает вновь посвященных в рыцари не только с теми, кто посвятил их в это достоинство, но и с «названными отцами», которые опоясали их мечом. Потому точно так же, как они обязаны подчиняться и почитать тех, кто приобщил к рыцарскому сословию, они должны поступать так по отношению к «названным отцам», которые подтверждают факт этого приобщения. Поскольку древние уста-

новили, чтобы рыцарь никогда не выступал против того, от кого получил рыцарское достоинство, за исключением случая, если он будет действовать на стороне сеньора по рождению. И даже тогда, когда он выступит против посвятившего, он должен, насколько сможет, воздерживаться от того, чтобы убить или ранить сеньора своей рукой. Кроме того, ни советом, ни действием он не должен совершать ничего, что нанесло бы ущерб сеньору; ему следует добиваться настолько, насколько возможно, чтобы этого не произошло, в противном же случае предупредить его об этой опасности. За исключением случая, когда он будет знать, что это нанесет ущерб его сеньору или самому посвященному, или его отцу (если таковой будет еще жив), или его сыну, или его брату (если таковой обнаружится), или другому его родственнику, отчего он будет вынужден требовать смерти. Но это простительно, если предупреждение, исходящее от посвященного, может привести к смерти, утрате имущества или бесчестию кого-либо из названных выше; в противном случае он не имеет права предупреждать. Иначе он должен оказать помощь против любого, кто захочет сделать дурное лицу, посвятившему его, или «названному отцу», за исключением названных выше лиц, или против тех, с кем он или его отец заключил соглашение о дружбе. Поскольку пока длится взаимное расположение, следует заботиться, чтобы оно не было направлено против кого-либо, на кого это расположение распространяется. И мы устанавливаем, что эти нормы следует соблюдать до истечения трех лет по отношению к тому, кто опоясал посвященного мечом. Но кое-кто утверждает, что соблюдать означенное следует до семи лет. А потому посвящаемые в рыцари, чей долг по отношению к лицу, опоясавшему их мечом, весьма велик, прежде чем это произойдет, должны озаботиться выбором тех, кого они попросят стать своими «названными отцами» и кому доверят опоясать себя мечом.

Закон 17

О том, что должны соблюдать рыцари во время верховой езды

По словам древних мудрецов, рыцари должны вести себя так, чтобы быть примером для всех остальных. И поэтому они четко установили нормы поведения как применительно к верховой езде, так и к поведению во время еды, и питья, и отхода ко сну, распорядившись следующим образом: чтобы, когда они следовали верхом через город, ехали лишь на тех конях, которыми смогут владеть. И эту норму ввели, чтобы их проезд по городу выглядел почетнее, чем в случае любого другого лица, а кроме того, чтобы они любили конную езду, которая является важнейшим делом рыцарей, и чтобы они ездили верхом жизнерадостнее и веселее и погоняли лошадей каждый на свой манер. А кроме того, постановили, что, когда они будут следовать за пределы города во время войны, чтобы делали это с собственным оружием и верхом на своих конях и при необходимости были готовы атаковать врага и не претерпеть потерь по его вине. А кроме того, древние постановили, чтобы во время верховой езды они никого не сажали у себя за спиной, чтобы не отвлекаться на того, кто сидит за седлом, и чтобы не выглядело так, как будто они везут с собой мешок. И эти вещи мало приличествуют как рыцарю, так и другому человеку, поскольку они неподобающи и непривлекательны. Кроме того, древние постановили, что, когда рыцари проезжают верхом по городу, им следует быть одетыми в плащи, кроме как если этого не будет позволять погода. А в первую очередь было введено, чтобы, когда рыцарь едет верхом, на нем был пояс с мечом, как его обыкновенно и носят рыцари.

Закон 18

Каким образом рыцарям следует одеваться

Древние постановили, чтобы знатные рыцари носили цветные сукна в период своей молодости, а именно сукна красные, ярко-желтые, зеленые и фиолетовые, поскольку они вызывают радость. Сукна же более темные, или бурые, или другого цвета, вызывающие грусть, они не одобряли. И это было сделано для того, чтобы одежды были привлекательными внешне и возвышали сердца, чтобы они были более стойкими. И хотя покрой одежды делался по-разному, соответственно нравам и обычаям страны, однако плащи все имели обыкновение носить таким образом, чтобы они были большими и длинными, ниспадающими до ступней, и ткань как с одной, так и с другой стороны собиралась на правом плече, что позволяло сделать там узел таким образом, чтобы беспрепятственно накинуть плащ на голову и прикрыть ее. И это называется рыцарским плащом; так называли его, поскольку его не носил никто другой, кроме рыцарей. А плащ шили таким образом, чтобы показать, что рыцари должны быть покрыты смирением, чтобы подчиняться своим старшим. А узел делается потому, что он подобен манере смиряться в благочестии и показывает, что они подчиняются не только своим сеньорам, но и своим предводителям. И на этом основании рыцари носили плащ и во время еды, и когда пили, а также когда сидели, и когда ходили, и когда ездили верхом. А все другие одежды они носили чистыми и приятными на вид, каждое соответственно нравам своих мест. И они делали это, чтобы каждый, кто это видел, мог отличить рыцарей среди всех других людей, дабы знать, кому оказать почет. И то же самое древние установили в отношении доспехов, как и другого вооружения, которое носили рыцари, чтобы и то и другое было красиво и приятно на вид.

Закон 19

О том, каким образом рыцари должны соблюдать меру

Есть, пить и спать — это естественные вещи, без которых люди не способны существовать. Но делать это надлежит в соответствии с тремя моментами: во-первых, со временем, во-вторых, с мерой, в-третьих — уместным образом. И издревле рыцари имели обыкновение поступать соответственно им. Потому так же, как в мирное время, они ели в установленные часы, так что могли принимать пищу два раза в день и вкушать изысканные, тщательно приготовленные блюда, о чем хорошо известно; когда они должны были воевать, они ели один раз по утрам и помалу, а основную пищу готовили вечером; и так было, чтобы они не испытывали ни голода, ни сильной жажды и чтобы, будучи ранеными, они легче сберегали свою жизнь. И в тот период им давали есть жесткое сытное мясо и плотные кушанья, поскольку всего этого они ели мало, и у них ни в чем не было недостатка, и им готовили жесткое и сытное мясо. Кроме того, им давали пить слабое, сильно разбавленное водой вино так, чтобы не замутились ни разум, ни сознание. И когда готовили горячие блюда, им давали немного уксуса и много воды, чтобы они избавились от жажды, и чтобы им не становилось жарко, и они не простудились бы, напиваясь²⁶ в середине дня, когда возрастала жажда. А кроме того, они пили воду в середине дня, когда им очень хотелось пить; этот обычай установили древние, чтобы пища и питье продлевали жизнь и способствовали здоровью и чтобы чрез-

²⁶ Вероятно, имеется в виду поглощение большого количества холодной воды.

мерная пища и питье не наносили им ущерба. А помимо всего этого, они получали еще одну великую выгоду из-за снижения ежедневных расходов, чтобы совершать великие деяния, что весьма соответствует предназначению воинов. Кроме того, они имели в обычае не предаваться сонливости, поскольку это большая помеха для тех, кто должен был совершать великие дела, а особенно для рыцарей, находящихся в походе. А потому, если в мирное время им позволялись одежды мягкие и удобные, пригодные для того, чтобы возлечь, то в военное время они не желали принимать горизонтальное положение, иначе как облаченные в скудную и суровую одежду или в свои пурпуаны²⁷. И они делали это, чтобы меньше спать, и приучали себя претерпевать лишения. Поскольку считали, что желание следовать любому пороку не может перевесить стремления стать победителем.

Закон 20

О том, что прежде всего во время трапезы рыцари обязаны читать истории о великих военных подвигах

Древние одобряли, когда рыцари делали те вещи, о которых говорилось в предыдущем законе. И поскольку они установили, что подобно тому, как во время войны рыцари учатся военным подвигам, воспринимая их визуально или на собственном опыте, точно так же в мирное время они должны усваивать их на слух, посредством разума. А потому в обычае у рыцарей было, чтобы во время приема пищи они читали истории о великих военных подвигах, совершенных другими, и о мыслях и усилиях, которые те предпринимали, чтобы суметь победить и довести желаемое до конца. И там, где не было записей таких историй, заставляли рассказывать о них рыцарей отважных и пожилых, которые участвовали в этих подвигах. А если не было и этого, они не допускали, чтобы хуглары²⁸ декламировали перед ними другие песни, кроме как о войнах, или воспевали военные подвиги. И то же самое рыцари делали тогда, когда, не будучи способными заснуть, каждый из них приказывал у себя читать или пересказывать перечисленное выше. И это делалось для того, чтобы у слушателей укреплялись воля и сердца и чтобы они воодушевлялись, совершая благие дела и стремясь сравняться с тем, что было совершено другими, или превзойти их.

Закон 21

О том, что должны соблюдать рыцари

Древние установили, чтобы рыцари соблюдали определенные нормы и не нарушали их. Это то, в чем (как мы уже говорили) они клянутся, вступая в рыцарское сословие, а именно — не уклоняться от смерти за свой Закон, если это будет необходимо, воздерживаться от любого участия в том, что уменьшает его влияние, но делая все, что от них зависит, для его возвеличивания. Кроме того, чтобы они не колеблясь принимали смерть за своего сеньора, не только предотвращая по отношению к нему дурные деяния и всяческий ущерб, но и, насколько смогут и сумеют, способствуя прирастанию его земли и почета, ему оказываемого, и пусть то же самое делают для общего блага своей страны. И поскольку они обязаны

²⁷ Пурпуан (*perpunt*) — стеганая куртка, надевавшаяся под доспехи для снижения силы наносимых противником ударов.

²⁸ Хуглары (по аналогии с провансальскими жонглерами) — составители и исполнители жест в Кастилии и Леоне времен Высокого и позднего Средневековья.

соблюдать все это и никоим образом не нарушать перечисленного, с древности им делали две вещи. Одна — выжигали на правом предплечье знак, который не мог носить ни один человек, кроме рыцаря, а другая — записывали их имена и род, из которого они происходили, и названия мест, уроженцами которых они являлись, в книгу, где были зафиксированы имена всех рыцарей. И делалось это для того, чтобы, если они нарушат перечисленное выше, это стало бы известно и они не могли бы избежать того наказания, которого они заслужили соответственно совершенному преступлению. И это следовало соблюдать таким образом, чтобы против этого рыцари не выступали ни словом, ни делом, ни трудом, ни советом, данным другому лицу; кроме того, у них было в обычае соблюдать заключенные соглашения и принесенные оммажи²⁹, а также данное другому слово таким образом, чтобы не солгать и не поступить вопреки им. А еще они соблюдали, чтобы, когда рыцарь или знатная дама были озабочены бедностью или причиненным им ущербом, чего они не могли решить правовым путем, всей своей властью им помочь выйти из этой нужды. И

²⁹ В оригинале — *guardar pleyto e omenage*. Оммаж (*omenage*) — институт, обозначаемый понятием, заимствованным из средневекового каталонского языка. Как правило, под ним подразумевался вассальный контракт. Однако в данном случае оммаж выступает в качестве правового средства скрепления соглашения частного характера, гарантирующего его нерушимость: неисполнение обязательства, скрепленного оммажем, приравнивалось к предательству, самому страшному преступлению в феодальной среде [Platon 1902]. Ср., например, наиболее точное определение сути понятия «оммаж», содержащееся в Видаль Майор, арагонском правовом памятнике XIII в.: «Ninguno es obligado civilment, es a saber a fuero seglar, de paramiento feito o de promesa feita sin razón con carta o sin carta, es a saber quar non puede ser constreyennido por peynnos o por cort o por otro constreyennimiento si non quisiere dar o pagar o conplir lo que prometió. Empero, si fizo h o m e n a j e, es a saber que fizo h o m e n a j e, prometiendo de conplir aquello que prometió, [et] sin escriptos o con escriptos fue feita promesa et lo que prometido fue puede ser provado, podrá ser demandado que sea conplido, et debe conplir el prometedor aquello que prometió, quar bien puede ser asmado que non prometió sin razón después que se obligó por h o m e n a j e, quar no es semeillable a verdat que ninguno se mueva de rafez a fazer h o m e n a j e, como el h o m e n a j e en tanto se aplegue a los huesos daqueill qui lo faze que, sin manziella de la más clara part que es en el omne, es a saber la fe, ninguno non puede traspasar la promesa de la fe» (Vidal Mayor VII.319. *De homagio, es a saber: Del homenage*) — «По цивильному праву, т. е. по светскому фуэро, никто не обязан отвечать за заключенное соглашение или данное обещание без должных на то оснований (при наличии подтверждающего документа либо в отсутствие такового), а именно — никто не может быть принужден к этому ни залогом, ни судом, ни иным образом, если сам не пожелает дать или выплатить то, что обещал. Однако если он принес оммаж (а именно принес оммаж, пообещав исполнить обещанное), причем вне зависимости от того, было ли это обещание оформлено документально или нет, сам факт его принесения может быть доказан, от него правомерно требовать исполнения, и обещавший должен исполнить обещанное, пусть даже он будет необоснованно полагать, что, принеся оммаж, не связал себя обязательством, — ибо ничего общего с правдой не имеет представление о том, что кто-либо способен принести оммаж необдуманно, так как оммаж настолько проникает в кости персоны, его совершившей, что без ущерба для самого светлого качества человека, то есть верности, никто не может переступить через обещание быть верным». В кодексе Альфонсо X определение оммажа содержится в Четвертой Партиде: «E o m e n a j e tanto quiere decir, como tornase ome de otro, et facerse suyo para darle segurança, sobre la cosa que promete de dar ó de facer que la cumpla. E este o m e n a j e non tan solamente ha logar en pleyto de vasallaje, mas en todos los otros pleytos et posturas que los homes ponen etre sí con entención de cumplirlos» (Partid. IV.25.4) — «А под оммажем понимается, когда одно лицо становится человеком другого и отдает себя ему в обмен на защиту за то, что обязуется передать, сделать или исполнить что-либо. И этот оммаж приносится не только в случае соглашения о вассалитете, но и при всяких других соглашениях и договорах, которые люди заключают между собой с намерением их исполнить».

по этой причине они много раз сражались для того, чтобы защитить таковые права означенных лиц. А кроме того, они должны были хранить все порученные им вещи и защищать их, как свои собственные. А еще дабы они соблюдали норму, по которой ни кони, ни вооружение, т. е. то, что рыцарю надлежит всегда иметь при себе, не закладывались и не повреждались без приказа их сеньоров либо от явной великой нужды, которой ничем невозможно помочь; а кроме того, чтобы рыцари не проигрывали перечисленное выше. А к тому еще они должны были как сами воздерживаться от совершения кражи или мошенничества, так и не советовать другим делать это, а среди всех краж в особенности воздерживаться от посягательства на коней и оружие своих товарищей в период их пребывания в походе.

Закон 22

*О том, что должны рыцари совершать и соблюдать
и в словах, и в действиях*

Рыцарям надлежит совершать определенные вещи, от которых их не может освободить никто и никоим образом. Таковые могут совершаться двумя способами: одни на словах, другие действиями. В том, что касается слов: чтобы они не были простолюдинами, не проявляли ни неумеренности, ни гордыни в своих речах, кроме как там, где это надлежит делать, как, например, в ходе военных действий, где они должны укреплять дух своих людей и придавать другим волю совершать благие деяния, называя себя и упоминая о них, дабы все эти люди действовали наилучшим образом, удерживая их там, где они явно совершают противоправное и не поступают так, как должно. А для еще большего укрепления духа у них было в обычае, чтобы те, у кого были подруги, призывали их к месту битвы, чтоб у них самих подкреплялись сердца и им было еще позорнее нарушить установленное. Кроме того, они одобряли воздержание от лжи на словах, за исключением тех случаев, когда ложь оборачивается великим благом, например, помогает избежать ущерба, который может случиться, если не солгать. Кроме того, ложь приносит некоторую выгоду, успокаивая людей, намеревающихся совершить большое зло, или водворяя мир и согласие между теми, кто не расположен друг к другу, или в других случаях, когда посредством лжи можно избежать дурного и достичь благого. А кроме того, чтобы они соблюдали слова, которые произносятся при принесении клятвы или оммажа и содержат обещание совершить что-либо, как мы уже сказали в предыдущем законе относительно деяний. Кроме того, мы устанавливаем, что рыцарям надлежит быть верными и твердыми в своих действиях, поскольку верность охраняет их от нарушений и придает твердость, чтобы они не были нестойкими по отношению один к другому, ибо это не приличествует Защитнику, так как тем, кто совершает подобные действия, не следует колебаться. Кроме того, как их одежда, так и оружие, и доспехи должны быть сделаны красиво и нарядно, им на пользу, так, чтобы они нравились тем, кто их видит, и их владельцы были бы узнаваемы; таким образом, чтобы они пользовались всем этим и каждой вещью в отдельности с той целью, для которой она была изготовлена. А кроме того, все это должно быть приобретено по достойной цене. Ведь если будет иначе, все их поведение не будет ничего стоить, а сами они будут, по словам древних мудрецов, такими, как дерево без коры, которое имеет плохой вид и легко засыхает. А кроме того, насколько возможно, они должны быть быстрыми и ловкими; два эти качества, как мы уже говорили, способны оказаться полезны во многих случаях. А сверх всего этого, чтобы они были хорошими исполнителями. Ведь хотя бы все другое помогало им побеждать, они ниже власти Бога, она — то, что кладет предел всему.

Закон 23

Каким образом рыцарям надлежит оказывать почет

Рыцари должны пользоваться великим почетом по трем причинам. Первая — в силу знатности своего рода, вторая — в силу свойственной им добродетели, третья — из-за той пользы, которую они приносят. А потому короли обязаны почитать их как тех, вместе с кем они совершают свои дела, оберегая и окружая почетом себя самих и увеличивая тем самым свою собственную власть и свой собственный почет. А также и все остальные должны почитать рыцарей: ведь они как щит и защита и должны преодолевать любые возникающие опасности, чтобы защитить тех, кто не принадлежит к их числу. А поскольку они подвергают себя всякого рода опасностям для того, чтобы совершать означенные выше вещи, им следует воздавать почет различными способами, так, чтобы никто не стоял в церкви впереди них, когда они присутствуют на литургии часов, за исключением прелатов или других клириков, которые ее служат, либо королей и высших сеньоров, которым обязаны подчиняться и служить рыцари. И никто другой не должен направляться, чтобы предложить или заключить мир прежде них, а также не смеет принимать пищу раньше, чем они, и ни оруженосец, ни кто-либо другой, кроме рыцаря или лица, заслуживающего этого в силу своего положения, не может садиться с ними за один стол. А кроме того, никто не должен наносить им словесных оскорблений, если это не рыцарь или другой человек почетного статуса. А кроме того, рыцарям надлежит оказывать почет в их домах, дабы никто не мог вламываться в них, кроме как по приказу короля или судьи, по веским основаниям. И никто не должен брать у них в залог ни коней, ни оружие, если у них найдется другое движимое имущество или земля, которые подходят в качестве залога. И даже если такового имущества не найдется, у них не следует ни отнимать коней, ни причинять им унижение предложением пересесть на других выючных животных, ни входить в их дома для взятия залога, когда в них находятся сами рыцари или их жены. Но относительно всех означенных вещей может быть установлен срок, в который им следует покинуть свои дома и передать их (или то, что в них находится) в качестве залога. А еще древние настолько высоко ценили почетное положение рыцарей, что освободили их от внесения залога не только там, где находятся они сами или их дети, но и там, где хранятся их плащи или щиты. Помимо этого, им положена и другая почесть: чтобы там, где рядом с ними оказывались другие люди, эти люди относились бы к ним с почтением. И ныне в обычае Испании говорить добродетельным и высокопоставленным: «смирямся». А еще тот, кто является рыцарем, обладает другим почетным правом: после своего посвящения он может достичь почетного статуса императора или короля, но не прежде этого, точно так же, как клирик не может стать епископом, если прежде не будет рукоположен в священника, имеющего право служить мессе.

Закон 24

Какими особыми льготами могут обладать рыцари по сравнению с другими людьми

Известны и особые почести, в которых рыцари имеют преимущество по отношению к другим людям не только в тех случаях, о которых мы говорили в предыдущем законе, но и в других, о которых мы скажем здесь. То есть когда рыцарь будет участвовать в тяжбе, решения по которой будет ждать он сам или

его представитель, и если случится, что он откажется от защиты своего иска или, наоборот, от защиты против иска, предъявленного ему самому, поскольку сможет выиграть дело, то, хотя прежде он прибегнул к этой защите, но решение было вынесено против него, он сможет затем обратиться к ней вновь и обосновать свою позицию; другой человек не может сделать этого, если не будет в возрасте моложе двадцати пяти лет. Кроме того, когда случится, что какой-нибудь рыцарь будет обвинен в совершенном им преступлении, то даже если против него будут обнаружены улики или подозрения, которые, проявившись они в деле против другого лица, потребовали бы применения пытки, рыцаря пытке подвергать не должны, за исключением дела о предательстве, совершенном против короля, чьим земляком или вассалом является обвиняемый, или против королевства, в коем он проживает в силу своего рождения. А кроме того, мы устанавливаем, что хотя бы это было доказано, ему не следует назначать позорящей смертной казни, а также казни через удушение, либо через повешение, либо наносящей увечья. Но пусть, согласно праву, он будет лишен жизни или уморен голодом, если в отношении него захотят проявить большую жесткость из-за совершенного им деяния. И то же самое древние установили в Испании применительно к рыцарям, совершавшим кражу, грабеж чужого имущества, измену или предательство, которые являются преступлениями, совершаемыми людьми подлыми сердцем и низкой добродетели, их надлежало сбрасывать с высоты, дабы они разбивались, либо топить в море или другом водоеме, чтобы они не всплыли, либо бросать на съедение диким зверям. А помимо этого у рыцарей есть другая привилегия: в период, когда они находятся в войске либо будут пребывать под командованием короля или в каком-либо ином месте, занимая королевскую должность и находясь на его службе, в течение всего времени, которое они проведут вдали от своих домов по одной из названных причин, ни они, ни их жены не должны потерять какую-либо вещь из-за истечения срока. И если кто-либо заявит, что получил такую вещь по указанной причине, они могут потребовать ее возвращения начиная со дня, когда вернутся домой, и в течение четырех лет. Но если в этот срок они не предъявят иска, то затем уже не смогут этого сделать. Кроме того, они обладают привилегией другого рода: могут составлять завещание в таком виде, в котором пожелают, пусть даже все эти вещи не могут быть отражены в завещаниях других людей, как это показано в законах титула шестой Партиды этой нашей книги.

Закон 25

По каким причинам рыцари могут утратить рыцарское достоинство

Утратить почетное рыцарское достоинство по своей вине — это самый большой позор, который может претерпеть рыцарь. Но древние посчитали согласным праву, что это может произойти двумя способами. Первый: когда исключают из рыцарского сословия, не приговаривая к другому наказанию. Второй: когда исключаемый совершил такие преступления, что заслуживает смерти, поскольку прежде чем их подвергнут казни, их должны исключить из рыцарского сословия. А причины, по которым могут исключить из этого сословия, таковы. Если когда-либо рыцарь будет находится в войске по приказанию своего сеньора или на границе и продаст или промотает коня или оружие, или потеряет, передав их, или отдаст их падшим женщинам, или оставит их в залог в таверне, или украдет, или совершит кражу коня и оружия у своих товарищей; или если сознательно посвятит в рыцари человека, который не имеет права становиться таковым; или если будет публично заниматься торговлей или каким-либо низким ручным ремеслом

для зарабатывания денег, не будучи при этом в плену. А другие основания, по которым следует лишать рыцарского достоинства, прежде чем казнить, таковы: когда рыцари убегут с поля боя или покинут сеньора, или замок, или какое-либо другое порученное им место; или если увидят, что он захватил своего сеньора или убил его, или не дал возможности бежать, или не предоставил ему коня, когда конь сеньора был убит, и не выручил его из плена, будучи способным сделать это каким бы то ни было образом. Ибо хотя по этим, а также по другим причинам (измена или предательство) судья обязан задержать его, но должно прежде исключить его из рыцарского сословия, чем казнить. А способ, которым следует исключать из сословия рыцарей, таков: король должен приказать какому-либо оруженосцу, чтобы он надел тому шпоры и опоясал его мечом, а затем разрезал ножом пояс со стороны спины, а также срезал ремни шпор, находящихся на сапогах. И после того, как это будет сделано, он не смеет более именоваться рыцарем и утрачивает почет рыцарского достоинства и все привилегии. А кроме того, он не должен занимать никакую должность — ни королевскую, ни в консехо — и не имеет права обвинять или вызывать на поединок какого-либо рыцаря.

Источники

- Веgefий 2002 — *Флавий Веgefий Ренат*. Краткое изложение военного дела / Пер. С. П. Кондратьева // Военная мысль античности: Сочинения древнегреческих и византийских авторов / Сост. К. Королева; Прилож. Г. Кантора. М.: ООО «Изд-во АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2002. С. 264–382.
- Рамон Льюль 2003 — *Рамон Льюль*. Книга о Любящем и Возлюбленном. Книга о рыцарском ордене. Книга о животных. Песнь Рамона. 2-е изд., стер. / Изд. подгот. В. Е. Багно. СПб.: Наука, 2003.
- Одон 2022 — *Одон Ключийский, св.* Житие св. Геральда Орильякского / Пер. К. Чарухина // Рускатаолик.рф. 2022. 16 окт. URL: <http://рускатаолик.рф/gerald>.
- Adalbero Laudunensis — *Adalbero Laudunensis*. Carmen ad Rotbertum Regem / Ed. S. Bricot // Forum Romanum. 2004. URL: https://www.forumromanum.org/literature/adalbero_laudunensis/carmen.html.
- Alfonso X 2008 — Alfonso X el Sabio, rey de Castilla y León, 1252–1284. Siete Partidas 2.21 “De los caualleros” / Edición crítica sinóptica por J. R. Craddock, J. Rodríguez Velasco // eScholarship. Open Access Publications from the University of Carolina. 2008. URL: <https://escholarship.org/uc/item/1cg57404>.
- Bernard. Liber de laude — S. Bernardi abbatis Claraevallensis Liber de laude novae Militiae ad Milites Templi // Patrologiae cursus completus. Series Latina. Vol. 182 / Ed. J.-P. Migne. Lutetiae Parisiorum: Apud J.-P. Migne Editorem 1859. Col. 921–940.
- D. — Iustiniani Digesta / Rec. T. Mommsen, P. Krueger // Corpus Iuris Civilis. Vol. 1: Institutiones. Digesta. Berolini: Apud Weidmannos, 1923.
- Geoffroi de Charny 1996 — *Geoffroi de Charny*. Livre de chevalerie // The book of chivalry of Geoffroi de Charny: Text, context and translation / Ed. by R. W. Kaeuper, E. Kennedy. Philadelphia: Pennsylvania Univ. Press, 1996.
- Gesta pontificum cameracensium — Gesta pontificum cameracensium / Ed. L. C. Bethmann // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores in folio. T. 7. Hannoverae: Impensis Bibliopolii aulici Hahniani, 1846. P. 393–504.
- Johannes Rothe 1936 — *Johannes Rothe*. Der Ritterspiegel / Hrsg. von H. Neumann. Halle = Saale: Max Niemeyer, 1936.
- L’Ordene de chevalerie 1808 — L’Ordene de chevalerie ... publié par Barbazan. Paris: De l’Imprimerie de Crapelet, 1808.

- Odon de Cluny — *Odon de Cluny*. Vita sancti Geraldi Auriliacensis. Édition critique, traduction française, introduction et commentaires / Ed. par A.-M. Bultot-Verleysen. Brussels: Société des Bollandistes. 2009.
- Partid. II — La Segunda Partida // Las Siete Partidas de Rey don Alfonso el Sabio. T. 1. Madrid: Compañía General de Impresores y Libreros del Reino, 1843. P. 367–652.
- Partid. IV — La Quarta Partida // Las Siete Partidas de Rey don Alfonso el Sabio. T. 2. Madrid: Compañía General de Impresores y Libreros del Reino, 1843. P. 465–649.
- Ramon Lull 1879 — Libre del ordre de cavayleria compost a Miramar de Mallorca, per mestre Ramon Lull. Barcelona: Libreria den Alvar Vedaguer, 1879.
- Veget. — Flavi Vegeti Renati Epitoma rei militaris / Rec. C. Lang. Lipsiae: In aedibus B. G. Teubneri, 1885.
- Vidal Mayor — Vidal Mayor. Edición, introducción y notas al manuscrito / Ed. por M. de los Desamparados Cabanes Pecour, A. Blasco Martínez, P. Pueyo Colomina. Zaragoza: Libros Certeza, 1996.

Литература

- Ауров 2015 — Partid.II.31. Об училищах, где усваиваются науки, и о магистрах, и о студентах / Пер. и коммент. О. В. Аунова // Исторический вестник. 2015. Т. 12 (159). С. 454–465.
- Ауров 2016 — Военно-морской флот в «Семи Партидах» Альфонсо X. К истории публично-правового регулирования военно-морской деятельности / Пер. и коммент. О. В. Аунова // Древнее право = Ius antiquum. 2016. № 1 (33–34). С. 126–143.
- Бартелеми 2014 — *Бартелеми Д.* Рыцарство: от древней Германии до Франции XII в. / [Пер. с фр. М. Ю. Некрасова]. СПб.: Евразия, 2014.
- Дельбрюк 1996 — *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. Т. 3: Средневековье / [Пер. с фр.]. СПб.: Наука; Ювента, 1996.
- Дюби 2000 — *Дюби Ж.* Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о самом себе / Пер. с фр. Ю. А. Гинзбург. М.: Языки рус. культуры, 2000.
- Кин 2000 — *Кин М.* Рыцарство / Пер. с англ. И. А. Тогоевой. М.: Научный мир, 2000.
- Контамин 2001 — *Контамин Ф.* Война в Средние века / [Пер. с фр. Ю. П. Малинина и др.]. СПб.: Ювента, 2001.
- Коротков 1980 — *Коротков И. А.* Рыцарское войско. Рыцарство // Советская военная энциклопедия: В 8 т. Т. 7 / Председ. Гл. ред. комиссии Н. В. Огарков. М.: Воен. изд-во Мин-ва обороны СССР, 1980. С. 205–206.
- Кулаева 2007 — *Кулаева С.* Жесты власти — жесты молитвы. Исследование иконографии молитвенной жестикуляции // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. [2006] / Под ред. М. А. Бойцова, И. Н. Данилевского. М.: Наука, 2007. С. 102–119.
- Флори 1999 — *Флори Ж.* Идеология меча. Предыстория рыцарства / [Пер. с фр. М. Ю. Некрасова]. СПб.: Евразия, 1999.
- Флори 2006 — *Флори Ж.* Повседневная жизнь рыцарей в Средние века / [Пер. с фр. М. Ю. Некрасова]. М.: Мол. гвардия, 2006.
- Bachrach, Bachrach 2017 — *Bachrach B. S., Bachrach D. S.* Warfare in medieval Europe, c. 400 — c. 1453. London; New York: Routledge, 2017.
- Barber 1980 — *Barber R.* The reign of chivalry. New York: St. Martin's Press, 1980.
- Barber 1995 — *Barber M.* The new knighthood: A history of the Order of the Temple. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1995.
- Bradbury 2004 — *Bradbury J.* The Routledge companion to medieval warfare. London; New York: Routledge, 2004.

- Corominas, Pascual 1984–1991 — *Corominas, J., Pascual J. A.* Diccionario crítico etimológico castellano e hispánico: 6 vols. Madrid: Editorial Gredos, 1984–1991.
- Coss 1993 — *Coss P. R.* The knight in Medieval England, 1000–1400. Dover, NH: Sutton Pub Ltd, 1993.
- Craddock 1981 — *Craddock J. R.* La cronología de las obras legislativas de Alfonso X el Sabio // Anuario de Historia del Derecho Español. T. 51. 1981. P. 365–418.
- Duby 1977a — *Duby G.* The nobility in medieval France // *Duby G.* The chivalrous society. London: Arnold, 1977. P. 94–111.
- Duby 1977b — *Duby G.* The origins of kinighthood // *Duby G.* The chivalrous society. London: Arnold, 1977. P. 158–170.
- Fleckenstein 2006 — *Fleckenstein J.* La caballería y el mundo caballeresco. Madrid: Siglo XXI de España, 2006.
- Flori 1986 — *Flori J.* L'Essor de la chevalerie, XIe et XIIe siècles. Genève: E. Droz, 1986.
- Iglesia Ferreiros 1980 — *Iglesia Ferreiros A.* Alfonso X el Sabio y su obra legislativa: Algunas reflexiones // Anuario de Historia del Derecho Español. T. 50. 1980. P. 531–561.
- Martin 2004 — *Martin G.* Control regio de la violencia nobiliaria. La caballería según Alfonso X de Castilla (comentario al *título XXI* de la *Segunda partida*) // Lucha política: condena y legitimación en la España medieval / Ed. por I. Alfonso, J. Escalona y G. Martin. Lyon: ENS-Éditions, 2004. P. 219–234.
- Nanu 2013 — *Nanu I.* La *Segunda Partida* de Alfonso X el Sabio y la tradición occidental de los *specula principum*: Tesis doctoral / Universitat de València; Doctorado en Estudios Hispánicos Avanzados. València, 2013.
- Nieves Sánchez 2000 — Diccionario español de documentos alfonsíes / Ed. M. Nieves Sánchez. Madrid: ARCO/LIBROS, 2000.
- O'Callaghan 2001 — *O'Callaghan J. F.* Alfonso X and the Partidas // Las Siete Partidas. Vol. 1: The medieval church. The world of clerics and laymen / Trans. by S. P. Scott; Ed. by R. I. Burns, S. J. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 2001. P. xxx–xl.
- Platon 1902 — *Platon G.* L'hommage féodale comme moyen de contracter des obligations privées // Revue générale du droit. T. 26. 1902. P. 5–17, 97–110, 224–231.
- Reuter 1999 — *Reuter T.* Carolingian and Ottonian warfare // Medieval warfare: A history / Ed. by M. Keen. Oxford: Oxford Univ. Press, 1999. P. 13–35.
- Rodríguez-Velasco 2006 — *Rodríguez-Velasco J.* Invención y consecuencias de la caballería // Fleckenstein J. La caballería y el mundo caballeresco. Madrid: Siglo XXI de España, 2006. P. xi–lxiv.
- Sánchez Arcilla Bernal 1999 — *Sánchez Arcilla Bernal J.* La obra legislativa de Alfonso X el Sabio. Historia de una polémica // El Scriptorium alfonsí: de los “Libros de Astrología” a las “Cantigas de Santa María” / Ed. por J. Montoya Martínez, A. Domínguez Rodríguez. Madrid: Editorial Complutense, 1999. P. 17–81.
- Sánchez Arcilla Bernal 2004 — *Sánchez Arcilla Bernal J.* Las Siete Partidas (el Libro del Fuero de las Leyes). Madrid: Reus, 2004.

References

- Aurov, O. V. (Trans. and Comment.) (2015). Partid.II.31. Ob uchilishchakh, gde usvaivaiutsia nauki, i o magistrakh, i o studentakh [Partid. II.31. On universities, where the sciences are learned, on masters, and on students]. *Istoricheskii vestnik*, 12(159), 454–465. (In Russian).
- Aurov, O. V. (2016). Voennno-morskoi flot v “Semi Partidakh” Al’fonso X. K istorii publichno-pravovogo regulirovaniia voennno-morskoi deiatel’nosti. [The navy in the *Siete Partidas* of Alfonso X. On the history of the regulation of military-marine activity] *Drevnee pravo = Ius Antiquum*, 2016(1(no. 33–34)), 126–143. (In Russian).

- Bachrach, B. S., & Bachrach, D. S. (2017). *Warfare in medieval Europe, c. 400 — c. 1453*. Routledge.
- Barber, R. (1980). *The reign of chivalry*. St. Martin's Press.
- Barber, M. (1995). *The new knighthood: A history of the Order of the Temple*. Cambridge Univ. Press.
- Barthélemy, D. (2007). *La chevalerie: de la Germanie antique à la France du XIIe siècle*. Fayard. (In French).
- Bradbury, J. (2004). *The Routledge companion to medieval warfare*. Routledge.
- Contamine, Ph. (1980). *La Guerre au Moyen Âge*. Presses universitaires de France. (In French).
- Corominas, J., & Pacual, J. A. (1984–1991). *Diccionario crítico etimológico castellano e hispánico* (6 Vols.). Editorial Gredos. (In Spanish).
- Coss, P. R. (1993). *The knight in Medieval England, 1000–1400*. Sutton Pub Ltd.
- Craddock, J. R. (1981). La cronología de las obras legislativas de Alfonso X el Sabio. *Anuario de Historia del Derecho Español*, 51, 365–418. (in Spanish).
- Delbrück, H. (1963). *Geschichte der Kriegskunst im Rahmen der politischen Geschichte, Vol. 3, Das Mittelalter*. Walter de Gruyter. (In German).
- Duby, G. (1977). The nobility in medieval France. In G. Duby. *The chivalrous society* (pp. 94–111). Arnold.
- Duby, G. (1977). The origins of kinighthood. In G. Duby. *The chivalrous society* (pp. 158–170). Arnold.
- Duby, G. (1978). *Les trois ordres, ou L'imaginaire du féodalisme*. Gallimard. (In French).
- Fleckenstein, J. (2006). *La caballería y el mundo caballeresco*. Siglo XXI de España. (In Spanish).
- Flori, J. (1983). *L'idéologie du glaive. Préhistoire de la chevalerie*. Droz. (In French).
- Flori, J. (1986). *L'essor de la chevalerie, XIe et XIIe siècles*. E. Droz. (In French).
- Flori, J. (1995). *La chevalerie en France au Moyen Âge*. Presses universitaires de France. (In French).
- Iglesia Ferreiros, A. (1980). Alfonso X el Sabio y su obra legislativa: Algunas reflexiones. *Anuario de Historia del Derecho Español*, 50, 531–561. (In Spanish).
- Keen, M. (1984). *Chivalry*. Yale Univ. Press.
- Korotkov, I. A. (1980). Rytsarskoe voisko. Rytsarstvo [Chivalric army. Knighthood]. In N. V. Ogarkov (Ed.). *Sovetskaia voennaia entsiklopediia* (Vol. 7, pp. 205–206). Voennoe izdatel'stvo Ministerstva oborony SSSR. (In Russian).
- Kulaeva, S. (2007). Zhesty vlasti — zhesty molitvy. Issledovanie ikonografii molitvennoi zhestikulatsii [Gestures of power and gestures of prayer. A study in iconography of prayerful gesttulation]. In M. A. Boitsov, & I. N. Danilevskii (Eds.). *Kazus: individual'noe i unikal'noe v istorii* (pp. 102–119). Nauka. (In Russian).
- Martin, G. (2004). Control regio de la violencia nobiliaria. La caballería según Alfonso X de Castilla (comentario al título XXI de la *Segunda partida*). In I. Alfonso, J. Escalona, & G. Martin (Eds.). *Lucha política: condena y legitimación en la España medieval* (pp. 219–234). ENS-Éditions. (In Spanish).
- Nanu, I. (2013). *La Segunda Partida de Alfonso X el Sabio y la tradición occidental de los specula principum* (PhD Dissertation in Advanced Hispanic Studies, Univ. of València). (In Spanish).
- Nieves Sánchez, M. (Ed.) (2000). *Diccionario español de documentos alfonsíes*. ARCO/LI-BROS. (In Spanish).
- O'Callaghan J. F. (2001). Alfonso X and the Partidas. In S. P. Scott (Trans.), & R. I. Burns, S. J. (Ed.). *Las Siete Partidas, Vol. 1, The medieval church. The world of clerics and laymen* (pp. xxx–xl). Univ. of Pennsylvania Press.

- Platon, G. (1902). L'hommage féodale comme moyen de contracter des obligations privées. *Revue générale du droit*, 26, 5–17, 97–110, 224–231. (In French).
- Reuter, T. (1999). Carolingian and Ottonian warfare. In: M. Keen (Ed.). *Medieval warfare: A history* (pp. 13–35). Oxford Univ. Press.
- Rodríguez-Velasco, J. (2006). Invención y consecuencias de la caballería. In J. Fleckenstein. *La caballería y el mundo caballeresco* (pp. xi–lxiv). Siglo XXI de España. (In Spanish).
- Sánchez Arcilla Bernal, J. (1999). La obra legislativa de Alfonso X el Sabio. Historia de una polémica. In J. Montoya Martínez, & A. Domínguez Rodríguez (Eds.). *El Scriptorium alfonsí: de los “Libros de Astrología” a las “Cantigas de Santa María”* (pp. 17–81). Editorial Complutense. (In Spanish).
- Sánchez Arcilla Bernal, J. (2004). *Las Siete Partidas (el Libro del Fuero de las Leyes)*. Reus. (In Spanish).

* * *

Информация об авторе

Олег Валентинович Аулов

кандидат исторических наук
доцент, ведущий научный сотрудник,
Лаборатория античной культуры, Школа
актуальных гуманитарных исследований,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
заведующий кафедрой всеобщей
истории, Институт общественных
наук, Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
✉ olegaurov1@yandex.ru

Information about the author

Oleg V. Aurov

Cand. Sci. (History)
Assistant Professor, Leading Researcher,
Laboratory for Classical Culture, School
for Advanced Studies in the Humanities,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration
Head of the Department of World History,
Institute of Social Sciences, The Russian
Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospect
Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
✉ olegaurov1@yandex.ru

А. Е. Барышников

ORCID: 0000-0002-2343-8537

✉ baryshnikov85@gmail.com

Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)

Воля Империи, сила обстоятельств? Новая книга о Каллеве атребатов и проблемы римско-британского урбанизма

Рецензия на: *Fulford M. Silchester revealed: The Iron Age and Roman town of Calleva. Oxford: Windgather Press, 2021. — 206 p.*

Для цитирования: Барышников А. Е. Воля Империи, сила обстоятельств? Новая книга о Каллеве атребатов и проблемы римско-британского урбанизма // Шаги/Steps. Т. 9. № 2. 2023. С. 243–256. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-2-243-256>.

Благодарности. Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, проект № 20-18-00374.

Рецензия поступила в редакцию 1 декабря 2022 г.
Принято к печати 29 января 2023 г.

Shagi / Steps. Vol. 9. No. 2. 2023
Book Reviews

A. Ye. Baryshnikov

ORCID: 0000-0002-2343-8537

✉ baryshnikov85@gmail.com

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
(Russia, Nizhny Novgorod)

IMPERIAL WILL OR FORCE OF CIRCUMSTANCES? A NEW BOOK ABOUT CALLEVA ATREBATUM AND ISSUES OF ROMANO-BRITISH URBANISM

A review of: *Fulford, M. (2021). Silchester revealed: The Iron Age and Roman town of Calleva. Windgather Press. 206 p.*

To cite this review: Baryshnikov, A. E. (2023). Imperial will or force of circumstances? A new book about Calleva Atrebatum and issues of Romano-British urbanism. *Shagi / Steps*, 9(2), 243–256. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-2-243-256>.

Acknowledgements. The work is conducted with financial support from the Russian Science Foundation, project no. 20-18-00374.

Received December 1, 2022

Accepted January 29, 2023

В обширном корпусе публикаций о городах римской Британии можно выделить несколько основных групп текстов. К первой, наиболее многочисленной, относятся работы узкой направленности, сфокусированные либо на отдельно взятом аспекте развития одного из центров урбанизма, либо на конкретном городском памятнике; часто это лишь в некоторой степени адаптированные для читательской аудитории версии археологических отчетов (например, [Bateman et al. 2008; Humphreys 2021]).

Вторую группу составляют публикации общего характера. Главная цель этих исследований — выявить наиболее значимые тенденции и характеристики жизни городов, создать обзор, позволяющий включить материалы из разных частей провинции. Подобных трудов очень мало, их можно пересчитать по пальцам одной руки (например, [Wacher 1974; 1995; Rogers 2011; 2013]).

Наконец, третья группа включает книги, представляющие собой синтез свидетельств и гипотез о жизни конкретного города. Каждый такой текст — своеобразная *summa urbis*, биография поселения, включающая практически все доступные сведения о его жизни от момента основания до упадка. Чаще всего автором выступает ведущий специалист, посвятивший исследованию города всю свою научную карьеру (как, например, Филипп Крамми в Колчестере). Рассчитанные на широкую аудиторию, эти книги написаны порой легковесно, с заметным уклоном в научно-популярный жанр, что не отменяет их сугубо научного значения. Они создают обобщенные портреты провинциальных городов, задают основные направления будущих поисков и становятся обязательной строкой в списках литературы новых исследований. Подобных книг, посвященных наиболее значимым и исследованным городским центрам римской Британии, насчитывается несколько десятков (например, [Crummy 1997; Niblett 2001; Perring 2022]).

Тем не менее ряд важных поселений острова еще не получил подобных описаний¹. До недавнего времени к их числу относилась Каллева атребатов (современный Силчестер). Это, безусловно, парадокс. Каллева является одним из наиболее изученных и изучаемых городов римской Британии, что во многом было предопределено ее постримской судьбой. На месте некогда процветавшего центра провинции не появилось сколь-нибудь значимых средневековых поселений или городов Нового времени. Это сделало Каллеву едва ли не идеальным объектом исследования и важнейшим памятником для специалистов по романо-британскому урбанизму. Но, несмотря на полтора столетия последовательного изучения города, до недавних пор не существовало сколь-

¹ Речь прежде всего идет о Дуроверне кантиаков (Кентербери), Новиомаге регнов (Чичестер) и Венте бельгов (Уинчестер).

нибудь полного синтеза истории древнего Силчестера². Книга Майкла Фулфорда, профессора Университета Рединга и ведущего специалиста по истории Каллевы, вышедшая в 2021 г., меняет ситуацию.

Она состоит из девяти глав, постскрипума и краткой тематической библиографии.

Первая глава включает краткий обзор истории изучения древнего Силчестера (р. 1–12) и характеристику исследований на современном этапе (р. 12–27). Историографическую часть Фулфорд начинает с рассказа о первых попытках исследования зеленого поля возле приходской церкви Св. Девы Марии, под которым находились остатки Каллевы. Уже с XVII в. римский город появляется в изысканиях антиквариев: Уильям Кэмден обсуждал возможные границы поселения, Уильям Стьюкли верно идентифицировал одно из строений как амфитеатр, а Джон Райт составил примерный план Каллевы (р. 2–4, fig. 1.5). Важным событием стали раскопки, организованные преподобным Джеймсом Джойсом в 1863–1878 гг. Как отмечает Фулфорд, именно они показали потенциал и ценность Каллевы для будущих археологов. Яркие находки, подобные знаменитой фигурке бронзового орла, и публикация результатов полевой работы стали важным событием в зарождающихся исследованиях римской Британии (р. 5–7). Представляется, что именно эти исследования, сравнительно небольшие по масштабу (в первые годы на раскопках были заняты лишь четверо рабочих и сам Джойс), но значительные с точки зрения результатов, сыграли решающую роль в будущей судьбе Каллевы.

После успеха Джойса найти финансирование для новых полевых работ было проще: интерес к римскому городу повлиял на решение Лондонского общества антиквариев выделить средства на проект, который под руководством У. Сент-Джона и Джорджа Фокса длился почти двадцать лет, с 1890 по 1909 г. (р. 8). Именно викторианские раскопки, по мнению Фулфорда, были наиболее значительным этапом в изучении истории поселения — их материалы легли в основу первой обобщающей монографии-отчете о Каллеве, подготовленной Джорджем Буном через полвека после окончания работ (р. 1, 11) [Boon 1957; 1974]. Автор справедливо указывает, что проект Сент-Джона и Фокса оказался не только продуктивным с точки зрения количества и качества собранных данных, но и новаторским в методическом отношении. Именно при исследованиях Каллевы были предприняты попытки изучить семена и насекомых, благо анаэробная среда некоторых ям и колодцев сохранила пригодный для анализа материал (р. 9). Кроме того, было сделано множество важных находок: обнаружены монеты, металлические изделия, керамика *terra sigillata*, черепица с клеймами, фрагменты мозаик. Особенное значение имело обнаружение в XXXV инсуле частично сохранившейся надписи из пёрбекского мрамора с упоминанием названия римского города — так была поставлена точка в спорах о локализации древней Каллевы и идентификации Силчестера.

Важнейшим достижением викторианского проекта стало создание подробной карты римского города, которая отражала его состояние и внешний облик к началу III в. (р. 11–12). Однако Фулфорд отмечает недостатки работ

² С некоторой натяжкой к подобным примерам можно отнести книгу Джорджа Буна (о ней см. ниже) [Boon 1957; 1974]. Тем не менее она более походит на комплексный археологический отчет, чем на полноценную реконструкцию истории Каллевы.

Сент-Джона и Фокса, вполне типичные для своего времени. К их числу относятся прежде всего небрежное отношение к стратиграфии и отсутствие должного внимания к массовым источникам, костям животных, строительным материалам, керамике местного производства (р. 10). Некоторые выводы, сделанные на рубеже веков, в 1950–1960-е годы попытались уточнить Джордж Бун и Йэн Ричмонд, организовавшие небольшие по масштабу полевые работы. Они не изменили в корне имеющиеся представления о Каллеве, но позволили выявить более раннюю фазу существования города, хронологически относящуюся к кануну римского завоевания или первым десятилетиям существования провинции; в рамках же викторианского проекта доримские древности поселения обнаружить не смогли (р. 12–14).

Охарактеризовав достижения предшественников, автор переходит к обзору новейшего этапа в изучении Каллевы (р. 14–19). Фактически данная часть главы представляет краткий самоотчет, ведь начиная с 1970-х годов именно Фулфорд был главным организатором, руководителем и идейным вдохновителем исследовательских работ в этом направлении. Впрочем, этот историографический фрагмент отличается поразительная скромность. Современный читатель, незнакомый с библиографией Фулфорда, вряд ли поймет, что именно многолетние труды его команды окончательно утвердили Каллеву в статусе самого изученного города провинции. Зато он получит исчерпывающее представление о новейших методах исследования и результатах, которые они могут дать (р. 18–19).

Завершается глава размышлениями о возможных перспективах изучения Каллевы (р. 20–27). Фулфорд наглядно показывает объективные трудности изучения поселения, подчеркивая тем самым важность качественного улучшения методологии исследований (р. 22–23). Тем не менее недавно завершённый проект изучения IX инсулы и начавшиеся работы в III, XXX и XXXII инсулах, несмотря на объективно ограниченный характер, могут в ближайшем будущем изменить наши представления как об истории Каллевы, так и о специфике романо-британского урбанизма в целом. Остается лишь сожалеть, что до сих пор не локализованы городские некрополи — без них реконструкции этнокультурного состава населения и образа жизни римского Силчестера обречены на неполноту.

Вторая глава посвящена истории доримской Каллевы (р. 28–50). Этот период существования поселения долгое время оставался самым темным и малоизученным из всех. Лишь полевые работы рубежа веков серьезно изменили ситуацию [Fulford et al. 2020].

В начале главы Фулфорд с опорой на нумизматические данные кратко характеризует политический контекст возникновения Каллевы. Оппидум атребатов возникает на землях Южной династии, но в 25 г. до н. э., в правление царя Верики, переходит под контроль ее главных конкурентов из Восточной династии — Кунобелина и Эпатикка (р. 28–32). Территория доримской Каллевы была ограничена системой земляных укреплений, которую со времен Джорджа Буна принято обозначать термином *Inner Earthwork* (р. 32–33). Появление оппидума Фулфорд условно датирует 10 годом до н. э., отмечая отсутствие преемственности с поселениями IV–II вв. до н. э. Это позволяет автору сделать вывод о том, что рождение Каллевы не было результатом по-

степенного процесса урбанизации. Доримский город, по мнению Фулфорда, был основан в один момент, и в процессе создания нового поселения важнейшую роль играли колонисты из северной Франции (р. 35). Подобная этнокультурная идентификация поддерживается результатами исследований в районе IX инсулы. Обитатели этой части оппидума активно пользовались столовой посудой, импортированной из южной Галлии, и стеклянными сосудами, произведенными в Италии, потребляли оливковое масло и оливки, вино, использовали в готовке пищи кориандр. Важную роль в повседневном рационе играло мясо, прежде всего говядина, что отличало Каллеву от других бриттских поселений доримского времени, в которых крупный рогатый скот использовался прежде всего для производства молочных продуктов. В целом, предметы повседневного быта и рацион жителей оппидума не характерны для островных сообществ доримского времени и свидетельствуют в пользу гипотезы о мигрантах с континента как основе населения (р. 36–39).

Каллева была значительным — конечно, по меркам британского железного века — центром ремесленного производства. Здесь чеканилась монета, развивались металлообработка и ткачество (р. 40–41). Но в экономическом смысле доримский оппидум был прежде всего центром торговли, важным узлом в системе обмена между различными областями острова и в связях с континентом. Находки монет из Северной Галлии, Арморики и Бельгики указывают на наличие устойчивых торговых контактов с этими регионами, находившимися теперь под контролем Рима. Предметы, произведенные в других регионах Британии, демонстрируют, что поселение было местом, куда стекались важные ресурсы и товары — соль из северо-восточного Кента, каменные ручные мельницы из Западного Сассекса, олово и медь из Корнуолла и Дорсета, сланец с полуострова Пёрбек (р. 42–43, fig. 2.17). На вопрос, что могла производить и продавать Каллева, Фулфорд отвечает ссылкой на известный пассаж из «Географии» Страбона (Strabo IV, V.2): шкуры, зерно, рабов и охотничьих собак (р. 44). Торговое значение оппидума атребатов определялось выгодным географическим положением — всего в 16 км от слияния Темзы и Кеннета, притоки и долины которых обеспечивали удобную коммуникацию с северными и западными соседями (р. 45–47).

Возникновение протогорода, интегрированного в островную и континентальную системы обмена, обладающего усложняющейся социальной структурой и наличием значительного числа переселенцев из Галлии, вполне вписывалось в общую эволюцию поселений и политий юго-востока Британии. Подобную картину, как отмечает Фулфорд, можно наблюдать в доримских Кентерберии, Чичестере, Колчестере и Сент-Олбансе (р. 48). При этом появление урбанизма на землях атребатов исследователь объясняет прямой поддержкой римских властей (р. 49). Эта гипотеза представляется весьма и весьма спорной. Фулфорд приводит в ее пользу несколько соображений. Во-первых, находки сапожных гвоздей могут указывать на присутствие римских военных в Каллеве уже в самые первые годы ее существования³. Во-вторых, на это время приходится усиление военной активности Рима в прирейнских областях. Эти операции, с одной стороны, требовали привлечения множества

³ Об этом Фулфорд говорит уже на с. 39, но несколько более осторожно, чем в конце главы.

ресурсов, с другой — побуждали Империю установить контроль над источниками провианта и сырья на острове. Основание Каллевы было альтернативой прямой военной интервенции в Британию, о которой Август думал в 34, 27 и 26 гг. до н. э.⁴

В предложенной реконструкции доримский опыт урбанизации региона оказывается то ли имперским проектом, то ли частью политики галло-британских элит, поощряемой Римом. Безусловно, такие интерпретации исключать нельзя. Но насколько они вероятны? Насколько появление Каллевы было следствием политики и практики соседней державы? Представляется, что нельзя в полной мере исключать другие трактовки «римского фактора». Так, появление Империи, источника экзотических (для Британии) продуктов производства и «вечно голодного» потребителя сырья, могло создать — без всяких сознательных действий провинциальных администраторов — объективную потребность в торговых и ремесленных центрах на острове, включенных в систему обмена благами и ресурсами. «Невидимая рука» выгоды, созданная новой реальностью, могла действовать не менее эффективно, чем имперская воля.

В центре третьей главы — первые десятилетия жизни римского города (р. 51–75). Фулфорд отмечает, что Каллева могла быть резиденцией Каратака — сына царя Кунобелина и предводителя антиримской борьбы в 40-е годы (р. 51). Это делало город одной из важных целей для завоевателей. Возможно, в рамках противостояния имперской агрессии были сооружены массивные земляные укрепления — Inner Earthwork. При этом следов осады или штурма Каллевы на данный момент не обнаружено, хотя автор осторожно предполагает, что некоторые из найденных скелетов могут быть связаны с установлением римского контроля над поселением (р. 52–53). Каллева, вероятнее всего, была занята силами Второго Августова легиона под командованием Веспасиана. Военное присутствие длилось недолго, но его последствия заметны в хозяйстве поселения — в диете обитателей Каллевы говядина вытеснила свинину и ягнятину. При этом не очень ясно, какой непосредственный эффект на местное население произвело завоевание. Фулфорд отмечает, что несмотря на некоторые признаки запустения, жизнь города не была прервана более, чем на пять лет (р. 54).

Первые десятилетия жизни римского города характеризуются значительными переменами в его облике. Во второй половине 40-х годов на месте будущего форума появляются деревянные постройки прямоугольной планировки, нарушающие привычную топографию доримской Каллевы. Именно на них сходились дороги, проложенные новой властью и связывавшие поселение с юго-западными регионами острова и Лондиниум (р. 55–57). Фулфорд полагает, что данный комплекс не был — вопреки традиционной интерпретации — штаб-квартирой небольшого форта, но представлял собой *mansio*, часть военно-логистического узла, созданного Римом на базе поселения. Через Каллеву

⁴ Автор отмечает, что Каллева была одним из подобных поселений, не уточняя, какие еще оппидумы возникли при поддержке и с разрешения римских властей. Вероятно, имеются в виду уже названные им ранее древние Колчестер, Чичестер, Кентербери и Сент-Олбанс.

шло снабжение армии, занятой операциями на западе, в землях силуров, дуротригов и думнониев (р. 57).

До конца неясным остается вопрос о том, кто управлял городом в это время. Обычно считалось, что он оказался во владениях Тогидубна, царя и клиента Рима. Но находки черепицы с клеймами, содержащими имя Нерона, указывают на причастность имперских властей к раннему развитию города⁵. Фулфорд высказывает предположение, что Каллева либо находилась под непосредственным управлением провинциальной администрации, которая с самого начала завоевания решила устроить здесь опорный пункт, либо была передана Тогидубном Нерону после восстания Боудикки в качестве дара (р. 58–60). Появление черепицы с императорскими клеймами, кроме всего прочего, указывает на активное строительство. В 60-е годы возводится первое каменное здание Каллевы — бани (р. 60–61). Впрочем, большинство строений, включая публичные сооружения, оставалось деревянными. В качестве иллюстрации этого тезиса Фулфорд приводит амфитеатр римского Силчестера, возведенный на восточной окраине поселения и отличавшийся необычной для провинции круглой (а не эллиптической) формой арены (р. 61–64, fig. 3.11).

Изменения в жизни города, пришедшиеся на 50–80-е годы, автор реконструирует на основе материалов, полученных при исследовании IX инсулы (р. 65–72). На смену «длинному дому», занимавшему значительную часть района в доримское время, приходит несколько небольших жилых построек круглой и прямоугольной планировки (р. 65). Находки, сделанные на месте этих домов, включают фрагменты местной керамики, фибулы, изготовленные в районе северной Темзы и Камулодуна, и немногочисленные предметы континентального импорта, среди которых выделяется ножка бронзового сосуда для вина в виде фигурки Гарпократа (р. 67–68). Наиболее известным артефактом из IX инсулы, который можно датировать первыми десятилетиями римской власти в Британии, является бронзовая статуэтка орла. Обнаруженная еще во время первых полевых работ в Силчестере, она, к сожалению, остается единственной уцелевшей частью большой скульптурной композиции, вероятно, изображавшей Юпитера (р. 69).

Анализ керамики и сохранившихся органических материалов позволил Фулфорду в общих чертах реконструировать рацион питания обитателей IX инсулы и других исследованных районов города. Для приготовления и потребления пищи использовалась в основном керамика местного и провинциального производства (прежде всего сосуды, производившиеся в Элис Холт Форест). При этом постепенно росла доля *terra sigillata*, импортируемой из южной Галлии (р. 69–70). Диета жителей Каллевы включала говядину, ягнятину, баранину и свинину. Основу растительной части рациона составляли зерновые (спельта и ячмень двурядный), которые дополнялись бобовыми, овощами, фруктами и ягодами. В целом, диета населения римской Каллевы несколько отличалась от диеты предшествующего периода наличием разнообразной рыбы и морепродуктов. В то же время способы хранения и приготовления

⁵ Буквально за неделю до завершения работы над данной рецензией была опубликована новая монография Майкла Фулфорда, посвященная археологическим исследованиям мастерских, производивших такие клейма [Fulford 2022].

пищи не изменились по сравнению с доримским временем (р. 70–71). Сравнивая районы города, Фулфорд отмечает, что жители домов в IX инсуле не потребляли моллюсков, столь популярных среди тех, кто обитал на месте будущего форума. Вкупе с разницей в объеме предметов импорта, обнаруженных в этих местах Каллевы, это наблюдение может указывать на новую, только складывающуюся структуру неравенства (р. 71–72). Подводя итог главы, автор отмечает, что к 70-м годам город начал приобретать облик, который в основном сохранится до конца его истории. Решающую роль в этом Фулфорд отводит имперской инициативе (он активно использует словосочетание «Неронов проект»). При этом активная застройка города сочеталась с сохранением некоторых доримских традиций. Появление публичных зданий — бань и амфитеатра — не было связано с появлением нового регулярного плана; напротив, они «вписывались» в существующее, несколько хаотичное пространство поселения (р. 73). Подобное сочетание нового и традиций, по словам Фулфорда, вообще характеризует первые 30–40 лет развития Каллевы (р. 74–75).

Четвертая глава посвящена последним десятилетиям I в. — короткому, но важному для развития Каллевы периоду. Именно на это время приходится новая волна изменений городского облика (р. 76–102). Важнейшим из них, по мнению Фулфорда, была регулярная планировка с улицами, пересекающимися под прямым углом, и кварталами-инсулами (р. 76). Будучи созданной единовременно, она учитывала уже существующие особенности городской топографии — границы, обозначенные земляными укреплениями Inner Earthwork, и дороги, возникшие сразу после римского завоевания (р. 77). Такая планировка просуществовала до конца III в. практически без изменений (р. 78). Новый вид городского пространства автор связывает с процессами реорганизации собственности. Анализ жилых строений IX инсулы показывает, что некоторые районы не изменились в этот период, в других — о чем, в частности, говорит надпись из XXXV инсулы (RIB I 69–70) — появились переселенцы с континента. Автор высказывает осторожное предположение, что между коренным населением Каллевы и мигрантами могла существовать напряженность (р. 80).

Еще одним важным новшеством в жизни города стало появление комплекса форума и базилики. Многолетнее изучение этого памятника в центре поселения позволяет детально описать его возникновение и эволюцию (р. 80–81). К сожалению, о том, какая политико-административная реальность стоит за изменениями материальной культуры, можно лишь гадать. Что Фулфорд и делает — он вновь возвращается к мысли о том, что Каллева при Нероне находилась под непосредственным управлением Империи (р. 82). Создание административного округа атребатов вокруг римского Силчестера автор связывает с переходом этих территорий из имперской собственности под управление местных элит. Не совсем ясно, как именно это произошло. Исследователь предполагает, что имперское имущество было продано, а средства от этой продажи пошли на обустройство города в качестве административного центра только что созданного округа атребатов (р. 83). Вообще сам процесс перестройки Каллевы остается во многом непонятным. Часть находок указывает на присутствие в поселении значительного числа людей, связанных с военной средой;

вероятно, они принимали активное участие в реализации градостроительного проекта (р. 84).

Помимо форума на последние десятилетия I в. приходится сооружение ряда монументальных зданий, как общественных, так и частных. Первые были представлены комплексом бань, постройкой в VIII инсуле, обычно идентифицируемой как *mansio*, и несколькими храмами (р. 84–89). Последние представляют собой типичные образцы «романо-кельтских» святилищ, но связаны с разными богами и культами. Храм в XXXV инсуле, построенный на средства коллегии peregrini, мог быть местом отправления официальных имперских культов — во всяком случае Фулфорд соглашается с мнением о том, что он был воздвигнут в честь победы при Гравпийской горе (р. 88). Три культовых сооружения в XXX инсуле, появившихся в 80–90-е годы, были одними из самых высоких в городе и, как замечает автор, являлись важным визуальным ориентиром для всех обитателей Каллевы. Наконец, храм в VII инсуле мог быть, по мысли Фулфорда, местом проведения религиозных церемоний и праздников, важных для городской общины. Невозможно связать эти сооружения с конкретными культами, но отдельные артефакты, подобные бюсту Сераписа, найденному на территории Силчестера вне исходного контекста, указывают на присутствие в Каллеве восточных верований (р. 89).

В этот же период появляется несколько богатых домов в IX и XIX инсулах. Они известны прежде всего по сохранившимся каменным фундаментам и фрагментам полов с мозаиками (р. 90–91). Анализ содержимого выгребной ямы, находившейся в IX инсуле, позволил реконструировать некоторые аспекты повседневной жизни обитателей этих городских поместий. В целом, рацион не претерпел серьезных изменений, став еще больше похожим на диету жителей крупных городов других западных провинций (р. 96–97).

Материалы II и III инсул показывают, что масштабные работы в буквальном смысле ломали предшествующий уклад жизни. Вдоль улиц, связанных с дорогой на Лондиниум, обнаружены следы лавок и ремесленных мастерских, возведенных в одно время с переустройством городского плана (р. 99–100). Впрочем, не все из начатых в этот период проектов были завершены. В частности, небольшая усадьба с портиком во II инсуле оказалась заброшенной на середине строительства (р. 100).

Еще одно важное новшество, отличавшее Каллеву первых десятилетий провинциальной истории от позднего города, касалось свалок и выгребных ям. Система сбора отходов была упорядочена, число ям в центральных районах поселения сократилось, и мусор, как полагает Фулфорд, стал регулярно вывозиться за пределы обитания горожан (р. 102–103).

В пятой главе автор подробно рассказывает о II в. — времени подлинного расцвета Каллевы. Ее символом может служить комплекс из массивного здания базилики и вымощенного камнем форума, возведенный в 120-е годы, видимо, в связи с посещением провинции императором Адрианом (р. 103–104). Этот элемент городского пространства, отмечает автор, вполне соответствует островным образцам и, вероятнее всего, был спроектирован и сооружен под руководством архитектора, происходившего из военной среды (р. 105). В это же время был перестроен амфитеатр (р. 106–107, fig. 5.5). Перемены коснулись и системы водоснабжения: в III инсуле были обнаружены следы водо-

провода, а исследования IX и XIV инсул показали, что комплексы городских усадеб обзавелись колодцами и канализациями (р. 108–109). При этом, как отмечает Фулфорд, подавляющее большинство перестроенных и вновь введенных строений были частными. Показательными здесь служат результаты, полученные при исследовании IX инсулы: деревянные дома обзаводились каменными фундаментами или полностью заменялись новыми, монументальными сооружениями (р. 110–112). Раскопки двух больших усадеб в XIV инсуле показывают, что качественные изменения касались интерьеров, в которых все чаще можно увидеть мозаики (р. 114). Такая трансформация города не могла случиться без притока ресурсов и развития хозяйственных отношений; автор вполне резонно полагает, что II в. стал для Каллевы, как и для Британии в целом, периодом экономического процветания (р. 116). В случае с римским Силчестером подъем во многом обеспечивался выгодным положением на пересечении торговых маршрутов (р. 117). В городе и его окрестностях активно развивались ремесла — гончарное (керамика Элис Холт Форест), стекольное, кожаное и металлургическое производства, ювелирное дело (р. 118–121).

В попытках реконструировать жизнь горожан этого периода Фулфорд обращает внимание на результаты раскопок в IX инсуле. Они показывают, что часть хозяйственной активности происходила там же, где обитали люди, — так, рядом с усадьбой держали скот (возможно, для дальнейшей продажи); найдены также следы металлообработки и ювелирного промысла. При этом по сравнению с более ранними периодами экономическая повседневность жителей дома в IX инсуле изменилась. Так, отсутствие ручных мельниц и инструментов, необходимых для производства тканей, говорит о том, что в некоторых аспектах домашнее ремесло уступило место потреблению купленных на рынке товаров (р. 122–124). Завершают главу размышления о возможной численности населения Каллевы. Фулфорд, подчеркивая условность подобных расчетов, полагает, что в период наивысшего расцвета в городе проживало около семи тысяч человек (р. 129).

Шестая глава посвящена жизни города в III в., беспокойном времени как для Империи, так и для Каллевы. Особое внимание автор уделяет сооружению системы укреплений — главной новации в облике города. Начало ее строительства, вероятно, связано с борьбой за императорскую власть в конце II в. (р. 130). Каллева, бывшая до этого времени поселением без явно обозначенных границ, была опоясана насыпью с палисадом и двумя рвами (р. 131). В таком виде городские укрепления просуществовали до 260–280-х годов, когда их заменили монументальные каменные сооружения (р. 133). Стены и ворота римского Силчестера отличались от фортификаций других крупных поселений отсутствием элементов кирпичной кладки — причина этого не вполне ясна, но может быть связана с общим хозяйственным развитием города, сохранившего связь с торговыми маршрутами, позволяющими доставлять камень из разных частей Британии, но утратившего производство кирпичей и черепицы (р. 134–135). Нет ясности, кто выступил инициатором и организатором этого затратного проекта. Наиболее вероятные кандидаты — Проб, с чьим правлением связано переустройство пограничных территорий и северо-западных провинций Империи, или Караузий и Аллект, узурпаторы, захватившие власть в Британии (р. 138–140). Если верна последняя гипотеза, то именно

территория вокруг Каллевы могла быть местом последнего сражения Аллекта с высадившимися на острове силами Констанция Хлора (р. 140).

Появление системы каменных укреплений не было единственным изменением городского пространства в III в. Еще до возведения стен, в первой трети столетия были перестроены комплекс форум-базилика и амфитеатр (р. 140–142). Материалы IX и XXVI инсул показывают, что серьезную реорганизацию пережили районы с частными постройками (р. 145). Часть жилых домов была снесена — по осторожному предположению Фулфорда, перед нами могут быть следы репрессий против богатых сторонников Караузия и Аллекта, хотя это лишь одно из возможных объяснений (р. 147).

В трех последних главах книги исследователь анализирует жизнь позднеримской Каллевы. По объему и информационной насыщенности эти разделы уступают предшествующим. Виной тому не лень автора, а объективные обстоятельства, с рассмотрения которых начинается седьмая глава. Значительная часть материальных свидетельств о городе этого времени была получена в результате полевых работ викторианского времени, которые, к сожалению, больше уничтожили, чем сохранили (р. 149). Ясно, что в Каллеве IV в. не возводилось больших общественных зданий; к числу публичных проектов можно отнести лишь регулярное обновление и ремонт комплекса бань, сооруженного во II в. (р. 148). Это, впрочем, не означает упадка поселения. Частные дома в XIV, XXVII и XXXIV инсулах, которые можно датировать позднеримским временем, вероятно, принадлежали состоятельным горожанам — их владельцы могли себе позволить мозаики и гипocaustы (р. 153–157). Современные раскопки на территории III и IX инсул позволили увидеть и другие, менее впечатляющие строения, небольшие усадьбы и ремесленные мастерские (р. 158–162). Ряд вопросов вызывает здание в IV инсуле, которое часто идентифицируют как христианскую церковь. Фулфорд, допуская такую интерпретацию, отмечает, что признаков, однозначно указывающих на это, нет. Более того, не вполне ясна точная датировка сооружения «церкви» — возможно, правильно было бы отнести ее к III, а не IV в. (р. 151–153). В завершение главы автор отмечает, что Силчестер позднеримского времени процветал, хотя реальный уровень благосостояния города пока сложно определить в силу ограниченности источниковой базы (р. 163).

В центре восьмой главы — жизнь Каллевы в IV в. В попытках реконструировать повседневность Фулфорд обращается к рациону питания обитателей IX и XXIV инсул, представления о котором существенно расширились благодаря находкам последних двадцати лет. Диета горожан отличалась разнообразием. Значительное место в ней занимали рыба и морепродукты. По сравнению с предшествующими периодами существования Каллевы большее распространение получило употребление в пищу домашней птицы. Наконец, присутствие в рационе импортных продуктов (вина из Малой Азии, оливкового масла из Турции, винограда, фиг, огурцов) демонстрирует, что город сохранял свое место в системе торговых связей провинции и континента, хоть совокупность данных и говорит о сокращении объемов импорта (р. 165–166; 170). При этом позднеримский город частично обеспечивал себя провизией самостоятельно: в окрестностях и внутри городской черты зафиксированы следы птицеводства и скотоводства (р. 168). Сложнее обстояло дело с хлебом

и зерновыми — судя по всему, производство и обработка продуктов земледелия находилось на достаточном удалении от Каллевы (р. 169).

В структуре хозяйственной жизни города заметно расширение двух промыслов — металлургии и обработки костей (р. 170). Некоторые сферы экономической активности напротив, переживали не самые лучшие времена. Так, локальное производство керамики несколько уменьшилось, и Каллева стала больше зависеть от других провинциальных центров гончарного дела, прежде всего Дорчестера-на-Темзе и Оксфорда (р. 173–175). Находки фрагментов керамических сосудов, созданных в районе Пуатье, указывают, что город до последних десятилетий существования сохранял некоторые связи с континентом. Каллева, как представляется Фулфорду, оставалась важной частью региональной логистической сети с центром в Лондини, через который в район римского Силчестера и попадало большинство импортов (р. 176–177).

Завершает главу небольшой раздел о собаках и кошках в Каллеве. Его появление — не прихоть автора, но следствие специфики корпуса материальных источников, связанных с повседневностью города IV–V вв. В наиболее исследованном районе позднеримской Каллевы, IX инсуле, обнаружено несколько погребений домашних животных. Судя по сохранившимся скелетам, собаки были представлены породами разных размеров, от крупных, сравнимых с лабрадором, до совсем небольших, напоминающих современных терьеров. Вероятно, их функции были столь же различными — они использовались для охраны, охоты на грызунов, в психотерапевтических и декоративных целях (р. 178). Погребение домашней кошки, найденное на границе IX и XXIV инсул, говорит об особом отношении обитателей Каллевы к этим животным, что кажется довольно необычным для провинции (р. 179). Как замечает Фулфорд, в ритуальном смысле погребения домашних животных схожи с захоронениями младенцев, которые также помещались в пределах городской застройки, часто рядом с жилыми домами (р. 180–181).

Последняя, короткая девятая глава посвящена концу Каллевы как романо-британского города. Коротко обрисовав общий контекст упадка и гибели провинции, автор отмечает целый ряд признаков глубокого кризиса жизни в римском Силчестере рубежа IV–V вв.: сокращение обитаемой территории внутри городских границ, порча монеты, обеднение материальной культуры (р. 183). Но, как подчеркивает исследователь, эти десятилетия не были временем беспросветного мрака. Хозяйственная активность, включая сбор податей и торговлю, не прекратилась совсем, кроме того, была предпринята попытка ремонта и перестройки здания общественных бань, требовавшая аккумуляции ресурсов и значительных организационных усилий (р. 184). Однако это происходило в не самых благоприятных внешних условиях. Угроза обитателям Каллевы вынудила их завалить камнями три из четырех городских ворот, а находки человеческих останков в районе рвов, опоясывающих поселение, могут быть следами вооруженных столкновений (р. 186–187). О тяжелых временах свидетельствуют и находки небольших кладов, относящиеся к первым десятилетиям V в. (р. 189–190). Этим же периодом можно датировать известную огамическую надпись, найденную в IX инсуле. На небольшой («карликовой», как она обозначается в тексте) колонне было прочитано имя некоего Тебиката (р. 190). Кем он был, как был связан с Ирландией, как оказался в Каллеве —

не вполне ясно, хотя само появление такой надписи на территории поселения может указывать на серьезные перемены в составе его населения (р. 192–193).

С уходом Рима из Британии участь города оказывается предрешенной. Между V и VII вв. Каллева, оказавшаяся на границе Мерсии и Уэссекса, исчезает: люди переселяются на другие земли, а на месте поселения возникает англо-саксонский монастырь (р. 194–195). Ко времени создания Книги Судного дня здесь появятся небольшая деревня Силчестер и скромная церковь Св. Марии, а некогда благополучный провинциальный город окажется окончательно скрыт под землей (р. 196–197).

Так заканчивается история Каллевы атребатов, а вместе с ней — книга Майкла Фулфорда. Самыми спорными ее элементами оказываются попытки реконструкции ключевых событий ранней истории Каллевы. Прежде всего имеется в виду гипотеза, согласно которой само появление доримского поселения было связано с действиями и потребностями Римской империи. Впрочем, и другие предположения автора вызывают вопросы. Так, мысль о том, что Тогидубн передал (или, как говорит сам Фулфорд, подарил) город императору Нерону, представляется пусть и интересной, но практически недоказуемой, во всяком случае при сегодняшнем состоянии источниковой базы.

Это, конечно, не означает, что исторические гипотезы Фулфорда несостоятельны. Напротив, они заслуживают особенного внимания и должны стать началом новых поисков, призванных решить загадки обозначенных исследователем проблемных мест.

В целом книга Фулфорда заслуживает высокой оценки и лестных слов. Она представляет собой оригинальный синтез десятилетий археологических исследований самого высшего качества — и в этом нет ничего удивительного, учитывая как квалификацию автора, так и его личную роль в изучении римского Силчестера. Но достоинства монографии не ограничиваются сугубо научной сферой; она представляет собой очень ясно написанный и увлекательный текст.

Нет и не может быть сомнений, что рецензируемое издание станет обязательным пунктом в списке чтения для всех, кто занимается урбанизацией западных провинций Римской империи и историей римской Британии.

References

- Bateman, N., Cowan, C., & Wroe-Brown, R. (2008). *London's Roman amphitheatre: Guildhall Yard, City of London*. MoLAS.
- Boon, G. (1957). *Silchester: The Roman town of Calleva*. Reading Museum.
- Boon, G. (1974). *Silchester: The Roman town of Calleva* (rev. and exp. ed.). David and Charles.
- Crummy, P. (1997). *City of victory: The story of Colchester, Britain's first Roman town*. Colchester Archaeological Trust.
- Humphreys, O. (2021). *London's Roman tools: Craft, agriculture and experience in an ancient city*. BAR Publishing.
- Fulford, M. (2022). *The Emperor Nero's pottery and tiling at Little London, Pamber, by Silchester, Hampshire: The excavations of 2017*. Society for the Promotion of Roman Studies.
- Fulford, M., Clarke, A., Durham, E., & Pankhurst, N. (2020). *Silchester Insula IX: The Claudio-Neronian occupation of the Iron Age oppidum: The early Roman occupation at Silchester Insula IX*. Society for the Promotion of Roman Studies.

- Niblett, R. (2001). *Verulamium: The Roman city of St. Albans*. Tempus.
- Perring, D. (2022). *London in the Roman world*. Oxford Univ. Press.
- Rogers, A. (2011). *Late Roman towns in Britain: Rethinking change and decline*. Cambridge Univ. Press.
- Rogers, A. (2013). *Water and Roman urbanism: Towns, waterscapes, land transformation and experience in Roman Britain*. Brill.
- Wacher, J. (1974). *The towns of Roman Britain*. Book Club Associates.
- Wacher, J. (1995). *The towns of Roman Britain* (2nd ed., rev.). Batsford.

* * *

Информация об авторе

Антон Ералыевич Барышников

кандидат исторических наук
научный сотрудник, кафедра истории
древнего мира и классических языков,
Институт международных отношений
и мировой истории, Нижегородский
государственный университет
им. Н. И. Лобачевского
Россия, 603005, Нижний Новгород, ул.
Ульянова, д. 2
Телефон: +7 (831) 462-35-03
✉ baryshnikov85@gmail.com

Information about the author

Anton Ye. Baryshnikov

Cand. Sci. (History)
Researcher, Department of Ancient World
and Classical Languages, Institute of
International Relations and World History,
Lobachevsky State University of Nizhny
Novgorod
Russia, 603005, Nizhny Novgorod, Ulyanova
Str., 2
Tel.: +7 (831) 462-35-03
✉ baryshnikov85@gmail.com

С. А. Воронцов

ORCID: 0000-0002-6035-325X

✉ vorontsoff.s@gmail.com

Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет
(Россия, Москва)

ТЕНИ ОБРЕТЕННОЙ ТРАДИЦИИ: ПОСТСОБОРНЫЙ ВЗГЛЯД НА ОТНОШЕНИЯ ЕПИСКОПОВ РИМА И ИСПАНИИ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

Рецензия на: *Ferreiro A. Epistolae Plenae: The correspondence of the bishops of Hispania with the bishops of Rome (third through seventh centuries). Leiden; Boston: Brill, 2020. — 336 p. — (The Medieval and Early Modern Iberian World; Vol. 74).*

Для цитирования: Воронцов С. А. Тени обретенной традиции: постсоборный взгляд на отношения епископов Рима и Испании в I тысячелетии // Шаги/Steps. Т. 9. № 2. 2023. С. 257–262. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-2-257-262>.

Рецензия поступила в редакцию 1 декабря 2022 г.

Принято к печати 10 февраля 2023 г.

Shagi / Steps. Vol. 9. No. 2. 2023
Book Reviews

S. A. Vorontsov

ORCID: 0000-0002-6035-325X

✉ vorontsoff.s@gmail.com

St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities
(Russia, Moscow)

SHADOWS OF REDISCOVERED TRADITION: POSTCONCILIAR PERSPECTIVE ON RELATIONS BETWEEN THE BISHOPS OF ROME AND SPAIN IN THE FIRST MILLENNIUM

A review of: *Ferreiro, A. (2020). Epistolae Plenae: The Correspondence of the Bishops of Hispania with the Bishops of Rome (Third through Seventh Centuries). Brill. 336 p.*

To cite this review: Vorontsov, S. A. (2023). Shadows of rediscovered tradition: Postconciliar perspective on relations between the bishops of Rome and Spain in the First millennium. *Shagi / Steps*, 9(2), 257–262. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-2-257-262>.

Received December 1, 2022

Accepted February 10, 2023

Профессор А. Феррейро известен прежде всего своей многотомной библиографией «Вестготы в Галлии и Испании/Иберии» [Ferreiro 1988; 2006; 2014; 2017], он исследовал теологические материи в вестготской и средневековой Испании, историю присциллианства (см.: [Ferreiro 2006: 158–159]), фигуру Симона Мага [Ferreiro 2005], королевство севов и деятельность Мартина Брагского (см.: [Ferreiro 1988: 506; 2006: 581]). В рецензируемой монографии отразились эти долговременные интересы автора, при этом они выстроились вокруг проблемы примата Римской кафедры, характер которого автор выявляет на основании сохранившейся переписки между римскими епископами и епископами Пиренейского полуострова в III–VII вв. Впрочем, книга во всяком случае не является скороспелой — по собственному признанию автора, он готовил ее в течение «многих лет» (р. 6).

Феррейро работает в Сиэтле, но его монография подготовлена в тесной связи с исследователями культуры и литературы вестготской Испании в Саламанке и другими испанскими авторами. Таким образом, именно пиренейский контекст находится в фокусе изысканий.

Кроме того, стоит отметить, что Феррейро — практикующий католик, и папская власть для него — не только отвлеченная историческая проблема, но и актуальный вопрос вероучения. Во введении этому аспекту уделяется некоторое внимание: Феррейро связывает свой труд с задачей исследования примата епископа Рима, поставленной Иоанном Павлом II в энциклике «*Ut unum sint*». Экклесиология до 1054 г. может служить, как полагает Феррейро, фундаментом для единства Католической и Православной церквей (р. 4). Вероятно, он исходит из «формулы Ратцингера», согласно которой православные должны только признать ту форму римского примата, которая существовала в первом тысячелетии. Эта концепция в свое время с энтузиазмом была встречена такими богословами, как К. Ранер, Г. Фриз и В. Каспер [Sicienski 2017: 396–398]. И автор вполне последовательно замечает, что он стремится не провести апологетическую или критическую позицию по отношению к примату, а только «дать слово источникам» (р. 4).

Говоря о недостаточной степени проработанности вопроса, Феррейро упоминает книгу А. Веги «Понтификат и Церковь Испании в первые семь веков», вышедшую в 1944 г., и указывает на недостаточное освещение собственно текстов первоисточников в ней. Рецензируемая книга, напротив, содержит весьма подробное изложение рассматриваемых писем. Например, описание первого письма Григория I Леандру Севильскому занимает шесть страниц (р. 149–154). В изложении материала Феррейро движется хронологически

от одного случая переписки к другому, при этом особо уделяет внимание (пред)вестготской Испании и Галлеции. Так, в первой главе рассматривается переписка Киприана Карфагенского и Стефана I относительно испанских дел, вторая посвящена Гимерию Таррагонскому, Сирицию и первым декреталям. В следующих двух главах анализируется роль в присциллианистском кризисе римских пап Иннокентия I и Льва Великого (при этом отдельный интерес представляют суждения автора о различии между верованиями Присциллиана, разных поколений его последователей и представлении об этих верованиях в Риме, где знали о них по слухам и в идеологических целях стремились отождествить присциллианство с манихейством). Пятая глава охватывает письма сразу четырех римских пап второй половины V — первой половины VI в.: Илария, Симплиция, Симмаха и Гормизда. Значительная по объему шестая глава (р. 147–180) посвящена Григорию Великому и Леандру Севильскому и другим епископам. В седьмой и девятой главах анализируются напряженные отношения между испанскими епископами, мнение которых выразил Браулион Сарагосский, и папой Гонорием и между Юлианом Толедским и папами Львом II и Бенедиктом II. Из этого ряда выбивается восьмая глава, где Феррейро говорит о взглядах на примат Исидора Севильского. Десятая и одиннадцатая главы посвящены Галлеции — переписке Профутура Брагского и папы Вигилия (от которой осталось только письмо Вигилия Профутуру), а также апелляциям к папскому авторитету Мартина Брагского.

При этом интересно, что случаи Браулиона Сарагосского и Юлиана Толедского, возможно, свидетельствуют о том, что мнением римского епископа могли пренебрегать. Папа Гонорий пишет епископам Испании о необходимости усиления антииудейской политики, а Браулион отвергает предлагаемые меры. Феррейро, однако, обращает внимание на риторику послания Браулиона, который отдает должное папской заботе о Церкви (р. 194–196). Автор предполагает даже, что Гонорий мог быть «удовлетворен ответом Браулиона» (р. 196), вмешиваясь в дела испанской Церкви только по причине обращения к нему неких недовольных. Трения между Юлианом и папами в области христологии, как представляется Феррейро, «ни в коей мере ни могли обернуться расколом» (р. 254) и были скорее следствием «сбоя» в работе схемы одобрения римским папой решений Толедских соборов (р. 254).

В творениях, которые всеми признаются как аутентичные, Исидор Севильский говорит об особой роли Петра (см., например, комментарий М. Ю. Биркина в [Исидор Севильский 2022: 271–272]), но ничего не говорит о римском примате, что тоже косвенно может свидетельствовать о иррелевантности в глазах Исидора особого авторитета римского епископа. Основное внимание Феррейро уделяет письму Исидора к епископу Евгению (неизвестно точно, какому именно), об аутентичности которого нет согласия между исследователями, в частности, из-за того, что в нем отражено учение о верховенстве епископа Рима над другими епископами (р. 210–211). Но поскольку авторитет римского епископа включен в один ряд с авторитетом Вселенских соборов, а Исидор апеллирует к суждениям римского престола в канонах II Севильского и IV Толедского собора (правда, скорее походя), Феррейро делает несколько апофатический вывод о том, что в учении Исидора о римском примате нет ничего нового или особенного (р. 215). В то же время автор в равной степени

предостерегает против анахронического видения испанской Церкви как национальной и римского примата как монархического (а не коллегиального) (р. 252).

Основной тезис книги состоит в том, что авторитет папы римского не был самодостаточен и фигурировал только в сочетании с другими источниками авторитета: Священным Писанием, трудами отцов Церкви, Вселенских и поместных соборов (р. 305). При рассмотрении конкретных случаев взаимодействия римских епископов с испанскими на протяжении всей книги Феррейро прослеживает развитие такого рода авторитета. Особое его значение он отмечает в V–VI вв., связывая это с периодом бурного роста испанской Церкви (р. 306). В то же время примерно в одинаковых словах автор характеризует взгляд на примат в начале V в. при Иннокентии I (р. 71), в середине V в. при Иларию (р. 123), в VI в. при Гормизде (р. 142), в начале VII в. у Исидора (р. 215) и в конце VII в. у Юлиана (р. 254).

Феррейро прямо говорит, что коллегиальная модель примата, которую он прослеживает до конца VII в. и которая в Высокое Средневековье сменилась монархической моделью, была актуализирована на II Ватиканском соборе в энциклике «*Lumen gentium*» (гл. 22) и подтверждена авторитетом папы Иоанна Павла II (р. 134). Фигура римского папы обеспечивала единство Церкви (что очевидно для католика) в том числе и потому, что он сообщал о постановлениях Вселенских соборов западным Церквам и следил за их исполнением (например, р. 135, 306). Кроме того, Феррейро указывает на то, что римские епископы сами не инициировали вмешательство в дела испанской Церкви (р. 306). В некоторых случаях он по меньшей мере если и находит, то реконструирует первоначальное обращение к папе.

Можно сказать, наверное, что Феррейро не претендует на внесение каких-то новых тезисов в полемику о природе римского примата. Действительно, и концепция *collegium*, и представление о связующей роли римского епископа, и даже экуменический потенциал исследования римского примата в первом тысячелетии — все это так или иначе отразилось в богословии самих римских пап после II Ватиканского собора. Однако все это скорее образует определенную оптику для герменевтики рассматриваемых в книге писем, чем настойчиво продвигаемые тезисы. И эти «предрассудки» (в гадамеровском смысле) оказываются достаточно гибкими: они не предполагают ни герменевтики познания по отношению к власти и претензиям пап, ни предположения о ее какой-то решающей роли. В этом смысле религиозная идентичность Феррейро не угашает дух исследования, а, наоборот, инспирирует работу историка.

Другой тезис работы относится к самой испанской Церкви, и этот тезис кажется нам особенно важным для исследований пиренейского контекста. Испания, указывает Феррейро, не была «дальним углом» поздней Римской империи, до которой не доходила богословская полемика, разразившаяся на Востоке. Наоборот, в Испанию проникали эти новые веяния, что обуславливало активные обращения испанских епископов к римскому престолу (р. 306). Взгляд на вещи, согласно которому история Испании и испанской Церкви — это какой-то локальный сюжет на фоне глобальных событий в Галлии, Италии и на Востоке, действительно еще не изжит до сих пор. Даже работы, посвященные Исидору Севильскому, приходится оправдывать его влиянием на средневековую культу-

ру (до сих пор недостаточно изученным [Fontaine, Pellistrandi 1992] и в этом смысле скорее абстрактным), для многих в ученой среде он остается лишь «энциклопедистом Темных веков» [Brehaut 1912]. Между тем исследователями вестготской Испании (и, естественно, ее Церкви) движет как раз тот пафос, что в ней были представлены актуальные тенденции эпохи [Fontaine 2000: 11], но в то же время наследие античного мира оставалось живым [Ауров 2017: 183–266], и даже в большей степени, чем, скажем, в северной Италии [Биркин 2021: 150–152]. Важно, что Феррейро отчетливо проговаривает данный тезис на основании анализа отношений епископов Испании и Галлеции с Римом.

Трудно судить, насколько такая книга повлияет на диалог Католической и Православных церквей или, шире, на теологические дискуссии о первенстве, поскольку это один из самых политизированных вопросов богословской повестки. Возможно, эта книга станет определенным вкладом в деполитизацию этого вопроса (в чем, по всей видимости, и заключается одна из задач исторической науки). С уверенностью можно сказать, что исследование будет способствовать более пристальному анализу случаев взаимодействия понтификов с епископами Пиренейского полуострова, особенно в королевствах вестготов и свевов, послужив добротным введением в контекст, тем более что автор уделяет собственному голосу источников значительно больше внимания и уважения, чем расхожим штампам.

Литература

- Ауров 2017 — Ауров О. В. Власть, Церковь и текст в Испании до 1000 года // Теология и политика. Власть, Церковь и текст в королевствах вестготов (V — начало VIII в.): Исследования и переводы / Ред.-сост. О. В. Ауров; Общ. ред. О. В. Ауров, Е. С. Марей. М.: Изд. дом «Дело», 2017. С. 183–260.
- Биркин 2021 — Биркин М. Ю. Епископ в вестготской Испании. СПб.: Наука, 2021.
- Исидор Севильский 2022 — Исидор Севильский. О церковных службах / Изд. подгот. С. А. Воронцов и др. СПб.: Наука, 2022.
- Brehaut 1912 — Brehaut E. An encyclopedist of the Dark Ages: Isidore of Seville. New York: Columbia University Press, 1912.
- Ferreiro 1988 — Ferreiro A. The Visigoths in Gaul and Spain, A. D. 418–711: A bibliography. Leiden; Boston: Brill, 1988.
- Ferreiro 2005 — Ferreiro A. Simon Magus in patristic, medieval and early modern traditions. Leiden; Boston: Brill, 2005.
- Ferreiro 2006 — Ferreiro A. The Visigoths in Gaul and Iberia: A supplemental bibliography, 1984–2003. Leiden; Boston: Brill, 2006.
- Ferreiro 2014 — Ferreiro A. The Visigoths in Gaul and Iberia (update): A supplemental bibliography, 2010–2012. Leiden; Boston: Brill, 2014.
- Ferreiro 2017 — Ferreiro A. The Visigoths in Gaul and Iberia (update): A supplemental bibliography, 2013–2015. Leiden; Boston: Brill, 2017.
- Fontaine 2000 — Fontaine J. Isidore de Séville. Genèse et originalité de la culture hispanique au temps des Wisigoths. Turnhout: Brepols, 2000.
- Fontaine, Pellistrandi 1992 — L'Europe, héritière de l'Espagne wisigothique / Éd. J. Fontaine, C. Pellistrandi. Madrid: Casa de Velázquez, 1992.
- Siecienski 2017 — Siecienski A. E. The Papacy and the Orthodox: Sources and history of a debate. New York: Oxford Univ. Press, 2017. |

References

- Aurov, O. V. (2017). Vlast', Tserkov' i tekst v Ispanii do 1000 goda [Power, Church, and text in Spain before 1000 A. D.]. In O. V. Aurov, & E. S. Marei (Eds.). *Teologiya i politika. Vlast', Tserkov' i tekst v korolevstvakh vestgotov (V — nachalo VIII vv.): Issledovaniia i perevody* (pp. 183–260). Izdatel'skii dom "Delo". (In Russian).
- Brehaut, E. (1912). *An encyclopedist of the Dark Ages: Isidore of Seville*. Columbia University Press.
- Birkin, M. Yu. (2021). *Episkop v vestgotской Ispanii* [The bishop in Visigothic Spain]. Nauka. (In Russian).
- Ferreiro, A. (1988). *The Visigoths in Gaul and Spain, A. D. 418–711: A bibliography*. Brill.
- Ferreiro, A. (2005). *Simon Magus in patristic, medieval and early modern traditions*. Brill.
- Ferreiro, A. (2006). *The Visigoths in Gaul and Iberia: A supplemental bibliography, 1984–2003*. Brill.
- Ferreiro, A. (2014). *The Visigoths in Gaul and Iberia (update): A supplemental bibliography, 2010–2012*. Brill.
- Ferreiro, A. (2017). *The Visigoths in Gaul and Iberia (update). A supplemental bibliography, 2013–2015*. Brill.
- Fontaine, J. (2000). *Isidore de Séville. Genèse et originalité de la culture hispanique au temps des Wisigoths*. Brepols. (In French).
- Fontaine, J., & Pellistrandi, C. (Eds.). (1992). *L'Europe, héritière de l'Espagne wisigothique*. Casa de Velázquez. (In French).
- Siecienski, A. E. (2017). *The Papacy and the Orthodox: Sources and history of a debate*. Oxford Univ. Press.
- Vorontsov, S. A. et al. (Eds.). (2022). *Isidor Sevil'skii. O tserkovnykh sluzhbakh* [Isidore of Seville. *De ecclesiasticis officiis*]. Nauka. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Сергей Александрович Воронцов

кандидат философских наук
старший научный сотрудник,
Лаборатория исследований церковных
институций, богословский факультет,
Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет
Россия, 127051, Москва, Лихов пер., д. 6
Тел.: +7 (495) 114-50-69
✉ vorontsoff.s@gmail.com

Information about the author

Sergey A. Vorontsov

Cand. Sci. (Philosophy)
Research Fellow, Ecclesiastical Institutions
Research Laboratory, Faculty of Theology,
St. Tikhon's Orthodox University for the
Humanities
Russia, 127051, Moscow, Likhov Pereulok, 6
Tel.: +7 (495) 114-50-69
✉ vorontsoff.s@gmail.com

И. М. Никольский

ORCID: 0000-0001-6428-5357

✉ ivan.nikolsky@mail.ru

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)*

ИСПАНСКОЙ ЮНОСТИ ЧЕСТНОЕ ЗЕРЦАЛО: ОБ ОДНОМ НЕДООЦЕНЕННОМ ТРАКТАТЕ ИСИДОРА СЕВИЛЬСКОГО И ЕГО ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Рецензия на: *Исидор Севильский. О церковных службах* / [Правосл. Свято-Тихоновский гуманитар. ун-т]; Изд. подгот. С. А. Воронцов, М. Ю. Биркин, Е. С. Марей, Л. В. Чернин, А. А. Волков. СПб.: Наука, 2022. — 343 с.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: *Никольский И. М.* Испанской юности честное зеркало: об одном недооцененном трактате Исидора Севильского и его переводе на русский язык // Шаги/Steps. Т. 9. № 2. 2023. С. 263–268. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-2-263-268>.

*Рецензия поступила в редакцию 1 декабря 2022 г.
Принято к печати 11 января 2023 г.*

I. M. Nikolsky

ORCID: 0000-0001-6428-5357

✉ ivan.nikolsky@mail.ru

*The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Russia, Moscow)*

AN HONORABLE MIRROR FOR THE YOUTH OF SPAIN: ABOUT AN UNDERAPPRECIATED TREATISE BY ISIDORE OF SEVILLE AND ITS TRANSLATION INTO RUSSIAN

A review of: Vorontsov, S. A., Birkin, M. Yu., Marei, E. S., Chernin, L. V., & Volkov, A. A. (Eds.). *Isidor Sevil'skii. O tserkovnykh sluzhbakh* [Isidore of Seville. On Church Duties]. Nauka. 343 p. (In Russian).

Acknowledgements. The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

To cite this review: Nikolsky, I. M. (2023). An honorable mirror for the youth of Spain: About an underappreciated treatise by Isidore of Seville and its translation into Russian. *Shagi / Steps*, 9(2), 263–268. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-2-263-268>.

Received December 1, 2022

Accepted January 11, 2023

Опубликованный в издательстве «Наука» перевод сочинения Исидора Севильского «О церковных службах» стал результатом работы коллектива авторов, уже зарекомендовавших себя в роли ведущих специалистов по истории вестготской Испании. Среди них М. Ю. Биркин, Е. С. Марей, С. А. Воронцов, Л. В. Чернин — историки, принимавшие участие в подготовке крупнейших научных изданий последнего десятилетия в этой области, включая комментированный перевод «Вестготской правды» [Ауров, Марей 2012] и монографические исследования [Ауров, Марей 2017; Биркин 2021] об истории Церкви в королевстве вестготов.

Выход в свет на русском языке не самого известного труда испанского энциклопедиста следует рассматривать именно в таком контексте. Ключевой вопрос, который, очевидно, подтолкнул исследователей к этой работе, можно сформулировать следующим образом: какова роль Церкви в политической

жизни раннесредневекового общества и в связи с этим каково влияние на нее интеллектуалов, ту же Церковь представлявших? Вестготская Испания благодаря фигуре севильского епископа оказывается настоящим кладезем в поиске ответа. Ведь Исидор известен не просто как основоположник литературной школы, иногда называемой «вестготским ренессансом», но и как настоящий серый кардинал первой половины VII в. Его политическое влияние заметно не только на формальном уровне — в качестве председателя IV Толедского собора, на котором определялось, как должны взаимодействовать королевская власть и все остальное общество, — но и на концептуальном. Литературное творчество Исидора в значительной степени сводилось к дидактике — каким должен быть «правильный» правитель, епископ, священник.

Трактат «О церковных службах» оказывается неформальным кодексом поведения именно для клириков. Вторая и заключительная книга произведения выстроена буквально как свод правил для каждой их категории, от монаха до епископа. Пусть эти правила зафиксированы не законодательно, а в виде настоячивых рекомендаций, их влияние в дебюрократизированном раннесредневековом обществе, базировавшемся на *auctoritas*, авторитете политиков, было едва ли не больше самих законов. А с учетом того, что в Испании церковная община (как справедливо замечает один из соавторов перевода на с. 26) фактически заменила собой античную гражданскую общину, *civitas*, исидоровский трактат выглядит уже не просто как церковный внутрикорпоративный устав, а как модель всей государственной иерархии. В этом смысле проделанный его переводчиками труд — не чистая схоластика, как может на первый взгляд показаться неискушенному читателю, а перспективное исследование, интересное и историкам государства и власти.

Значительную часть монографии составляют вступительное источниковедческое исследование, а также пространный историко-филологический комментарий. В совокупности эти два раздела занимают более двухсот страниц из 340 общего объема. Но все же центральное место в издании принадлежит самому переводу, и на нем в рецензии хотелось бы остановиться подробнее.

«Перевод своеобразного с литературной точки зрения трактата Исидора Севильского нацелен скорее на аудиторию начинающих и потенциальных исследователей, чем на ценителей позднеантичной словесности, — декларируют во введении авторы и тут же поясняют: — По этой причине мы стремились передать смысл иногда в ущерб литературности» (с. 9).

Здесь нужно сказать, что под «ущербом литературности», очевидно, понимается стремление передать текст максимально близко к оригиналу, и впрямь «своеобразному с литературной точки зрения». Вся тяжеловесная стилистика Исидора, перегруженная сложными синтаксическими конструкциями, бесконечными повторами на грани тавтологии (а часто и за ней) передана в буквальном, первозданном виде. Появление подобных оборотов в русском тексте (например, на с. 172: «Свидетельством и подтверждением того, что благословение подается священниками народу, является древнее благословение через Моисея, которым было велено благословлять...») не говорит о косноязычии переводчиков, а является сознательным приемом. Три раза повторенное «благословение» исходит из троекратного же исидоровского *benedicere / benedictio*, точно так же, как возникшая дважды в одной фразе «древность бдений»

(с. 177) из продублированной в первоисточнике *antiquitas vigiliarum*. Та же история с «таинством древа от раны, нанесенной деревом Адама» (с. 183), где «дерево» — оба раза *lignum* в латинском оригинале.

Справедливости ради, переводчики иногда настолько поддаются влиянию Исидоровой стилистики, что нечаянно допускают такие повторы не вынужденно (ср.: «таинство, сокрытое в таинственных словах пророков» на с. 186, «*sacramentum in enigmate prophetico*» в оригинале), но не систематически.

В итоге «ценителям позднеантичной словесности», которых во введении авторы отодвинули на галерку читательской аудитории, получившийся текст должен быть интересен никак не меньше, чем остальным, — если только понимать под первыми филологов-классиков, а не рядовых обывателей. Однако в подготовленном издании остро не хватает дублирующего русский перевод латинского текста. Многие места у Исидора не имеют однозначного толкования, и их появление в формате билингвы могло бы стать приглашением к хорошей научной дискуссии.

Пищу для таковой дает буквально первая фраза на с. 161, первой в переводе: «Ты (Фульгенций. — *И. Н.*) спрашиваешь у меня о происхождении служб <...> чтобы ты узнал <...> у каких авторов они найдены». В оригинале — «*Quaeris a me originem officiorum quorum magisterio in ecclesiis erudimur, ut quibus sint inventa auctoribus brevibus cognoscas indicia*». Очевидно, что переводчики понимают *quibus auctoribus* как *dativus possessivus* («у каких авторов найдены [нами]»), однако есть и более напрашивающийся с грамматической точки зрения вариант, с трактовкой функции дательного падежа как *auctoris* — «какими авторами были найдены (открыты, придуманы, изобретены)». Тогда уместнее выглядел бы и конъюнктив перфекта *sint inventa*, обозначающий по правилу *consecutio temporum* предшествование времени главной части «спрашиваешь» (*quaeris*): сначала (и давно) авторы нашли, а сейчас мы это выясняем. Тем более, раз корреспондент Исидора пытается выяснить *origines*, это предполагает менее статичную роль *auctores* — авторов, с которыми это «происхождение служб» и ассоциировано.

Или на с. 169, в главе 12 первой книги «О писателях Священных книг» читаем: «Теперь, после [объяснения] происхождения псалмов и гимнов, а также после исчисления священных книг, я изъясню тебе установленное последование». Что за установленное последование, неясно, дальше Исидор сразу и без лишних объяснений переходит к главе «О хвалах». В латинском же тексте сказано *postulata sequentia*, которые запросто можно трактовать как «следующие установления», словосочетание, образованное так же из причастия с субстантиватом, но расположенных в обратной последовательности — и тогда оно служит связкой для перехода к дальнейшим разделам.

Присутствие параллельного латинского текста было бы способно заодно решить и проблему передачи отдельных терминов, которые не всегда могут быть переведены единообразно, а также предметного указателя, в котором на первом месте логичнее смотрелись бы латинские слова, а не их русские эквиваленты. Нужно понимать (и переводчики это понимают), что одному и тому же русскому часто соответствуют разные латинские понятия, с разными оттенками: власть может быть как *auctoritas*, так и *potestas*; благочестие — и *pietas*, и *religio*, и т. д.

Билингва пригодилась бы и в комментарии к «Церковным службам», но теперь уже с другой стороны. В этом разделе можно встретить не один иностранный фрагмент из дополняющих Исидора источников на языке оригинала, без русского перевода, хотя и с кратким пересказом содержания. Так происходит, например, с сочинениями Иеронима, постановлениями Толедских соборов (с. 272–277). Не всегда переводы этих текстов на русский язык существуют или могут быть легко найдены читателем, особенно «начинающим исследователем», на которого в основном и ориентировано издание. При этом разобраться в них — порой непростая задача и для состоявшегося специалиста, и уж во всяком случае отдельная работа.

Двуязычный принцип подготовки изданий хорошо зарекомендовал себя и с более классическими произведениями античной литературы (к которой можно относить и Исидора): сочинениями Плиния Старшего, Помпония Мелы, латинскими панегириками [Плиний Старший 2021; Помпоний Мела 2017; Шабага 2016]. И чем более экзотичен и менее известен читательской аудитории автор, тем этот принцип лучше работает. Может быть, при дальнейшей публикации позднеантичных и раннесредневековых произведений, в том числе Исидора и его учеников (а этот процесс, без сомнений, продолжится), авторы захотят учесть этот опыт и применять его в своей работе, преодолев сопутствующие юридические и технические трудности.

Литература

- Ауров, Марей 2012 — Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст. Перевод. Исследование / [Общ. ред. О. В. Аурова, А. В. Марей]. М.: Рус. Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012.
- Ауров, Марей 2017 — Теология и политика. Власть, Церковь и текст в королевствах вестготов (V — начало VIII в.): Исследования и переводы / Ред.-сост. О. В. Ауров; Общ. ред. О. В. Ауров, Е. С. Марей. М.: Изд. дом «Дело», 2017.
- Биркин 2021 — Биркин М. Ю. Епископ в вестготской Испании. СПб.: Наука, 2021.
- Плиний Старший 2021 — Плиний Старший. Естественная история. Т. 1. Кн. 1–2 / Под общ. ред. А. В. Подосинова; Изд. подгот. Е. В. Илюшечкина, А. В. Белоусов. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2021.
- Помпоний Мела 2017 — Помпоний Мела. Хорография / Под общ. ред. А. В. Подосинова. М.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2017.
- Шабага 2016 — Латинские панегирики = XII Panegyrici Latini / Вступ. ст., пер. и коммент. И. Ю. Шабаги. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2016.

References

- Aurov, O. V., & Marei, A. V. (Eds.) (2012). *Vestgotskaia pravda (Kniga prigovorov). Latinskii tekst. Perevod. Issledovanie* [Visigothic Code. Book of Judgements. Latin Text. Translation. Study]. Russkii Fond Sodeistviia Obrazovaniu i Nauke. (In Russian).
- Aurov, O. V., & Marei, E. S. (Eds.) (2017). *Teologiia i politika. Vlast', Tserkov' i tekst v krolestvakh vestgotov (V — nachalo VIII v.): Issledovaniia i perevody*. [Theology and policy. Power, Church, and text in the Visigothic kingdoms (5th — early 8th century): Studies and translations]. Izdatel'skii dom "Delo". (In Russian).
- Birkin, M. Yu. (2021). *Episkop v vestgotskoi Ispanii* [The bishop in Visigothic Spain]. Nauka. (In Russian).

- Podossinov, A. V., Iliushechkina, E. V., & Belousov, A. V. (Eds.) (2021). *Plinii Starshii. Estestvennaia istoriia* [Pliny the Elder. *Natural History*] (Vol. 1, Books 1–2). Universitet Dmitriia Pozharskogo. (In Russian).
- Podossinov, A. V. (2017). *Pomponii Mela. Khorografiia* [Pomponius Mela. *Chorography*]. Russkii Fond sodeistviia obrazovaniu i nauke. (In Russian).
- Shabaga, I. Iu. (Intro., Trans., Notes) (2016). *Latinskie panegiriki = XII Panegyrici Latini* [Latin panegyrics]. Universitet Dmitriia Pozharskogo. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Иван Михайлович Никольский

кандидат исторических наук,
доцент, кафедра всеобщей истории,
Институт общественных наук,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, д. 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
✉ ivan.nikolsky@mail.ru

Information about the author

Ivan M. Nikolsky

Cand. Sci. (History)
Assistant Professor, Department of World
History, Institute of Social Sciences,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
✉ ivan.nikolsky@mail.ru

Н. К. Киселева

ORCID: 0000-0003-2002-5195

✉ kiselevanatalia3012@mail.ru

*Российский государственный
гуманитарный университет (Россия, Москва)*

Альфонсо X и его «История Испании»: ПЕРЕВОД И ИЗДАНИЕ ПАМЯТНИКА СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Рецензия на: *Альфонсо X мудрый и сотрудники. История Испании, которую составил благороднейший король дон Альфонсо, сын благородного короля дон Фернандо и королевы доньи Беатрис: [Комментированный перевод по транскрипции средневекового текста, осуществленного Рамоном Менендесом Пидальем («Первая всеобщая хроника Испании»)]*: В 3 т. / Рос. акад. нар. хозяйства и гос. службы при Президенте Рос. Федерации; Ин-т обществ. наук; Школа актуальных гуманитар. исследований; Рос. гос. гуманитар. ун-т; Под общ. ред. О. В. Аутова (сост., отв. ред.), И. В. Ершовой, Н. А. Пастушковой. — Т. 1: СПб.: Наука, 2019. — 763 с.; Т. 2: СПб.: Наука, 2021. — 710 с.; Т. 3: СПб.: Наука, 2022. — 727 с.

Для цитирования: *Киселева Н. К.* Альфонсо X и его «История Испании»: перевод и издание памятника средневековой историографии // Шаги/Steps. Т. 9. № 2. 2023. С. 269–275. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-2-269-275>.

Рецензия поступила в редакцию 1 декабря 2022 г.

Принято к печати 16 февраля 2023 г.

N. K. Kiselyova

ORCID: 0000-0003-2002-5195

✉ kiselevanatalia3012@mail.ru

Russian State University for the Humanities
(Russia, Moscow)

ALFONSO X AND HIS “HISTORY OF SPAIN”: TRANSLATION AND PUBLICATION OF A MONUMENT OF MEDIEVAL HISTORIOGRAPHY

A review of: Aurov, O. V., Ershova, I. V. & Pastushkova, N. A. (Eds.) (2019–2022). *Al'fonso X mudryi i sotrudniki. Istoriia Ispanii, kotoruiu sostavil blagorodneishii korol' don Al'fonso, syn blagorodnogo korolia dona Fernando i korolevy don'i Beatris: Kommentirovannyi perevod po transkripsii srednevekovogo teksta, osushchestvlenno Ramonom Menendesom Pidalem* (“Pervaia vseobshchaia khronika Ispanii”) [Alfonso X the Wise and collaborators. History of Spain, which was compiled by the most noble King Don Alfonso, the son of the noble King Don Fernando and Queen Dona Beatrice: Commented translation of transcription of the medieval text produced by Ramon Menendez Pidal (“The first universal chronicle”)] (3 Vols., Vol. 1: 2019, 763 p., Vol. 2: 2021, 710 p., Vol. 3: 2022, 727 p.). Nauka. (In Russian).

To cite this review: Kiselyova, N. K. (2023). Alfonso X and his “History of Spain”: Translation and publication of a monument of medieval historiography. *Shagi / Steps*, 9(2), 269–275. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-2-269-275>.

Received December 1, 2022

Accepted February 16, 2023

Эпоха правления короля Кастилии и Леона Альфонсо X Мудрого (1252–1284) в истории Испании второй половины XIII в. отличается выдающимися и чрезвычайно амбициозными реформаторскими проектами просвещенного монарха в области права, законодательства, историографии, культуры и даже литературы. Нельзя не упомянуть также и укрепление статуса кастильского языка, которое стало возможным благодаря деятельности Мудрого Короля и его сотрудников, о чем еще будет сказано ниже. Неслучайно этот период вполне справедливо иногда называют кастильским «ренессансом»¹ XIII в.» (т. 1, с. 19; «Вступительные замечания» О. В. Аутова). Объектом и предметом разговора в настоящей

¹ Под «ренессансом» в данном случае понимается локальный резкий подъем культуры и ее обновление.

работе является, пожалуй, один из самых интересных и чрезвычайно новаторских (не только для своей эпохи, но и для последующих периодов) проектов Мудрого Короля — его хроника «История Испании» (*Estoria de España*) и вышедший теперь уже в трех томах ее комментированный перевод на русский язык.

Первый том «Истории Испании» открывается научными статьями исследователей, посвященными как фигуре самого просвещенного монарха и его эпохе (О. В. Ауров, А. В. Марей, К. де Айала Мартинес, Х. М. Ньето Сория и др.), так и его главному историческому памятнику — «Истории Испании» (И. Фернандес Ордоньес, И. В. Ершова, Н. А. Пастушкова). Чрезвычайно важна для исследователей хроники статья И. Фернандес Ордоньес о рукописной традиции и истории составления хроники Альфонсо X и его последователями; в статье прослеживается весь путь бытования хроники во множестве списков. И. В. Ершова говорит об «Истории...» как о важнейшем литературном прозаическом памятнике. Во второй части первого тома начинается комментированный перевод хроники до 307-й главы, хронология которого охватывает период от начала истории Испании до правления первого христианского императора Константина I.

Второй том представляет продолжение перевода хроники с 308-й по 801-ю главу, где описывается период становления христианской Испании (с момента начала правления Константина I до конца истории Астури-Леонского королевства (1037 г.). В третьем томе публикуются главы 802–1135 об истории независимого королевства Кастилия. Особый интерес вызывают приложения, завершающие этот том и являющиеся новшеством реализованного проекта. Во-первых, здесь можно отметить перечни римских императоров а также генеалогические схемы правящих с древнейших времен до начала XIV в. на территории Испании династий; во-вторых, иллюстрации значимых рукописей памятника; и в-третьих, древние карты Испании.

Альфонсо X Мудрый, одна из наиболее выдающихся личностей своего времени, король-интеллектуал, благодаря которому можно говорить о новом этапе развития испанской словесности, литературы и языка, вошел в историю прежде всего как великий реформатор. Образ Альфонсо X Мудрого, сложившийся в кастильских хрониках XIII–XIV вв., становится предметом внимания А. В. Марей «Альфонсо X Мудрый в зеркале хронистики конца XIII–XIV вв.». Согласно исследователю, в нарративных источниках нечасто упоминались личные качества короля Альфонсо X, тем не менее к началу XIV в. сложился некий обобщенный образ короля, который к тому же носит противоречивый характер. Мудрый Король «предстает читателю человеком весьма начитанным, любящим и умеющим учиться и учить, опытным в военном деле» (т. 1, с. 279). Еще одной важной характеристикой монарха является его щедрость, о которой складывались легенды. А. В. Марей также отмечает что Альфонсо X знали как человека, у которого были проблемы с Церковью. А традиция, которая восходит к «Первой всеобщей хронике» («Истории Испании»), косвенно сообщает, что Мудрый Король отличался «жестокостью по отношению к своим близким и не уважал обычая старины» (т. 1, с. 279). В контексте данной статьи нас интересует прежде всего образ короля-реформатора. Под руководством и непосредственным участием Альфонсо X были проведены реформы законодательной власти и созданы знаменитые юридические труды: «Королевское фуэро» о нормах церковного, королевского, гражданского и уголовного

права; «Зерцало» (Espéculo) и, конечно, «Семь Партид» (Las siete partidas) — «выдающийся памятник не только кастильской, но и европейской правовой мысли в целом» (т. 1, с. 67, статья О. В. Аузова «Альфонсо X Мудрый, его эпоха и его “История Испании”»). Кроме того, как уже было отмечено выше, реформы проводились не только в области юриспруденции, но также в области культуры и литературы. При дворе короля вновь возродилась традиция перевода арабских памятников на народный язык, основанная на опыте Толедской школы переводчиков². На основе переводов с арабского были созданы труды по астрономии («Книга об астрономических знаниях»), и знаменитые «Альфонсовы таблицы», и «Полная книга суждений о звездах», а также сочинение самого Мудрого Короля о магических свойствах камней — «Лапидарий». Кроме ученых трактатов, переводились также «развлекательные» сочинения, например, «Книга о животных» («частичный перевод арабского трактата о соколиной охоте» — т. 1, с. 80), «Книга об играх» и др. Нельзя не отметить и поэтические труды Альфонсо X, написанные на галисийско-португальском языке. Наиболее известны «Песнопения о Пресвятой Деве Марии» (т. 1, с. 79–80). Безусловно, особую значимость как для испанской, так и для западноевропейской средневековой историографии в целом представляют уникальные хроникальные памятники, созданные при дворе Альфонсо X, — «Всеобщая история» и «История Испании», о которой и пойдет речь ниже.

Работа над «Историей Испании» началась около 1270 г. (т. 1, с. 177, статья И. Фернандес Ордоньес «“История Испании”: история текста и рукописная традиция») и не была завершена при жизни самого Альфонсо X. Заканчивали работу над хроникой уже последователи короля, в частности, его сын Санчо IV. Текст хроники представляет собой большое компилятивное сочинение, которое, как отмечает в своей статье об истории текста и рукописной традиции И. Фернандес Ордоньес, существовала в двух редакциях: «Изначальной версии» (ок. 1270–1274 гг.) и «Критической версии» (1282–1284 гг.). Согласно указанной датировке, становится понятно, что работа над памятником шла долго и с перерывами. Кроме того, исследовательница отмечает, что текст, который принадлежит Мудрому Королю, заканчивается на 616-й главе «Истории», а все остальное — уже результат деятельности его преемников. Уникальность и огромную значимость хроники трудно переоценить. Замысел был по-настоящему грандиозным. Впечатляют как широчайшие хронологические границы памятника (от истории древнейших народов, заселяющих Пиренейский полуостров, до эпохи правления Альфонсо X), так и огромная база источников: от древнейших латинских («Всемирная хроника» Луки Туйского, «Готская история» Родриго Хименеса де Рада), средневековых испанских и португальских латинских хроник до сочинений античных классических авторов («Героиды» Овидия и др.), арабской историографии и даже эпических сюжетов в прозаическом переложении («Поэма о Сиде», «Поэма о Фернанде Гонсалесе» и др.)³. Кроме того, нельзя не отметить, что несмотря на компилятивный характер, текст «Истории Испании» имеет четкую структуру, обладает целостностью, логичностью и последовательностью

² Первоначально деятельность Толедской школы переводчиков связана с именем Раймундо Толедского, под руководством которого в XII в. переводились арабские ученые книги.

³ Подробнее см.: статью О. В. Аузова «Альфонсо X Мудрый, его эпоха и его “История Испании”» в рецензируемом издании (т. 1, с. 85–86).

изложения, что также носило новаторский характер, особенно если учитывать вероятно большой круг авторов⁴, принимавших участие в амбициозном проекте Мудрого Короля. Отмечу также, что «XIII–XIV вв. — были эпохой формирования прозы на народных языках» (т. 1, с. 148, статья И. В. Ершовой ««История Испании» как литературный памятник»). В период правления Мудрого Короля латынь (официальный язык политики до XIII в.) вытесняется народным кастильским языком, который начинает оформляться как письменный. И «История Испании», также как и другая хроника Альфонсо X — «Великая и всеобщая хроника», — во многом способствуют оформлению прозаического кастильского языка [Киселева 2022: 171].

Выход трехтомного комментированного перевода на русский язык «Истории Испании» — событие в чем-то не менее грандиозное, чем создание и замысел переводимого источника. Перевод был осуществлен по изданию, которое подготовил известный испанский филолог Р. Менендес Пидаль. Издание Р. Менендеса Пидаль, известное как «Первая всеобщая хроника» (*Primera crónica general*), впервые вышло в свет в 1906 г., а затем дважды переиздавалось в 1955 и в 1977 гг. Учитывались и более современные версии: издания И. Фернандес Ордоньес (1993), Ф. Баутисты (2006), М. де ла Кампа (2009). О том, что выбор названия Р. Менендесом Пидалем не совсем удачен, говорит в своей статье И. Фернандес Ордоньес, поскольку таким образом была узаконена смешанная версия текста, лишь частично связанная с самим Альфонсо X. Речь идет о том, что Р. Менендес Пидаль соединил фрагменты разных кодексов и добавил отдельные тексты XIV в., чтобы получить полную версию⁵. Выбранное же для рецензируемого издания название «История Испании» представляется, на мой взгляд, очень удачным, во-первых, потому что отражает оригинальное название, которое дал памятнику Альфонсо X Мудрый, а во-вторых, потому что сразу дает понять читателю, о чем пойдет речь в книге (особенно если предположить, что ею заинтересуются не только специалисты, но и более «широкая» публика).

Перевод средневекового текста — это всегда непросто. В данном же случае исследователи работали с исторической хроникой, которая, как справедливо отмечает И. В. Ершова (т. 1, с. 148–166), является к тому же и значительным литературным памятником. Язык хроники архаичен, изобилует специальной терминологией, далеко не всегда понятной и известной; кроме того, «литературность» текста и включение эпического материала и новеллистических сюжетов в изложение исторических событий предполагает и сохранение фольклорного кода с его мотивами и формулами, которые хоть и не так часто, как в самих эпических сказаниях (*cantares de gesta*), но все же встречаются в отдельных фрагментах⁶. Таким образом, перед переводчиками стояла задача не только перевести текст, что уже является непростым делом, особенно учитывая колоссальные объемы, но также объяснить и прокомментировать специальную терминологию, имена исторических лиц, географические названия и др., т. е. все те аспекты, которые могут

⁴ Работа в королевских скрипториях велась целым коллективом переводчиков и редакторов. Подробнее о том, почему в заглавии хроники появляются «сотрудники», см.: [Киселева 2022: 172].

⁵ Подробнее см. «Вступительные замечания» О. В. Аузова (т. 1, 24–25).

⁶ Например, в сюжетах о великом испанском герое Родриго Диасе де Биваре, который известен также, как Сид Кампеадор; о последнем вестготском короле Родриго и др.

вызвать вопросы. Немаловажно, что текст, который переводился коллективом исследователей, гармоничен, выдержан в единой стилистической тональности, что, безусловно, является заслугой переводчиков и редакторов. Чрезвычайно удачной представляется выбранная стратегия перевода имен, в том числе арабских, топонимов и т. д., описанная во вступительной статье руководителя проекта О. В. Аунова (т. 1, с. 22). Ориентация на уже принятые в русском языке формы собственных имен существенно облегчает восприятие и не создает дополнительных сложностей с пониманием материала. Хотя могу допустить, что эти аспекты стали предметом дискуссии еще в процессе работы над переводом. Что касается норм кастильского языка и степени его архаичности, с которым столкнулись участники проекта, данный вопрос подробно осветила в статье «Кастильский язык в эпоху создания “Истории Испании”» Н. А. Пастушкова (т. 1, с. 167–176).

Очевидно, что перед нами высококвалифицированный перевод грандиозного историографического памятника второй половины XIII в. Однако помимо прекрасного перевода это еще и фундаментальный научный труд, успех которого стал возможен благодаря международной команде специалистов-медиевистов в области средневековой истории и филологии. Текст сопровождается подробным научным комментарием практически всех аспектов: от специальной правовой терминологии до встречающихся деталей быта и даже значения жестов. Уточняются все географические названия, в том числе их современные обозначения; даты, которые в тексте хроники не приводятся напрямую, обязательно присутствуют в сносках; краткая биографическая справка сопровождает всех исторических лиц, встречающихся на страницах «Истории...»⁷; описываются источники каждой главы трехтомного издания. Надо сказать, что повествование в хронике не всегда подробно и действительно вызывает много вопросов. Приведу один конкретный пример: «В седьмой год правления короля Эрвигия, который пришелся на 729 год эры, тот король умер своей смертью в городе Толедо. А еще в тот год император Юстиниан разорвал договор с маврами и причинил им много зла, хотя еще больше принял от них»⁸ (т. 2, с. 323). Возникает вопрос о том, что за событие «причинило много зла» императору. Ответ на этот и многие другие вопросы внимательный читатель как раз и найдет в примечаниях. В данном случае уточняется, что речь идет о «о поражении византийцев в битве у киликийского города Севастополиса в 692 г.» (там же). Большой интерес представляют литературные комментарии, уточняющие те традиции (литературные или фольклорные), к которым могли восходить отдельные сюжеты хроники или отдельные эпизоды какого-то сюжета. Наряду с фактическими примечаниями встречаются также комментарии дискуссионного характера, которые, вероятно, вполне можно было бы развернуть в отдельные самостоятельные исследования.

Рассуждая об издательских перспективах, О. В. Аунов пишет о том, что двухтомную структуру изданий Р. Менендеса Пидалья не удалось сохранить в силу технических причин (т. 1, с. 25). Однако учитывая как объем научных статей и перевода, так и комментарии, трехтомная структура вполне обоснована и логична. Кроме того, на мой взгляд, все три тома можно рассматривать как целостный проект.

⁷ Все эти сотни имен и географических названий представлены также в разделе «Указатели» заключительного, третьего тома издания.

⁸ Данный пример выбран с целью проиллюстрировать стратегию комментирования.

Хотелось бы еще раз отметить колоссальную значимость вступительных исследований, представленных в первом томе, без которых было бы сложно, особенно «широкому» читателю, в полной мере понять и оценить содержание хроникального текста. Даже испанское издание Р. Менендеса Пидалья не сопровождалось столь обширным введением, хотя здесь я ни в коем случае не умаляю достоинства и значимость труда великого ученого.

Успех проекта во многом связан с его междисциплинарным характером. Совместная работа историков и филологов с российской и с испанской стороны под руководством О. В. Аутова не просто привела к изданию высокопрофессионального научного труда, но и позволила взглянуть на текст хроники с разных сторон, поскольку памятник действительно можно в равной степени рассматривать и как историческое сочинение, и как литературный текст.

Представленный комментированный перевод «Истории Испании» Альфонсо Х Мудрого и его сотрудников — это первый в истории перевод старокастильской хроники на другой европейский язык; издание, действительно представляющее огромную ценность и значимость как для российской и западной испанистики, так и для исследований западноевропейской историографии в целом. Уверена, что «История Испании» на русском языке будет интересна как специалистам (не только в области испанистики), так и читателям, интересующимся средневековой историей. В качестве финального слова остается только добавить слова благодарности коллективу авторов за то, что мы имеем в настоящее время замечательный перевод прекрасного памятника испанской средневековой историографии.

Литература

Киселева 2022 — Киселева Н. К. «История Испании» Альфонсо Х Мудрого: авторитет памятника и значимость перевода // Вестник Ивановского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2022. № 1. С. 168–173.

References

Kiseleva, N. K. (2022). “Istoriia Ispanii” Al’fonso X Mudrogo: avtoritet pamiatnika i znachimost’ perevoda [“History of Spain” by Alfonso X the Wise: The authority of the monument and the significance of the translation]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta, Ser. Gumanitarnye nauki*, 2022(1), 168–173. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Наталья Кирилловна Киселева

аспирантка, кафедра сравнительной истории литератур, Российский государственный гуманитарный университет
Россия, ГСП-3, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6
Тел.: +7 (495) 250-61-15
✉ kiselevanatalia3012@mail.ru

Information about the author

Natalia K. Kiselyova

Postgraduate Student, Comparative Literature Department, Russian State University for the Humanities
Russia, GSP-3, 125993, Moscow, Miusskaya Sq., 6
Tel.: +7 (495) 250-61-15
✉ kiselevanatalia3012@mail.ru

Научный журнал
Academic journal

Шаги / Steps
Shagi / Steps

Т. 9. № 2. 2023

Основан в мае 2015 г.

ISSN 2412-9410

Учредитель издания: Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77–61736 от 07.05.2015,
выдано Роскомнадзором

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Подписано в печать 25.06.2023

Формат 70×100/16

Объем 20 а. л.

Тираж 500 экз. (1-й завод — 200 экз.)

Отпечатано в типографии РАНХиГС